

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»

ISSN 1684-8519

ИЗВЕСТИЯ

ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 324, № 6, 2014

Социально-гуманитарные
ТЕХНОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ

г. Томск

ИЗВЕСТИЯ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сонькин М.А., гл. редактор, д-р техн. наук (Россия)
Глазырин А.С., выпуск. редактор, канд. техн. наук (Россия)
Кириянова Л.Г., выпуск. редактор, канд. филос. наук (Россия)

Ресурсы Планеты

Савичев О.Г., редактор серии, д-р географ. наук (Россия)
Покровский О.С., канд. геол.-минерал. наук (Франция)
Старостенко В.И., д-р физ.-мат. наук (Украина)
Конторович А.Э., д-р геол.-минерал. наук (Россия)
Шварцев С.Л., д-р геол.-минерал. наук (Россия)

Математика, физика и механика

Никитенков Н.Н., редактор серии, д-р физ.-мат. наук (Россия)
Силкин В.М., канд. физ.-мат. наук (Испания)
Коротеев Ю.М., д-р физ.-мат. наук (Россия)
Уленков О.Н., д-р физ.-мат. наук (Россия)
Борисов А.М., д-р физ.-мат. наук (Россия)
Рожкова С.В., д-р физ.-мат. наук (Россия)

Химия и химические технологии

Коршунов А.В., редактор серии, д-р хим. наук (Россия)
Пестряков А.Н., д-р хим. наук (Россия)
Тойпель У., Dsc (Германия)
Джин-Чун Ким, Dsc (Южная Корея)
Ильин А.П., д-р физ.-мат. наук (Россия)

Техника и технологии в энергетике

Заворин А.С., редактор серии, д-р техн. наук (Россия)
Ханьялич К., Dsc (Нидерланды)
Кабов О.А., д-р физ.-мат. наук (Россия)
Маренго М., PhD (Италия)
Алексеев С.В., д-р физ.-мат. наук (Россия)
Воропай Н.И., д-р техн. наук (Россия)

Информационные технологии

Кочегуров А.И., редактор серии, канд. техн. наук (Россия)
Хамкер Ф.Х., Dsc (Германия)
Руи Д., PhD (Португалия)
Муравьев С.В., д-р техн. наук (Россия)
Спицын В.Г., д-р техн. наук (Россия)

Социально-гуманитарные технологии

Барышева Г.А., редактор серии, д-р экон. наук (Россия)
Завадскас Э.К., PhD, Dsc (Литва)
Касати Ф., PhD (Италия)
Грюнвальд А., PhD (Германия)
Бутовская М.Л., д-р ист. наук (Россия)
Головаха Е.И., д-р филос. наук (Украина)

Входит в Перечень ВАК РФ – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс по каталогу
агентства «Роспечать» – 18054

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Известия Томского политехнического университета» (Известия ТПУ) – рецензируемый мультидисциплинарный журнал, предназначенный для ученых, исследующих специфику развития техники и технологии в различных научных сферах.

Журнал издается с 1903 года. Учредителем является Томский политехнический университет. Полнотекстовый доступ к электронной версии журнала возможен на сайтах www.elibrary.ru, scholar.google.com

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ № 77-16615 от 24 октября 2003 г.

ISSN 1684-8519

Импакт-фактор РИНЦ 2012 – 0,174

Особое внимание в журнале уделяется ключевым проблемам развития современной техники и технологии, что выражается в тематических разделах журнала, охватывающих следующие аспекты науки и техники:

- Ресурсы Планеты
- Математика, физика и механика
- Химия и химические технологии
- Техника и технологии в энергетике
- Информационные технологии
- Социально-гуманитарные технологии

К публикации принимаются статьи, ранее нигде не опубликованные и не представленные к печати в других изданиях. Не принимаются литературные обзоры, комментарии, рецензии и т. д.

Статьи, отбираемые для публикации в журнале, проходят закрытое (слепое) рецензирование.

Автор статьи имеет право предложить двух рецензентов по научному направлению своего исследования.

Окончательное решение по публикации статьи принимает главный редактор журнала.

Все материалы размещаются в журнале «Известия ТПУ» на бесплатной основе.

Журнал издается ежемесячно.

К публикации в серию «Социально-гуманитарные технологии» принимаются статьи, ориентированные на научно-теоретические, научно-эмпирические, научно-методические и научно-образовательные знания комплекса социальных и гуманитарных наук, включающих философские, методологические, социально-исторические, коммуникативные, управленческо-гуманитарные, психологические, социологические, экономические, социально-инженерные технологии.

Приоритетными для серии журнала являются статьи по следующим основным направлениям исследований: самовыражение людей и самореализация их интеллектуальных качеств, способствующих решению важных проблем человеческой жизни и благополучия; философский, экономический, социально-философский, культурно-исторический, морально-психологический и демографический прогнозы возможных сценариев социально-экономического развития; модели состояния, потенциал общества, региона, организаций и объединений; технологии управления поведением человека; философия и социология науки и образования, технологические изменения и экономический рост; экономические системы и государственное управление; устойчивое и эффективное развитие общества и экономики; социально-экономическая политика и экономическая безопасность; экономика знаний и образования; улучшение эмоционального, социально-экономического благополучия.

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
National Research Tomsk Polytechnic University

ISSN 1684-8519

BULLETIN

OF TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY

Volume 324, № 6, 2014

Humanities and Social Sciences
Technologies

TPU PUBLISHING

Tomsk

BULLETIN OF TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY

EDITORIAL BOARD

Sonkin M.A., editor in chief, Dr. Sc. (Russia)
Glazyrin A.S., managing editor, Cand. Sc. (Russia)
Kiryanova L.G., managing editor, Cand. Sc. (Russia)

The Planet Resources

Savichev O.G., *section editor*, Dr. Sc. (Russia)
Pokrovsky O.S., Cand. Sc. (France)
Starostenko V.I., Dr. Sc. (Ukraine)
Kontorovich A.Eh., Dr. Sc. (Russia)
Shvartsev S.L., Dr. Sc. (Russia)

Mathematics, Physics and Mechanics

Nikitenkov N.N., *section editor*, Dr. Sc. (Russia)
Silkin V.M., Cand. Sc. (Spain)
Koroteev Yu.M., Dr. Sc. (Russia)
Ulenekov O.N., Dr. Sc. (Russia)
Borisov A.M., Dr. Sc. (Russia)
Rozhkova S.V., Dr. Sc. (Russia)

Chemistry and Chemical Technology

Korshunov A.V., *section editor*, Cand. Sc. (Russia)
Pestryakov A.N., Dr. Sc. (Russia)
Teipel U., Dsc (Germany)
Jin-Chun Kim, Dsc (South Korea)
Ilyin A.P., Dr. Sc. (Russia)

Power Engineering

Zavorin A.S., *section editor*, Dr. Sc. (Russia)
Hanjalic K., Dsc. (Netherlands)
Kabov O.A., Dr. Sc. (Russia)
Marengo M., PhD (Italy)
Aleksenko S.V., Dr. Sc. (Russia)
Voropai N.I., Dr. Sc. (Russia)

IT Technologies

Kochegurov A.I., *section editor*, Cand. Sc. (Russia)
Hamker F.H., Dsc (Germany)
Rui D., PhD (Portugal)
Muravyov S.V., Dr. Sc. (Russia)
Spitsyn V.G., Dr. Sc. (Russia)

Humanities and Social Sciences Technologies

Barysheva G.A., *section editor*, Dr. Sc. (Russia)
Zavadskas E.K., PhD, DSc (Lithuania)
Casati F., PhD (Italy)
Grunwald A., PhD (Germany)
Butovskaya M.L., Dr. Sc. (Russia)
Golovakha E.I., Dr. Sc. (Ukraine)

AIMS AND SCOPES

Bulletin of Tomsk Polytechnic University (TPU Bulletin) is peer-reviewed multidisciplinary journal owned by Tomsk Polytechnic University. The Journal focuses on the key problems of the development of modern technologies and engineering.

The journal was founded in 1903. The journal is on open access on www.elibrary.ru, scholar.google.com.

The journal is registered internationally (ISSN 1684-8519) and nationally (Certificate PE № 77-166615, October 24, 2003 from the RF Ministry of Press, Broadcasting and Mass Communications).

Topical sections of the Journal focuses on the following aspect of science and engineering:

- The Planet Resources
- Mathematics, Physics and Mechanics
- Chemistry and Chemical Technology
- Power Engineering
- IT Technologies
- Humanities and Social Sciences Technologies

TPU Bulletin publishes only original research articles. It does not accept literature reviews, case reports, commentaries etc. All articles are peer reviewed by international experts. Both general and technical aspects of the submitted paper are reviewed before publication. Authors are advised to suggest 2 potential reviewers who are familiar with the research focus of the article. Final decision on any paper is made by the Editor In Chief.

The Bulletin of Tomsk Polytechnic University is published monthly.

The publication of manuscripts is free of charge.

Humanities and Social Sciences Technologies. The Journal publishes the papers focused on scientific theoretical, empirical, methodological, educational knowledge of social and humanitarian science complex including philosophical, methodological, social and historical, communicative, management and humanitarian, psychological, sociological, economical, social and engineering technologies. The article of higher priority for the Journal are the researches in the following key areas: self expression of people and self fulfillment of their intellectual qualities which encourage solution of important problems in person life and happiness; philosophical, economical, social, cultural and historical, moral psychological and demographic forecast of possible scenarios of social and economic development; state models, opportunities of society, region, institutions; procedures of controlling human behavior; philosophy and sociology of science and education, technological changes and economical growth; economical systems and state management; sustainable and efficient development of society and economy; social and economic policy and economic safety; economics of science and education; increase of emotional and social and economic prosperity.

СОДЕРЖАНИЕ

Применение системной динамики в моделировании тенденций общественного поведения на примере создания модели реакции населения на предвыборные кампании представителей политической власти Яровый А.В., Мамонтов А.Ю.	6
Политическое сознание в России в 1950–е гг.: начало идейно–психологического кризиса (на материалах Западной Сибири) Петренко М.С.	14
Человек вопрошающий. О назначении философа Резник Ю.М.	26
Оценка несовершенства рынка на основе критериев доминирования антимонопольного законодательства РФ: эффективность действующих норм Петров С.П., Шмаков А.В.	34
Reaching the nonexistent community: foundations for a philosophy of societal future Fell E., Naletova A.	47
Использование информационно–аналитических технологий в брендинге территории инновационного развития Грошев И.В., Шапкина Ю.В.	57
Качество культурной среды: проблемы измерения Пронина Л.А.	65
О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г. Гончаров А.Е.	74
Процесс превращение образа птицы (гагары) в символ в искусстве народов севера России Лукина О.Г., Лазутина Т.В.	89
Становление советского государственного механизма Земцов Б.Н.	96
Контурсы публичной политики и технологии политической риторики в современной России Карпова А.Ю.	102
State aid within the framework of competition policy (the experience of the European union) Caraganciu A.	112
Потенциал учебной миграции в профессиональные образовательные организации в контексте новой миграционной политики Полетаев Д.В., Деметьева С.В., Зурабишвили Т.З.	118
Анализ и перспективы развития технопарка как объекта инновационной инфраструктуры Котельников Н.В., Нагаева А.В.	126
Структура профессионального знания в условиях межстадиального перехода Барышев А.А., Барышева Г.А.	133
Национальная специфика институциональных заимствований на примере урбанистической политики Китая М. де Йонг, Латышева Е.В., Гончарова Н.А.	140
Кредитоспособность как основа оценки качества кредитных отношений Новоселова Е.Г., Аристова Е.В.	150

CONTENTS

The use of system dynamics in modeling trends of social behavior by creating a model of public reaction to the election of political power representatives Yarovy A.V., Mamontov A.Yu.	6
Political consciousness in Russia in 1950s: beginning of ideological and psychological crisis (materials of Western Siberia) Petrenko M.S.	14
Man-inquirer. The appointment of the philosopher Reznik Yu.M.	26
The estimation of market imperfectness based on dominance criteria of Russian antitrust law: the efficiency of current regulations Petrov S.P., Shmakov A.V.	34
Коммуникация с несуществующим сообществом: основные принципы философии будущего социальной реальности Фелл Е., Налетова А.	47
Information and analytical technologies in branding innovation development territory Groshev I.V., Shapkina Yu.V.	57
Quality of cultural environment: problems of measurement Pronina L.A.	65
The 1876 Swedish expedition to the Yenisei Goncharov A.E.	74
Converting bird (loon) image to symbol in the art of the Russian North people Lukina O.G., Lazutina T.V.	89
Formation of the Soviet state mechanism Zemtsov B.N.	96
Contours of Public Policy and technologies of political rhetoric in modern Russia Karpova A.Yu.	102
Государственная помощь в контексте европейской конкурентной политики (опыт Европейского союза) Караганкии А.	112
The potential of educational migration to professional education organizations in the context of the new migration policy Poletaev D.V., Dementeva S.V., Zurabishvili T.Z.	118
Analysis and perspectives of development of technological cluster as an object of innovation infrastructure Kotelnikov N.V., Nagaeva A.V.	126
Structure of professional knowledge in interstadial transition Baryshev A.A., Barysheva G.A.	133
National features of institutional transfer process: urban development policy of China M. de Jong, E.V. Latysheva, Goncharova N.A.	140
Creditworthiness as a foundation of credit relations quality assessment Novoselova E.G., Aristova E.V.	150

Социально-гуманитарные технологии

УДК 519.876

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМНОЙ ДИНАМИКИ В МОДЕЛИРОВАНИИ ТЕНДЕНЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ РЕАКЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРЕДВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Яровый Артем Владимирович,

аспирант кафедры информационных систем и технологий Юго-Западного государственного университета, Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. E-mail: mr.art1789@yandex.ru

Мамонтов Андрей Юрьевич,

аспирант кафедры информационных систем и технологий Юго-Западного государственного университета, Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. E-mail: lost_89@bk.ru

Актуальность данного исследования в сфере динамики электоральных процессов обусловлена тем, что имеющиеся математические модели электорального поведения не учитывают в полной мере влияния на исход голосования избирателей средств массовой информации, а также результатов межличностной коммуникации. В то же время эмпирические данные подтверждают, что информационные кампании способны за короткий срок существенно изменить соотношение голосов избирателей, определяющих на выборах распределение сил во властных структурах страны или муниципальных образований. Поскольку результаты исхода выборов часто решают, на первый взгляд, незначительные проценты голосов, важно иметь количественный прогноз динамики электоральных процессов и их зависимость от определяющих эту динамику информационных факторов. Это также дает возможности оптимизировать информационную стратегию при проведении избирательной кампании.

Цель работы: описание способа прогнозирования общественного поведения путем разработки системно-динамической модели с применением программного пакета ITHINK, описывающей процесс реакции населения на предвыборные кампании представителей политической власти.

Методы исследования: математическое моделирование с использованием подходов и результатов теории сетевых игр, теория графов, обобщенные методы диффузии и замещения инноваций для распространения информационных потоков, влияние агентов сети в рамках марковской модели.

Результаты: Разработана системно-динамическая модель, позволяющая прогнозировать общественное поведение как ответ на предвыборные кампании с учетом воздействия факторов внешнего раздражения.

Ключевые слова:

Социальные сети, электоральные процессы, математическое моделирование, прогнозирование, программный пакет ITHINK.

В условиях, когда в современном мире определяющую роль в распространении информации приобретает Интернет, а межличностное общение все активнее переносится в социальные сети [1, 2], такие как Вконтакте, Одноклассники, Facebook и Twitter [3], Интернет-технологии становятся орудием эффективного влияния на политические процессы с целью воздействия на исходы выборов в органы государственной власти, а также для организации смены власти революционным путем. В связи с этим важно понимать, как убеждения и пове-

дение эволюционируют со временем, как это зависит от сетевой структуры, и являются ли полученные результаты эффективным [4].

Понимание механизмов организации революций через Интернет и социальные сети [5] путем достижения заданных значений мнений определенных агентов к конкретному моменту времени [6] дает информацию, необходимую для обеспечения безопасности политических процессов в государстве в условиях деструктивного влияния внешних сил.

События в мире, связанные с целым рядом «цветных» революций, произошедших по схожему между собой алгоритму, а также массовые беспорядки на национальной или религиозной почве в различных странах подтверждают злободневность угрозы безопасности социальной системы со стороны управляемой толпы посредством социальных сетей, становящейся орудием преступных элементов или инструментом политического давления. Актуальными в настоящее время являются исследования и моделирование социально-психологических процессов, определяющих формирование массового поведения людей [7, 8].

Действия агрессивной толпы создают угрозу общественной безопасности во многих странах мира. Примером таких действий стали погромы и массовые драки, учиненные футбольными фанатами и националистически настроенной молодежью на Манежной площади в Москве. Широко известны разрушительные последствия массовых беспорядков в пригородах Парижа, в негритянских кварталах различных городов США. В последнее время толпы, собранные на площадях, все чаще используются и в качестве политического инструмента при свержении правящих режимов в Тунисе, Египте и Ливии [9, 10], где динамика распространения «революционных идей» через социальные сети, корректно согласуется с моделью диффузии инноваций с учетом координации пользователей сетей через «сайт-координатор» [11, 12], который, используя свой авторитет, оказывает влияние на мнение агентов [13].

Одной из основных задач в прогнозировании общественного поведения является выявление математических закономерностей групповых психологических процессов, а также разработка метода математического моделирования таких процессов [14]. Для того чтобы математически описать процесс изменения общественного мнения, необходимо, прежде всего, идентифицировать факторы внешнего раздражения, в роли которых в данном исследовании выступают СМИ [15], и описать влияние внешних факторов на поведение социальных масс.

Предлагается описание процесса разработки системно-динамической модели с применением программного пакета ITHINK, отображающей реакцию населения на предвыборные кампании представителей политической власти. Целью данной модели является обеспечение возможности прогнозирования поведения общественных масс в ответ на различные комплексы действий, предпринятые в рамках избирательной кампании кандидатов, избираемых на конкретную должность.

Модель описывает конкуренцию 2-х игроков, целью которых является получение большинства голосов избирателей.

На первом этапе создания модели необходимо определить временной период, в течение которого будет проходить действие предвыборной кампании. В нашем случае такой временной период равен 30 календарным дням. В зависимости от специфики предвыборной кампании количество дней можно увеличивать либо уменьшать. Для максимально точного прогноза количества активных избирателей в модель вводится блок под названием «Количество голосующих», представленный на рис. 1.

Для правильной работы данного блока необходимо знать количество населения региона, в котором проводится голосование, количество избирателей, готовых голосовать на начало предвыборной кампании, а также на основании последней статистики региона построить тренд увеличения количества голосов избирателей, готовых отдать свой голос на время окончания предвыборной кампании. Цель данного блока – спрогнозировать общее количество голосов избирателей на период дня голосования, после чего акцентировать усилия предвыборной кампании на активном большинстве.

Вторым этапом разработки модели будет идентификация внешних факторов, оказывающих влияние на мнение избирателей. В нашем случае выделено 4 основных фактора:

- социальные сети;
- пресса;
- митинги;
- уличная реклама (баннеры, плакаты и др.).

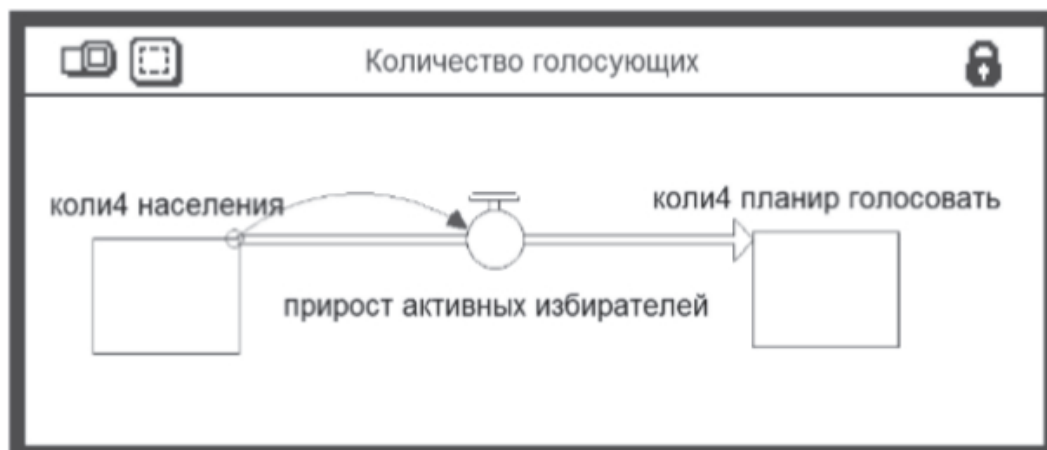

Рис. 1. Блок-схема «Количество голосующих»

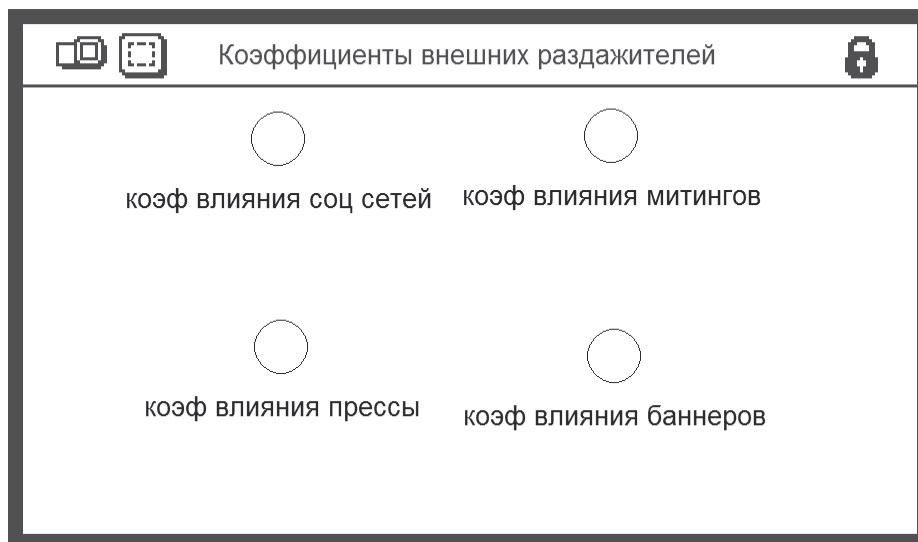

Рис. 2. Блок-схема «Коэффициенты внешних раздражителей»

В реальности таких факторов намного больше. Многие из них характерны далеко не для всех регионов, поэтому, применяя разработанную модель, целесообразно идентифицировать внешние раздражители, имеющие место быть именно в том регионе, где происходят выборы. После идентификации таких факторов необходимо определить коэффициент влияния каждого из них на мнение избирателей. Данный коэффициент отражает процент избирателей, еще не отдавших предварительно свой голос за одного из кандидатов либо находящихся на противоположной стороне, но готовых перейти на другую сторону под действием внешнего раздражителя. Коэффициенты влияния таких факторов определяются индивидуально для каждого региона экспертным методом либо с использованием статистики уже проведен-

ных избирательных кампаний в выбранном регионе. Блок-схема, используемая в модели и отражающая степень влияния внешних факторов, приведена на рис. 2.

Третьим этапом разработки модели будет являться прогнозирование распределения бюджетов предвыборных кампаний кандидатов. Каждый из кандидатов стремится распределить свой бюджет с максимальной эффективностью, обеспечив максимальное влияние со своей стороны на обозначенные внешние раздражители. Поэтому встает задача в условиях ограниченного предвыборного фонда распределить финансовые и организационные ресурсы таким образом, чтобы обеспечить получение наибольшего количества голосов избирателей. Блок модели «Распределение средств предвыборных фондов» изображен на рис. 3.

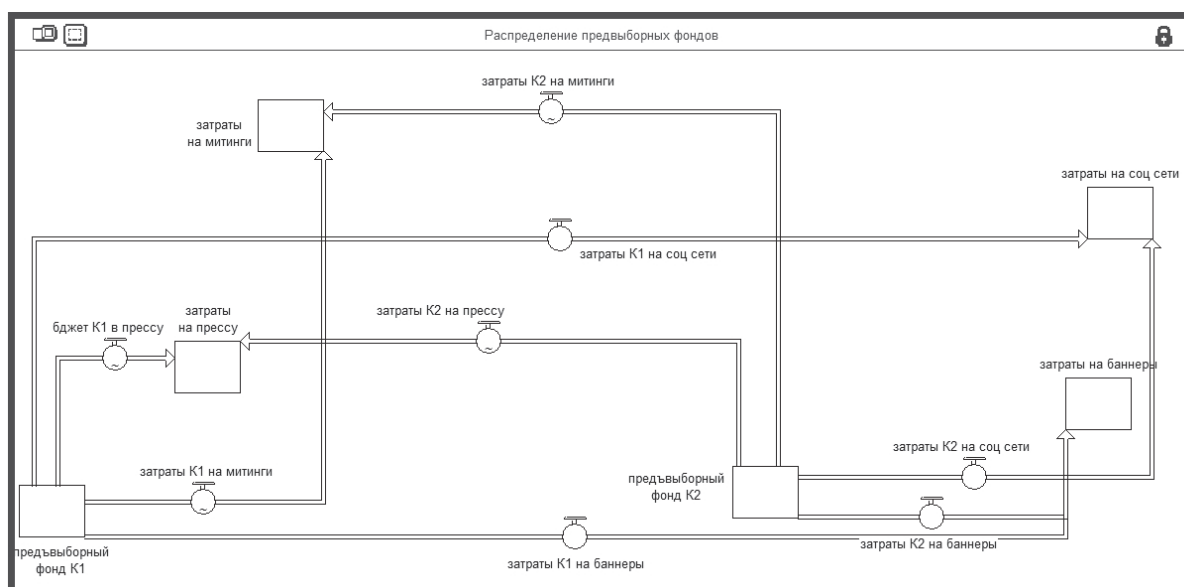

Рис. 3. Блок-схема «Распределение средств предвыборных фондов»

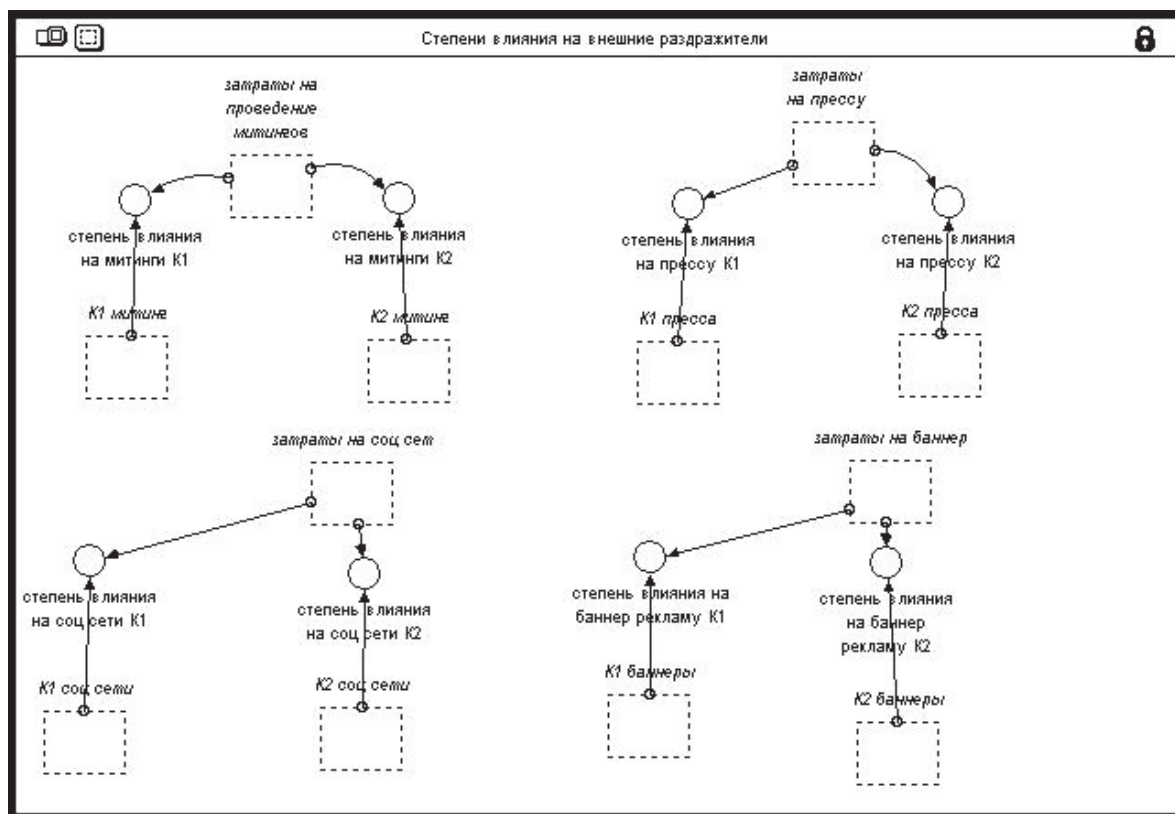

Рис. 4. Блок-схема «Степень влияния на внешние раздражители»

Данный блок отображает распределение предвыборных фондов двух кандидатов. В блоке используются следующие условные обозначения: K1 – кандидат № 1 (представитель политической власти № 1), K2 – кандидат № 2 (представитель политической власти № 2).

Четвертым этапом разработки модели является определение коэффициента степени влияния кандидатов на каждый внешний раздражитель. В свою очередь, каждый из внешних раздражителей напрямую влияет в той или иной степени на мнение избирателей. Таким образом, чем выше степень влияния кандидата на внешний раздражитель, тем больше его степень влияния на мнение избирателей. Комплексная задача кандидатов состоит в том, чтобы завоевать наибольшее влияние на тот внешний раздражитель, который, в свою очередь, наиболее эффективно влияет на мнение избирателей. Общий вид данного блока представлен на рис. 4.

Имея 4 блока модели (количество голосующих, коэффициенты внешних раздражителей, распределение средств предвыборных фондов, степень влияния на внешние раздражители), необходимо перейти к пятому основному блоку модели – блоку борьбы между кандидатами. С течением предвыборной гонки мнение избирателей под действием внешних факторов может меняться на противоположное. Цель каждого кандидата – убедить избирателей отдать голос в свою пользу, а также сохранить этот голос до оконча-

ния голосования. Но, кроме того, одной из главных целей является также привлечение на свою сторону тех избирателей, которые предварительно готовы проголосовать за другого кандидата. Разработка данного блока является пятым этапом создания модели, описывающей процесс реакции населения на предвыборные кампании представителей политической власти. Общий вид данного блока приведен на рис. 5.

Целевыми функциями данного блока и всей модели являются фонды «Количество голосов за кандидата 1» и «Количество голосов за кандидата 2». Рассмотрим сценарий применения данной модели на практике.

Входными данными модели являются параметры, перечисленные ниже:

- число избирателей – 7 млн чел.;
- количество избирателей, которые изначально готовы проголосовать – 10 % от общего числа избирателей;
- ежедневный прирост активных избирателей – 2 % от общего числа избирателей на протяжении 30 дней;
- коэффициент влияния социальных сетей на мнение избирателей – 0,35;
- коэффициент влияния митингов и других акций на мнение избирателей – 0,25;
- коэффициент влияния прессы на мнение избирателей – 0,25;
- коэффициент влияния баннеров и наружной рекламы на мнение избирателей – 0,15;

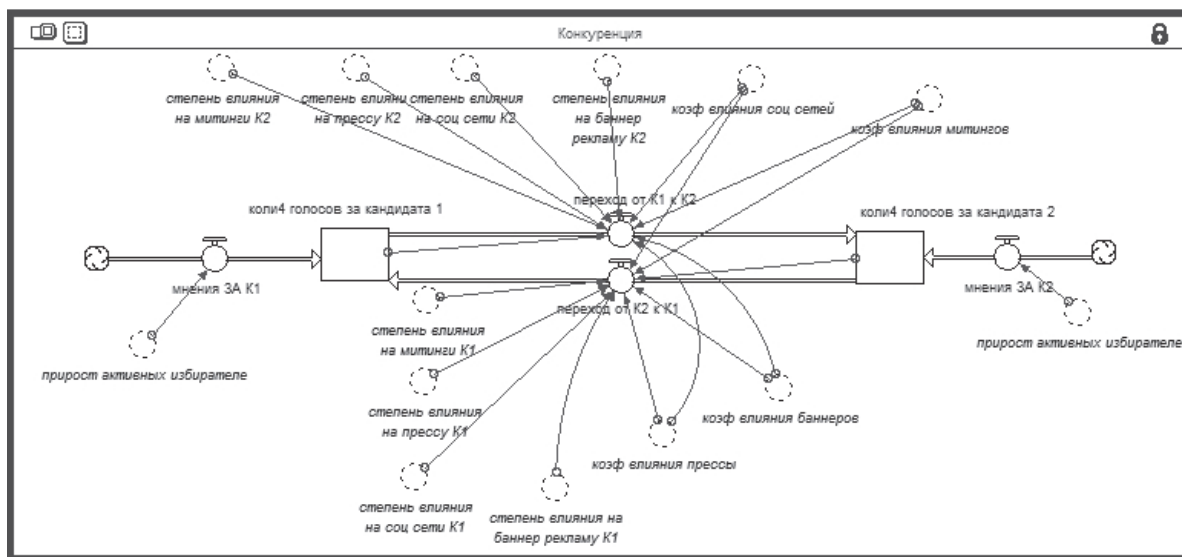

Рис. 5. Блок-схема «Конкуренция»

- предвыборный фонд кандидата № 1 составляет 114400000 р. [16];
 - предвыборный фонд кандидата № 2 составляет 67000000 р. [17];
 - затраты на прессу кандидата № 1 составляют 35 % от бюджета предвыборного фонда;
 - затраты на прессу кандидата № 2 составляют 30 % от бюджета предвыборного фонда;
 - затраты на митинги кандидата № 1 составляют 23 % от бюджета предвыборного фонда;
 - затраты на митинги кандидата № 2 составляют 40 % от бюджета предвыборного фонда;
 - затраты на рекламу в социальных сетях кандидата № 1 составляют 33 % от бюджета предвыборного фонда;
 - затраты на рекламу в социальных сетях кандидата № 2 составляют 15 % от бюджета предвыборного фонда;
 - затраты на наружную рекламу кандидата № 1 составляют 7 % от бюджета предвыборного фонда;
 - затраты на наружную рекламу кандидата № 2 составляют 10 % от бюджета предвыборного фонда [18].
- Имея вышеприведенные данные и обрабатывая предложенный сценарий разработанной моделью, была получена следующая выходная информация:
- количество проголосовавших составляет 3,8 млн чел., что составляет 54,2 % от общего числа избирателей;

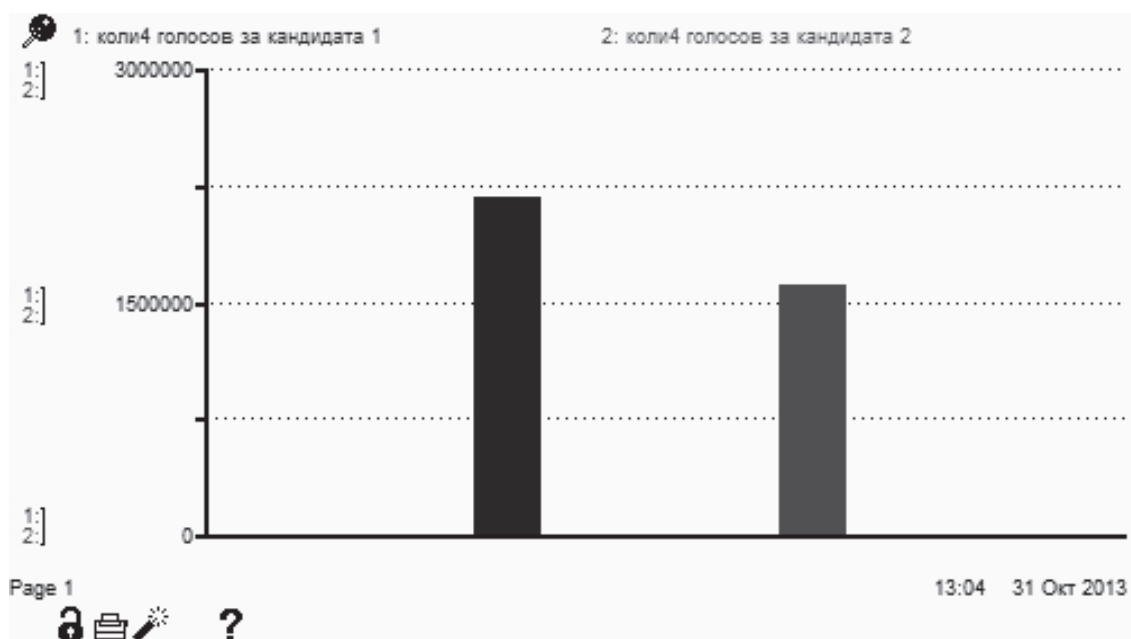

Рис. 6. Диаграмма результатов голосования по сценарию № 1

- количество голосов за кандидата № 1 составляет 2,2 млн чел.;
- количество голосов за кандидата № 2 составляет 1,6 млн чел.

Диаграмма итогов голосования по сценарию № 1 приведена на рис. 6.

Рассмотрим сценарий № 2, в котором изменены входные данные. А именно, произошло изменение коэффициентов влияния рекламы в социальных сетях, который стал равен 0,1 (прежний был равен 0,35), а также произошло изменение коэффициента влияния митингов и других акций на мнение избирателей, который стал равен 0,5 (прежний был равен 0,25).

Имея новые данные и обрабатывая предложенный новый сценарий разработанной моделью, была получена следующая выходная информация:

- количество проголосовавших составляет 3,8 млн чел., что составляет 54,2 % от общего числа избирателей (данные не изменились);
- количество голосов за кандидата № 1 составляет 1,57 млн чел.;
- количество голосов за кандидата № 2 составляет 2,23 млн чел.

По итогам голосования видно, что, несмотря на то, что кандидат № 1 имеет предвыборный фонд больший, чем кандидат № 2, эффективность реализации этих средств становится меньше, чем у кандидата № 2. Следовательно, необходимо вносить определенные корректировки в планы распределения предвыборного фонда.

Диаграмма итогов голосования по сценарию № 2 приведена на рис. 7.

Таким образом, процесс создания системно-динамической модели, описывающей процесс реакции населения на предвыборные кампании представителей политической власти, состоит из 5 основных этапов, которые перечислены ниже.

1. Разработка блока под названием «Количество голосующих».
2. Идентификация внешних факторов, влияющих на мнение избирателей.
3. Прогнозирование распределения бюджетов предвыборных кампаний кандидатов.
4. Определение коэффициента степени влияния кандидатов на каждый внешний раздражитель.
5. Разработка блока, описывающего сценарий борьбы между кандидатами.

Помимо описания процесса разработки данной модели были приведены 2 различных сценария процесса предвыборной борьбы 2-х кандидатов. На основании полученных выходных данных владелец модели может делать выводы о необходимости корректировки бюджета и стратегии того или иного игрока.

Следующим основным этапом совершенствования данной модели будет прогнозирование поведения игроков, минимальное число которых равно трем. При этом планируется использовать положения и теории математической статистики, теории игр, а также теории нечетких множеств.

В перспективе принцип данной модели может быть также применим в управленческой деятельности отечественных и зарубежных предприятий, находящихся в агрессивной конкурентной среде. Суть применения системно-динамического моделирования в прогнозировании поведения общественных масс в рамках управленческой деятельности состоит в умении прогнозировать спрос выпускаемых товаров и услуг предприятием, а также в оценке последующего поведения потребителя по отношению к новому товару. Следствием правильного прогноза будет наиболее эффективная организация и реализация маркетинговых мероприятий, а также мероприятий в рамках системы менеджмента качества,

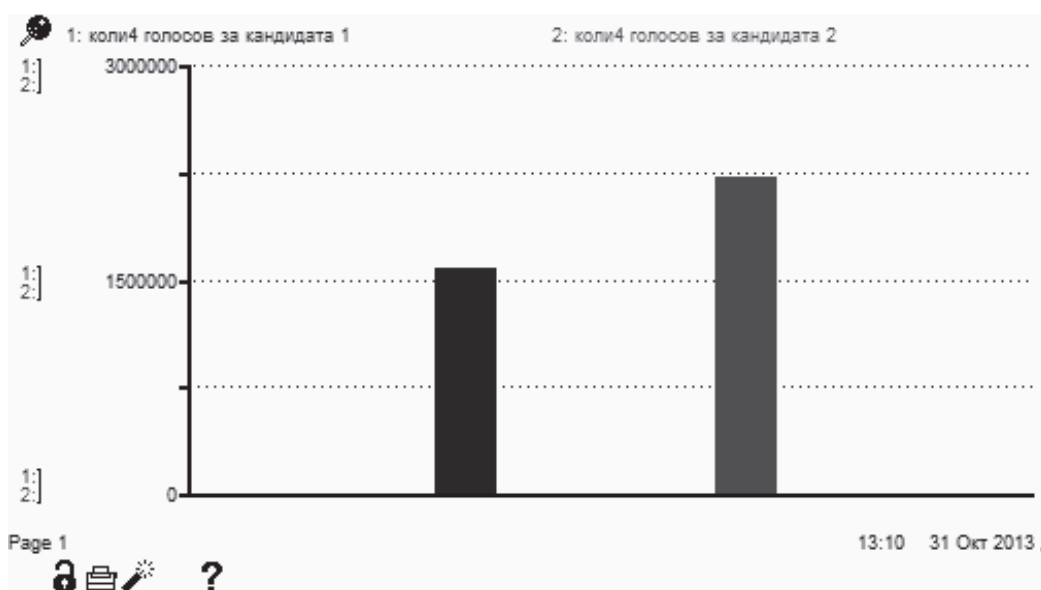

Рис. 7. Диаграмма результатов голосования по сценарию № 2

позволяющих достичь заданной цели на рынке среди конкурентов. Применение данной модели позволит спрогнозировать действие конкурентов, и в соответствии с полученными данными скорректировать собственные действия. Одним из перспективных направлений применения данной модели является введение блока управления качеством выпу-

скаемого товара, а также блока получения обратной связи от потребителя относительно качества имеющегося и качества желаемого. Это, в свою очередь, позволит разрабатывать мероприятия повышения эффективности работы предприятия и проверять реализуемость и эффективность данных мероприятий с помощью разработанной модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трофимова И.Н. Моделирование социального поведения // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». URL: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/modelirovanie-socialnogo-povedeniya/> (дата обращения: 02.11.2013).
2. Сазанов В.М. Новый Интернет – реальности и футурологические прогнозы // Экономические стратегии. – 2011. – № 6. URL: <http://v-school.narod.ru/PAPERS/new-internet.pdf> (дата обращения: 02.11.2013).
3. Рейтинг социальных сетей в России. URL: <http://www.4p.ru/main/research/146021/> (дата обращения: 02.11.2013).
4. Influential listeners. An experiment on persuasion bias in social networks / L. Corazzini, F. Pavesi, B. Petrovich, L. Stanca // European Economic Review. – 2012. – 56. – P. 1276–1288.
5. Белоусов В.И., Шаталов Е.П. Социальные Интернет-сети как политическое оружие и инструмент конкурентной борьбы // Интернет-издание «Капитал страны». 2011. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/183584/> (дата обращения: 02.11.2013).
6. Зуев А.С. Модели управления мнениями агентов в социальных сетях // Проблемы управления. – 2011. – № 1. – С. 37–45.
7. Новиков Д.А., Кузнецов О.П., Губко М.В. Сетевые модели в управлении // Сборник статей. – М.: Эгвес, 2011. – 443 с.
8. Information Heterogeneity and the Speed of Learning in Social Networks / A. Jadbabaie, P. Molavi, A. Sandroni, A. Tahbaz-Salehi // Columbia Business School Research Paper. – 2013. – P. 13–28. URL: <http://www.columbia.edu/~at2761/LearningRate.pdf> (дата обращения: 02.11.2013).
9. Eltantawy N., Wiest J.B. Social Media in the Egyptian Revolution: Reconsidering Resource Mobilization Theory // International Journal of Communication. – 2011. – V. 5. – P. 1207–1224.
10. Hatem A.A. The power of social media in developing nations: New tools for closing the global digital divide and beyond // Harvard Human Rights Journal. – 2011. – № 24. – P. 185–219.
11. Как управлять массовым сознанием: современные модели / В.А. Минаев, А.С. Овчинский, С.В. Скрыль, С.Н. Тростянский. – М.: Изд-во Российского нового университета, 2012. – 213 с.
12. Федянин Д.Н., Чхартишвили А.Г. Модель информационного управления в активных сетевых структурах при неполной информированности центра // Проблемы управления. – 2012. – № 6. – С. 13–18.
13. Федянин Д.Н. Применение марковской модели для анализа влиятельности участников интернет-сообществ. URL: <http://aistconf.org/stuff/aist2012/slides/fedyanin.pdf> (дата обращения: 02.11.2013).
14. Сазанов В.М. Социальные сети – публичная сфера. – М.: Лаборатория СВМ, 2012. – 225 с.
15. Альперина С. Как социальные сети могут проникнуть на телеэкраны // Российская газета. – 2013. – № 5988 (12). URL: <http://www.rg.ru/2013/01/23/socialnoe-tv.html> (дата обращения: 02.11.2013).
16. Мосгоризбирком сообщил, сколько денег потратил Собянин на свою избирательную кампанию. URL: <http://www.baltinfo.ru/2013/10/05/Mosgorizbirkom-soobschil-skolko-deneg-potratil-Sobyanin-na-svoyu-izbiratelnuyu-kampaniyu-383621> (дата обращения: 02.11.2013)
17. Булин Д.И. Выборы мэра: деньги и административный ресурс. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/business/2013/08/130831_moscow_elections_expenditures.shtml (дата обращения: 02.11.2013).
18. Блог А. Навального. URL: <http://navalny.livejournal.com/840768.html> (дата обращения: 02.11.2013).

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 519.876

THE USE OF SYSTEM DYNAMICS IN MODELING TRENDS OF SOCIAL BEHAVIOR BY CREATING A MODEL OF PUBLIC REACTION TO THE ELECTION OF POLITICAL POWER REPRESENTATIVES

Artem V. Yarovy,

South-West State University, 94, 50 let Oktyabrya street,
Kursk, 305040, Russia. E-mail: mr.art1789@yandex.ru

Andrey Yu. Mamontov,

South-West State University, 50 let Oktyabrya street,
Kursk, 305040. E-mail: lost_89@bk.ru

The relevance of the research in the sphere of electoral processes dynamics is caused by the fact that all existent mathematical models of electoral behavior do not take into account completely the effect of informational impact of mass media and interpersonal communication results on the vote outcome. However empirical evidence indicates that informational campaigns can essentially change the vote ratio in government agencies and municipal corporations. Considering the fact that the election results often depend on percentage of the total votes, it's important to have the quantitative forecast of electoral processes dynamics depending on informational events. It also gives strategy optimization opportunities during the election campaign.

The objectives: the description of the method predicting social behavior by developing a system dynamics model using the software package ITHINK. The model describes the process of public reaction to the election campaigns of political authorities.

The research methods: mathematical modeling using the approaches and results of network game theory, graph theory, the generalized methods of diffusion and the replacement of innovation for dissemination of information flows, the impact of network agents in the Markov model.

The results: The authors have developed the system-dynamic model which allows predicting social behavior on the election campaigns taking into account the impact of external factors and irritation.

Key words:

Social networks, electoral processes, mathematical modeling, forecasting, software package ITHINK.

REFERENCES

1. Trofimova I.N. Modelirovanie sotsialnogo povedeniya [Simulation of social behavior]. *Sayt S.P. Kurdyumova. Sinergetika* [Website of S.P. Kurdyumov. Synergetics]. 2013. Available at: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/modelirovanie-socialnogo-povedeniya/> (accessed 02 November 2013).
2. Sazanov V.M. Novy internet-realnosti i futurologicheskie prognozy [New Internet - the reality and futuristic projections]. *Ekonomicheskie strategii – Time Management*, 2011, no. 6. Available at: <http://v-school.narod.ru/PAPERS/new-internet.pdf> (accessed 02 November 2013).
3. *Reyting sotsialnykh setey v Rossii* [Rating of social networks in Russia]. Available at: <http://www.4p.ru/main/research/146021/> (accessed 02 November 2013).
4. Corazzini L., Pavesi F., Petrovich B., Stanca L. Influential listeners. An experiment on persuasion bias in social networks. *European Economic Review*, 2012, no. 56, pp. 1276–1288.
5. Belousov V.I., Shatalov E.P. *Sotsialnye internet-seti kak politicheskoe oruzhie i instrument konkurentnoy borby* [Social networks as a political weapon and a tool of competition]. Available at: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/183584/> (accessed 02 November 2013).
6. Zuev A.S. Modeli upravleniya mneniyami agentov v sotsialnykh setyakh [Management of model views of agents in social networks]. *Problemy upravleniya – Problems of Management*, 2011, no. 1, pp. 37–45.
7. Novikov D.A., Kuznetsov O.P., Gubko M.V. *Setevyye modeli v upravlenii* [Network models in management]. Moscow, Egves, 2011. 443 p.
8. Jadbabaie A., Molavi P., Sandroni A., Tahbaz-Salehi A. Information Heterogeneity and the Speed of Learning in Social Networks. *Columbia Business School Research Paper*, 2013, pp. 13–28. Available at: <http://www.columbia.edu/~at2761/LearningRate.pdf>. (accessed 02 November 2013).
9. Eltantawy N., Wiest J.B. Social Media in the Egyptian Revolution: Reconsidering Resource Mobilization Theory. *International Journal of Communication*, 2011, vol. 5, pp. 1207–1224.
10. Hatem A.A. The power of social media in developing nations: New tools for closing the global digital divide and beyond. *Harvard Human Rights Journal*, 2011, no. 24, pp. 185–219.
11. Minaev V.A., Ovchinsky A.S., Skryl S.V., Trostyansky S.N. *Kak upravlyat massovym soznaniem: sovremennyye modeli* [How to manage the mass consciousness: the current models]. Moscow, Izd-vo Rossiyskogo novogo universiteta 2012. 213 p.
12. Fedyanin D.N., Chkhartishvili A.G. Model informatsionnogo upravleniya v aktivnykh setevykh strukturakh pri nepolnoy informirovannosti tsentra [Model of information management in active network structures with incomplete knowledge of center]. *Problemy upravleniya – Problems of Management*, 2012, no. 6, pp.13–18.
13. Fedyanin D.N. *Primenenie markovskoy modeli dlya analiza vliyatelnosti uchastnikov internet-soobshchestv* [Application of Markov model to analyze the influence of participants of online communities]. Available at: <http://aistconf.org/stuff/aist2012/slides/fedyanin.pdf> (accessed 02 November 2013).
14. Sazanov V.M. *Sotsialnyie seti – publichnaya sfera* [Social networks is public spheres]. Moscow, Laboratory of SVM, 2012. 225 p.
15. Alperina C. Kak sotsialnye seti mogut proniknut na telemekrany [How social networks can penetrate to the screens]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2013, no. 5988 (12). Available at: <http://www.rg.ru/2013/01/23/socialnoe-tv.html> (accessed 02 November 2013).
16. *Mosgorizbirkom soobshchil, skolko deneg potratil Sobyenin na svoyu izbiratelnuyu kampaniyu* [Mosgorizbirkom reported how much money Sobyenin spent on the election campaign]. Available at: <http://www.baltinfo.ru/2013/10/05/Mosgorizbirkom-soobshchil-skolko-deneg-potratil-Sobyenin-na-svoyu-izbiratelnuyu-kampaniyu-383621> <http://www.rg.ru/2013/01/23/socialnoe-tv.html> (accessed 02 November 2013).
17. *Vybory mera: dengi i administrativnyy resurs* [Mayoral elections: money and administrative resources]. Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/business/2013/08/130831_moscow_elections_expenditures.shtml (accessed 02 November 2013).
18. *Blog A. Navalnogo* [A. Navalny's blog]. Available at: <http://navalny.livejournal.com/840768.html> (accessed 02 November 2013).

УДК 94(571.1)»195»: [32.019.5+159.9:32]

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В РОССИИ В 1950-е гг.: НАЧАЛО ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Петренко Максим Степанович,

канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры общественных наук
Новосибирского юридического института (филиал)

Томского государственного университета, Россия, 630007,

г. Новосибирск, ул. Советская, д. 7. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Актуальность работы: Истоки современного кризисного состояния российского общества следует искать в переломных событиях 1950-х гг., когда сложились условия для крушения коммунистической веры и утраты прежних системообразующих ориентиров сознания.

Цель работы: Изучение идейно-психологического состояния российского общества в период политической трансформации.

Методы исследования: Междисциплинарный синтез на основе изучения достижений современной истории, социологии и социальной психологии; метод психологического анализа отдельных высказываний, содержащихся в исторических источниках; эмпирические методы анкетирования, интервью участников и свидетелей описываемых событий в рамках проведенных полевых исследований.

Результаты: Разработана концепция идейно-психологического кризиса массового сознания под влиянием смерти И.В. Сталина и осуждения его культа личности на XX съезде КПСС.

Выводы: В сталинские годы между обществом и властью сложилась устойчивая связь, основанная на вере в партию и харизматического вождя. Под влиянием политических событий 1950-х гг. значительная часть людей пережила состояние психологического шока, что привело к формированию нового критического взгляда на советскую действительность, утрате веры в высшую справедливость, расколу общества и переориентации его на потребительские ценности.

Ключевые слова:

Коммунистическая идеология, советский человек, массовое сознание, общественные настроения, XX съезд КПСС, И.В. Сталин.

Трудно найти в советской истории период, когда политические изменения оставили такой значительный след в сознании людей, как события 1953–1956 гг. Смерть И.В. Сталина, критика его на XX съезде КПСС привели к трансформации человеческого самосознания, положив начало идейно-психологическому кризису в СССР, и в конечном счете к разлому общества.

Проблема кризиса и раскола не нова для исторической науки, хотя интерес к ней скорее можно обнаружить среди социологов, занимающихся изучением прошлого, чем в кругу историков. О расколе между обществом и властью и расколе внутри самого общества писали многие видные ученые. А.С. Ахиезер видел в нем своеобразный крест России, который она вынуждена нести всю свою нелегкую историю [1].

Тоталитарная теория, ставшая в какой-то момент чрезвычайно популярной в исторической науке, существенно упростила проблему раскола общества и власти в СССР. Ее исходный тезис об атомизации общества и уничтожении любых элементов гражданского общества, призванного выступать в качестве посредника между легальной властью и гражданами, а priori предполагал отчуждение личности и взаимную изоляцию общества и власти. Стремление тоталитарного государства поглотить частную жизнь неизбежно должно было рождать в советском человеке чувство одиночества, ущербности и, как следствие, мощные протестные настроения, которые беспощадно подавлялись властью. Однако подобные, популярные в конце 1980-х – начале 1990-х гг. измышления

столкнулись с серьезными трудностями доказательной базы. Японско-американский ученый Хи роаки Куромиа жалуется: «Оказалось чрезвычайно трудным найти веские доказательства активного сопротивления и оппозиции при Сталине. Как это ни парадоксально, открытие прежде закрытых советских архивов сделало задачу более трудной. Большинство подавляемых при Сталине были недавно реабилитированы в основной своей массе как невинные жертвы государственного террора в прежнем Советском Союзе. Возникает риск воображения оппозиционеров, которых не существовало» [2. Р. 632].

Советологические упрощенные схемы периода «холодной войны», сводившие все многообразие жизни советских людей в сталинские годы к страху, уже давно были подвергнуты критике «ревизионистами». Представления о том, что коммунистическая идеология насильно вдалбливалась в сознание людей, а атомизированное общество ее пассивно потребляло, были развенчаны, о чем постоянно пишет признанный специалист в области изучения повседневной жизни советских граждан Шейла Фицпатрик [3].

Приписываемые советскому человеку характеристики: двоемыслие, всеобщее и доминирующее лицемерие, приспособленчество, постоянное чувство одиночества [4. С. 26, 31], относятся скорее к постсталинской эпохе, но формироваться эти качества начали в 1950-е гг., вскоре после смерти Сталина и критики его на XX съезде КПСС. Чувство одиночества, негативный компромисс с властью, предполагающий взаимное игнорирование друг

друга, атомизация общества обнаруживаются позднее, после Сталина. Десталинизация привела не только к крушению прежних мировоззренческих ориентиров в сознании советского человека. Сама власть отказалась от попыток тотального контроля повседневной жизни людей, а население, разуверившееся в партии и государстве, научится жить без него. Элита будет заниматься организацией политической сферы, а население станет защищать свою собственную повседневную частную жизнь. При Сталине вопрос о защите частной жизни и противопоставлении ее публичной не рефлексировался сознанием так отчетливо. Человек не мыслит такими категориями. Все это придет позднее, после развенчания культа личности.

В последние годы правления И.В. Сталина массовое сознание общества оказалось как никогда сосредоточенным на центральной фигуре вождя. В обществе сложилась особая политическая атмосфера, которая получала субъективное выражение в повседневных практиках, в сложившемся образе мыслей, поступков каждого отдельного советского человека. Формирование этой атмосферы шло как со стороны органов власти, проводивших широкомасштабную идеологизацию масс, так и со стороны самих людей, испытывавших острую потребность в патерналистском покровительстве и опеке со стороны власти. Постоянное воспроизводство прошлого политического опыта укрепляло устойчивые нормы, правила поведения, которые переходили в соответствующую привычку.

Политическое развитие общества, массового сознания во многом определялось влиянием коммунистической партии, которую, однако, не следует воспринимать как исключительно внешнюю силу, оказывающую искусственное воздействие на противостоящее ему общество. В течение многих десятилетий общество и партия были органично слиты в одно целое. В сталинский период, особенно в послевоенные годы, единство власти и народа достигло апогея. Партийному руководству удалось установить тесную связь с обществом, в результате которой широкие массы населения оказались втянутыми в политические, социальные и культурные процессы. Сопричастность, соучастие миллионов людей с происходящим делало народ непосредственным движущим началом исторического развития.

Центральным элементом политического сознания являлось отношение к власти. Ее фиксированные формы можно было наблюдать в период выборов в Советы. Несмотря на то, что в те годы существовала жесткая система подготовки и проведения выборов, имели место спонтанно возникавшие настроения. Документы содержат множество подобных свидетельств. Это, прежде всего, надписи, оставляемые избирателями на бюллетенях, вслух произнесенные высказывания, а также непосредственные политические практики, определенно характеризующие отношение граждан к происходящему. Из них можно сделать вывод, что основная часть населения была не просто лояльно на-

строена к существующему режиму, лично Сталину, но, более того, верила в вождя, надеялась на него, многие перед ним преклонялись.

Часто проводившиеся политические мероприятия породили соответствующие формулировки, штампы, клише, широко и повсеместно используемые: «миру – мир» (в различных вариациях), «решения партии и правительства», «блок коммунистов и беспартийных». Сочетание этих матричных форм с различными здравницами структурировало общую систему политического мышления. Емкий характер их позволяет понять феноменологию сознания советских людей, когда сложный политический процесс легко сводился к наглядному сочетанию нескольких первичных феноменов. Отсюда простота и доходчивость восприятия, что способствовало их широкому усвоению и распространению. Это накладывало отпечаток на восприятие действительности, которое осуществлялось путем расклада по уже сформированным категориям, например, «Чичиков – враг народа, с которым нужно бороться» (из сочинения по литературе в Новосибирском пединституте) [5]. От этих схем восприятия зависели не только содержание, но и структура мысли.

Принятые как свои, коммунистические штампы постоянно воспроизводились в выступлениях, заявлениях, надписях на бюллетенях. Это был своеобразный лингвистический код, свидетельствовавший о распространенности в обществе символической фразеологии. Штамп-символ содержался и в структуре мысли. Представления людей о социализме, борьбе прогрессивного человечества и ряд других, имевших образный характер, складывались в матричную форму лозунгов, призывов, расхожих фраз-клише, красовавшихся повсюду. Несмотря на несколько формальный характер, штампы сознания не были мертвы. Наоборот, в них концентрировался наиболее живой для того времени смысл.

Стержнем господствовавшего политического сознания, определявшим характер и направленность политических настроений, являлась коммунистическая идея, которая отражала извечное стремление русского человека к поиску смысла жизни, открытию внутренней правды и обретению счастья. Поэтому ценности и нормы, господствовавшие в советском обществе и определявшие политическое сознание граждан, неразрывно были связаны с идеями справедливости, коллективизма, товарищества и борьбы за счастье народов во всем мире. Коммунизм воспринимался эсхатологической мечтой, раем на земле. Его ждали, его рисовали в своих мечтах, пытались как-то соотнести с реальностью.

Политическое сознание советских граждан было в значительной степени персонифицировано. Этот вывод во многом объясняет веру в Сталина и любовь к нему со стороны широких народных масс. Потребность в Боге или строгом, но справедливым лидере, который заботился бы о простых

людях и жестко наказывал их обидчиков, всегда жила в сердце русского народа. В формировании идеального образа вождя интересы партии и общества совпадали. Инфантильность и мифологизированность сознания, построенного на множестве ложных представлений, потребность народа в поклонении лишь способствовали созданию такого идеального образа, который придавал незаметной жизни простых малообразованных в своей большей части советских граждан какой-то смысл, высвечивал устойчивые ориентиры их жизненного пути, наполняя их души положительным содержанием. Ради сохранения этой полноты души люди шли на неисчислимые страдания и жертвы. Отсюда обожествление вождя, приписывание ему несуществующих, но желаемых качеств.

Преданность делу революции и социализма была тем связующим фактором, который объединял людей и ради которого они шли на многочисленные жертвы. Именно коммунистическое самосознание служило главным стимулом, обеспечивавшим движение масс. Человек знал и чувствовал, что в великих делах есть и его трудовой вклад. Он жил этим чувством и дорожил им. Люди были открыты и чрезвычайно восприимчивы к внешнему воздействию. Социальные, моральные, нравственно-политические нормы постоянно присутствовали в самосознании человека, обеспечивая заданный со стороны общества самоконтроль. Функционирование самосознания происходило на базе соотношения себя с неким идеалом, предложенным ему извне и принятым как свой. К этому идеалу человек постоянно стремился, ощущал его в себе в качестве фактора, регулирующего его поведение, мысли, настроения, стараясь целиком ему соответствовать. Таким образом, желания общества и самого индивида совпадали.

Проводившийся в конце XX в. социологический опрос очевидцев событий 1953 г. показал, что 62,7 % опрошенных воспринимали смерть Сталина как личное горе, как трагедию [6. С. 183]. Выражение чувств к человеку в момент его смерти наиболее точно характеризует отношение к нему. В марте 1953 г. оно было выражено чрезвычайно ярко и эмоционально. Люди плакали, и у нас нет оснований ставить под сомнение искренность проявляемых чувств.

Реакция на смерть Сталина наглядно показала, что народ любил вождя. Отдельные реплики, раздававшиеся в связи с сообщениями о болезни Сталина, весьма точно передают господствовавшее тогда психологическое состояние людей: «Всю жизнь он работает с огромным перенапряжением, не жалеет, не бережет себя. Вот и не выдержал организм!», «С одними гадами американцами сколько ему пришлось пережить», «Ведь без его участия ни один паровоз не строился, ни один корабль не спускался на воду, он все знал, все его касалось!» [7].

Образ Сталина переживался индивидуальным сознанием как нечто постоянно присутствующее в

нем. Человек ощущал, мыслил себя как частичку большого мира, охватывая его и испытывая глубокое чувство сопричастности совершаемым великим делам. Восстановление в короткие сроки разрушенного войной народного хозяйства, дальнейшие успехи в развитии страны оказывали на людей стимулирующее воздействие. Вдохновителем всех побед люди считали Сталина и коммунистическую партию. Сталин стал символом страны. Сталин был воплощением идеала. Массы верили ему, верили в правильность линии партии, бесконечно доверяли ей. Хотя в литературе можно встретить и такое мнение: «Нет, это была не вера! Невозможно представить себе целое поколение слабоумным, неспособным связать воедино два-три факта. Это было лицемерие» [8. С. 10].

Утром 6 марта 1953 г., когда передавали сообщение о смерти Сталина, у репродукторов и радиоприемников во всех городах и селах страны собрались массы людей. С 12 часов дня начались траурные собрания. На них люди шли без всякого напоминания в те места, где они обычно проводились, и молча ожидали начала. Явка на собрания в тот день была особенно большая. Приходили не только работники предприятия. С ними шли их семьи, старики, дети. Люди буквально рыдали. Во время траурного митинга на Томском манометровом заводе стахановец цеха Биткин сказал: «Клянусь тебе, мой любимый отец, что я всю свою скромную жизнь без остатка отдам построению коммунистического общества, к которому ты вел нас, наш любимый вождь» [9].

Подобных клятв тогда прозвучало много, и у нас нет оснований утверждать, что это было массовое лицемерие. Многие подавали заявления о приеме в партию. В Новосибирске в те траурные дни было подано 673 заявления с такой просьбой [10]. При всей неподдельности горя звучало много казенных речей. Кто-то добросовестно исполнял поступившие сверху указания. Но даже в ситуации, когда такого рода выступления были тщательно срежиссированы, а текст утверждён вышестоящим начальством, нельзя исключать искренность в произнесении спущенных сверху слов. На траурных митингах люди выражали непреклонное стремление идти вперед по сталинскому пути, клялись в верности коммунистической партии. Они выражали уверенность, что имя Великого Сталина будет жить в веках, что Сталин навсегда останется бессмертным в сердцах и душах людей. Предлагались различные формы увековечивания его имени.

Смерть Сталина породила большую неразбериху в сознании людей. Они растерялись. Долгие годы люди следовали указаниям сверху. Однако на этот раз многое, идущее от власти, оказалось странным и непоследовательным, что неизбежно должно было вызвать первые сомнения. Устойчивое до марта 1953 г. чувство личной определенности стало постепенно разрушаться. Не все было понятным в проводимой политике новых властей. Через несколько месяцев после смерти Сталина на-

чальник Томского управления МГБ уже жаловался на пленуме обкома партии, что спускаемые сверху инструкции об ослаблении чекистской работы дезориентировали аппарат [11].

Смерть Сталина породила волну всевозможных домыслов, слухов, предположений. Говорили, что Сталина отравили, что к этому имеет отношение его любовница, которая якобы была еврейка, но, пожалуй, наиболее распространенной была тема войны. Многие думали, что сохранение мира достигалось исключительно благодаря авторитету Сталина, и что теперь после его смерти, США ни перед чем не остановятся. В Сибири это получило свою специфику из-за большого количества спецпереселенцев. Если подавляющая часть с тревогой говорила: «Как бы войны не было», то значительное число ссыльных прибалтийцев ждали войны, надеясь на помощь США в своем освобождении. Один литовец, например, говорил: «Все равно скоро будет война. А нам, как только услышим про войну, надо бежать к американцам, помогать их [русских] бить». Подобных заявлений среди спецпоселенцев было немало [12].

Кое-кто связывал со смертью Сталина возможность смены политического курса. Упрощенный взгляд на мир был характерен не только для сторонников сталинизма, но и для его противников. Сама жизнь строилась на таких основаниях. Убеждение, что государство держалось исключительно на Сталине, породило разговоры о возможной борьбе за власть, тем более что сразу после смерти вождя было объявлено о перестановках в правительстве, сам факт которых был воспринят неоднозначно общественностью. «Создается впечатление, как будто только и ждали его смерти, чтобы произвести эти изменения», – говорили люди [13].

Мнения были различны. Пестрота суждений свидетельствовала о том, что установленные нормы перестали обеспечивать адекватное разрешение возникавших проблем, так как исчез ориентир мировосприятия, сам объект веры. При отсутствии сформулированных новых обязательных для восприятия образов людям пришлось обратиться к тому, что было в наличии, к собственным инстинктам и соображениям.

Изменения в правительстве породили первые сомнения, пока еще не совсем отчетливые. Не все было ясно. Народ замер в ожидании. Настроения марта 1953 г. характеризуются не столько программными заявлениями, сколько множеством оставшихся без ответа вопросов: «Чем вызвана "перетрубация" в органах партии и государства?», «Кто такой Маленков?», «Зачем было убирать из ЦК старых большевиков, сменять министров?» [14].

Амнистия уголовникам, реабилитация врачей усиливали недоумение в обществе. Еще менее трех месяцев назад люди проклинали «убийц в белых халатах», чувства были искренни и правдивы. Люди верили правительству, но оказалось, что их обманывали. Сомнение в правильности линии пар-

тии разрушало цельность восприятия мира. Критика органов госбезопасности породила волну различных предположений.

Анализ документов той поры, высказываний, в первую очередь спецсообщений МВД, позволяет с большой долей уверенности говорить, что вскоре после смерти Сталина в обществе стал намечаться раскол. Прежний связующий фактор, личность Сталина, утратил свое значение. Ничего взамен нового руководство предложить не могло. Проснувшееся стремление познать истину, раскрыть правду жизни разрушало традиционный миф о святости героического прошлого.

В 1953 г. умы находились в состоянии брожения. Общая нестабильность и неопределенность положения, которая еще больше усилилась после ареста Л.П. Берия, с одной стороны, привела к ослаблению страха, что стимулировало смелые выступления, с другой – породила новые вопросы, отвечать на которые приходилось уже самим. «Как могло случиться, что так долго Берия не был разоблачен?», «Разве раньше партийные органы не контролировали деятельность органов МВД?», «Почему т. Сталин не замечал вражеских действий Берия?» [15, 16].

В вопросах сквозил не столько поиск информации, сколько желание констатировать неприятный факт, очевидное противоречие. Утрата веры породила и соответствующие рассуждения. Кто-то уже сомневался в виновности Берии: «Может все будет так же, как с врачами-вредителями», «Может он шел за народ, а его признали врагом» [17]. Ходили слухи, что Берия сбежал за границу. Наличие слухов, поиск подтекста, само допущение второго дна, подлинной сути события, говорило о разделении мира на далекое и близкое, когда мыслимая реальность была уже не равна себе самой. Слухи являлись важным симптомом и продуктом разлома некогда стабильного общества [18. С. 77].

Сам факт ареста ближайших сподвижников вождя с трудом укладывался в сознании. Заведующая библиотекой Томского инженерно-строительного института М.И. Маслова говорила: «Не верится, чтобы столько лет эти преступления тянулись, и правительство их не видело. Здесь что-то не то...» [19]. Архивы содержат сообщения, в которых фигурировал главный вопрос: «Кому же теперь верить?» [20].

Характерно, что утрата веры глубоко беспокоила людей. Наступившая в человеческом сознании путаница понятий дестабилизировала психику. Наиболее простым решением проблемы стало неприятие того, что создавало болезненное состояние. Власть начала терять прежнее доверие и авторитет. Партия в то время была олицетворением кристальной честности и порядочности. На фоне этого идеализированного образа борьба за власть выглядела крайне нелицеприятно и рассматривалась как главная причина нестабильного состояния. Вину за это возлагали, прежде всего, на руководство, так как образ вождя по-прежнему оста-

вался незапятнанным. В народе ходили такие разговоры: «После смерти Сталина пошла одна неприязнь за другой, когда это кончится?» [21]. В обществе появился новый политический настрой, негативно относящийся к постсталинскому режиму. Примечательно, что в отличие от старой антисоветской оппозиции, которая по отношению к властям употребляла местоимение «они», новая по-прежнему считала партию и правительство своими, используя слова «наше», «мы», имея в виду себя и власть, к которой фактически уже были настроены оппозиционно. Об этом же говорит и тот факт, что высказывания о недопустимости чехарды в органах власти, сожаление о дискредитации правительства квалифицировались органами МВД как враждебные.

В течение 1953–1955 гг. отношение к власти постепенно менялось. Она стала терять ореол святости. Если авторитет прежнего руководства сохранялся достаточно высоким, то, в отличие от него, новое правительство, при котором было ostановлено снижение цен, стала ощущаться нехватка некоторых продуктов питания, пользовалось значительно меньшей популярностью. «Где же русское сало, масло, пшеница? Едят союзники, а мы только смотрим» [22], – было оставлено на одном из бюллетеней в ходе выборов 1955 г. В Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся.

Г.М. Маленков оценивался неоднозначно, за исключением, пожалуй, крестьянской среды, где он воспринимался человеком, освободившим крестьян от налогов. «Люди его чуть ли не за святого считали... Только при помощи Маленкова все стало налаживаться» [23. С. 110], – вспоминали о нем крестьяне. Такого же характера отзывы были получены автором в ходе бесед с бывшими колхозниками.

Развернувшаяся вскоре после смерти И.В. Сталина кампания, направленная на дискредитацию прежнего политического руководства, в 1956 г. достигла апогея. В закрытом докладе XX съезду КПСС Н.С. Хрущев, разоблачив преступную деятельность Сталина, впервые официально подверг ее резкой критике. Взвалив на Сталина ответственность за массовые репрессии и политические промахи в руководстве страной, Центральный комитет, как ему казалось, сбросил с себя груз прежних ошибок с тем, чтобы двинуться вперед к победе коммунизма. Не понимая в полной мере специфики массового сознания, партия, развенчав культ личности Сталина и предопределив тем самым будущее крушение, разрушила то основание, на котором держалось единение народа и власти.

Подрыв веры лишил дальнейшее существование партии и всех, некогда веривших в нее, смысла. Разрушив миф о «великом Сталине», партия поставила под сомнение собственную деятельность. Крушение прежних привычных ориентиров, постепенно нараставшее раздвоение человеческих душ неизбежно должны были привести к ра-

сколу общества и ввергнуть страну в общий кризис.

Народ, в первую очередь интеллигенция, как наиболее мыслящая его часть, испытали настоящий шок, когда услышали доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Все, во что верили, потеряло смысл. Сталин – символ социализма, служивший образцом для каждого честного человека, оказался тираном. Люди почувствовали себя обманутыми.

Слухи о секретном докладе мгновенно распространились в обществе. Не слышавшие доклада студенты младших курсов требовали прочесть доклад и им. Ореол таинственности, сложившийся вокруг этой темы, нагнетал в обществе атмосферу напряженности. Неознакомленные с докладом люди уже заранее ожидали услышать нечто потрясающее. Несмотря на то, что доклад не был опубликован и считался закрытым, с ним ознакомились практически все. Сначала его читали по партийным и комсомольским организациям, затем и среди беспартийных.

Доклад слушали с безмолвным ужасом. Многие с гневом и возмущением восприняли сообщение Хрущева, однозначно расценив деятельность Сталина как враждебную. В Новосибирске на его бюсте появилась надпись «Палач». В областной партшколе его бюст вообще был разбит. На жирокombинате сорвали портрет Сталина и выкололи глаза. В этом проявлялась высшая степень ненависти. Выкалывание глаз на портретах – характерный для того времени ритуал разоблачения «врагов народа». Та же процедура в свое время была проделана с портретами Берии.

Е.Ю. Зубкова, чьи работы по изучаемому периоду [24, 25] до сих пор остаются одними из самых лучших, пишет, что вначале реакция на доклад отличалась пассивностью восприятия и походила на традиционную смену декораций [26. С. 582]. В силу высокой эмоциональной насыщенности первые впечатления, связанные с вопросом о культе личности, действительно недостаточно четко рефлексировались сознанием. Для осмысления произошедшего требовалось время. Р. Медведев вспоминал: «Слушатели обменивались не столько мнениями, сколько междометиями» [27. С. 42]. Однако это не укладывается в версию Е.Ю. Зубковой о пассивности восприятия доклада.

Постепенно, по мере подчинения переживаний разуму, внутреннее психическое состояние людей становилось более осознанным и могло уже быть как-то формализовано, интеллектуально оформлено и представлено в виде каких-то личных соображений и возникающих вопросов. Об этом же говорит тот факт, что большинство сообщений партийных органов о реакции на постановление о культе личности относятся ко второй половине 1956 – началу 1957 гг.

К сожалению, автору не удалось найти сколь-нибудь надежных свидетельств о господствовавшей тенденции восприятия доклада. Согласно со-

пси­хо­ло­гическим опросам, проведенным в 1990-х гг. 47 % респондентов отрицательно восприняли разоблачение культа личности; 29,5 % одобрили, остальные никак не определили своего отношения [6. С. 204–205]. Однако эти данные не могут быть признаны как абсолютно достоверные. Их можно использовать лишь в качестве примера неоднозначной реакции общества на сообщение Н.С. Хрущева.

Многие восприняли доклад позитивно, хотя имелись свои особенности. В деревне положительная оценка критики культа личности была связана не столько с осознанием важности политического момента, сколько с нелюбовью к самому Сталину, при котором крестьяне платили большие налоги. Томский обком информировал ЦК КПСС: «Колхозники высказываются в том смысле, что если бы Сталин был жив, то колхозники не имели бы хлеба, ходили бы в лаптях» [28].

Информация парткомов о реакции населения на критику культа личности содержала факты, свидетельствовавшие о растерянности в обществе, в первую очередь в партаппарате. Его работникам необходимо было четко знать, где находится предел критики Сталина. Годами формировавшаяся привычка поступать согласно однозначно толкуемым указаниям, непоследовательность ЦК в отношении к Сталину дезорганизовали деятельность партийных организаций по идеологическим вопросам. Об этом свидетельствует тот факт, что так называемые «демагогические выступления», звучавшие на собраниях, критика власти далеко не всегда получали отпор со стороны тех, кто по долгу службы должен был это делать. Осуждение «демагогов» было осуществлено несколько позднее.

В выступлениях партийных функционеров преобладали эмоции, что наглядно подтверждает недостаточную осмысленность сложившегося положения. Психологическую картину состояния партаппарата после проведения студенческих диспутов, на которых прозвучали резкие суждения в отношении ВЛКСМ, дает в частности стенограмма совещания секретарей парткомов вузов г. Томска от 20 декабря 1956 г. [29]. Выступления секретарей обкома партии Н.В. Лукьяненко, С.А. Анциферовой, секретаря горкома М.Б. Духнина представляли собой лишь эмоциональный всплеск. Осыпая угрозами всех посмеявшихся задуматься над положением дел в стране, руководители области не шли дальше общего негодования, даже не пытались вникнуть в суть критических выступлений, что свидетельствовало о нежелании понять и самостоятельно осмыслить сложившуюся ситуацию.

О растерянности могут свидетельствовать и возникавшие многочисленные вопросы. Некоторые из них были прямо ориентированы на получение точных указаний: «Как отвечать на задаваемые вопросы о Сталине?», «Как быть с теоретическим наследием Сталина?», «Правильно ли были расстреляны Зиновьев, Каменев, Бухарин?» [30, 31].

Люди пытались самостоятельно разобраться в тех проблемах, которые оказались незатронутыми в докладе. Даже не желая допускать антипартийные мысли, они вынуждены были как-то угадывать реальное положение дел. Если многих коммунистов расстреляли невинно, то естественно возник вопрос, кто же считается теперь невиновным. При полном отсутствии объективной информации приходилось лишь гадать на этот счет.

Возникавшие многочисленные вопросы: «Поднимался ли вопрос о культе личности при жизни Сталина или он стал ясен после его смерти?»; «Почему доклад Хрущева не обсуждался на съезде?»; «Нет ли ошибки в проведении коллективизации в 1930 г.?»; «Нет ли еще каких-либо неопубликованных документов?»; «Если Сталин допускал такие грубые извращения, то почему ему дали место в мавзолее рядом с Лениным?»; «Биография Сталина одобрена Политбюро или нет?» [32–38] – свидетельствовали о снижении уровня согласия в обществе, которое тем выше, чем меньше вызывает вопросов. В связи с недопониманием многих моментов большинство ранее неосознаваемых норм стали активно рефлексироваться сознанием, что привело к обнаружению ряда негативных тенденций, которые прежде оставались незамеченными. Это повлияло на рост недовольства политикой нового правительства, чему в немалой степени также способствовало отсутствие былой ясности в ожидаемых шагах партийного руководства. В ситуациях, когда люди не совсем уверены, чего следует ожидать друг от друга, недоброжелательность и насилие возрастают [39. С. 41].

Критика Хрущевым культа личности привела к парадоксальным результатам. Стремясь освободиться от ошибок прошлого с тем, чтобы поднять еще выше свой авторитет, партийное руководство настроило значительную часть общества против себя. В условиях господства двухмерного измерения действительности и привычки строить какие-либо выводы на базе однозначно толкуемых оценок, отличавшихся категоричностью суждений, массовое сознание не могло подойти к вопросу культа личности с чувством глубокой ответственности и рационального осмысления. В массе превалировало образно-эмоциональное восприятие информации, оцениваемое в понятиях морально-этического свойства.

Первое, что бросалось в глаза после знакомства с докладом, – разночтение партийных заявлений, оценка которых в любых обстоятельствах трактовалась однозначно как правильная. Услышав из одних и тех же уст прямо противоположные высказывания, люди пришли в недоумение. «На июльском пленуме ЦК КПСС говорилось, что мы не дадим опорочить имя Великого Сталина. Как расценивать последнее?» – спрашивали на собрании Заельцовского райпартактива Новосибирска [40]. «Чем объяснить, что раньше не только не осуждали культ личности, а эти же товарищи при каждом удобном случае возвеличивали Стали-

на?» – поднимался вопрос в Томске [41]. Выходило так, что в каком-то одном случае партии не следовало верить. Людям было обидно, прежде всего, за то, что руководство, как оказалось, прекрасно знало и понимало положение дел, но при этом нагло обманывало народ, лицемерно восхваляя вождя и требуя того же от других.

Чувство горечи и формирование негативного отношения к новым руководителям страны содержали в качестве основы отнюдь не расхождение с идеологической линией партии. Многие поверили Хрущеву и приняли критику Сталина. На размежевание партии и масс влияло не столько несоответствие идеалов, которые как раз оставались общими, сколько нравственное разрушение прежней коллективной связи, вызванное предательством партийных вождей. Как отмечал русский психолог и публицист начала XX в. Л.Н. Войтоловский: «Гнетет не отсутствие идеалов и учреждений, гнетет отсутствие чуткости и отзывчивости, отсутствие объединяющих желаний и настроений» [42. С. 82–83].

Подрыв веры коснулся всей партии. Как отмечалось в соответствующей информации Новосибирского горкома КПСС: «Многие беспартийные задаются вопросом: "Кому же теперь верить?" и прямо обвиняют коммунистов, заявляя: "Вы виноваты во всем том позорном, что случилось в нашей стране"» [43].

Иллюзии в отношении кристальной честности партийных руководителей постепенно рассеивались. Больше всего людей возмущали не столько сталинские преступления, сколько вопрос ответственности за них Хрущева и других членов правительства, которые в отличие от Сталина продолжали оставаться у власти. Поэтому звучавшие на собраниях заявления часто носили избобличающий характер: «Если наша партия видела ошибки в работе тов. Сталина, почему же ЦК оставался в стороне? Как ЦК мог допустить игнорирование его роли со стороны тов. Сталина? Почему ЦК КПСС вовремя не указал на ошибки тов. Сталина?» [44].

Получаемые ответы: «было небезопасно», «сразу не разглядели», не могли удовлетворить массы и только усиливали негативное отношение народа к властям, разоблачившим собственную трусость и беспомощность. Возмущение было вызвано, прежде всего, несоответствием руководителей, называвших себя коммунистами, этому, как тогда понимали, высокому званию, которое прочно ассоциировалось с понятиями: честь, совесть, мужество. Поэтому люди отвернулись от Хрущева и других руководителей не столько за их вину в прошлом, сколько из-за постигшего многих чувства глубокого разочарования в коммунистической честности и принципиальности, о которых так много говорили те, кто сам оказался не на высоте положения. Реплики, бросаемые трудящимися и тщательно фиксируемые партийными органами, весьма недвусмысленно говорят об этом: «Почему члены ЦК поленились («честно, смело, открыто», – прим. авто-

ра) не поставили вопрос о культе личности при жизни тов. Сталина?», «Почему они спасовали перед трудностями?», «Выходит 30 лет государством и партией руководили два человека, а остальные боялись за свою жизнь?» [45–47].

Примат моральных суждений над рациональными, характерный для массового сознания 1950-х гг., при склонности к однозначным оценкам обусловил неприятие многими гражданами сообщений о преступной деятельности Сталина. В формировании настроений, связанных с критикой культа личности, немаловажную роль играло сравнение Сталина с Хрущевым, которое по личностным показателям часто было не в пользу последнего. Для многих, в том числе и для тех, кто адекватно воспринял постановление ЦК, Сталин остался в памяти легендарной личностью. Отвечая на анкету с предложением автора высказаться в отношении Сталина, сын репрессированных родителей С.И. Добровольский из г. Бердска Новосибирской области так выразил свое мнение: «Любить Сталина я не мог... Если бы этого [репрессий] не было, я его, конечно, полюбил: за индустриализацию страны, за победу в войне, за ежегодное улучшение жизни, снижение цен, за целенаправленную идеологию, за то, что тащил Россию к прогрессу, опираясь только на российский народ и его богатства, за могучую волю, за то, что не гнул спину перед Западом, не давал уничтожать свой народ и страну капиталистам, за решительность и огромный ум» [48].

На фоне такого образа Н.С. Хрущев казался менее героическим и выглядел несколько простоватым. Получение им прозвища «кукурузник», а также бытовавшее в народе упоминание Первого секретаря партии по имени «Никита» или «Никитка» свидетельствовали о преобладании иронического отношения к личности руководителя. Отзываясь о беседе Хрущева с американскими корреспондентами, профессор Томского политехнического института Д.А. Стрельников однажды заявил: «Уж очень несолидно отвечает, как на зачете студент, плохо выучивший предмет – запинаясь, смотрит по сторонам, отвечает не по существу вопроса» [49].

В условиях персонификации власти и господства харизматического сознания личность руководителя имела особое значение. Ей предъявлялись весьма высокие требования. Несмотря на то, что традиционное право властвования переносилось с одного руководителя на другого по одному лишь должностному статусу, харизматическая ориентация не могла принять абстрактного лидера. Авторитарность сознания, с одной стороны, продлевала действие уважительного отношения к власти, с другой – вступала в противоречие с внешним личностным ее выражением. Человек продолжал убеждать себя, что партийное руководство в силу одной лишь партийности олицетворяет высшую добродетель. Вместе с тем новые лидеры, в первую очередь Хрущев, не соответствовали предъявляе-

мым жестким требованиям, сохранившимся со сталинских времен. Новое руководство не обладало теми моральными и личностными качествами, которые когда-то приписывались Сталину. Соединение двух противоположных ориентаций способствовало раздвоению сознания и подрывало почти-тельное отношение к власти.

Категория граждан, строивших свою жизнь на основах идейно-нравственного мировоззрения, считавшая высшим долгом служение Родине и идее, искренне верившая партии, в условиях фрустрации сознания, когда отчетливо обнаружилось несоответствие прежних и нынешних принципов, столкнулась с таким психологическим состоянием, которое называют когнитивным диссонансом. В такой ситуации происходит либо переосмысление действительности, приведение собственных установок сознания в соответствие с новыми данными, либо восприятие происходящего как ненормального, как предательство героического прошлого и дискредитация партии [50. С. 32].

Многие пошли именно по этому пути. Регрессия, как реакция на фрустрацию, предполагала возврат к прежним шаблонам, которые раньше приносили удовлетворение. Будучи ориентированы на сталинский авторитет, люди не могли и не хотели допускать даже мысли, что Сталин враг. Это разрушило бы устойчивую структуру сознания, целиком подчиненного внешней обусловленности и не имевшего возможности самостоятельно определения на базе взвешенного и ответственного подхода. Вот свидетельство современника: «Раздражало то, что суд устраиваем над умершим человеком и так хотелось, чтобы на всю жизнь Иосиф Виссарионович Сталин остался в памяти такой справедливым, честным, каким нам его рисовали в течение более трех десятилетий... И теперь, когда узнали о его крупнейших недостатках, трудно, очень трудно погасить в сердце эту великую любовь, которая так сильно укоренилась во всем организме» [24. С. 134]. Менее болезненно было бы обвинить во всех грехах тех, кто покусился на устои и к тому же пользовался меньшим доверием, серьезно подорванным еще в 1953–1955 гг. Поэтому критика культа личности была воспринята многими как борьба за власть, ради которой Хрущеву необходимо было опорочить Сталина, чтобы самому занять его авторитетное место. Отвечая на анкету, распространенную автором, В.А. Гавриш вспоминала: «В культ Сталина мы не верили. Сталина было жаль и обидно за него, что все это происходит после его смерти» [51]. В Дзержинском районе г. Новосибирска на телеграфный столб была наклеена листовка следующего содержания: «Товарищи, не верьте этой пропаганде, что Сталин враг народа. Это чушь, которую распустили Булганин и Хрущев. Они хотят вас обмануть, ввести в заблуждение. Не верьте, организуйте митинги и обсуждайте этот вопрос» [52].

Критика культа личности, неоднозначно воспринятая в обществе, привела к его расколу. Во

многом этому способствовала привитая годами склонность к категоричным суждениям. Ограниченность мышления не была присуща абсолютно всем. Незначительная часть граждан подошла более осмысленно к этому вопросу. Понимая, что критика Сталина была необходима для дальнейшего преодоления негативных тенденций, многие коммунисты, в первую очередь старые большевики, отдавая себе отчет, что развернувшаяся в обществе дискредитация Сталина может лишь навредить делу коммунизма, выступили с мнением, что не следовало бы доводить доклад Хрущева до широкого круга коммунистов и тем более комсомольцев и беспартийных, ибо, как они считали, этим подвергалась сомнению правильность политики ЦК КПСС [53].

О реакции населения в Сибири на критику Сталина много написано у И.С. Кузнецова [54. С. 115–134]. Однако сибирский историк подходит к изучению общественных настроений 1950-х гг. несколько ограниченно, только как к сигнальной реакции населения на происходившие изменения, не видя в них симптомы глубокого кризиса и разлома общества, связанных с крушением веры, как фундаментального признака утверждения человеческого духа.

В условиях господства элементов мифологического сознания, которое держалось исключительно на принимаемых на веру представлениях, пусть даже и ложных, при отсутствии рационально осмысленного взвешенного подхода к происходившим процессам, разрушение мифа ликвидировало нравственную основу человеческого мировоззрения и приводило лишь к внутреннему хаосу. Поскольку идеи социализма были в значительной степени персонифицированы и связаны с именем Сталина, подрыв веры в вождя неизбежно вел к утрате смысла жизни в ее прежнем понимании, как служении обществу и высшим идеалам. Упомянутый выше С.И. Добровольский при ответе на вопросы анкеты писал: «Часто думал, а не принесет все это вред? Следует ли ворошить все прожитое и пережитое? Такие мысли возникали не только у меня. С одной стороны, разоблачение было необходимо, но с другой, понимал, что многое пойдет не на пользу государству, потому что такой великой державе с мощной идеологией коммунизма был нужен вождь строгий, требовательный, принципиальный, но ко всем очень справедливый. А с разоблачением Сталина была подорвана вера в справедливого вождя» [48].

XX съезд КПСС способствовал пробуждению сознания. Люди связывали с ним начало новой жизни, когда появилась возможность без страха говорить правду. Однако подобная реакция была возможна только у тех, кто действительно в сталинские годы, пусть даже подсознательно, испытывал чувство давления системы, на кого еще до XX съезда штампованные фразы о победах действовали угнетающе, кто хотел, но не мог освободиться от тяжелого бремени сталинского диктата. Только в этом случае могло возникнуть ощущение

свободы и раскрепощения. Те, кто не чувствовал и не сознавал насилия, кто был доволен и искренне счастлив, кто был правдив перед собой и людьми, не мог ощутить состояние освобождения, так как ему неоткуда было бы возникнуть.

Психоаналитические объяснения прозрения и связанного с ним подъема эмоций, отстаиваемые в отечественной литературе, могут быть отчасти применимы лишь к тем, кто подсознательно испытывал страх перед вождем, кто в глубине души возненавидел систему и все связанное с ней, но боялся себе и другим в этом признаться. Суть такого прозрения заключается в осознании содержания бессознательного и мотивов вытеснения в эту сферу. Однако подобные описания грешат некоторой неточностью в связи с изначально ложной посылкой. Авторы таких психологических анализов советской истории в самом начале ставят нелепый вопрос: «Почему люди любили Сталина и так радовались, когда объект их любви умер?» [55. С. 164].

Демонстрируемое противоречие, заключающееся в выше утверждаемом тезисе, могло быть объяснено только невротическим состоянием. Под это ложное убеждение, что люди радовались смерти вождя, подводилось и психоаналитическое исследование, ведущее к ошибочным выводам. Выше уже говорилось, что люди горевали, узнав о смерти Сталина. Отсюда можно предположить, что огромная часть населения не испытывала чувства долгожданного освобождения, когда узнала о сталинских злодеяниях. Гораздо естественнее было либо попросту не поверить информации, либо серьезно задуматься, что соответствует вышеизложенным выводам психологов о выходе из когнитивного диссонанса. Поэтому, как писал Р. Медведев, обычной после разоблачения преступлений «окрыленности» не было. «Доклад породил желание самостоятельно разобраться в истории нашей страны» [27. С. 42]. Только после этого, когда была достигнута ясность понимания, когда рассудок ввел новые понятия в доступные категориальные формы, многие пережили ощущение подъема, которое всегда бывает в минуты творческого озарения. Именно поэтому постоянно хотелось говорить и спорить.

Несмотря на то, что критика культа личности И.В. Сталина причинила обществу глубокую психологическую травму, наиболее образованная его часть, стремясь преодолеть состояние эмоционального страдания, пошла по пути создания новых форм социальной жизни, которые американский историк и культуролог Уильям Редди назвал «эмоциональными приютами». По мнению ученого, таким «приютам» присущи свои ценности, модели поведения, свои пароли и отзывы, специфические знаки эмоциональной принадлежности своему кругу [56]. Отсюда новые формы самостоятельности молодежи, альтернативные комсомолу, первые студенческие театры эстрадных миниатюр (СТЭМы), «стиляжничество», которые стали своеобразной психоэмоциональной нишей для людей,

переживших крушение идеалов. На кафедрах в вузах начинаются оживленные дискуссии. Люди собираются вместе, объединяются в неформальные группы и спорят.

Развернувшиеся повсеместно споры, обсуждения носили не только непосредственный дискуссионный характер. Это были еще и размышления вслух, стремление проверить, опробовать свою версию исторического прошлого страны, сравнить ее с другими оценками. Положительным было то, что размышления вышли на публичный уровень. Сам факт открытости выступлений говорит, что люди были уверены в необратимости начавшихся процессов, что оратора не арестуют, не снимут с должности. Откровенные высказывания требовали самостоятельности мышления и определенной смелости, так как критиковать приходилось нередко то, что было обычно закрыто для обсуждения: бюрократизм системы, ответственность партийных органов за репрессии и т. п. Переноса поднимаемые проблемы на местный уровень, люди призывали к активной работе, к борьбе с восхвалением отдельных личностей, с грубостью, бездушным бюрократическим отношением к живым людям. Раздавались призывы смелее вскрывать недостатки в работе, быть непримиримыми к ним, поленински осуществлять коллективность партийного руководства.

Вместе с тем значительная часть общества пошла по пути размежевания частной и публичной жизни. Крушение веры переориентировала значительную часть людей на себя, свою семью, друзей, на повседневные отношения. Произошла приватизация жизненного пространства, возникла некая отгороженность от власти, породившая двоемыслие и чувство вынужденного сосуществования с государством. Население стало всеми средствами защищать свою частную жизнь, в которой семья выступала главной силой, противостоящей государству [57. Р. 164]. Замкнувшись на себе, утратив живую связь с обществом, люди приняли новые принципы, обеспечивавшие собственную независимость и индивидуальное благополучие, что нашло выражение в усилении прагматической и потребительской ориентации. Концентрация сознания на индивидуалистических узкокорыстных интересах исключали прежнее братское единение. Укрепление противоположных настроений и желаний разламывало общество, подготавливая почву для будущей конфронтации и исключая возможность полноценной общественной жизни.

Нарушение привычного порядка вещей породили хаос и нестабильность. Ломка локальных миров, традиционных структур вела к атомизации общества, ввергала его в состояние перманентного кризиса, раскалывая и обезличивая его. Лишаясь привычных жизненных ориентиров, человек терялся в новом неизвестном ему мире. Отказавшись от культуры эмоциональных личных связей, характерных для традиционного общества, человек ввергал себя в состояние «экзистенциального ва-

куума». Л.Н. Войтоловский в свое время справедливо писал: «В душе человека, неожиданно сброшенного с высот коллективного энтузиазма, образуется пустота» [42. С. 97]. Неизбежная в этой ситуации утрата смысла жизни лишала человеческую природу устойчивости. Поэтому снятие всевозможных ограничений при отказе от принципов традиционного общества, когда люди еще не готовы к ниспровержению существующих идеалов, породило не столько свободу, сколько разнузданность и своеволие. Увеличилось общее количество преступлений, они стали более жестокими и дерзкими, снизился средний возраст преступников. На совещании работников прокуратуры Сибири, проходившем в марте 1965 г., единодушно отмечалось, что за последние 5–10 лет наблюдается систематический рост преступности и самоубийств [58]. В Новосибирской области более чем в 2 раза увеличилось число краж, растраты по местным

торгующим организациям в 1957 г. возросли тоже почти в 2 раза [59, 60]. С 1955 по 1962 гг. более чем в 6 раз увеличилось число психических больных [61]. Т.Ю. Новинская называет это стрессовым состоянием общества, которое проявлялось в росте числа самоубийств и увлечении пьянством [62. С. 542].

Таким образом, в 1950-е гг. общество пережило идейно-психологический кризис массового сознания, вызванный смертью Сталина и критикой его на XX съезде КПСС. Саморазоблачение партией своей деятельности подорвало веру в высшую справедливость, разрушив многие надежды и чаяния советских людей. Отсутствие в обществе другой утверждающей силы привело к разочарованию в основных нравственных принципах, что в свою очередь оказало решающее влияние на размежевание социальных групп и создание предпосылок для появления «разорванного» общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. Kuromiya H. Political Youth Opposition in Late Stalinism: Evidence and Conjecture // *Europe-Asia Studies*. – 2003. – V. 55. – № 4. – P. 631–638.
3. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – М.: РОССПЭН, 2011. – 373 с.
4. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / под ред. Ю.А. Левады. – М.: Мировой океан, 1993. – 300 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-2306. Оп. 73. Д. 1919. Л. 14.
6. Аксютин Ю.В. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М.: РОССПЭН, 1995. – 400 с.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П-4. Оп. 17. Д. 616. Л. 22–23.
8. Альтшуллер М., Дрыжакова Е. Путь отречения. Русская литература 1953–1968. – Нью-Йорк: Эрмитаж, 1985. – 350 с.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1941. Л. 9.
10. ГАО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 2650. Л. 14.
11. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1828. Л. 38–39.
12. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923. Л. 252–256.
13. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923. Л. 208.
14. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923. Л. 217, 227, 229.
15. ГАО. Ф.П-4. Оп. 17. Д. 87. Л. 6; Д. 67. Л. 52.
16. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1942. Л. 6.
17. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1924. Л. 161.
18. Дубин Б.Н., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // *Вопросы психологии*. – 1993. – № 3. – С. 77–81.
19. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1924. Л. 340.
20. ГАО. Ф.П-4. Оп. 17. Д. 87. Л. 3.
21. ГАО. Ф.П-4. Оп. 17. Д. 87. Л. 51.
22. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2249. Л. 142.
23. Попов В.П. Крестьянский взгляд на колхозную реальность // *Социологические исследования*. – 1992. – № 7. – С. 107–110.
24. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. – М.: Россия молодая, 1993. – 200 с.
25. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.
26. Зубкова Е.Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и ее влияние на политику реформ // *Россия в XX веке: Историки мира спорят*. – М.: Наука, 1994. – С. 578–584.
27. Медведев Р. Год 56-й: Время и эхо двадцатого съезда // *Новое время*. – 1988. – № 32. – С. 40–42.
28. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 90.
29. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2402.
30. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 72.
31. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2422. Л. 61–71.
32. ГАО. Ф.П-4. Оп. 26. Д. 37. Л. 3; 50–51; 86–145.
33. ГАО. Ф.П-4. Оп. 34. Д. 489. Л. 11–17.
34. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795.
35. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2396. Л. 16.
36. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 71–72; 84.
37. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2422. Л. 60–86.
38. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2526. Л. 131.
39. Шибутани Т. Социальная психология. – М.: Прогресс, 1969. – 447 с.
40. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 2.
41. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2422. Л. 61.
42. Войтоловский Л.Н. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 2. – М.; Л.: Госуд. изд-во, 1925. – 118 с.
43. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 46.
44. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 84.
45. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 41.
46. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2408. Л. 88.
47. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2422. Л. 71.
48. Добровольский С.И. Анкета. 1994 г. Личный архив автора.
49. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2538. Л. 259.
50. Рощин С.К. Общественно-политические процессы перестройки с позиций социальной психологии // *Психологический журнал*. – 1990. – Т. 11. – № 3. – С. 26–38.
51. Гавриш В.А. Анкета. 1994 г. Личный архив автора.
52. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 48.
53. ГАО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 2795. Л. 46.
54. Кузнецов И.С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. – Новосибирск, 1995: [б. и.]. – 156 с.
55. Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // *Вопросы философии*. – 1991. – № 3. – С. 164–175.
56. Reddy W.M. The navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. – N.Y.: Cambridge University Press, 2001. – XIV, 380 p.

57. Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989. – 281 p.
58. ГАРФ. Ф.А-461. Оп. 11. Д. 1517.
59. ГАНО. Ф.П-22. Оп. 1. Д. 860. Л. 34.
60. ГАНО. Ф.Р-20. Оп. 1. Д. 553. Л. 10–19.
61. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.М-1. Оп. 32. Д. 1176. Л. 1.
62. Новинская Т.Ю. К вопросу о формировании общественного сознания в период хрущевской оттепели // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. – 2011. – № 23. – С. 541–544.

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 94(571.1)»195»: [32.019.5+159.9:32]

POLITICAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIA IN 1950s: BEGINNING OF IDEOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL CRISIS (MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)

Maksim S. Petrenko,

Cand. Sc., Novosibirsk Law Institute (Branch) of Tomsk State University, 7, Sovetskaya street, Novosibirsk, 630007, Russia. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Relevance of the research: The origins of current crisis state in Russian society should be sought in watershed events of the 1950s, when the environment for the collapse of the Communist faith and loss of previous orientation consciousness occurred.

The main aim of the research is to study the ideological and psychological state of Russian society in the period of political transformation.

The methods used in the research: Interdisciplinary synthesis based on the study achievements of the modern history, sociology and social psychology; method of psychological analysis of individual statements in historical sources; empirical methods of questioning, interview with participants and witnesses of the events described.

The results: The author has developed the concept of ideological and psychological crisis of mass consciousness influenced by Stalin's death and condemnation of cult of his personality at the XX Congress of the CPSU.

There was stable communication between society and authority in Stalin era, based on faith in the party and the charismatic leader. Under the influence of the political events of the 1950s the majority of people experienced psychological shock that resulted in formation of new critical view of Soviet reality, loss of faith in higher rectitude, split of the society and refocus on consumer values.

Key words:

Communist ideology, Soviet person, mass consciousness, public mood, XX Congress of CPSU, I.V. Stalin.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokulturnaya dinamika Rossii)* [Russia: a critique of the historical experience. (Sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 1997. 2nd ed., 804 p.
- Kuromiya H. Political Youth Opposition in Late Stalinism: Evidence and Conjecture. *Europe-Asia Studies*, 2003, vol. 55, no. 4, pp. 631–638.
- Fitzpatrick Sh. *Sryvayte maski! Identichnost i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 373 p.
- Sovetskiy prostoy chelovek: opyt sotsialnogo portreta na rubezhe 90-h gg.* [Simple Soviet people: experience social portrait at the turn of the 90s]. Ed. by Yu.A. Levada. Moscow, Mirovoy okean Publ., 1993. 300 p.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F.A-2306. I. 73. F. 1919. L. 14.
- Aksyutin Yu.V. *Vlast i oppozitsiya. Rossiyskiy politicheskiy protsess XX stoletiya* [Power and Opposition. Russian political process of the XX century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1995. 400 p.
- Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti* [State Archive of the Novosibirsk region] (GANO). F.P-4. I. 17. F. 616. L. 22–23.
- Altshuller M., Dryzhakova E. *Put otrencheniya. Russkaya literatura 1953–1968* [The path of renunciation. Russian literature 1953–1968]. New-York, Ermitazh Publ., 1985. 350 p.
- Tsentralnaya dokumentatsiya noveyshey istorii Tomskoy oblasti* [Documentation Center of the modern history of the Tomsk region] (TSDNITO). F. 607. I. 1. F. 1941. L. 9.
- GANO. F.P-22. I. 3. F. 2650. L. 14.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1828. L. 38–39.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1923. L. 252–256.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1923. L. 208.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1923. L. 217, 227, 229.
- GANO. F.P-4. I. 17. F. 87. L. 6; F. 67. L. 52.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1942. L. 6.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1924. L. 161.
- Dubin B.N., Tolstykh A.V. Slukhi kak sotsialno-psikhologicheskiy fenomen [Rumors as a socio-psychological phenomenon]. *Voprosy psikhologii*, 1993, no. 3, pp. 77–81.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 1924. L. 340.
- GANO. F.P-4. I. 17. F. 87. L. 3.
- GANO. F.P-4. I. 17. F. 87. L. 51.
- TSDNITO. F. 607. I. 1. F. 2249. L. 142.
- Popov V.P. Krestyanskiy vzglyad na kolhoznyuyu realnost [Peasant look at collective farm reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1992, no. 7, pp. 107–110.
- Zubkova E.Yu. *Obshchestvo i reformy. 1945–1964* [Society and reforms. 1945–1964]. Moscow, Rossiya molodaya Publ., 1993. 200 p.
- Zubkova E.Yu. *Poslevoennoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnyy zhiznnyy byt. 1945–1953* [Postwar Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 229 p.

26. Zubkova E.Yu. Sotsialno-psikhologicheskaya atmosfera poslevoennykh let i ee vliyanie na politiku reform [Socio-psychological atmosphere of the postwar years and its impact on policy reforms]. *Rossiya v XX veke: Istoriki mira sporyat* [Russia in XX century: the chronologist of the world are disputing]. Moscow, Nauka Publ., 1994. pp. 578–584.
27. Medvedev R. God 56-y: Vremya i ekho dvadtsatogo sezda [1956: Echo and time of the twentieth congress]. *Novoe vremya*, 1988, no. 32, pp. 40–42.
28. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 90.
29. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2402.
30. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 72.
31. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2422. L. 61–71.
32. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 3; 50–51; 86–145.
33. *GANO*. F.P-4. I. 34. F. 489. L. 11–17.
34. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795.
35. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2396. L. 16.
36. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 71–72; 84.
37. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2422. L. 60–86.
38. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2526. L. 1 31.
39. Shibutani T. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, Progress Publ., 1969. 447 p.
40. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 2.
41. *TSDNITO*. F.607. I. 1. F. 2422. L. 61.
42. Voytlovskiy L.N. *Ocherki kollektivnoy psikhologii* [Sketches of collective psychology]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1925. P. 2, 118 p.
43. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 46.
44. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 84.
45. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 41.
46. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2408. L. 88
47. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2422. L. 71.
48. Dobrovolskiy S.I. *Anketa [Questionary]. 1994. Lichnyy arkhiv avtora.*
49. *TSDNITO*. F. 607. I. 1. F. 2538. L. 259.
50. Roshchin S.K. Obshchestvenno-politicheskie protsessy perestroiki s pozitsiy sotsialnoy psikhologii [Social and political restructuring processes from the standpoint of social psychology]. *Psikhologicheskyy zhurnal*, 1990, vol. 11, no. 3, pp. 26–38.
51. Gavrish V.A. *Anketa [Questionary]. 1994. Lichnyy arkhiv avtora.*
52. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 48.
53. *GANO*. F.P-22. I. 3. F. 2795. L. 46.
54. Kuznetsov I.S. *Sovetskiy totalitarizm: ocherk psikhistorii* [Soviet totalitarianism: Essay of psychohistory]. Novosibirsk, 1995. 156 p.
55. Gozman L.Ya., Etkind A.M. Metafory ili realnost? Psikhologicheskyy analiz sovetsoy istorii [Metaphor or reality? Psychological analysis of Soviet history]. *Voprosy filosofii*, 1991, no. 3, pp. 164–175.
56. Reddy W.M. *The navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. N.Y., Cambridge University Press, 2001. XIV, 380 p.
57. Shlapentokh V. *Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia*. N.Y., Oxford, Oxford University Press, 1989. 281 p.
58. *GARF*. F.A-461. I. 11. F. 1517.
59. *GANO*. F.P-22. I. 1. F. 860. L. 34.
60. *GANO*. F.R-20. I. 1. F. 553. L. 10–19.
61. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History] (*RGASPI*). F.M-1. I. 32. F. 1176. L. 1.
62. Novinskaya T.Yu. K voprosu o formirovaniy obshchestvennogo soznaniya v period khrushchevskoy ottepli [On the issue of public consciousness formation in Khrushchev's thaw]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 23, pp. 541–544.

УДК 101.3

ЧЕЛОВЕК ВОПРОШАЮЩИЙ. О НАЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФА

Резник Юрий Михайлович,

д-р филос. наук, профессор, гл. науч. сотр. Института философии РАН, Россия, 119991, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; профессор кафедры социологии, психологии и права Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: reznik-um@mail.ru

Актуальность и цель исследования. Работа выполнена на актуальную для методологии философии тему. Предметом исследования выступает философия как особая форма познания бытия. Цель исследования – раскрытие предметного содержания и онтологической природы философии с авторской точки зрения.

Методы исследования. В качестве методологии исследования предлагается феноменологический подход, который определяет местоположение философского дискурса и ментальный ландшафт в философском сообществе.

Результаты. Сущность философии и её предназначение на протяжении последнего столетия активно обсуждается мыслителями, которые предлагают несколько подходов к её предметному самоопределению. Философия, с точки зрения автора, есть экзистенциально-феноменологическая аналитика и прагматика бытия сущего-вообще. Толкование философии включает в себя несколько процедур аналитического погружения в бытие: выделение субъективного измерения бытия (бытие-для-себя), характеристика феноменальной картины бытия (смысловая структура бытия), а также определение свойств целостных феноменов с позиции субъективно-всеобщего.

Выводы. В заключение автор приходит к выводу, что с точки зрения феноменологического подхода философия воспринимает бытие (и мир) как предмет истолкования. Она ставит своей целью прояснение и «высвечивание» смысла (смыслов) целостных феноменов бытия. Автор предлагает новую трактовку философии. По его мнению, бытие сущего-вообще можно постичь, исходя лишь из возможной экзистенции человека и только как субъективно-всеобщее в мире феноменов, данных ему в сознании. Указанные положения могут быть использованы в области философского образования и в непрекращающихся дискуссиях на тему о предмете философии.

Ключевые слова:

Человек, культура, философия, философ, познание, созерцание, философствование, субъект, ценности, бытие, бытие вообще, бытие-для-себя, сущее, мир, целое, всеобщее, смысл, целостное видение, чистое присутствие, экзистенция, трансценденция, дух, свобода, событие, феномен, вопрошание, концептуальность, коммуникация, трансцендирование.

Философствование есть путь человека, который – исторически во времени – постигает бытие (К. Ясперс)

Чтобы понять философию, надо определить в первую очередь место и роль самого философа. М. Хайдеггер, эксплицируя вопрос о бытии как основной вопрос философии, выделяет наряду с опрашиваемым или выспрашиваемым субъекта опрашивания (спрашивающее бытие), т. е. того, кто спрашивает, или спрашивающего. И этим «кто» является, с точки зрения автора, человек вопрошающий, в том числе философ. В отличие от Хайдеггера, которого интересует структура вопроса о бытии, автор хочет разобраться в статусе и назначении человека, чья жизнь и судьба связана с философией. А это коренится в персонально-сущем бытии философа, его индивидуальном бытии.

Персонально-сущее бытие философа. Начнем с вопроса о том, каково то сущее, из которого философ видит мир и своё бытие. В этой связи есть несколько предположений, относящихся к бытию самого философа.

Во-первых, философ изучает бытие сущего вообще (или бытие вообще) из своей экзистенции – осуществления себя в свободе. Только будучи свободным, философ может охватить мир как целое.

Философия есть дело свободного человека. На это указывают многие исследователи. Так, известно выражение: философия есть «самосознание человека, осознавшего себя свободным» или «взгляд на мир свободного человека» [1]. Наверное, это так и есть. Но этого явно недостаточно. Необходимо еще понять, в чем состоит предметный ракурс или проблемное поле философии. Ведь не случайно каждый великий философ создавал новое видение мира.

Во-вторых, можно предположить, что у обычного человека картина «мира вообще» весьма расплывчата. Он живет в своём мире (экзистенции), который существует всякий раз отдельно для него, здесь и теперь и наряду с бытием конкретного сущего (мира вещей). Возможно, сущее вообще для него не существует или существует в деформированном виде. Ему открывается единое сущее или мир в целом лишь частично. В первую очередь ему дано конкретно-эмпирическое сущее, причем дано с учетом собственного опыта. Предполагается, что философ видит бытие в целом, хотя он взирает на него только со стороны своего сущего (сущего-я).

И в *третьих*, философ занимается миром духа, который предстает перед его «внутренним» взором как мир идеальных сущностей (объективно-идеальных и субъективно-идеальных), обладающих интенциональностью [2. С. 10–30]. Дух – это не просто некая инстанция, в которой бытие сущего открывается сознанию. В нём заключена, по Хайдеггеру, «сознательная решимость к сущности бытия», настроенная на изначальность [3. С. 130]. В известном плане дух – это не «воля к жизни», а сосредоточие в одном человеке вселенского разума, усиленного мощью сущего как такового.

Философия исследует не только бытие, или мир, но и культурный ландшафт, который составляет ценностное измерение философского познания [4–6].

Итак, сфера исследований философа – бытие вообще или совокупное сущее (мир в целом), которое рассматривается им сквозь призму собственной экзистенции и в определенном культурном контексте. Автор согласен с тем, что «философия начинается там, где появляется вопрос о бытии сущего» [7]. Но как это происходит, еще предстоит разобраться. Начнем с предварительного анализа некоторых значимых особенностей философского познания как процесса созерцания мыслителя, находящегося в чистом присутствии.

Философское познание как созерцание. По Хайдеггеру, находиться в присутствии может каждый, кто выступает как сущее-для-себя. Находиться же в чистом присутствии означает на практике освободить свой разум от всех предрассудков и искажений, чтобы увидеть мир в его всеобщих определениях. Созерцание как смыслополагание возможно только в чистом присутствии. И это не только убеждение автора.

Философ познает смысловую структуру бытия, исходя из собственного жизненного мира. В отличие от ученого он видит мир не сам по себе как таковой и не фрагментарно, а мир из себя и целостным образом. В этом состоит его главное отличие от других субъектов познания.

Так, с точки зрения Гуссерля, объектом философии является «не мир как он есть сам по себе (установка науки), а смысл и значение его для субъекта» [8. С. 8]. А, по мнению Л. Витгенштейна, «смысл мира должен находиться вне мира. В мире всё есть, как оно есть, и всё происходит, как оно происходит; в нем нет ценности – а если она и была, то не имела бы ценности» [8. С. 18]. Значения и ценности появляются у субъекта, который дистанцируется от мира, чтобы постичь его со стороны.

Причем объект созерцания принадлежит не сознанию как таковому, а субъекту философствования, обладающему сознанием. Однако это – не только его образ явлений. Он принадлежит и другому субъекту, имеющему сходный опыт познания. Созерцание есть индивидуальное по форме и коллективное по содержанию образное познание. Философ оперирует с образами, а не с явлениями,

как ученый [9. С. 18]. И эти образы заключены в форму феноменов. Поэтому цель философского созерцания – выразить сущность бытия сущего, презентующего себя для субъекта в виде феноменов, посредством категорий и понятий (логическое обоснование), концептов и других познавательных средств. Феномены как целостные образования существуют только для философа.

Специфика созерцания философа характеризуется, с точки зрения автора, такими чертами, как целостное видение, направленность на выявление всеобщего, что предполагает концептуальный подход, экзистенциальная ориентация, включая событийность.

Целостное схватывание бытия сущего дано нам посредством феноменов и установления связей между ними. «Целостное бытие – это такое бытие, понятие которого не разделено пропастью и которое, однако, не исключает неантезирующее-неантезируемое бытие-для-себя, бытие, существование которого было бы единым синтезом в-себя и сознания: оно идеальное бытие-в-себе, основанное благодаря для-себя и идентичное этому для-себя, дающему ему основание, т. е. *ens causa sui*» [8. С. 168].

Далее философ постигает реальность *всеобщего*, или всеобщее в структуре (совокупности) бытия через категории (философские универсалии), которые охватывают своим содержанием не отдельные феномены, а стороны или грани бытия всего сущего. Мыслить о всеобщем можно лишь в чистом присутствии, освободившись от предрассудков и логических противоречий, но не избавившись полностью от субъективности и ценностной пристрастности. Созерцание есть всегда ценностное восприятие.

Категориальное мышление в философии отличается *концептуальностью*. Отвечая на вопрос, что такое философия Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут: «... философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [10. С. 10]. Творчество концептов – основное содержание и функциональное назначение философского созерцания.

И наконец, философское созерцание возможно лишь в экзистенции. В отличие от присутствия вообще как бытия «здесь и теперь» (вот-бытия в духе Хайдеггера) экзистенция характеризует наше личное и ответственное отношение к миру. Об этом писали многие представители экзистенциализма (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс и др.). Так, Хайдеггер считает, что для этого философу нужно иметь фундаментальное настроение («желание быть везде дома») и целостную установку («видеть мир в целом»). Причем одно без другого не бывает. Нет никакого схватывания целого без захваченности познавательной ситуации экзистенцией.

По Ясперсу, постижение мира философией осуществляется через возможную *экзистенцию*. «Может быть, эта экзистенция открывает путь для сознания вообще в мире объектов...» [11. С. 36]. Если экзистенция есть то, что относится исключительно

ко мне самому и выступает источником всех моих мыслей и действий, то можно предположить вслед за Ясперсом, что быть для субъекта означает не просто мыслить себя как особенное сущее, но и принимать решения относительно себя и собственной жизни [11. С. 37]. А это значит, что философ высказывает не одни лишь предположения, а принимает решения относительно своего бытия в мире и понимания бытия в целом. Его созерцание деятельно.

И еще надо отметить одно важное свойство экзистенциальной природы философского созерцания – *событийность*. Феномены предполагают встречу с бытием, миром лицом к лицу. Конструируя феномен, философ как бы заново открывает для себя мир. Он узнает себя в части освоенных и преобразованных (переосмысленных) им феноменов. Но с новыми феноменами (а точнее – стоящими за ними явлениями, миром-в-себе, которые возникают внезапно на табло сознания) он встречается впервые. Поэтому созерцание как акт конструирования «можно рассматривать как событие. Событие, отличное от своего же собственного содержания» [8. С. 388]. Событием становится каждый феномен, смысл которого мне открывается в созерцании заново или встречается впервые.

Таким образом, философом может быть любой человек, который поднимается на высоту созерцания всеобщих смыслов бытия, пропуская их сквозь ценностный фильтр собственного бытия (экзистенции). Чтобы быть философом, не обязательно иметь базовое философское образование. Философии нельзя научиться только в университете. Недостаточно также писать тексты по философии или иметь большой жизненный опыт.

Всё это – важные, но не достаточные предпосылки философского созерцания как целостного схватывания мира феноменов в состоянии чистого присутствия. Необходимо еще обладать способностями к философствованию как особого рода духовной практики. А это качество является уже делом немногих избранных.

Философствование как духовная практика. Суть философствования состоит в личном (мотивированном и ответственном) обращении к миру как целому, содержащему в себе смыслы надличностного существования.

Ясперс выделяет три направления философствования, с которыми автор в принципе согласен, хотя и с некоторыми уточнениями.

Во-первых, философ призван давать *общую ориентировку в совокупности бытия*. И дело не в том, чтобы установить, каково бытие первично, а каково вторично, или чем отличается бытие-в-себе от бытия-для-себя. Философ должен указать в лабиринтах познания свой путь к бытию. И этот путь может быть не самым лучшим или коротким. Но это – его путь к себе и для других, а не от себя и вопреки другим.

Ориентирование в мире означает для философа непрерывный поиск сущности бытия вообще или

бытия совокупного сущего из собственного духовного опыта. Знание о едином, или совокупном, сущем не так важно людям, окружающим философа, как знание о его персонально-сущем, из которого он видит и понимает мир. В данном плане философ не может выступать одиноким путником, прокладываям себе дорогу из небытия в бытие. Скорее он напоминает нам человека, идущего впереди и ведущего за собой близких ему по духу людей.

В арсенале философа находится масса познавательных средств. Но главное из них – собственная вера в свой путь, который растягивается на всю его сознательную жизнь. Это и есть философская вера.

Во-вторых, философ переводит познание мира в *анализ существования*, как своего собственного, так и тех людей, от имени которых он говорит и вопрошает. При этом он не претендует на создание единой картины мира и выработку универсального пути к истине. Для него не существует никакого «мира в целом» или «истины вообще», если они не помогают ему и его близким найти просвет бытия и обрести желаемое состояние свободы.

Ясперс называет этот путь «просветлением экзистенции». Он отличает его от анализа существования, связанного с выявлением всеобщего в бытии. В нём человек познает себя как Я-вообще. Просветление экзистенции является обращением от человека к человеку, в том числе к самому себе, в котором каждый открывает себя как индивидуальность и дарит её другим. Это происходит на фоне ориентирования в мире, которое относится к разного рода объективностям и связано с выявлением всеобщего в мире.

Просветление экзистенции есть путь к истоку – свободе как возможности самобытия. Оно наполняет ориентирование в мире смыслом. «Пока человек сохраняет способность возвышаться над своим существованием, философствование будет увлекать его к возвышению в метафизике» [11. С. 54].

И в-третьих, «метафизика есть для экзистирующего то просветление, в котором – из мира в коммуникации между экзистенциями – с ним говорит трансценденция» [11. С. 54]. Другими словами, метафизический уровень философствования является завершающим в познании бытия. Субъект трансцендирования погружается в пограничную ситуацию, в которой ему приоткрывается мир запредельного. Но для этого, как считает Ясперс, ему необходимо расшифровать символы и коды реальности. Трансценденция скрыта под шлейфом закодированных посланий. Зов бытия трудно уловить. Он заглушается шумом искажающих и отвлекающих звуков.

Трансцендирование означает «превосхождение предметности», выход за пределы предметного познания в мир непредметного и непостижимого, которое в отличие от экзистенции (подлинного бытия, бытия свободы и в свободе) есть переход в инобытие или сверхбытие, говоря словами Ясперса. Сверхбытие связано с идеей абсолютного существования, божественного предназначения человека.

Но можно ли мыслить инобытие иначе, чем в контексте божественного предначертания пути человека? Можно, если под ним понимать бытие всеобщего, в котором заключен смысл целого. И это не Бог или мир идей Платона, а система категорий, производимых сознанием вообще. При этом философ как субъект инобытия становится на время трансцендирования абсолютным индивидуумом, тождественным всеобщему. Он ищет бытие не в Боге, а в сфере всеобщего – «духе целокупности», сводящем воедино бытие (К. Ясперс). «Трансценденция есть бытие, которое делает возможным целокупности идей в существовании, хотя в нем и не дано зримой или мыслимой наличности идеи како-либо единого целого» [12. С. 82].

Следовательно, трансцендирование как способ философствования не тождественно экзистированию, удостоверяющему подлинное существование человека в свободе. Оно есть, как говорил Н.А. Бердяев, реакция человеческого духа на совокупность бытия. Мыслить метафизически – это значит постигать мир в целом, т. е. трансцендировать единство мира, выявлять и удерживать всеобщее в нём. Таков подход философии, и этим она принципиально отличается от имманентного, партикулярного и предметного познания, характерного для науки.

Философствование предполагает предельное вопрошание и ответы на вызовы бытия.

Вопрошание – сущностная черта философствования. Философия имеет дело с сущим, которое обращено на самое себя. Это – сущее (сознание), в котором заключен весь доступный ему мир. Но поскольку сознание философа субъективно и ценностью окрашено, то и сам процесс познания проходит через его ценностные фильтры. Ведь сущее открывается каждому индивиду отдельно и в том виде, в котором он способен его воспринимать и понимать. Это вдвойне относится к философии, которая постигает мир в диалоге. Главное для нее – вопрошание, а для мыслителя – быть субъектом вопрошания и осуществлять трансцендирование (смыслотворчество).

Правильно сформулированный вопрос о смысле бытия – душа философствования. В собственном бытии философ реализует свою миссию «внутреннего» вопрошания, обращенного к самому себе и другому как особому роду сущего. В нём философствующий человек ищет ответ на вопрос о том, кто он сам в этом мире, каков его мир, причем не там, а здесь и теперь. Некоторые исследователи именуют этот феномен философским даймоном. «Эту область мы назвали *философским даймоном*, то есть пространством вопрошания о бытии сущего или точкой наблюдения за человеком (как мыслящим мыслимое) изнутри. Это – сфера логоса, где он высвечивает все сущее как единое (en), как *φύσις*» [7]. Философия «есть вопрошание, в котором мы пытаемся охватить своими вопросами совокупное целое сущего и спрашиваем о нем так, что сами, спрашивающие, оказываемся, поставлены под вопрос» [3. С. 333].

Следовательно, суть философствования состоит в том, чтобы обращаться к бытию с вопросами, причем к тому бытию, которое само может вопрошать себя и взывать к себе подобному сущему. Главное в нем – «мыслить мыслимое» о бытии сущего в диалоге (как бытии-с-другими), обмениваясь идеями и конструируя картину мира как целого из бытия-для-себя (сознания).

В ходе философствования субъект не только вопрошает, но и творит мир посредством категорий и концептов. Философом становится тот, кто видит мир иначе, чем большинство обычных людей. И видит не только сущее, но и его сущность, скрытую в глубинах бытия. Не случайно У. Джеймс утверждал, что философия есть, прежде всего, мыслящий человек, проникающий в тайны бытия. «Философия во всей полноте этого слова все же есть лишь мыслящий человек, человек, мыслящий в большей мере о наиболее свойствах бытия, нежели о частностях» [13. С. 14]. Но мыслить – это значит удваивать реальность, вносить в неё смысл и облекать в форму концептов. Философствование «есть бытие, посредством которого в мир приходит смысл» [13. С. 177].

Поскольку суть философии состоит в том, чтобы мыслить иначе, чем есть на самом деле, мыслить концептуально, конструируя возможный мир и находясь в экзистенции, а самого философствования – в смыслотворчестве как расшифровке кодов трансцендентного, то философ видит в мире не только самого себя, но и другого мыслящего. Поэтому еще один аспект, заключенный в вот-бытии, относится к существованию *другого* вот-бытия. Это не только вопрошание к самому себе, но и вопрошание к себе подобным, разговор с ними (диалог) о сущем вообще и собственном сущем, что и отличает философствование как коммуникацию. Причем нашими партнерами в таком диалоге могут быть как живые мыслители, обладающие чистым присутствием и всеми признаками вот-бытия, так и ушедшие от нас философы, находящиеся в там-бытии на расстоянии веков.

И еще: «...философствование есть последнее выговаривание, то предельное, в чем человек уединяется до своего чистого присутствия...» [3. С. 336]. Но как можно донести смысл бытия до другого, находясь в чистом присутствии и погружаясь в мир духа? Всё дело в том, что философ вовлекает в движение своего духа идеи, добытые мыслителями прошлых эпох, преломляя их в собственном смысловом контексте. Как писал Н.А. Бердяев, «философски я могу познавать лишь свои собственные идеи, делая идеи Платона или Гегеля собственными идеями, т. е. познавая из человека, а не из предмета, познавая в духе, а не объективной природе» [8. С. 290]. По мнению мыслителя, это – принцип бытийственно-жизненной, а не объективистской или субъективистской философии.

Согласитесь, уважаемые читатели, что философствование есть не просто созерцание в состоянии чистого присутствия или умножение реально-

сти (создание возможных миров), которая всегда может быть другой, чем мы себе её представляем, но и (главным образом) глубинная экзистенциальная связь с другим сущим-для-себя. Вот для этого и нужна коммуникация в философии.

Философствование как экзистенциальная коммуникация. Вполне очевидно, что философствование как свободное постижение бытия сущего возможно не только в чистом присутствии, но и в диалоге, коммуникации. Только будучи свободным в своем творчестве и коммуникации с себе подобными, философ способен проникнуть в суть бытия и обогатить наше познание. Философствование есть коммуникация свободных личностей, осуществляемая по поводу предельных оснований бытия всего сущего.

Эту мысль развивает в своей экзистенциальной философии К. Ясперс. «Философия, – пишет он в предисловии к первому тому, – цель истинной общности само-сущих людей, – была делом индивидов, которые в неслыханном избытке собственной боли и собственной достоверности свидетельствовали нам из *одинокой дали*, – не призывая нас последовать за ними... Но сами мы философствуем не из одиночества, а из *коммуникации*. Исходным пунктом для нас становится: как относится и действует (*steht und handelt*) человек к человеку, как индивид к индивиду... Моё философствование всем своим содержанием обязано тем, кто был ко мне близок» [11. С. 20].

Философская коммуникация выступает в самых разных формах. Она представляет собой конкуренцию идей и исследовательских программ. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, философия, будучи детищем древнегреческой цивилизации, несет в себе в социальном плане следующие предпосылки – дружество, свободу и соперничество. Философы – это сообщество дружественных, свободных и равных людей, которые соперничают друг с другом. Созерцание, рефлексия, коммуникации суть значимые, хотя и недостающие, позиции философов, но не природа философии как таковой. Однако раз философ – творец концептов («концептор»), то у него нет монополии на них. Концептами пользуются представители науки, искусства, дизайна, рекламы. Пользуются, но они в отличие от философов их не создают.

Таким образом, философствование становится возможным благодаря созерцанию как чистому присутствию и коммуникации как адресному вопрошанию и обмену идеями.

Философствование как путь к свободе. Философия призвана раскрыть потенциал свободного развития человека. Поскольку свобода укоренена в человеческом бытии, то главная проблема, которая стоит перед философом – это содействовать открытости коммуникации в мире и расширению пространства свободного дискурса. «Философия – это то, – писал К. Ясперс, – посредством чего человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности» [8. С. 228].

На эмансипаторскую роль философии указывал в своё время Ю. Хабермас, настаивая вместе с тем на том, что философ – это местоблюститель и интерпретатор. Быть блюстителем места означает, по мысли теоретика, удерживать интерес ученых к универсалистской проблематике и не скатываться в эмпирическую реальность [8. С. 372].

Для многих исследователей философствование есть «напряженное в ищущей мысли экзистирование личности человека», в основе которого лежит приближение души к мудрости. Это – своего рода духовная практика. С этим, в принципе, можно было бы согласиться, если не преувеличивать значение практики. «Философия открывает простор, простор бытия, какой-то свет возможностей для человека мыслить и существовать с повышенным сознанием и духовной ясностью» [14]. Пожалуй, лучше не скажешь, хотя здесь больше подходит выражение «просвет бытия». Кстати, Ясперс для характеристики миссии философа в мире использует понятие «просветление экзистенции». Именно таким просветом (или просветлением) и одновременно ответом на вызовы бытия мне представляется философствование.

Таким образом, философствование есть освобождение от стесненности жизненными проблемами, в том числе достижение свободы от вещной зависимости и поиски смысла пограничных ситуаций. Для этого философу необходимо иметь экзистенциальную решимость к бытию. Поэтому философ взирает на мир не только с позиции вечности, но и как существо конечное, страдающее, стремящее обрести свободу и освободиться от тотальности бытия. Но главное для него – производство смыслов, значимых для данной эпохи, времени и живущих в них людей. Вот об этом главном и стоит поразмышлять далее.

О назначении философии и философа. Так же такой философ, если его профессия связана с предельным вопрошанием о бытии сущего и с творчеством смыслов в состоянии чистого присутствия (созерцания) и в процессе коммуникации? Существуют разные мнения на этот счет. Приведем некоторые из них, чтобы понять назначение философа. Философ:

- «это человек, который постоянно переживает вещи из ряда вон выходящие, видит и слышит их угадывает их и жаждет, грезит ими...» (Ницше; [2. С. 97]);
- «лечит вопрос – как болезнь» (Л. Витгенштейн; [8. С. 27]);
- «тот, кто сперва должен излечиться от многих недугов собственного рассудка, прежде чем он придет к понятиям здравого человеческого разумения» (Л. Витгенштейн; [8. С. 30]);
- занимается «прояснением смыслов» всех проблем и решений, а не открытием истин, как наука (М. Шлик; [8. С. 72]);
- «это человек, улавливающий как бы скрытые трещины в структуре наших понятий, там, где другие видят перед собой только гладкий путь, полный банальностей» (Ф. Вайсман; [8. С. 84]);

- человек, который стремится «открыть тотальность бытия» (Ж.-П. Сартр; [8. С. 179]);
- человек, который духовно (экзистенциально) обеспокоен и мотивирован на преодоление границ познания (К. Ясперс; [11. С. 18]);
- человек, который стремится открыть подлинную реальность и обосноваться в ней (Х. Ортега-и-Гассет; [8. С. 192]);
- «человек, ищущий мудрость» (Ж. Маритен; он постигает фундаментальные реалии, затрагивающие природу вещей, самого человека, Бога, и служит Истине и Свободе [8. С. 273]);
- «экзистенциального типа не объективирует в процессе познания, не противопоставляет объект субъекту. Его философия есть экспрессивность самого субъекта, погруженного в тайну существования» [15. С. 263];
- философия как беседа «души с самой собой в свете ее притяжения к мудрости, которая вряд ли мыслима без братского единения людей» (В.П. Визгин; [14]);
- учитель жизни, а не наркоторговец и технократ, который продает смертельно сладкую ложь «для зомбирования и «прогрессивного снятия» человека» [16. С. 190].

Как видно, в приведенные выше функциональные определения философской деятельности и миссии философа входят самые разные качества. Выделим наиболее существенные из них:

- 1) *Метафизическая роль* (трансцендирование, выход за пределы своего познания в мир иного, переживание запредельности, обретение мудрости и поиск истины).
- 2) *Экзистенциальная позиция* (стремление к свободе и свободному познанию).
- 3) *Логическая функция* (прояснение смыслов и обоснование понятий).
- 4) *Образовательная роль* (формирование мировоззрения, обучение и учительство).
- 5) *Коммуникативная функция* (вопросание, организация диалога и духовное единение людей).
- 6) *Терапевтическая функция* («лечение» собственного рассудка и коррекция вопроса).

Для понимания философствования особенно важны такие качества философа, как вопрошание, обучение и «лечение» вопроса. Первая часть связана с постановкой вопроса о предельных основаниях бытия сущего, вторая часть – с формированием философского этоса, третья – с коррекцией вопроса, избавления его от ненужных значений, засоряющих основной смысл. «Лечение» вопроса (и вопросом) означает, по Л. Витгенштейну, логическое прояснение мыслей, мыслей о сущем в его бытии, которое есть предельная форма его существования. Оно реализует терапевтическую цель философии – избавление знания от концептуальных недугов (путаницы, логических ловушек и тушиков) [8. С. 37]. Оно предполагает, по Ф. Вайсману, вскрытие трещин и противоречий в структуре понятий ради постижения смыслов обозначаемых им феноменов.

Но чтобы сделать это, философу нужно обладать, с точки зрения Ж. Маритена, прежде всего, «мощью рефлексивной способности, даром видения и концептуального выражения тех проблем, которые одолевают его современников...» [8. С. 281].

Так в чем же состоит истинное назначение философа, постигающего смысл бытия особым, доступным только ему способом? Если ответить коротко и по сути, то оно заключается в трансцендировании, в производстве смыслов, находящихся на границе познаваемого и непознаваемого. Именно метафизическая роль в деятельности философа для автора является приоритетной. «Философия экзистенции, – подчеркивал К. Ясперс, – есть в сущности метафизика» [11. С. 49]. Философствование как постоянная практика философа указывает ему путь к бытию. Оно состоит в непрерывном искании бытия из экзистенции и в расшифровке кодов, содержащихся в символах трансценденции. А для этого нужны иные средства постижения, которые недоступны обычным исследователям.

Философ создает не только собственную картину мира, но и познавательные средства, которые позволяют ему проникнуть в тайны трансцендентного, не выходя из его экзистенциальной ситуации. Он находится постоянно в пограничной ситуации, между экзистенцией и трансценденцией. Один из способов расшифровки тайнописи бытия трансцендентного как мира запредельных сущностей предложил, в частности, К. Ясперс [11. С. 236–237]. Автор же данной статьи находится в начале поисков, предприняв первые шаги в исследовании природы межчеловечности и трансперсональности.

Итак, в философию надо вернуть субъекта, а самой философии придать статус духовной практики. При этом у философии и философов имеется своё назначение. «Если назначение философии, писал Мерло-Понти, – раскрыть первичный смысл бытия, то она не может оставаться таковой, отворачиваясь от удела человеческого: ей, напротив, необходимо погрузиться в него» [10. С. 14]. Философия творит мир из человека и для человека, конструируя и видоизменяя его смыслы. В известном смысле она есть экзистенциальное трансцендирование, т. е. производство новых смыслов из экзистенции мыслителя как человека, вопрошающего и стремящегося к свободе.

В этом и заключается предназначение самого философа. Только тот, кто приближается к этому идеалу, вправе называться этим высоким званием. Остальные (преподаватели, исследователи, любители мудрости и пр.) должны отдавать себе отчет в том, что они находятся лишь у истоков философствования или в преддверии философского здания. Вход в него осуществляется не по пропускам (дипломам докторов и кандидатов философских наук), а по призванию. К сожалению, многим нашим официальным деятелям, занимающим высокие посты в академических структурах, совершенно невдомек, что их занятия философией не имеют

ничего общего с постижением бытия в свободе. Боюсь, что занавес над трансцендентным приоткрывается немногим, только тем, кто действительно проник в тайны бытия благодаря своему таланту, пронизательности и философской вере.

Быть философом – это значит видеть бытие в целом сквозь призму своего персонально-сущего-бытия, стать абсолютным (трансцендентальным) субъектом, способным создавать возможные миры для себя и других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ойзерман Т.И. Философия философии // Философия в современном мире. – 2008. – № 1. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_1/2.pdf. (дата обращения: 20.08.2013).
2. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. с нем. Н.О. Гучинской. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997. – 304 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
4. Bosteels V. Alain Badiou's Theory of the Subject: The Recommendation of Dialectical Materialism? (P. II) // Philosophy. – 1998. – № 13. – P. 172–208.
5. Davidson D. Mental events // Readings in philosophy of psychology. – 1980. – № 1. – P. 107–119.
6. Dussel E. Philosophy of Liberation. – Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1985. – 224 p.
7. Дугин А. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала // Платонополис-2010. URL: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala> (дата обращения: 12.08.2013).
8. Левит С.Я. Путь в философию. Антология / под ред. С.Я. Левит. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 445 с.
9. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
10. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.; СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.
11. Ясперс К. Философия. Кн. 1. Философское ориентирование в мире / пер. А.К. Судакова. – М.: Канон+, 2012. – 384 с.
12. Ясперс К. Философия. Кн. 3. Метафизика / пер. А.К. Судакова. – М.: Канон+, 2012. – 296 с.
13. Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии / пер. с фр. А.Ф. Грязнова. – М.: Республика, 2000. – 315 с.
14. Визгин В.П. Как я понимаю философию // Философский журнал. – 2009. – № 1. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2/2.pdf (дата обращения: 20.08.2013).
15. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: ДЭМ, 1990. – 336 с.
16. Кутырев В.А. Человеческое и Иное: борьба миров. – СПб.: Алетейя, 2009. – 264 с.

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 101.3

MAN-INQUIRER. THE APPOINTMENT OF THE PHILOSOPHER

Yury M. Reznik,

Dr. Sc., Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, bld. 5,
14, street Volkhonka, Moscow, Russia, 119991; Tomsk Polytechnic university,
30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: reznik-um@mail.ru

The main aim of the study. The work is done on the actual methodology of philosophy. The subject of the article is the philosophy as a particular form of understanding the existence. The purpose of the study is to disclose the substantive content and the ontological nature of philosophy from the author's point of view.

The methods used in the study. The author has proposed the phenomenological approach that defines the location of philosophical discourse and mental landscape in the philosophical community.

The results. The essence of philosophy and its mission over the last century has been actively discussed by thinkers who offer various approaches to its meaningful self-determination. Philosophy, from the author's point of view, is existential-phenomenological analysis and pragmatics of being as a sentient being-at all. Interpretation of philosophy includes several procedures of analytical immersion in Genesis: the selection of subjective dimension of being (being-for-itself), characteristic of phenomenal pictures of being (the semantic structure of existence), as well as definition of holistic phenomena properties from the perspective of a subjectively-universal. The author concludes that in terms of phenomenological approach philosophy perceives Genesis (and the world) as a subject of interpretation. It aims to clarify and «highlight» the sense (meaning) of holistic phenomena of existence. The author offers a new treatment of philosophy. In his view the genesis of everything can be comprehended based on human existence and only as subjectively-universal in the world of phenomena in his mind. The statements could be used in the field of philosophic education and in ongoing discussions on the subject of philosophy.

Key words:

Human being, culture, philosophy, philosopher, cognition, contemplation, philosophizing, subject, values, being, existence, being as such, being-for-oneself, things, world, totality, universal, meaning, holistic vision, pure presence, existence, transcendence, spirit, freedom, event, phenomenon, questioning, conceptuality, communication, transcendence.

REFERENCES

1. Oyzerman T.I. *Filosofiya filosofii* [Philosophy of philosophy]. *Filosofiya v sovremennom mire*, 2008, no. 1. Available at: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_1/2.pdf. (accessed 20 August 2013).
2. Khaydegger M. *Vvedenie v metafiziku* [Introduction into metaphysics]. Translated from German N.O. Guchinskaya. St. Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1997. 304 p.
3. Khaydegger M. *Vremya i bytie: Stati i vystupleniya* [Time and Being. Papers and reports]. Translated from German V.V. Bibikhin. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.
4. Bosteels B. Alain Badiou's Theory of the Subject: The Recommendation of Dialectical Materialism? P. II. *Philosophy*, 1998, no. 13, pp. 172–208.
5. Davidson D. Mental events. *Readings in philosophy of psychology*, 1980, no. 1, pp. 107–119.
6. Dussel E. *Philosophy of Liberation*. Maryknoll, N.Y., Orbis Books, 1985. 224 p.
7. Dugin A. Martin Haydegger: filosofiya drugogo Nachala [Martin Heidegger: philosophy of another Beginnings]. *Platonopolis-2010*. Available at: <http://www.platonizm.ru/content/dugin-martin-haydegger-filosofiya-drugogo-nachala> (accessed 12 August 2013).
8. Levit S.Ya. *Put v filosofiyu. Antologiya* [Way to philosophy. Anthology]. Ed. S.Ya. Levit. Moscow, PER SE Publ., 2001. 445 p.
9. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothing. Experience of phenomenological ontology]. Translated from French, preface, notes V.I. Kolyadko. Moscow, Respublika Publ., 2000. 639 p.
10. Delez Zh., Gvattary F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from French S.N. Zenkin. Moscow, St. Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 286 p.
11. Yaspers K. *Filosofiya. Filosofskoe orientirovanie v mire* [Philosophy. Philosophical orientating in the world]. Translated by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+ Publ., 2012. B. 1, 384 p.
12. Yaspers K. *Filosofiya. Metafizika* [Philosophy. Metaphysics]. Translated by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+ Publ., 2012. B. 3, 296 s.
13. James U. *Vvedenie v filosofiyu. Rassel B. Problemy filosofii* [Introduction into philosophy. Rassel B. Issues of philosophy]. Translated from French by A.F. Gryaznov. Moscow, Respublika Publ., 2000. 315 p.
14. Vizgin V.P. Kak ya ponimayu filosofiyu [The way I understand philosophy]. *Filosofsky zhurnal*, 2009. no. 1. Available at: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2/2.pdf (accessed 20 August 2013).
15. Berdyayev N.A. *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (experience of philosophic memories)]. Moscow, DEM Publ., 1990. 336 p.
16. Kutyrev V.A. *Chelovecheskoe i inoe: borba mirov* [Human and the other: the fight of the worlds]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2009. 264 p.

УДК 338.242.4

ОЦЕНКА НЕСОВЕРШЕНСТВА РЫНКА НА ОСНОВЕ КРИТЕРИЕВ ДОМИНИРОВАНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ НОРМ

Петров Сергей Павлович,

аспирант, ассистент каф. экономической теории
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет»,
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20. E-mail: petrov.s.p@mail.ru

Шмаков Александр Викторович,

канд. экон. наук, доцент каф. экономической теории
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет»,
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20. E-mail: a.shmakov@mail.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью экономического обоснования норм антимонопольного законодательства, разрабатываемых странами-участниками Единого экономического пространства.

Цель работы: сформировать методологический подход к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства, позволяющий учесть особенности отраслевой структуры экономики и воздействие на экономические показатели, определяющие общественное благосостояние; провести оценку эффективности норм антимонопольного законодательства РФ, направленных на выявление доминирующего положения хозяйствующих субъектов.

Методы исследования: работа выполнена в рамках неинституциональной исследовательской программы; при проведении исследования использовался абстрактно-логический подход на основе системного анализа экономических процессов, применялись экономико-математическое моделирование, корреляционный анализ, метод анализа выгод и издержек.

Результаты: разработан методологический подход к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства, учитывающий как воздействие норм на экономические показатели, определяющие уровень общественного благосостояния, так и возможность реализации рассматриваемых норм; осуществлена оценка эффективности норм российского антимонопольного законодательства, направленных на выявление доминирующего положения хозяйствующих субъектов; обоснована необходимость при выявлении доминирующего положения учитывать отраслевую структуру экономики, воздействие концентрации на экономические показатели, определяющие общественное благосостояние (на примере оптового рынка электрической энергии); выявлены недостатки рассматриваемых норм антимонопольного законодательства, предложены рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова:

Эффективность нормативно-правовых актов, антимонопольное законодательство, ФЗ «О защите конкуренции», доминирующее положение, несовершенные рынки, оптовый рынок электрической энергии.

Постановка проблемы

Создание Россией, Казахстаном и Белоруссией Единого экономического пространства (ЕЭП) привело к разработке общего для стран-участниц антимонопольного законодательства. В основу нового антимонопольного закона были положены законы стран-участниц, в том числе Федеральный закон РФ «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ. Несмотря на то, что антимонопольное законодательство ЕЭП носит рекомендательный характер, нет сомнений, что для российской антимонопольной политики оно будет основным ориентиром в дальнейшем развитии, тем самым будет определять реалии антимонопольного регулирования, оказывать значительное влияние на хозяйственную деятельность страны. Протекающие правотворческие процессы требуют акцентировать внимание на важности проработки экономической составляющей вопроса. Возникает потребность в проведении как оценочного анализа эффективности взятых за основу действующих норм, так и прогнозного анализа эффективности проектируемых норм антимонопольного законодательства. Становится актуальным совершенствование методологии оценки эффективности норм антимонопольного законодательства.

Одной из основополагающих категорий современного антимонопольного законодательства является доминирующее положение. Наличие доминирующего положения хозяйствующих субъектов – важный критерий выявления монопольных цен, навязывания условий договора, создания дискриминационных условий, создания барьеров входа и т. д. От правильности определения доминирующего положения зависит как корректность выявления нарушений антимонопольного законодательства, так и эффективность функционирования действующих в рамках законодательства хозяйствующих субъектов, что в конечном итоге существенно отражается на общественном благосостоянии. Этим обоснован особый интерес и первоочередность экономической оценки норм, направленных на выявление доминирующего положения хозяйствующих субъектов.

Вопросами совершенствования системы антимонопольного регулирования экономисты занимаются непрерывно со времен А. Смита. Особую роль в решении данных вопросов играют исследования экономистов институционального, а позже неинституционального направлений, сфокусированных на вопросах эффективности антимонопольно-

го законодательства. Один из основателей институциональной экономической теории Т. Веблен еще в XIX в. анализировал воздействие крупных предприятий на потребительский выбор [1]. Другой родоначальник институциональной экономической теории Дж.Р. Коммонс обосновывал, что главной задачей правительства является осуществление демополизации экономики [2]. Дж.К. Гэлбрейт, разделив капитализм на две системы – планирующую и рыночную, показал необходимость контроля над планирующей системой, как совокупностью крупного бизнеса, оказывающего влияние на функционирование рынка [3]. О. Уильямсон показал влияние антимонопольного законодательства на величину трансакционных издержек, институциональные соглашения и общественное благосостояние [4]. Их современник Р. Познер обосновал необходимость разработки критериев экономической эффективности антимонопольного законодательства [5]. У. Ковачич указал на отсутствие отвечающих современным условиям экономического развития институтов антимонопольного регулирования [6]. Р. Борк выдвинул идею, согласно которой цель антимонопольного законодательства заключается не в поддержке отдельных конкурентов, а в повышении общественного благосостояния путем защиты конкуренции [7]. Ф. МакЧензи доказал, что политика разукрупнения может приводить к снижению общественного благосостояния и указал на отсутствие инструментов эффективного различения про- и антиконкурентного поведения [8].

Даже такой сравнительно неполный обзор ключевых для понимания неинституционального подхода к проблеме антимонопольного регулирования исследований дает представление о непрерывной эволюции данных теорий. Представителями неинституциональной экономической теории доказано, что рынок не может эффективно функционировать без соответствующей институциональной среды, одним из элементов которой является антимонопольное законодательство. Путем создания эффективных законов осуществляется спецификация и защита прав собственности, что гарантирует развитие конкуренции. При этом представители неинституционального направления показали, что простое следование идее создания чисто конкурентного рынка приводит к снижению общественного благосостояния, т. к. издержки антимонопольного регулирования начинают превышать выгоды от осуществления антимонопольных мер. Однако вопросам создания комплексного подхода к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства уделено недостаточно внимания.

Все вышесказанное обуславливает актуальность и практическую значимость решения следующих задач: *во-первых*, необходимо сформировать методологический подход к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства, позволяющий учесть особенности отраслевой

структуры экономики и воздействие на экономические показатели, определяющие общественное благосостояние; *во-вторых*, в качестве апробации подхода предлагается провести оценку эффективности норм антимонопольного законодательства РФ, направленных на выявление доминирующего положения хозяйствующих субъектов.

Методологический подход к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства

Стратегической целью конкурентной политики является создание условий для развития конкуренции посредством предупреждения и пресечения антиконкурентных действий хозяйствующих субъектов и органов власти, а также обеспечение равного доступа к товарам и услугам, в том числе производимым субъектами естественных монополий, и развитие конкуренции в потенциально конкурентных видах деятельности [9]. Исходя из цели конкурентной политики под эффективной нормой антимонопольного законодательства понимается норма, способствующая достижению максимизации общественного благосостояния посредством формирования условий для осуществления эффективной конкуренции и обеспеченная ресурсным потенциалом, достаточным для реализации данной нормы.

Эффективность норм антимонопольного законодательства может оцениваться посредством анализа соответствия реализуемых норм двум условиям: «стремление к оптимальности» и «ресурсная обеспеченность».

I) «Стремление к оптимальности» – исполнение норм антимонопольного законодательства должно приводить к повышению благосостояния общества через создание стоимости (ценности) и оптимизацию распределения ресурсов. Положительный эффект норм антимонопольного законодательства проявляется через расширение возможностей хозяйствующих субъектов осуществлять конкурентную деятельность, инвестировать, производить трансакции и т. д., в результате чего создаётся дополнительное богатство, тем или иным способом распределяющееся между индивидами. При этом затраты на принятие и реализацию норм антимонопольного законодательства, включая потери, вызванные действием норм, не должны превосходить размеров создаваемого богатства. Иными словами, эффективные нормы антимонопольного законодательства способствуют достижению максимума функции общественного благосостояния.

II) «Ресурсная обеспеченность» – наличие ресурсного потенциала, достаточного для обеспечения последовательного исполнения норм антимонопольного законодательства. В случае, если ресурсный потенциал государственных органов, обеспечивающих функционирование механизма защиты норм антимонопольного законодательства, недостаточен, нормы не выполняются или выполняются частично. Недостаток и неэффективное использование ресурсов в процессе реализации

норм приводит к возникновению ошибок первого и второго рода. Ошибки первого рода – пропуск события – проявляются через признание невиновным хозяйствующего субъекта, виновного в нарушении антимонопольного законодательства. Ошибки второго рода – ложное срабатывание – проявляются через признание добросовестного хозяйствующего субъекта виновным в несуществующем нарушении законодательства. Оба типа ошибок ослабляют стимулы хозяйствующих субъектов к следованию нормам антимонопольного законодательства и приводят к снижению благосостояния общества [10].

Предлагаемые условия подлежат некоторой формализации.

1) Для определения степени соответствия первому условию – «стремление к оптимальности» – воспользуемся критерием Калдора–Хикса. В соответствии с критерием Калдора–Хикса можно утверждать, что в случае, если общественные выгоды (включая выгоды потенциальных нарушителей) от реализации нормы антимонопольного законодательства превышают общественные издержки (включая издержки потенциальных нарушителей), связанные с реализацией данной нормы, то норма признается эффективной. Первое условие эффективности норм антимонопольного законодательства можно представить в виде неравенства:

$$TR_S + TR_M > TC_S + TC_M,$$

где TR_S – ожидаемые общественные выгоды от действия нормы антимонопольного законодательства, за исключением выгоды потенциальных нарушителей; TR_M – ожидаемые частные выгоды потенциальных нарушителей от действия нормы антимонопольного законодательства; TC_S – ожидаемые общественные издержки от действия нормы антимонопольного законодательства, за исключением издержек потенциальных нарушителей; TC_M – ожидаемые частные издержки потенциальных нарушителей от действия нормы антимонопольного законодательства.

Рассмотрим структуру выгод и издержек, подлежащих учету при оценке эффективности антимонопольного законодательства.

Общественные выгоды от реализации норм антимонопольного законодательства понимаются достаточно широко и включают создание благоприятных условий для бизнеса, создание условий для результативной деятельности антимонопольных служб по восстановлению конкурентных условий, улучшение условий обслуживания потребителей и прочие изменения, приводящие к повышению общественного благосостояния. Общественные выгоды включают в себя три основных компонента:

а) Повышение благосостояния потребителей в результате действия норм. Создавая конкурентные рыночные условия, нормы антимонопольного законодательства приводят к повышению благосостояния потребителей. Рост благосостояния потребителей проявляется через более полное удовле-

творение их потребностей, расширение ассортимента и повышение качества продукции, улучшение послепродажного обслуживания и т. п. Кроме того, рост эффективности компаний в результате конкурентной борьбы стимулирует снижение издержек производителей и может приводить к соответствующему снижению цен. Напротив, неэффективные нормы способны снижать благосостояние потребителей. Для примера: начиная с 1990 г. компания Майкрософт неоднократно обвинялась в попытке монополизации рынка интернет-браузеров. В контексте данных судебных разбирательств Б. Кляйн оценил деятельность компании Майкрософт как эффективную. На рынке высоких технологий конкуренция заключается в преодолении входных барьеров и получении доминирующего положения посредством высоких инвестиций в инновации. Данную политику проводила и компания Майкрософт. Искусственное развитие конкуренции на данном рынке могло привести к снижению инновационной активности, повышению стоимости разработок и соответственно цены продукции, что негативно отразилось бы на благосостоянии потребителей. В результате эффективной реализации норм антимонопольного законодательства на настоящий момент обвинения с компании Майкрософт сняты, поскольку не удалось подтвердить наличие избыточно высоких барьеров входа [11, 9].

б) Создание благоприятных условий для ведения бизнеса. Эффективные нормы антимонопольного законодательства направлены на создание рыночных условий, усиливающих возможность конкурентной борьбы между фирмами, поощряющих стремление к получению конкурентных преимуществ. Такие нормы приводят к росту благосостояния производителей, проявляющемуся через снижение издержек производства, стимулирование инноваций, создание благоприятного инвестиционного климата, повышение конкурентоспособности на мировом рынке и т. п. Важным становится инновационный аспект деятельности хозяйствующих субъектов, при формировании которого антимонопольное законодательство играет роль института развития [12, 13]. Отметим, что создание благоприятных условий для ведения бизнеса не подразумевает полного пресечения монополистической деятельности. Антимонопольное законодательство призвано поощрять конкурентную борьбу, а не делать рынок статичным, достигая состояния совершенной конкуренции. К примеру, компания duPont с 1929 по 1946 г. владела патентом на производство влагонепроницаемого целлофана и фактически являлась монополистом на данном рынке. Несмотря на это, компания продолжала использовать конкурентные методы ведения бизнеса, активно проводя исследовательскую деятельность и снижая издержки производства. В результате продажи целлофана возросли с 603222 долл. в 1928 г. до 89850416 долл. в 1950 г., цена на целлофан снизилась с 2,51 долл. за фунт в 1924 г. до 38 центов в 1940 г.

В выигрыше остались как производитель, так и потребитель [14].

в) Создание условий для результативной деятельности антимонопольного органа. Эффективные нормы антимонопольного законодательства позволяют либо улучшить результативность функционирования антимонопольного органа, либо добиться снижения издержек антимонопольного органа при сохранении результативности. Данную компоненту общественных выгод нельзя оценивать лишь по снижению величины издержек антимонопольного органа, без учета результативности его деятельности, поскольку проведение антимонопольным органом качественного анализа требует высоких затрат. При этом излишняя нагрузка на антимонопольный орган, не сопровождающаяся дополнительным финансированием, приводит к тому, что антимонопольное регулирование приобретает характер оценки формального соответствия нормам без проведения необходимого экономического анализа рыночных процессов. Например, в законе «О защите конкуренции» до внесения в него изменений Федеральным законом № 401-ФЗ от 6.12.2011 г. отсутствовали четкие параметры разграничения картельных соглашений и прочих соглашений, не относящихся к картельным. Поскольку порядок рассмотрения картельных соглашений существенно отличается от порядка рассмотрения прочих соглашений, антимонопольный орган вынужден доказывать наличие картельного соглашения. При отсутствии четких параметров определения картельного соглашения такое доказательство было связано с избыточно высокими затратами. Эффективность ст. 11 третьего антимонопольного пакета обусловлена введением перечня последствий соглашения, позволяющих признать данное соглашение картельным.

Общественные издержки включают в себя все издержки и потери хозяйствующих субъектов, антимонопольных служб по восстановлению конкурентных условий, потребителей и общества в целом, возникающие в результате реализации норм антимонопольного законодательства. Общественные издержки состоят из трех основных категорий:

1) Потери общества от ограничения проконкурентной деятельности. Принятие норм антимонопольного законодательства, не отвечающих требованиям хозяйственной практики, может привести к необоснованному ограничению проконкурентного поведения. Если нормы антимонопольного законодательства не содержат адекватных рыночной ситуации критериев оценки воздействия поведения хозяйствующих субъектов на конкуренцию, усиливается риск наказания эффективных участников рынка и торможения инновационных процессов вследствие когнитивных искажений [15]. Все это в конечном итоге приводит к снижению уровня общественного благосостояния. История антимонопольного регулирования США демонстрирует примеры снижения эффективности в ре-

зультате ограничения проконкурентного поведения компаний Northern Securities (1904), Standard Oil of New Jersey (1909), American Tobacco (1911). Несмотря на то, что данные фирмы добились доминирующего положения конкурентными способами, они были признаны виновными в монополизации рынков. Подобные решения суда подрывали стимулы фирм к оптимизации их деятельности, что приводило к снижению благосостояния потребителей вследствие роста цен, сокращения ассортимента и качества продукции. Переломным моментом в истории антимонопольного регулирования США стало рассмотрение дел United States Steel Corporation (1920) и Alcoa (1945), решения по которым сформировали прецедент, закрепляющий необходимость анализа экономической составляющей вопроса ограничения проконкурентного поведения. Д. Арментано отмечает позитивное воздействие данного решения на эффективность антимонопольного законодательства США [14].

2) Изменение транзакционных издержек фирм. При изменении норм антимонопольного законодательства происходят изменения в рыночных и управленческих транзакционных издержках, определяемых в соответствии с подходом Э. Фуруботна и Р. Рихтера [16]. Нормы антимонопольного законодательства влияют на выбор участниками рынка форм сделок и на величину транзакционных издержек, возникающих при реализации данных сделок. Например, более конкретные нормы способны снижать транзакционные издержки, уменьшая информационные издержки, издержки ведения переговоров и принятия решений, издержки мониторинга и обеспечения исполнения контрактов. С другой стороны, такие нормы создают более тесные рамки для поведения хозяйствующих субъектов, тем самым снижая перечень возможных инструментов конкурентной борьбы, что может напротив стать причиной роста транзакционных издержек. Т. Мьюрис, Дж. Шеффман и П. Спиллер проанализировали последствия осуществляемых с 1980 г. приобретений компаниями «Пепси» и «Кока-Кола» независимых компаний по разливу напитков в бутылки. Исследователи показали, что данные изменения в рыночных условиях были экономически эффективными, поскольку снизили транзакционные издержки, связанные с производством, дистрибуцией и продажей продукта [17]. В результате того, что данные сделки не были заблокированы антимонопольным законодательством, хотя и попадали в поле его регулирования, произошло снижение транзакционных издержек, связанных с поиском партнеров, занимающихся разливом напитков в бутылки, и необходимостью проведения предконтрактных переговоров. В конечном итоге это привело к росту показателей эффективности компаний «Пепси» и «Кока-Кола» и повышению общественного благосостояния.

3) Издержки деятельности антимонопольного органа, направленной на обеспечение соблюдения

антимонопольного законодательства. Принятие норм антимонопольного законодательства требует финансирования механизма защиты данных норм. Неэффективность норм может приводить к увеличению нагрузки на антимонопольный орган и росту его издержек. Подобная ситуация наблюдалась в момент действия закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-I «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» [18]. Установленные законом границы предварительного контроля сделок экономической концентрации слишком широко определяли данную сферу антимонопольного регулирования, под действие которой попадали участники рынка, сделки между которыми не препятствовали конкуренции. В результате наблюдался рост издержек деятельности антимонопольного органа. Одновременно дефицит ресурсов вынуждал антимонопольный орган сосредоточиться на рассмотрении дел об экономической концентрации, уделяя недостаточно внимания другим сферам антимонопольного законодательства. Чрезмерная нагрузка на антимонопольный орган приводила к снижению результативности деятельности антимонопольного органа.

II) Степень соответствия второму условию – «ресурсная обеспеченность» – определяется вероятностью ошибок первого и второго рода, возникающих при реализации санкций за нарушение норм антимонопольного законодательства. Для эффективной реализации норм антимонопольного законодательства вероятность данных ошибок должна быть минимальна. Сложность хозяйственной практики приводит к невозможности полностью избежать этих ошибок. Поэтому целью законодателя является максимальное снижение потерь общественного благосостояния от их возникновения. Потери благосостояния включают как объективно избыточные затраты антимонопольного органа и участников рынка на применение антимонопольного законодательства, так и потери общества от неправильного дизайна системы стимулов в рамках плохо сформулированных правил.

Рассмотрим воздействие ошибок первого и второго рода на результаты использования условия «стремления к оптимальности». Использование санкций за нарушение норм антимонопольного законодательства снижает выгоды потенциальных нарушителей на величину ожидаемых санкций, применяемых с определенной вероятностью. Соответственно, формализованное представление условия «стремление к оптимальности» можно модифицировать:

$$TR_M = TR_{M-} - p \cdot F,$$

$$TR_S + (TR_{M-} - p \cdot F) > TC_S + TC_M,$$

где TR_{M-} – ожидаемые частные выгоды потенциальных нарушителей от действия нормы антимонопольного законодательства без учета санкций; p – вероятность нарушения норм антимонопольного законодательства (при отсутствии ошибок первого и второго рода она равна вероятности

наказания); F – размер санкции за нарушение норм антимонопольного законодательства.

В процессе применения санкций за нарушение норм антимонопольного законодательства возможно возникновение ошибок двух типов: ошибки первого рода – непризнание ответственности нарушителя – снижают ожидаемые санкции за нарушение антимонопольного законодательства; ошибки второго рода – признание ответственности не нарушившего закон агента – увеличивают издержки соблюдающих закон хозяйствующих субъектов. Возможность возникновения ошибок первого и второго рода вносит искажение в условие «стремление к оптимальности»:

$$TR_S + (TR_{M-} - p \cdot (1 - p_I) \cdot F) >$$

$$> TC_S + (TC_M + (1 - p) \cdot p_{II} \cdot F),$$

$$TR_S + (TR_{M-} - p \cdot F + p \cdot p_I \cdot F) >$$

$$> TC_S + (TC_M + (1 - p) \cdot p_{II} \cdot F),$$

$$TR_S + (TR_{M-} - p \cdot F) >$$

$$> TC_S + (TC_M + (1 - p) \cdot p_{II} \cdot F - p \cdot p_I \cdot F),$$

$$TR_S + TR_M > TC_S + TC_M + ((1 - p) \cdot p_{II} - p \cdot p_I) \cdot F,$$

где p_I – вероятность ошибки первого рода; p_{II} – вероятность ошибки второго рода; $-p \cdot (1 - p_I) \cdot F$ – ожидаемая величина снижения выгоды потенциальных нарушителей в результате применения санкций, с учетом вероятности ошибки первого рода; $(1 - p) \cdot p_{II} \cdot F$ – ожидаемая величина роста издержек, не нарушивших закон хозяйствующих субъектов в результате возникновения ошибок второго рода.

Мы видим, что появление ошибок первого и второго рода приводит к изменению условия «стремление к оптимальности». Появление ошибок первого рода вызывает снижение издержек потенциальных нарушителей и обуславливает необходимость усиления деятельности антимонопольных органов. Например, приводит к увеличению размера штрафов за нарушение антимонопольного законодательства до уровня, который при отсутствии ошибок первого рода мог бы считаться избыточным. Или же стимулирует усиление активности антимонопольных органов, направленной на снижение вероятности нарушения норм, достаточное, чтобы перекрывать воздействие ошибок первого рода. Подобные меры связаны с дополнительными затратами и снижают эффективность системы по сравнению со случаем отсутствия ошибок первого рода. Появление ошибок второго рода увеличивает издержки хозяйствующих субъектов, не нарушающих антимонопольное законодательство, и, напротив, обуславливает необходимость снижения активности антимонопольных органов. Например, в случае массового наложения штрафов на хозяйствующие субъекты, не нарушающие антимонопольное законодательство, разумно снижать величину штрафов. При этом целесообразно уменьшать активность антимонопольных органов, в массовом порядке применяющих санкции к соблюдающим антимонопольное законодательство

хозяйствующим субъектам. В целом появление ошибок второго рода снижает функцию сдерживания нарушителей посредством антимонопольного регулирования. Таким образом, возникновение ошибок первого и второго рода снижает эффективность реализации норм антимонопольного законодательства.

Можно представить примерный перечень факторов, способствующих повышению вероятности ошибок первого и второго рода: неэффективная деятельность антимонопольной службы, судебной системы, в некоторых случаях правоохранительных органов, бюрократизация государственного аппарата, степень конкретности и однозначности применения норм антимонопольного законодательства. Для определения эффективности норм антимонопольного законодательства определяющим является последний из указанных факторов. Чем более общий, неконкретный характер имеют нормы, тем выше вероятность ошибок первого рода, поскольку нормы, устанавливающие лишь общие рамки деятельности хозяйствующих субъектов, оставляют возможность для их интерпретации, и антиконкурентная деятельность может быть признана соответствующей антимонопольному законодательству. И наоборот, более конкретные нормы сужают возможность их интерпретации со стороны хозяйствующих субъектов и контролирующих органов, тем самым повышая вероятность ошибок второго рода, т. к. в данном случае даже методы, не ограничивающие конкуренцию, могут формально интерпретироваться как нарушение антимонопольного законодательства.

Одной из проблем дизайна норм антимонопольного законодательства является то, что ограничение конкуренции может быть побочным эффектом действий хозяйствующих субъектов, направленных на повышение эффективности. В данном случае однозначный запрет потенциально антиконкурентной практики со стороны хозяйствующих субъектов приведет к повышению вероятности ошибок второго рода, т. к. в этом случае под запрет попадают и практики, повышающие общественное благосостояние. Однозначное разрешение потенциально эффективной, но связанной с ограничением конкуренции, практики повысит вероятность ошибок первого рода, т. к. в этом случае разрешается и антиконкурентная деятельность хозяйствующих субъектов, что также приведет к снижению общественного благосостояния. Типичный пример – вертикальные ограничения. Запрет любых вертикальных ограничений может привести к проблемам «двойной надбавки» и снижению не только прибыли продавцов, но и выигрыша покупателей, поскольку надбавку к цене будут устанавливать как производители, так и поставщики, что в конечном счете увеличит цену товара для потребителей. Разрешение любых вертикальных ограничений приведет к созданию барьеров входа на рынки для новых участников, поскольку происходит слияние предприятий разных стадий произ-

водства. Такая же ситуация складывается и в сфере предварительного контроля слияний. Как однозначное разрешение, так и однозначный запрет любых слияний крупных компаний чреваты потерями общественного благосостояния [19].

Оценка эффективности норм, направленных на выявление доминирующего положения хозяйствующих субъектов

Выявление доминирующего положения хозяйствующих субъектов является одной из основных задач современного антимонопольного регулирования. От правильности определения доминирующего положения зависит корректность выявления нарушений антимонопольного законодательства, связанных со злоупотреблением доминирующим положением: установление монопольных цен, навязывание условий договора, создание дискриминационных условий, создание барьеров входа и т. д. Тем самым использование экономически корректного подхода к выявлению доминирующего положения является залогом эффективности системы антимонопольного регулирования. Кроме того, наличие четко определенных критериев доминирования снижает степень неопределенности для хозяйствующих субъектов, способствуя увеличению эффективности их экономических решений. Все вышесказанное обуславливает значимость экономической оценки эффективности норм антимонопольного законодательства, направленных на выявление доминирующего положения.

Согласно ст. 5 ФЗ РФ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» доминирующим признается положение хозяйствующего субъекта или нескольких субъектов, если такое положение позволяет им оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, и (или) устранить с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам [20].

Законом предписаны 3 критерия определения доминирующего положения.

1) Высокая степень рыночной концентрации. Доминирующим признаётся положение хозяйствующих субъектов, совокупная доля которых на соответствующем товарном рынке превышает 50 % для не более 3 компаний или 70 % для не более 5 компаний. Положение не применяется, если доля хотя бы одного из указанных хозяйствующих субъектов менее чем 8 %.

2) Стабильность долей хозяйствующих субъектов. Предприятие признается доминирующим, если в долгосрочном периоде наблюдается стабильность долей хозяйствующих субъектов. Согласно п. 6.5 «Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке», утвержденного приказом ФАС от 28 апреля 2010 г. № 220, доля, занимаемая хозяйствующим субъектом (группой лиц) на товарном рынке, считается неизменной

или стабильной, если в течение длительного периода данная доля не изменяется более чем на 10 % либо сохраняется порядок ранжирования крупнейших хозяйствующих субъектов [21].

3) Отсутствие товаров-заменителей и низкая эластичность спроса. Для признания предприятия доминирующим «реализуемый или приобретаемый хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) товар не может быть заменен другим товаром при потреблении (в том числе при потреблении в производственных целях), рост цены товара не обуславливает соответствующее такому росту снижение спроса на этот товар, информация о цене, об условиях реализации или приобретения этого товара на соответствующем товарном рынке доступна неопределенному кругу лиц».

Осуществим оценку эффективности законодательных критериев определения доминирующего положения, положив в основу предлагаемый методологический подход к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства. Напомним, что для признания указанных критериев эффективными они должны удовлетворять двум условиям: «стремление к оптимальности» и «ресурсная обеспеченность».

1) Соответствие критериев определения доминирующего положения условию «стремление к оптимальности». Использование предписываемых законом критериев не позволяет однозначно правильно выявить доминирование как возможность хозяйствующего субъекта контролировать рынок. В законе не учитывается факт существования рынков, для которых высокая концентрация является оптимальной (например, вследствие существования значительных нестратегических барьеров входа), но компании не в состоянии оказывать влияния на условия функционирования рынков. Это приводит к несоответствию критерия «высокая степень рыночной концентрации» условию «стремление к оптимальности». Более того, использование индексов концентрации для оценки концентрации рынка не является оправданным вследствие отсутствия реакции данных индексов на распределение рыночных долей среди хозяйствующих субъектов. Было бы корректнее использовать для этих целей индекс Херфиндаля–Хиршмана.

Рассмотрим представленные положения более детально. Формальное использование действующих законодательных критериев определения доминирующего положения для отраслей, высокая концентрация которых является оптимальной, но компании при этом не в состоянии оказывать влияния на условия функционирования рынков, способно приводить к существенному росту общественных издержек и снижению общественного благосостояния. Для хозяйствующих субъектов указанные потери связаны с возможностью неэффективного дробления компаний, что неизбежно приведет к повышению производственных издержек и снижению оптимальности распределения ресурсов. Ухудшение условий ведения бизнеса

связано также с ростом управленческих трансакционных издержек, вызванным необходимостью постоянного взаимодействия с антимонопольным органом. В конечном итоге такая ситуация отразится на благосостоянии потребителей через рост цен, ухудшение качества и ассортимента продукции и прочие негативные последствия. Растут потери общества от ограничения проконкурентной деятельности. Для антимонопольного органа данное положение также связано с ростом издержек мониторинга компаний, признанных доминирующими.

Одним из рынков, для которого высокая концентрация является эффективной вследствие существенного возрастающего эффекта масштаба, является оптовый рынок электрической энергии. До 2008 г. электроэнергетика РФ характеризовалась наличием монополии в лице ОАО РАО «ЕЭС России», которое в обеих ценовых зонах (первая ценовая зона – территория Европы и Урала; вторая ценовая зона – территория Сибири) занимало до 70 % рынка. В результате реформирования отрасли ОАО РАО «ЕЭС России» в 2008 г. было реорганизовано, и на настоящий момент на оптовом рынке электрической энергии функционирует 89 поставщиков электрической энергии – владельцев генерирующего оборудования [22]. При этом на локальном уровне в большинстве регионов энергетические компании занимают 100 % рынка. Часть отраслей энергосистемы акционировалась (генерирующая отрасль) и работает по законам конкуренции, но часть отраслей (передающая отрасль) осталась монополизирована.

В результате реформы 2008 г. наблюдалось снижение концентрации, однако ее значение осталось на достаточно высоком уровне. В соответствии с критериями ст. 5 ФЗ РФ «О защите конкуренции» в 2011 г. коэффициенты концентрации для трех и для пяти компаний (CR3 и CR5) формально позволяли признать положение ряда хозяйствующих субъектов доминирующим в обеих ценовых зонах (табл. 1, 2). При этом колебания индекса CR3 для первой ценовой зоны указывает на постоянные изменения степени концентрации с высокого до умеренного уровня. Однако значение индекса Херфиндаля–Хиршмана свидетельствует о стабильной умеренной концентрации рынка в первой ценовой зоне и высокой концентрации рынка во второй ценовой зоне (табл. 3). Данный вывод выглядит более достоверным, поскольку индекс Херфиндаля–Хиршмана чувствительнее реагирует на перераспределение рыночных долей между фирмами, чем коэффициент концентрации, и дает сопоставимую информацию о возможности фирм влиять на рынок в условиях различных рыночных структур.

Несмотря на высокую концентрацию, отрасль имеет структуру, которая не позволяет отдельным компаниям контролировать рынок, поскольку генерирующие компании конкурируют между собой за право продажи энергии сбытовым, ведь сбыто-

вые компании не имеют четкой привязки к генерирующим по территориальному признаку. В результате положение компаний в отрасли по экономическому содержанию не является доминирующим.

Таблица 1. Коэффициент концентрации для 3 компаний (CR3) на российском рынке электроэнергии в 2005–2011 гг.

Ценовая зона	2005	2006	2008	2009	2010	2011
Первая (территория Европы, Урала)	0,97	0,96	0,40	0,50	0,41	0,59
Вторая (территория Сибири)	1,00	0,94	0,54	0,70	0,56	0,71

Примечание: Составлено автором на основе [23].

Таблица 2. Коэффициент концентрации для 5 компаний (CR5) на российском рынке электроэнергии в 2008–2011 гг.

Ценовая зона	2005	2006	2008	2009	2010	2011
Первая (территория Европы, Урала)	–	–	0,52	0,64	0,54	0,74
Вторая (территория Сибири)	–	–	0,67	0,87	0,71	0,83

Примечание: Составлено автором на основе [23].

Таблица 3. Индекс Херфиндаля–Хиршмана на российском рынке электроэнергии в 2005–2011 гг.

Ценовая зона	Индекс Херфиндаля–Хиршмана (НИ)					
	2005	2006	2008	2009	2010	2011
Первая (территория Европы, Урала)	5685	5471	1400	1459	1598	1465
Вторая (территория Сибири)	5565	3787	2230	2412	2490	2333

Примечание: Составлено автором на основе [23].

Высокая концентрация электроэнергетики в России имеет объективную причину – существование значительных нестратегических барьеров входа: высокие первоначальные капиталовложения, длительный срок возврата инвестиций, высокая капиталоемкость, зависимость себестоимости производства электроэнергии от типа электростанций, законодательные барьеры. Разукрупнение компаний приведет к снижению эффективности предприятий отрасли, ухудшению условий обслуживания и потерям общественного благосостояния, что неэффективно в соответствии с условием «стремление к оптимальности».

Продемонстрируем неоптимальность использования индексов концентрации рынков (CR) для выявления доминирующего положения хозяйствующих субъектов. Традиционно считается, что высокая концентрация оказывает негативное влияние на выпуск в экономике, тем самым снижая общественное благосостояние. С этим связан тезис о необходимости снижения концентрации и эффективности разделения доминирующих компаний. Однако связь между уровнем концентрации и выпуском в экономике неоднозначна, что подтверждается проведенным в процессе исследо-

вания корреляционным анализом. Для оценки взаимосвязей использовались следующие показатели за период 1998–2011 гг., полученные из официальных статистических источников: индексы концентрации в промышленности для трех (CR3) и для шести (CR6) компаний, номинальный ВВП (ВВПн), реальный ВВП в ценах 2009 г. (ВВПр), валовой выпуск (ВВ), промежуточное потребление (ПП), выпуск промышленности (ВВпр) [24, 25]. В результате проведенного корреляционного анализа получены выводы о неоднозначной связи между показателями концентрации и показателями выпуска в экономике при сложившейся отраслевой структуре (табл. 4, 5).

Таблица 4. Связь коэффициента концентрации CR3 и показателей выпуска в экономике

Параметр	ВВПн	ВВПр	ВВ	ПП	ВВпр
r_{xy}	0,36	0,34	0,36	0,37	0,37
t	1,35	1,25	1,35	1,36	1,38
$t_{кр}$	2,18	2,18	2,18	2,18	2,18
Значимость	нет	нет	нет	нет	нет
Связь	слабая	слабая	слабая	слабая	слабая

Примечание: Рассчитано автором на основе [24, 25].

Таблица 5. Связь коэффициента концентрации CR6 и показателей выпуска в экономике

Параметр	ВВПн	ВВПр	ВВ	ПП	ВВпр
r_{xy}	0,80	0,79	0,80	0,80	0,82
t	4,70	4,50	4,64	4,61	4,89
$t_{кр}$	2,18	2,18	2,18	2,18	2,18
Значимость	да	да	да	да	да
Связь	сильная	сильная	сильная	сильная	сильная

Примечание: Рассчитано автором на основе [24, 25].

Из данных табл. 4 и 5 видно, что показатель CR3 не оказывает влияния на рассматриваемые показатели выпуска. При рассмотрении показателя CR6 выявлена значимая линейная связь со всеми рассматриваемыми показателями на уровне коэффициента корреляции 0,8. Данный результат может быть объяснён тем, что в промышленности России наибольшую концентрацию имеют такие отрасли, как чёрная металлургия, цветная металлургия, электроэнергетика, топливная промышленность, которые имеют высокие производственные издержки и высокие барьеры входа из-за необходимости значительных инвестиций для создания основных фондов. В этих условиях компании имеют положительный эффект масштаба, поэтому чем больше компания, тем выше её выпуск и эффективность в целом. Соответственно число компаний в данных отраслях невелико, и показатель CR6 учитывает больший объем выпуска данных компаний. Следовательно, при сложившейся отраслевой структуре экономики высокая концентрация может лишь создать условия для доминирования, если рынок позволяет компании проводить ограничивающую конкурентов политику. Однако данные условия могут присутствовать и на

рынке с низкой концентрацией, например, если компании-конкуренты не осуществляют инвестиций в создание конкурентных преимуществ.

II) Соответствие критериев определения доминирующего положения условию «ресурсной обеспеченности». Все три предписанные законом критерия определения доминирующего положения не соответствуют условию «ресурсной обеспеченности» и являются неоптимальными, поскольку при реализации данных критериев возрастает вероятность ошибок первого и второго рода.

Использование критерия «высокой степени рыночной концентрации» связано с увеличением вероятности ошибок второго рода. Существование высоких нестратегических барьеров входа и положительного эффекта масштаба приводит к повышению риска наказания за злоупотребление доминирующим положением хозяйствующих субъектов, действующих конкурентными методами, которые, несмотря на высокую долю на рынке, по объективным причинам не могут оказывать фактического влияния на рыночные условия.

Использование критерия «стабильности долей хозяйствующих субъектов» увеличивает вероятность возникновения ошибок второго рода. В данном критерии не учтены отраслевые особенности рынков, имеющих высокие затраты на создание основных фондов и существенное превышение постоянных затрат над переменными, объективно приводящие к относительной стабильности долей рынка, занимаемых хозяйствующими субъектами в течение длительного периода времени. При этом указанные хозяйствующие субъекты могут быть признаны доминирующими, даже если по факту не оказывают влияния на состояние рынков. Например, в электроэнергетике описанные выше барьеры входа приводят к малозначительным изменениям долей хозяйствующих субъектов в отрасли. Необходимы огромные инвестиции и продолжительный период времени для расширения производственных мощностей и увеличения доли предприятия на рынке. Хозяйствующие субъекты, таким образом, не могут существенно их изменять (табл. 6, 7). Однако возможность влияния данных предприятий на рынок фактически отсутствует в связи с функционированием рынка на сутки вперед. Рынок на сутки вперед (РСВ) представляет собой проводимый коммерческим оператором (ОАО «АТС») конкурентный отбор ценовых заявок поставщиков и покупателей за сутки до реальной поставки электроэнергии с определением цен и объемов поставки на каждый час суток. На РСВ осуществляется маргинальное ценообразование, т. е. цена определяется путем балансирования спроса и предложения, распространяется на всех участников рынка и определяется на основе закрепленного порядка расчета [26]. Более того, сбытовые компании не имеют территориальной привязки и в случае превышения генерирующей компанией цены могут отказаться от ее поставок.

Таблица 6. Распределение рыночных долей в первой ценовой зоне электроэнергетики России в 2009–2011 гг.

Субъекты оптового рынка электроэнергии и мощности	Производство электрической энергии, %		
	2009	2010	2011
ОАО «Концерн "Росэнергоатом"»	24,30	24,58	23,83
Группа лиц Газпром	23,00	25,25	23,21
Группа лиц КЭС	9,00	8,48	7,72
Группа лиц ИНТЕР РАО ЕЭС	7,50	8,46	12,01
ОАО «РусГидро»	7,20	6,26	5,82
Остальные	29,00	26,97	27,41

Примечание: Составлено автором на основе [23].

Таблица 7. Распределение рыночных долей во второй ценовой зоне электроэнергетики России в 2009–2011 гг.

Субъекты оптового рынка электроэнергии и мощности	Производство электрической энергии, %		
	2009	2010	2011
ГЛ ЕвроСибЭнерго (до 2010 г. ГЛ РУСАЛ)	43,10	43,90	42,08
ГЛ СУЭК	18,10	19,10	17,30
ГЛ Кузбассразрезуголь	7,40	8,19	6,48
ОАО «РусГидро»	10,60	7,36	11,58
ГЛ Концерн Росэнергоатом	2,00	2,11	2,16
Остальные	18,80	19,34	20,40

Примечание: Составлено автором на основе [23].

Использование критерия «отсутствия товаров-заменителей и низкой эластичности спроса» может приводить к повышению вероятности ошибок как первого, так и второго рода. При определении рыночной концентрации возникает задача правильного определения границ рынка, в которые включаются не только сам товар, производимый и реализуемый идентичными организациями, но и близкие заменители. Поэтому при оценке границ рынка в соответствии с общепринятым подходом Джоан Робинсон товар может не иметь заменителей, т. к. они включены в эти границы, и предприятия ошибочно будут признаваться доминирующими [27]. Следовательно, повышается вероятность ошибок второго рода. Другим условием данного критерия определения доминирующего положения является несоответствие снижения спроса на товар вызвавшему его росту цены товара. При этом в законе отсутствуют критерии определения того, каким должно быть данное изменение для признания положения хозяйствующего субъекта доминирующим. В таких условиях даже низкая эластичность спроса по цене не будет однозначно расценена как свидетельство наличия доминирующего положения, т. к. изменение цены в любом случае приводит к изменению величины спроса. Отсутствие в законе порядка определения нормативного значения показателя эластичности повышает вероятность ошибок первого рода.

Выводы

В работе предложен авторский методологический подход к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства. В рамках данного

подхода эффективность норм оценивается через соответствие двум условиям. Согласно первому условию – «стремление к оптимальности» – норма признается эффективной, если она способствует достижению максимизации общественного благосостояния, т. е. общественные выгоды от реализации нормы перекрывают затраты на ее принятие и реализацию, включая потери, вызванные действием норм. Степень соответствия данному условию определяется через сопоставление выгод и издержек потребителей, фирм и антимонопольного органа от реализации нормы. Второе условие – «ресурсная обеспеченность» – отражает наличие ресурсного потенциала, достаточного для обеспечения последовательного исполнения норм антимонопольного законодательства. Степень соответствия данному условию определяется через оценку изменения вероятности ошибок первого и второго рода, возникающих в ходе реализации норм антимонопольного законодательства. Эффективная норма антимонопольного законодательства способствует достижению максимизации общественного благосостояния посредством формирования условий для осуществления эффективной конкуренции при минимизации ошибок первого и второго рода, возникающих в процессе реализации данной нормы.

Предложенный методологический подход использован для оценки экономической эффективности норм антимонопольного законодательства РФ, направленных на выявление доминирующего положения хозяйствующих субъектов. На настоящий момент данные нормы ориентированы на использование трех критериев определения доминирующего положения: высокая степень рыночной концентрации, определяемая на основании индексов концентрации; стабильность долей хозяйствующих субъектов; отсутствие товаров-заменителей и низкая эластичность спроса. Проведенный анализ показал неоптимальность используемых критериев. При проверке критериев на соответствие условию «стремление к оптимальности» обнаружено, что их использование не позволяет однозначно правильно выявить доминирование как возможность хозяйствующего субъекта контролировать рынок. Формальное использование указанных критериев без учета отраслевых особенностей

способно приводить к существенному росту общественных издержек и снижению общественного благосостояния. Проверка критериев на соответствие условию «ресурсная обеспеченность» также показала их не оптимальность, способность провоцировать рост вероятностей ошибок первого и второго рода.

Следовательно, нормы антимонопольного законодательства РФ, направленные на выявление доминирующего положения хозяйствующих субъектов, нуждаются в реформировании. Требуется совершенствование подхода к определению доминирующего положения, в основу которого должна быть положена оценка реальной возможности хозяйствующих субъектов влиять на условия функционирования рынков. При этом в обязательном порядке должны учитываться отраслевые особенности регулируемых рынков. Признание правильности данных выводов приводит к осознанию необходимости расширения набора показателей, используемых в соответствии с законом для оценки возможности влияния хозяйствующих субъектов на условия функционирования рынка. Можно предложить при определении доминирования учитывать показатели динамики рентабельности предприятий, соотношение издержек крупных и мелких компаний, рассматривать объективные и стратегические показатели барьеров входа, такие как объем первоначальных затрат, минимально эффективный размер компании, динамика цен, динамика спроса, расходы в области исследований, институциональные барьеры, степень диверсификации деятельности компаний, степень вертикальной интеграции и дифференциации продукции. При определении уровня концентрации рынка следует использовать индекс Херфиндаля–Хиршмана, более чувствительный к перераспределению долей между фирмами на рынке, чем коэффициенты концентрации. В целом требуется формирование экономически обоснованного подхода к выявлению доминирующего положения хозяйствующих субъектов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Влияние макроэкономической политики с монетарным и валютным контролем на динамику и структуру национальной экономики в условиях экспортосырьевой ориентации и несовершенных рынков», проект № 14-02-00359.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
2. Коммонс Дж.Р. Правовые основания капитализма. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. – 416 с.
3. Расков Д.Е. Образ экономики в институционализме // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 5: Экономика. – 2010. – № 3. – С. 32–41.
4. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. – СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.
5. Posner R. Antitrust law: An economic perspective. – Chicago: University of Chicago Press, 2001. – 316 p.
6. Kovacic W. Designing antitrust remedies for dominant firm misconduct // Connecticut Law Review. – 1999. – № 31. – P. 1285–1293.
7. Bork R.H. The antitrust paradox: A policy at war with itself. – New York: Free Press, 1993. – 186 p.
8. McChensey F. Be true to your school: Conflicting Chicago approaches to antitrust regulations // Cato Journal. – 1991. – Winter. – P. 775–798.
9. Князева И.В., Лукашенко О.А. Трансформация антимонопольной политики в политику защиты конкуренции в современных экономических условиях. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011. – 304 с.
10. Петров С.П. Экономический подход к оценке эффективности норм антимонопольного законодательства // TERRA ECONOMICUS. – 2013. – № 3. – С. 65–67.

11. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основания антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта. Ч. IV // Экономический журнал ВШЭ. – 2007. – № 4. – С. 562–610.
12. Мельников В.В. Содержание инновационной и научно-технической политики государства при построении национальной инновационной системы // TERRA ECONOMICUS. – 2012. – Т. 10. – № 4. – С. 48–49.
13. Саблин К.С. Роль институциональной среды в формировании институтов развития // Journal of institutional studies. – 2012. – Т. 4. – № 2. – С. 32–41.
14. Арментано Д.Т. Антитраст против конкуренции. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 432 с.
15. Рыжкова М.В., Дукарт С.А., Кашапова Э.Р. Влияние когнитивных искажений на эффективность рыночного взаимодействия // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 317. – № 6. – С. 12–17.
16. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. – СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 702 с.
17. Muris T.J., Scheffman D.T., Spiller P.T. Strategy, Structure, and Antitrust in the Carbonated Soft-Drink Industry. – Westport, Connecticut: Quorum Books, 1993. – 260 p.
18. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». URL: http://www.9111.ru/materials/?dop=1&dop2=0_22_23 (дата обращения: 08.02.2011).
19. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основания антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта. Ч. I // Экономический журнал ВШЭ. – 2007. – № 1. – С. 89–123.
20. Федеральный закон РФ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изменениями и дополнениями от 28 декабря 2013 г.). URL: <http://base.garant.ru/12148517/> (дата обращения: 25.01.2014).
21. Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденный приказом Федеральной антимонопольной службы РФ от 28 апреля 2010 г. № 220. URL: http://www.fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_50604.html (дата обращения: 12.06.2013).
22. Реестр субъектов оптового рынка электрической энергии (мощности) на 01.01.2014 г., сост. НП «Совет рынка» по организации эффективной системы оптовой и розничной торговли электрической энергией и мощностью. URL: <http://www.npsr.ru/registers/marketsubject/> (дата обращения: 02.02.2014).
23. Обзоры состояния конкуренции на оптовом рынке электрической энергии и мощности за 2006–2011 гг., сост. ФАС РФ. URL: http://fas.gov.ru/analytical-materials/?action=index&sp%5B4%5D=1&text_search=&ord=1&date_beg=1&h_db=2009-09-14&date_end=1&h_de=2014-03-02&cur-Pos=20 (дата обращения: 04.08.2013).
24. Национальные счета России: Стат. сб. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (дата обращения: 04.08.2013).
25. Промышленность России: Стат. сб. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (дата обращения: 04.08.2013).
26. Регламенты рынка (НОРЭМ), сост. НП «Совет рынка» по организации эффективной системы оптовой и розничной торговли электрической энергией и мощностью. URL: <http://www.npsr.ru/contract/joining/marketnorem/index.htm> (дата обращения: 27.02.2014).
27. Robinson J. The Economics of Imperfect Competition. – London: The Macmillan Press Ltd, 1969. – 352 p.

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 338.242.4

THE ESTIMATION OF MARKET IMPERFECTNESS BASED ON DOMINANCE CRITERIA OF RUSSIAN ANTITRUST LAW: THE EFFICIENCY OF CURRENT REGULATIONS

Sergey P. Petrov,

Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marks avenue, Novosibirsk, 630073, Russia. E-mail: petrov.s.p@mail.ru

Alexandr V. Shmakov,

Cand. Sc., Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marks avenue, Novosibirsk, 630073, Russia. E-mail: a.shmakov@mail.ru

The relevance of the paper is caused by the necessity of economic substantiation of antimonopoly law regulations developed by member-countries of The EurAsEC Common economic space.

The main aim of the study: to form methodological approach towards the assessment of the efficiency of antimonopoly law which allows taking into account the features of economy industrial structure and influence on economic indices of social welfare; to assess the Russian antimonopoly law regulations aimed at identification of economic entities dominant position.

The methods used in the study: The paper was done in the framework of new institutional economic theory; the authors have used the abstract-logical approach based on system analysis of economic processes, have applied economic-mathematical methods and models, analysis of studied indexes dynamics.

The results: The authors developed the methodological approach for assessing the efficiency of the antimonopoly law which allows taking into account both the influence on economic indices of social welfare, and the possibility of implementing the considered regulations; estimated the efficiency of the Russian antimonopoly law regulations aimed at identification of economic entities dominant position; justified the necessity to take into account industrial structure of economy, influence of concentration on social welfare indices when determining dominant position (electricity wholesale market is used as the example); determined the disadvantages of the antitrust laws and proposed recommendations on their improvement.

Key words:

Efficiency of regulation, antitrust law, Federal Law «On competition protection», dominant position, imperfect markets, the wholesale electricity market.

REFERENCES

1. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow, Librokom, 2011. 368 p.
2. Commons J.R. *Pravovye osnovaniya kapitalizma* [Legal Foundations of Capitalism]. Moscow, Publishing house of HSE, 2011. 416 p.
3. Raskov D.E. *Obraz ekonomiki v institutsionalizme* [The image of economy in institutional economics]. *Bulletin of Saint-Petersburg University, Series 5: Economics*, 2010, no. 3, pp. 32–41.
4. Williamson O.I. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma* [The Economic Institutions of Capitalism]. Saint-Petersburg, Lenizdat Publ. 702 p.
5. Posner R. *Antitrust law: An economic perspective*. Chicago, University of Chicago Press, 2001. 316 p.
6. Kovacic W. *Designing antitrust remedies for dominant firm misconduct*. Connecticut Law Review, 1999, no. 31, pp. 1285–1293.
7. Bork R.H. *The antitrust paradox: A policy at war with itself*. New York, Free Press, 1993. 186 p.
8. McChensey F. Be true to your school: Conflicting Chicago approaches to antitrust regulations. *Cato Journal*, 1991, Winter, pp. 775–798.
9. Knyazeva I.V., Lukashenko O.A. *Transformatsiya antimonopolnoy politiki v politiku zashchity konkurentsii v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh* [Transformation of Antimonopoly policy into the policy of protection of competition in modern economic conditions]. Novosibirsk, SAPA Publisher, 2011. 304 p.
10. Petrov S.P. *Ekonomichesky podkhod k otsenke effektivnosti norm antimonopolnogo zakonodatelstva* [Economic approach toward assessment of antimonopoly law efficiency]. *TERRA ECONOMICUS*, 2013, no. 3, pp. 65–67.
11. Avdasheva S.B., Shastitko A.E., Kalmychkova E.N. *Ekonomicheskie osnovaniya antimonopolnoy politiki: rossiyskiy opyt v kontekste mirovogo opyta. Chast IV* [Economic basis of antimonopoly policy: Russian reality in context of world experience – P. IV]. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE*, 2007, no. 4, pp. 562–610.
12. Melnikov V.V. *Soderzhanie innovatsionnoy i nauchno-tekhnicheskoy politiki gosudarstva pri postroenii natsionalnoy innovatsionnoy sistemy* [The content of the state innovative and scientific-technical policy under building a national innovation system]. *TERRA ECONOMICUS*, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 48–49.
13. Sablin K.S. *Rol institutsionalnoy sredy v formirovaniy institutov razvitiya* [The role of institutional environment in formation of development institutes]. *Journal of institutional studies*, 2012, vol. 4, no. 2, pp. 32–41.
14. Armentano D.T. *Antitrust protiv konkurentsii* [Antitrust against competition]. Moscow, Alpine Business Books. 432 p.
15. Ryzhkova M.V., Dukart S.A., Kashapova E.R. *Vliyaniye kognitivnykh iskazheniy na effektivnost rynochnogo vzaimodeystviya* [Influence of biases on efficiency of market interaction]. *Bulletin of the Tomsk polytechnic university*, 2010, vol. 317, no. 6, pp. 12–17.
16. Furubotn E.G., Rihter R. *Instituty i ekonomicheskaya teoriya: Dostizheniya novoy institutsionalnoy ekonomicheskoy teorii* [Institutions and economic theory: The contribution of the new institutional economics]. Saint-Petersburg, Publishing house of Saint-Petersburg state university, 2005. 702 p.
17. Muris T.J., Scheffman D.T., Spiller P.T. *Strategy, Structure, and Antitrust in the Carbonated Soft-Drink Industry*. Westport, Connecticut, Quorum Books, 1993. 260 p.
18. *Zakon RSFSR ot 22 marta 1991 g. № 948-I «O konkurentsii i ogranichenii monopolisticheskoy deyatelnosti na tovarnykh rynkakh»* [RSFSR law «About the competition and limitation of monopolistic behavior on the goods markets», 22 March 1991, no. 948-I]. Available at: http://www.9111.ru/materials/?dop=1&dop2=0_22_23 (accessed 8 February 2011).

19. Avdasheva S.B., Shastitko A.E., Kalmychkova E.N. *Ekonomicheskie osnovaniya antimonopolnoy politiki: rossiyskiy opyt v kontekste mirovogo opyta. Chast I* [Economic basis of antimonopoly policy: Russian reality in context of world experience. P. I]. *Economicheskii zhurnal VSHE*, 2007, no. 1, pp. 89–123.
20. *Federalnyi zakon RF ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ «O zashchite konkurentsii»* [The federal law of the Russian Federation «About the protection of the competition», 26 June 2006, № 135-FZ]. Available at: <http://base.garant.ru/12148517/> (accessed 21 January 2014).
21. *Poryadok provedeniya analiza sostoyaniya konkurentsii na tovarnom rynke, utverzhdeny prikazom Federalnoy antimonopolnoy sluzhby RF ot 28 aprelya 2010 g. № 220* [Procedure for analysis of competition on goods market, adopted by the Federal Antimonopoly service of the Russian Federation, April 28, 2010 № 220]. Available at: http://www.fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_50604.html (accessed 12 June 2013).
22. *Reestr subektov optovogo rynka elektricheskoy energii (moshchnosti) na 01.01.2014 g., sost. NP «Sovet rynka» po organizatsii effektivnoy sistemy optovoy i roznichnoy trgovli elektricheskoy energii i moshchnosti* [The register of electricity (power) wholesale market subjects at 01.01.2014 by Market Council for organizing efficient system of trading at wholesale and retail electricity and capacity market]. Available at: <http://www.np-sr.ru/registers/marketsubject/> (accessed 2 February 2014).
23. *Obzor sostoyaniya konkurentsii na optovom rynke elektricheskoy energii i moshchnosti za 2006–2011 gg., sost. FAS RF* [The survey of competition conditions on the wholesale electricity and power market in 2006–2011 by FAS RF]. Available at: http://fas.gov.ru/analytical-materials/?action=index&sp%5B4%5D=1&text_search=&ord=1&date_beg=1&h_db=2009-09-14&date_end=1&h_de=2014-03-02&curPos=20 (accessed 4 August 2013).
24. *Natsionalnye scheta Rossii: Stat. sb.* [National accounts of the Russian Federation: Statistical collection]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (accessed 4 August 2013).
25. *Promyshlennost Rossii: Stat. sb.* [Russian industry: Statistical collection]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918730234 (accessed 4 August 2013).
26. *Reglamenty rynka (NOREM), sost. NP «Sovet rynka» po organizatsii effektivnoy sistemy optovoy i roznichnoy trgovli elektricheskoy energii i moshchnosti* [Market regulations (NWME) by Market Council for organizing efficient system of trading at wholesale and retail electricity and capacity market]. Available at: <http://www.np-sr.ru/contract/joining/marketnorem/index.htm> (accessed 27 February 2014).
27. Robinson J. *The Economics of Imperfect Competition*. London, The Macmillan Press Ltd, 1969. 352 p.

REACHING THE NONEXISTENT COMMUNITY: FOUNDATIONS FOR A PHILOSOPHY OF SOCIETAL FUTURE

Elena Fell,

PhD, University of Central Lancashire, PR1 2HE, Lancashire, Preston,
Great Britain. E-mail: elena.fell@ntlworld.com

Alexandra I. Naletova,

Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia.
E-mail: sashadem@sibmail.com

The urgency of the discussed issue is caused by the need to care about the future – our own and that of our children. We also care about what happens to those generations of people which will populate this planet hundreds of years from now. The sense of future-orientated societal responsibility is reinforced in media, political rhetoric and social theorising. Philosophers and social theorists offer a variety of approaches that aim to safeguard and promote the welfare of future people, but these approaches are diverse and sometimes conflicting.

The aim of the research is to emphasize the attitude towards the future in today's society.

The methods used in the study: comparative analysis of philosophical theories of the future; synthesis of the main positions and conclusions regarding the understanding of the category «Future»; classification of human capabilities, and a summary of the main results of the classification.

The results: The caring attitude towards future is the outer layer of the relational network that the present community members have with the future community. This attitude takes a form of an agent-centred ethical approach, where the patient of our future-orientated intentionality is absent and unable to initiate a demand on our morality or a response to our actions.

Key words:

Vision of future, community, existence, human capabilities, relation with future, human beings.

The analysis of the major theoretical positions we can start from J. Rawls. Cooperation and complementarity are necessary for our civilisation, Rawls asserts [1. P. 522–523], and human partnership that ensures societal prosperity and progress includes temporally displaced agents as well as contemporaries. Community is a dynamic formation and the temporal success of community is due to the cooperation of succeeding generations: «The cooperation of many generations (or even societies) over a long period of time» is necessary for «the realizations of the powers of human individuals living at any one time» [1. P. 523–525]. For Rawls, the relationship of complementarity and cooperation between generations must be formed on the idea of justice in the same way as the relationship between contemporaries. He draws on an original position as a hypothetical initial situation in which all parties, equal and free, form a social contract and agree on what is fair [1. P. 12]. The original position is marked by a «veil of ignorance» in respect of the members' actual positions whereby «no one knows his place in society, his class position or social status, nor does anyone know his fortune in the distribution of natural assets and abilities, his intelligence, strength, and the like» [1. P. 12]. This ensures that the parties in the initial situation are rational and mutually disinterested [1. P. 13]. And their agreement on what is fair and just does not contain an inherent preference for one particular social group but sets general principles for all parties.

In relation to succeeding generations the original position is marked by the veil of ignorance referring to their temporal position [1. P. 287]. Rawls formu-

lates the difference principle which marks a fully just society: people should «share in primary goods on the principle that some can have more if they are acquired in ways which improve the situation of what who have less» [1. P. 94].

Applying the difference principle to a just treatment of future generations, Rawls talks of long-term prospects of the least favoured members of society extending over future generations, and derives from this a just savings principle [1].

According to a just savings principle, each generation has the responsibility to «preserve the gains of culture and civilization, and maintain intact those just institutions that have been established» as well as putting «aside in each period of time a suitable amount of real capital accumulation, capital here meaning means of production, machinery, investment in learning and education» [1. P. 285]. Justice between generations should take into account the needs of the present generations as well, so saving for the future generations should not be undertaken at the expense of the least favoured in the present situation whereby their fortune declines because of being forced to make saving via increased taxation.

As far as possible, justice between generations should mean «equality», and no generation should be treated more or less favourably. «The mere difference of location in time, of something being earlier or later, is not in itself a rational ground for having more or less regard for it» [1. P. 293].

As well as being concerned for the rights of the present people, Rawls wants to safeguard the future from being abused by the present generation that can

advance their interests at the expense of the future. This is why in the original position persons should take a standpoint of each period, he insists. «In the case of society, pure time preference is unjust: it means... that the living take advantage of their positions in time to favour their own interests» [1. P. 295]. He calls for legislation to include «a provision for the just claims of future generations». Rawls' idea of justice provoked sharp criticism and yet was used by his critics as a springboard for the development of alternative social theories. He was criticised from different perspectives, but the main source of dissatisfaction seems to lie in the fact that his difference principle promises an uneven improvement for stakeholders. Theories that follow seek theoretical premises that would allow for all stakeholders to have an equal opportunity for advancement, in terms of both material welfare and societal prestige.

A. Honneth's search for societal improvement is founded in more subtle premises than Rawls'. Rather than talking of justice as fairness in distributive terms, Honneth explores a deeper level of social interactions, and positions societal esteem as the most important acquisition for communities and their members. In this he shifts emphasis from seeking solely material wealth to seeking recognition which, in its turn serves as a gateway to acquisition of material goods.

According to Honneth, people's social esteem, «recognition» is not granted according to merit but according to the position one happens to occupy in society. A person gets a quota of societal esteem, and no matter how much he or she contributes to society, they cannot exceed that quota. The denial of recognition to particular social groups is in Honneth's terms reification, «a type of human behaviour that violates moral or ethical principles by not treating other subjects in accordance with their characteristics as human beings, but instead as numb and lifeless objects – as «things» or «commodities» [2].

In a better future, everybody should benefit from societal recognition according to their contribution, and this is the future goal for those who are currently denied recognition and consequently denied access to material wealth. Socially downgraded groups of people initiate a struggle for recognition, and in order to legitimise their actions to themselves, they create a vision of a future community in which they are appreciated, and use this image to guide them in their pursuit. They accelerate the historical process speeding up time in order to achieve the desired future for themselves.

Sen and Martha Nussbaum join Honneth in his criticism of Rawls' focus on economic wealth by criticizing Rawls' contractarianism. Rawls talks of those who enter into a social contract as initially equal and able agents, but Sen and Nussbaum insist that any such contractarian relations are often asymmetrical, with some agents being dependant on others either permanently or temporarily: women, disabled, children and elderly. Sen and Nussbaum propose to

replace the language of contractarian justice with the language of capabilities that entail «what people are able to do and be» [3. P. 39] and what societies ought to be striving to achieve in order for people's capabilities to be actualised.

In line with Honneth, Sen criticizes traditional welfare economics which measure well-being by economic prosperity stressing that wealth is not the ultimate aim, as people seek wealth for the sake of achieving something else [4. P. 44]. It is more important to consider what people are able to achieve whilst converting their income and commodities into specific achievements.

Sen provides a framework for capabilities approach, introducing the term «capability» as «the alternative combination of functionings the person can achieve, from which he or she can choose one collection» [5. P. 31]. Whilst Sen does not aim to develop a definitive list of specific capabilities, Nussbaum produced such a list, claiming that the ten items below represent most important human capabilities «whatever else the person pursues or chooses» [6. P. 74].

Table. Human Capabilities (Sen and Nussbaum)

The Central Human Capabilities	Meaning
Life	Living to the natural end of a human life and having a good quality of life
Bodily Health	Enjoying good health; having access to adequate nourishment and shelter
Bodily Integrity	Ability to move freely from place to place; freedom from violence and assault; choice in matters of sex and reproduction
Emotions	Being able to love, grieve and form attachments
Practical Reason	Ability to form a conception of the good and to reflect critically on one's life
Affiliation	Dignified coexistence and engagement with others free from discrimination
Other Species	Ability to relate to nature, animals and plants
Play	Ability to enjoy recreational activities
Control Over One's Environment	Freedom of speech and political participation; property rights; employability and employment rights [3. P. 42]

Nussbaum argues that the endorsement of these entitlements is a necessary condition for persistent national development. According to her, it falls to governments to issue relevant legislation and make sure that it is observed.

Nussbaum's view on the future application of capability approach is as follows.

Her thought fluctuates from a micro-level account, where she deals with concrete situations and concrete people, to the mega-level theorizing whereby she maps out solutions to social problems on a global scale. In this approach community appears as a transparent formation that stands between global society and individual people. Nussbaum promotes the idea of autonomy that requires global worldly support, penetrating community and reaching an indivi-

dual via institutional involvement. Institutional involvement is required for a massive redistribution of wealth from richer nations to poorer nations and for securing basic capabilities of disadvantaged people. Nussbaum's justification for appealing to global worldwide structures and world community lies in her argument that states are not self-sufficient [7. P. 5]. Besides, Nussbaum seems to imply that it is desirable for «international agreement [s] in the area of human rights» to «have the power to alter domestic institutions» [7. P. 9].

As a future goal, Nussbaum favours the idea of a global community formed according to principles of «human fellowship, and human respect» rather than on the basis of a mutually advantageous contract (against Rawls) [7. P. 15].

Nussbaum's views that promote personal autonomy of future people are undermined by communitarian theorists whose position emerged as a critical response to Rawls but stands in opposition to the autonomy of capabilities approach. Alasdair MacIntyre (After Virtue), Michael Sandel (Liberalism and the Limits of Justice), Charles Taylor (Sources of the Self) and Michael Walzer (Spheres of Justice) oppose to: *at-first*, the liberal advocacy of autonomy which supposedly downgrades the role of community and communal commitment (Avineri & de-Shalit, Bell, Berten et al., Mulhall & Swift), *the second*, the very idea that it is possible to live a freely chosen life uninfluenced by one's immersion in his/her social reality.

Also, whilst Rawls' aim was to develop a universal theory of justice, a theory that can be true for all people and applicable to all circumstances, communitarians argue that the standards of justice can vary depending on traditions and ways of life of particular societies and social groups. Taylor and MacIntyre insist that moral as well as political judgments depend on people's worldviews which in their turn depend on the society's interpretive framework. According to them it is not possible to have a universal abstract notion of political good detached from the interpretive dimensions of concrete practices, beliefs and institutions. Any theoretically produced set of goods and values, abstracted from concrete social reality and claiming to be universally applicable would be «of little use in thinking about particular distributions» (Walzer; Young). Our selves are constituted by our family ties and other communal attachments to such an extent that they cannot be separated from the nature of our self (Taylor). Contrary to the Capability approach, the future of community (understood in communitarianism as a local, closely knit community) is not a matter of an arbitrary choice but a path leading to the fulfillment of socially given shared goals (MacIntyre).

So what should we do? Accept, with Rawls, social inequality as an integral part of social justice and allow it to be projected into the future? Or should we contest the idea of inequality in justice and steer our actions towards a future where everyone would have

an equal chance to gain recognition and, as a result of it, have better access to material goods? Who is right – Nussbaum with her universal list of entitlements or communitarians with their claim that communities must follow their own paths?

The truth is that all future-orientated theories give misleading guidance because they start from faulty theoretical premises. Social theorists agree that the present community is responsible for the welfare of future people but derive their future-orientated ethical discourse from their broader ethical theories that deal with contemporaries. This is wrong because the relations between contemporaries cannot be applied to temporally distant agents, and ethical deliberations into the nature of the future and future-orientation must be underpinned by an ontological enquiry.

Theorists agree that we must work towards improving the future for communities although they disagree on what exactly constitutes the improvement and how it should be achieved. They arrive at their future-orientated views from the premises of their more general theories on social welfare and social responsibility. These theories first consider relations between contemporaries, and then adjust them to suit temporally removed stakeholders. In doing so they disregard the fact that the relations between contemporaries who can dialogue with each other are fundamentally different from the relations between present people who are active and acting and future, non-existent people. Rawls expresses concern for their passivity and vulnerability and suggests securing their rights in legislation. Before something like this could be done, what we the present people do for future ones and on their behalf should be based on an understanding of what precisely constitutes the future.

What is this future non-existent world like? Is it the same as ours, only waiting to appear? Or does it change while it is waiting? What is the ontological and existential relation that we have with a future community? These questions need to be addressed before we question our responsibility towards the future and how should we put it to practice. The ethical relation to the future must be derived from the ontology of the future and the ontology of our relation with it, not from the ethical relations between contemporaries.

The AHRC (Arts and Humanities Research Council) – funded scoping study of a number of social and philosophical theories that consider the temporality of community has revealed a significant void: future receives little or no attention in philosophy and the future of community, although it was examined philosophically, has not been a subject of a systematic philosophical investigation.

A fleeting analysis of future can be found on the periphery of the philosophy of time (often merely listed alongside past and present), in logic (Can we predict statements about future?) and deliberations about free will (Are we capable of independent futu-

re orientated actions?) but future itself as a subject worthy of a focused philosophical enquiry, the ontology of future, has not been adequately addressed.

Whilst discussing future, theorists remain on the premises of a present-centred ontology and cannot get away from the utilitarian orientation to what is real, obvious, and relevant to the present. Turning one's attention to future would require changing that orientation, going against the current of conventional thinking, violating our habitual mode of reasoning that gravitates to what is concrete, palpable and models the future as concrete and palpable but not here yet.

All problems and concerns sprout from the present, it may seem, and so must all solutions which result in future-orientated attitudes and actions. Diagnosing a problem in the present and resolving it for the sake of future people seems the right course of action to take. Any considerations that may originate purely from the future position would seem bizarre, as a future does not exist and there is no future position.

However, the non-existence of the future is not the same as a total, absolute and unconditional non-existence; being «not yet» is not the same as not being at all, or not being ever, and understanding what is the difference between the two may be beneficial to us in the present and to those who will be present some day. Whilst the future has not been shaped into a new present, we must care for the future qua future, and in order to balance our responsibilities well between what is now and what will be, our actions should be underpinned by a systematic research in the sphere of the ontology of future and the future of community.

A philosophical inquiry investigating the ontology of future and the nature of our relation with future qua future should provide a theoretical support to more applied community-orientated approaches to social planning.

Future of community is not a community that simply is «not yet», it is more than that, and this ontological fact should be accounted for when considering ethical and epistemological aspects of future orientation.

The future of community is, first of all, the existence of future people. Social theories, discussing or implicitly indicating ethical considerations that we, the present people, ought to think about if we want to treat future generations ethically, treat future people in the same way as they would treat present ones, with the only difference that future generations are not here yet. Thus theorists take the existence of future people as already given and treat them as if their future appearance on the world stage were settled and it is only a matter of time before it is realised. Theorists ignore the significant ontological difference between past, present and future failing to acknowledge not only the abundance of future possibilities but also the uncertainty of the factuality of future – while it is future. They treat future as if it we-

re merely a postponed present and direct their considerations at an imagined realm that is as definite and singularly shaped as past and present reality which has already been actualised. Thus they misunderstand grossly the nature of the future.

The relation between present and future is ontologically complex, but this fact has never been duly acknowledged. Future is not merely a postponed present, as it is implicitly portrayed in philosophy and social theories. Future is a realm of would-be potentialities and is richer in content than the present reality that it will become. If we talk of future per se, i. e. while it is future, then future is not what *will be* but what *can be*, and what can be is more abundant than what will be. Present to some extent defines which future potentialities will become real. In this there is an underlying inequality between present and future whereby the future stands, ontologically, at the mercy of the present. There is even a dramatic un-ethical component deeply embedded in our ontological relations with the future, the component which could be regretted but which cannot be eliminated. It consists in future qua future containing a range of multiple possibilities, including reproductive combinations, and our actions in the present – purposeful or casual – shaping the future by eliminating all future possibilities except one. We prevent the actual existence of events and people which, had we made different choices, would otherwise become actualised. Our preventing of would be events and preventing would be people from existing forms part of the ontology of the relations between present and future reinforcing the vulnerability and passivity of future.

The future or, more specifically, community future, is uncertain. Future people are not simply people who are not here yet; they are not people-in-waiting. Rather than there being an orderly queue of pre-planned hypothetical people expecting to enter the community after we are gone, there is a pool of possible would-be people, very few of whom will come to exist, and most of whom will not. We know that only a fraction of potential people will come to exist, but we do not know which ones. In our treatment of future people, we totally disregard and dismiss those that will never reach the level of existence. In doing so we do not engage with future per se but merely project and extend forth our own present.

Future qua future is a pool of potentialities and not just the slim future which will actually become present after some potentialities win the competition for existence. While the future is future, the slim future has not been delineated yet. It becomes delineated at the point of actualisation as present, so that retrospectively we can trace the chain of events that were future once and which led to the fruition of a particular potentiality, leaving all other potentialities at the wayside of existence.

We, the present people, were future would-be people for a very long time. If someone could witness the ontological competition of potentialities for their existence, the observer would be taken aback by the

statistical fierceness of this contest, where myriads of circumstances would have to fall into place during tens of thousands of years and more in order for one particular potentiality to come to fruition at a particular moment in time. During those tens of thousands of years of competition alongside would-be us there were myriads of others would-be people of the 21 century, who could be here with us or instead of us but who did not succeed in the circumstantial contest for a chance of biological existence. In the course of evolution and biological reproduction, our ancestral lines remained unbroken, and choices that our ancestors made, significant and trivial ones, led to particular reproductive combinations that resulted in producing us, the living people of today. Only this unimaginably complex combination of circumstances over long periods of world history could secure the existence of us as particular individuals. A slightest diversion of circumstances which could have happened at any point would have prevented our existence and secured someone else's. Ignorant, we take our own existence for granted, as no one was there to follow and witness this awesome struggle and no one can fully appreciate the significance of this fantastic success.

H. Bergson's advocacy of the reality of time and his refutation of finalism can be used as a useful platform for investigating the ontology of future. Bergson argues that, in the existing tradition of thought, objective things, from Plato's Ideas to Kant's noumena, are considered outside time. This implies that everything already exists, but the limitations of our cognitive ability prevent us from seeing everything as already existing, making us perceive everything as becoming, unrolling *in time*. Thus temporality is superimposed on the real by our subjectivity and is seen as superfluous to the real being.

Bergson asks: if everything is already given at once and the future is thus predetermined, why does it take a certain amount of time for events to unroll? His answer is that time is not a mathematical construct that can be reduced, stretched or eliminated completely from real events. Time is real, absolute and irreducible as it *is*, and it plays a constructive role in the process of becoming. Time is «causally efficacious» [8. P. 41] for the following reasons.

The time it takes for a process to unroll is irreducible and is an integral part of the makeup of that process – just like its physical components. It takes a certain length of time for a process to happen; this *time* cannot be eliminated from the process, or reduced: therefore it is not relative but absolute.

Each moment of time succeeding the previous one has never occurred before and will never occur again, and is in this sense absolutely new and unique. It always takes a *new, different* period of time for a new process to happen: thus time ensures novelty.

Time is not an empty container being gradually filled with the eventual content. Events «make» time as they unroll, and constitute time itself. Thus the newness of each portion of time automatically be-

comes a property of its content. So the content can be apparently the same as in the past, but it is nevertheless different because it happens at a different time.

Thus the future of community can be characterised as predetermined in form (e.g. in that people will grow old and that all future events will be new) but indeterminate in content.

Future of community is thus partially predetermined and changes with every new present. If in a current state of things we can see what will become of it next, there is a plan as an anticipation of the future. But the realisation of the future in the present will affect the state of affairs, and then the plan for the more remote future will change, as it will be a projection of different circumstances: so, *the predetermination itself will change*. It is only in the present that events and things take their final and definite physical form and become what they are. It is the present that is determined in such a way that it cannot change, but the future, a projection of the present, is subject to change and infinitely flexible – until it becomes present. Our key claim here is that *different presents have different futures*.

For Bergson the reality of the present inherits all of its history, so that we can say that the next stage following every present state is predetermined by all of its past, all of the content of its being up to the present moment. What happens in the future is largely predetermined by the past, and what happens in our present will contribute to the totality of the past that will precede that future. So, a societal process completed up to a particular moment has its future partially determined and limited by all of its content. The process at time *t*, comprising a content of *abc* has its future lying ahead of itself, determined as *abcdef*, destined to have occurred by time *t'*, and *abcdefghi*, destined to have occurred by time *t''*, as in Fig. 1.

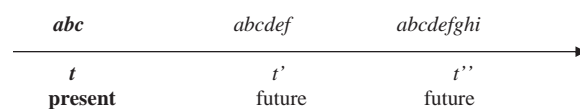

Fig. 1. The state of affairs at time *t*

Fig. 1 illustrates the state of affairs at time *t*, with the state *abc* being the history of an object up to this moment. The state *abcdef* is a development of *abc*, where the *abc* element will be retained and *def*, added on by time *t'*. As a further development of *abc*, the state *abcdefghi* will have occurred by time *t''*. So, at time *t*, the future states *abcdef* at *t'* and *abcdefghi* at *t''* are determined by *abc* at time *t'*.

However, the state *abcdef* at *t'* is a new reality, and at *t'* it is *abcdef* that will determine the future state at *t''*, and not *abc*. A new, different reality with new content, *abcdef*, will determine a different future from the old reality, *abc*. So, at time *t'* the future state at *t''* is altered compared to what it is at *t*. At present time *t'* the future *t''* may be, for example, *abcdefghik*, as illustrated by Fig. 2.

So, the future exists as an array of possibilities, predetermined by the whole of the accumulated tem-

poral content, and it is altered every time some new reality is added on to the whole of the existence of things.

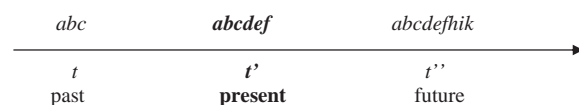

Fig. 2. The state of affairs at time t'

If we use the present tense standpoint as the ultimate platform of ontology (and this is what theorists unwittingly do), the reality of future things seems highly questionable. From the point of view of the present future events are as ontologically inadequate as occurrences that had never taken place, because future events, indeed, have never taken place. However, it is possible to consider future events as a self-projection forward in time of the present, and then the future is not non-existent in the same way as something that cannot exist, because its existence is expected and is, to some extent, predictable.

We would find it difficult to establish qualitative features of future events. Qualities, whether accessible by mind and senses or not, must have some definite form: for example, if a thing is round, it is definitely round, and not square or triangular at the same time. But this is not so with the qualities of future events and future entities. States and events, consequent in relation to the present, are inevitable (because it is inevitable that there will be a future) but, prior to their actual embodiment, their exact nature and exact parameters are uncertain. Due to this fuzziness, we cannot establish the tautology of the future content (saying x is x about something in the future) and hence ascribe identity to the future which, vague as it is, cannot have a relation of presentness with itself.

As the future is uncertain, its projection consists of a variety of alternative possibilities that are all imagined to occupy the same place and time in the future. The insurmountable difficulty in determining future qualities will lie in this haziness and mutual overlapping of alternative properties. When thinking of the future as a range of possibilities, we ascribe to the same future period of time different incompatible characteristics, and therefore cannot fix and identify future qualities. The future of a community thus entails a range of possible states, all of which are mutually exclusive. Only one of these possibilities will actualise itself, but while it has not actualised itself, we must think of *the whole range of possibilities as the community's future*.

We may accept futurity as a relation between the embodied present and consequent states and events which are not yet defined and embodied. The only definite characteristic of the future that is possible is the relation of futurity between the hazy future content and the present, established in the present, and the only definite fact we can establish about the future, which content lacks identity, is that it is future.

Thus the only indication of the being and of the reality of the future comes from outside the future,

prior to its own existence, as an external relation superimposed on the terms in question. We have a situation where one term, the present, has a relation of futurity with another term, which is indefinable, having neither identity nor concrete inner structure. Should we admit here that the relation of futurity is that element which constitutes any idea of the future at all? If we do that, we can end up asserting a relation prior to one of the terms and fall into substantiating this relation and presenting it as a quality instead of letting it appear as a side effect of the mutual co-existence of two terms.

Actually, this substantiation occurs in our practical attitude to the future, primarily realised in relational terms, which have a qualitative value for us. We know that, whatever the content of future events will be, the relational framework for them is fixed: whatever happens, Christmas day will fall on the predicted day, and if this year is 2014, in ten years time it will be 2024. We can treat our own lives lying ahead, and those of others, like an empty diary, which guarantees relational facts such as dates and ages, which will definitely become present regardless of their qualitative content.

In the ontology where the present is not the measure of being, the view of the future from the future position can be as follows. In order to establish the relation of tautology of the future event to itself, it needs to shape itself. This shaping has not happened yet in the present, but it *will* happen, so all we have to do and all we can do is to wait. In time, future possibilities become defined whilst becoming present, and then we can say retrospectively that this present was the future of that other present which is now past. So, in the ontology liberated from the present tense interests, future events may have the same status as past and present ones, because they will define themselves in their own time, and for the present-free ontology it does not matter when being is present – it is real as long as it was, is, or will be present at some point.

In order to direct our actions towards future, or in order to take future into account, we need to access it somehow, and the only way it can be done is when we consider future as a network of relations. Relationally defined, future can be planned, controlled and predicted to some extent. As qualitative phenomenal content of events, states and processes, future is affected by our actions, and this effect is unknown to us. E. g. we can control (to some extent) the relational parameters of the future, so that a particular set of parents will produce a child in a certain time period, or in a predicted fixed point in the future there will be 50 less nurses in hospital x because of the implementation of planned redundancies. What we cannot do is to predict or to control the sex, character, temperament and the appearance of the future unconceived child, or to know in advance the names of the nurses which will lose their jobs.

In fact, there is a general feeling that relational planning of the future is acceptable (planning to have a child, initiating a war, planning redundancies)

but attempts to negotiate the phenomenal content is morally wrong and epistemologically abnormal. Examples of accessing the phenomenology of future and interfering with it could include genetically programming a child with specific features; predicting which soldiers will die during the military campaign; naming the workers who will be made redundant rather than creating a «competition» for employees and giving them a chance to stay.

Perhaps there is a feeling that whilst interfering with the phenomenal content of future we pre-determine it and deny future a certain freedom to evolve by itself and whilst pre-determining some parameters we upset the balance of things and end up with a lopsided reality (e. g. gender imbalance in China as a result of a «one child policy» encouraging families to produce boys only).

There is something abnormal and pervasive in attempts to overcome the uncertainty of the future and concretize its phenomenological qualitative composition either epistemologically (prophecy, fortunetelling) or ontologically (genetic engineering of people with pre-known qualities; creating employment opportunities for concrete people (nepotism) rather than seeking those who fulfil certain conditions).

People feel that they ought to retain their innocence and ignorance in regard to the qualitative phenomenal content of the future. Interfering with the phenomenal content is controversial and somehow upsets the naturally balanced course of events, the evolution of the future.

Our future-orientated intentional actions are thus directed at a relationally framed would-be community, and future social planning involves creating and altering future relations within community. The future community that we address is *a community*, a relationally framed would-be community with a fuzzy phenomenal content curbed by the relational framework. In reality we affect and help create a particularly shaped community, *the community*, although we are unable to access *the community*.

Future community that we deal with is *a community* delineated by the relational framework superimposed on it by its entire past, our present actions in combination with unknown future circumstances of its existence. *A community* is vague, fluctuating and fuzzy.

The future of community as a historical process appears to be greatly uncertain and resistant to planning. Rather than being guided by remote future goals, political figures are pressurised by the demands of immediate problems, and have little, if any, room for manoeuvre whilst making historical decisions that affect the future of communities. Also, history involves wills of many combined with unexpected objective circumstances such as a natural disaster or a discovery of a new source of oil, so the future is hard to plan and even harder to predict.

A biographical process of the self as a community member is more straightforward because it ultimately involves only one willing agent, so an individual

has a greater control over his or her personal future than subjects of world history have over the future of history. Our actions are not always a mere response to circumstances – we make plans and work on their realizations.

This complicates the temporality of the community in the following way. As well as being informed and influenced by the past, community is also informed and influenced by the future – not by the future of real events because they are not certain yet, but by the future which people invent; not by the future which is projected by the past and the present and which constantly changes, but by the hypothetical, imagined future which is a state that people may strive to achieve, and which will not happen by itself as a natural continuation of our previous life but requires a special, purposeful effort.

So, in its present community negotiates two futures, the real projection of our present and the hypothetical future of our goals. Whereas the real future emanates from the present and is viewed from the present point, the relation of the hypothetical future to the present is the reverse. [9]. When we act in our present with the view of the hypothetical future, as an acting agent we remain in the present, but as an observing and monitoring agent we place ourselves at the point of the planned achievement in the hypothetical future and evaluate our actual present from that position [10]. Our imaginary position in the future is treated as the imaginary present, and from the point of view of this present our real present becomes the past of our imaginary present.

Viewing our actual present from the position of the distant goal, we gain a retrospective view of it and modify it from the foundation of the real future into the foundation of the hypothetical future, with the aim of changing the hypothetical future into the real future. Then the present also appears in two ways. Firstly, it remains that actual present which is a spindle that turns temporal reality and changes the future, but secondly it, whilst being looked at retrospectively, gains for us the properties of a reality that is affected by subsequent times and subsequent events. The current day and the current hour project themselves naturally into tomorrow and into the next hour, but they are also seen as a potential foundation for the goal in the more remote future.

In our plans we also reach out for those times that exceed the limitations of our individual lives and the progressive existence of community is our guarantor that promises that our wills and testimonies, legacies and living gifts and hopes for future people will radiate our will beyond the end of our lives.

More drastic for the future, however, is our voluntary and involuntary ability to control and restrict the very existence of would-be future people.

While in the animal world natural selection prevails and all possible reproductive combinations and outcomes are limited and streamlined spontaneously, human community membership is purposefully restricted for future would-be members. Curbing and

controlling reproductive behaviour, e.g. via an institution of marriage, availability of contraception or higher morality associated with restricted or revoked sexuality, society purposefully prevents a vast number of potential reproductive combinations from being formed [11].

Society may pride itself for caring for its vulnerable members, but in order to be cared for, one needs to be visible, palpable and occupy space – i. e. exist in the present. Babies are not as vulnerable as we are used to thinking of them. They exist and impact on our senses and our consciousness. Foetuses are in a weaker position; they are not publically visible and cannot appeal to our compassion, mercy and the sense of responsibility in the same way. People who have not been conceived are even worse off. Mere potentialities, they are ultimately vulnerable. They may be future possibilities but if, when the future becomes present, they have missed the opportunity to exist, this omission will not be known by anyone including themselves, and will not be deplored by anyone [12]. As was pointed out previously, we were such potentialities once, and if our chance to exist were missed, our absence would not be noticed and would not be regretted.

Would-be future reproductive possibilities are vastly larger in number than those that can come to fruition, and it is the previous world history complemented by our present activity that determines the selection of the outcome.

Although present people are not in a position to choose which potentialities should be actualised and which ones should not, they can and do choose the conditions and circumstances of future potentialities whose fruition would suit the present, albeit not concrete potentialities. Decisions to have a child next year rather than this year, or not at all, with this partner rather than someone else, as well as a multitude of more trivial behavioural choices result in hugely important consequences for would-be people: few particular ones will be fortunate to exist eventually, whilst the majority of other particular ones will not.

There is a huge unrecognised imbalance between the triviality of our present choices that lead to production or prevention of specific human life, and the magnitude of consequences for future people for generations to come.

Any possibility of justice between generations is preceded ontologically by the initial great injustice between generations, whereby the present generation has the power to affect the coming to fruition of future possibilities unwittingly or deliberately.

The pool of possibilities is vast. Only a fraction of them will become present later, and our actions and choices, sometimes trivial but always present-centred, determine the course of our selection. We choose and shape the future which is convenient to our present.

Future while it is future is larger than the present that it will become. Future is populated with possi-

lities. If we want to discuss a relation, or communication with future, this needs to be the relation with this abundant pool of possibilities, not the streamlined imagined future which we model on the present reality and which we treat as present-in-waiting. This streamlining of the future is already a violent manipulation and restructuring of future. If we want to think of future per se it must only be defined by the limits of what is possible. It would involve an exponential multiplication of mutually exclusive scenarios, resulting in an amorphous picture of the infinity of «what if's».

Future qua future is a realm of potentialities. The more remote the future, the greater is the range of those potentialities. As the remote future becomes less remote, it is subjected to the funnelling effect whereby current, already realised occurrences including our voluntary and involuntary actions, eliminate some potentialities and streamline the future until, as it enters the realm of the present, all potential would-be states of the world are eliminated except one which becomes present [13].

Our existence can be seen both as an outcome of all previous processes leading to our birth and maturity and as an intermediate phase of the same process leading to future people's success of existence. Immersed in this process that moves on beyond our lives, we pose as means for future people's existence and wellbeing as parents, educators or wealth producing agents in the same way as previous generations were the means for our existence.

Crucially, our temporal role entails conflicting components: we are both ends and means of the temporal process of community development. As ends, we benefit from the entire history of our community, setting and achieving personal goals, striving for personal satisfaction in sensory and intellectual spheres. Our involvement in community life is not confined to the boundaries of our individual life [14]. What we do, will affect others after we are gone, and in that sense we are means to the ends of their existence and their welfare. Our apparent relation with the future is that we are means of it, and our being means for the future interrelates with our being ends in the present.

Our relation with future people is complicated by the duality of this role: gravitating towards the present and our present ends, we may treat future as means. As ends of the societal process we make choices favourable to us that affect unfavourably future people. A current government may take out a loan to meet its current targets and commit two or three generations to repaying it, for example.

In more subtle ways, people in the present may appeal to the future ones, as in the following example.

And, as Honneth says, if the experience of disrespect and humiliation projects itself into a societal struggle, then people: «uncover a form of expression with which they can indirectly convince themselves of their moral or societal worth. For, given the anticipation that a future communication-community

will recognize them for their present abilities, they find themselves socially respected as the persons that they cannot, under present circumstances, be recognized for being» [15. P. 164]. Thus people taking part in the struggle use future ones as the source for their self-respect. In that sense they treat the future as a flexible passive material that can be shaped at will to suit their own future-orientated aspirations.

Once we have made all the choices that would shape the future to our liking, we remember that we have some responsibility for those future people that we will allow to be born and grow up. But even in this we service our own present-orientated ends, because the feeling of one's own righteousness (in this instance, caring for future) is beneficial for one's healthy existence regardless of whether the apparent intended beneficiary benefits from it or not. The real, unmistakable beneficiary is the present community that can enjoy the feeling of self-righteousness in the present.

Present grants itself a privileged status and is protected legally and morally whereas future receives no protection, and this crucially constitutes the core of our relation with the future.

The following exemplifies the ultimate vulnerability of the future. Infanticide that allegedly takes place in some countries (e.g China) shocks the civilized world [16]. Killing a presently living person is a dreadful crime. It is even more terrible when a baby is killed because we care for the future and denying life to a baby is denying someone a whole long life. In countries like Russia termination of an unwanted pregnancy is a prevailing means of family planning [17] and, although it is problematic for some people, is less morally and legally challenging than infanticide. The discreet use of widely available contraception that is promoted in Western countries is mostly considered ethically neutral and may be even commended as responsible behaviour. Celibacy is celebrated in a religious context as a morally superior form of conduct.

The situations listed above seem different and evoke opposing emotional response. It is a crime to kill a person who has already been born. Preventing a conceived future person from being born is less morally problematic and may not be seen as a crime. Preventing would-be people from being conceived at all is ethically neutral and could be commendable from the standpoint of the present time morality. These evaluations are so different because they are present-orientated and based on what is happening in the

present. As far as the future is concerned, the outcome of all these attitudes and actions is the same – prevention of future life, denial of existence to future persons. We in the present are concerned with how to do so humanely, before future life, that would cause inconvenience to us in the present, started actualising itself. In actual fact «humane» here ultimately refers to us in the present and not to them in the future, because we want to prevent them from living before they can impact on our senses and disturb our consciousness [18]. As far as they in the future are concerned, their non-existence at the point when they could exist is the same regardless of whether their emerging existence had been cut short violently or prevented altogether. In this sense those who existed for a short time and killed afterwards are more privileged than those who had not existed at all.

Thus our relation with future people is marked by their extreme and inevitable, albeit not duly acknowledged dependency on us for their very existence. It is complemented by the complete lack of their legal rights as well as permissibility of absence of moral considerations on our part. The caring attitude towards future is *the outer layer* of the relational network that we, the present community members, have with the future community [19]. This attitude takes a form of an agent-centred ethical approach, where the patient of our future-orientated intentionality is absent and unable to initiate a demand on our morality or a response to our actions.

It is entirely up to us how we understand and realise our responsibility towards future. This situation allows for a short-sighted, selfish vision of future, or even complete future-blindness, where present community simply emanates its existence without leaping forward in its projections [20]. Consequences may be disastrous for future in this case. For example, the development of nuclear weapons of a large scale was a necessity of the cold war, but the legacy of its destructive potential hangs over the entire planet as a potential threat that under certain conditions may become real for one unfortunate future generation.

Further research into future, linked to a broader theme of the temporality of community must investigate in great depth *what is obvious and what is not* in the relation between the people who shape the future and the future that they shape. This warrants a detailed investigation of qualitative and relational components of present and future that affect their relationship.

REFERENCES

1. Rawls J. *A Theory of Justice*. Oxford, Clarendon Press, 1972. 231 p.
2. Honneth A. Reification: A Recognition-Theoretical View. *The Tanner Lectures on Human Values*. California, March 14–16, 2005. pp. 15–34.
3. Nussbaum M.C. Capabilities as Fundamental Entitlements: Sen and Social Justice. *Feminist Economics*, 2003, vol. 9, no. 2, pp. 33–59.
4. Sen A.K. Development as Capability Expansion. *Human Development and the International Development Strategy for the 1990s*. Eds. K. Griffin, J. Knight. London, Macmillan, 1990. pp. 41–58.
5. Sen A.K. Capability and Well-being. *The Quality of Life*. Eds. M. Nussbaum, A.K. Sen. Oxford, Clarendon Press, 1993. pp. 45–63.
6. Nussbaum M.C. *Women and Human Development: the Capabilities Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 431 p.
7. Nussbaum M.C. *Beyond the Social Contract: Capabilities and Social Justice*. 25 p. Available at: www.unipv.it/deontica/sen/papers/Nussbaum.pdf, accessed 05/09/2011 (accesses 12.07.2013).
8. Bergson H. *Creative Evolution*. Transl. A. Mitchell. London, Macmillan & Co Ltd, 1964. 432 p.
9. Humboldt W. *The Limits of State Action*. Ed. J.W. Burrow. Cambridge, The University Press, 1969. 561 p.
10. Kant I. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose. Ed. H. Reiss. Transl. H.B. Nisbet. *Political Writings, Kant Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose*. Cambridge, The University Press, 1970. 341 p.
11. Honneth A. *The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts*. Transl. by J. Anderson. Cambridge, The MIT Press, 1995 (SR). 671 p.
12. Hegel G.W.F. *Lectures on the philosophy of world history: introduction, reason in history*. Transl. from the German edition of Johannes Hoffmeister from Hegel papers assembled by H.B. Nisbet. New York, Cambridge University Press, 1975. 263 p.
13. Benhabib S. *Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics*. Cambridge, Polity Press, 1992. 456 p.
14. Berten A., da Silveira P., Pourtois H. (eds.) *Liberaux et Communistes*. Paris, PUF, 1997. 471 p.
15. Edelman L. *No Future: Queer Theory and the Death Drive*. Durham, North Carolina, United States, Duke University Press, 2004. 375 p.
16. Cross Ch.R. *Room Full of Mirrors: A Biography of Jimi Hendrix*. New York, Hyperion, 2005. 342 p.
17. Avineri S., de-Shalit, A. (eds.) *Communitarianism and Individualism*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 343 p.
18. Hegel G.W.F. *Philosophy of Right*. Trans. T.M. Knox. Oxford, The Clarendon Press, 1942. 381 p.
19. Bankovsky M. Social justice: Defending Rawls theory of justice against Honneth's objections. *Philosophy & Social Criticism*, 2011, vol. 5, no. 3, pp. 45–67.
20. Bell D. *Communitarianism and Its Critics*. Oxford, Clarendon Press, 1993. 298 p.

Approved on 04.02.2014.

УДК 123.1

КОММУНИКАЦИЯ С НЕСУЩЕСТВУЮЩИМ СООБЩЕСТВОМ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ БУДУЩЕГО СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Фелл Елена,

PhD, Университет Центрального Ланкашира, Великобритания,
Престон, Ланкашир, PR1 2HE. E-mail: elena.fell@ntlworld.com

Налетова Александра,

Томский политехнический университет,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: sashadem@sibmail.com

Статья посвящена вопросу заботы о будущем настоящих и последующих поколений. Авторами рассматриваются современные теории, затрагивающие этот вопрос: теория справедливости Джона Роллза, теория общественного признания Акселя Хоннета, а также анализируется позиция Амартии Сена и Марты Нусбаум, касающаяся реализации человеческих возможностей, степень которой выступает как критерий социальной справедливости.

Цель исследования – подчеркнуть отношение к будущему в современном обществе.

Методы, используемые в исследовании: сравнительный анализ философских теорий будущего; синтез основных положений и выводов, касающихся понимания категории «Будущее».

Результаты: Авторы приходят к выводу, что тема заботы о будущем представляет собой лишь внешнюю, видимую оболочку сложных отношений настоящего поколения к будущим поколениям. В основе этих отношений остаются собственно интересы настоящего поколения.

Ключевые слова:

Видение будущего, сообщество, существование, человеческие способности, отношение с будущим, человек.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В БРЕНДИНГЕ ТЕРРИТОРИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Грошев Игорь Васильевич,

д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по социальной работе и молодежной политике ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. E-mail: aus_tgy@mail.ru

Шапкина Юлия Валерьевна,

аспирант ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. E-mail: aus_tgy@mail.ru

Актуальность работы определяется возросшим интересом к брендингу территории, где инновационная сущность становится приоритетной в развитии. Необходимо создание эффективного инструментария брендинга территории.

Цель работы: *определение инструментария брендинга территории инновационного развития на основе аналитики.*

Методы: *информационно-аналитические, анализ и синтез.*

Результаты: *предложен мультипроектный подход, основанный на интегрированных технологиях, где определенные процессы, операции, методы и методики брендинга соотносятся с жизненным циклом бренда территории. Раскрыты подходы к использованию информационно-аналитических технологий в брендинге территории инновационного развития в рамках жизненного цикла бренда. В брендинге выделены этапы и подэтапы, определена их содержательная характеристика и приведены соответствующие методы, методики, процедуры, процессы, в которых как база используется аналитика и собственно информационно-аналитические технологии: информационный мониторинг, прогнозирование, диагностика и т. д.*

Ключевые слова:

Территория инновационного развития, бренд, брендинг, информационно-аналитические технологии, методы, методики, процедуры в брендинге территории.

В настоящее время условием сохранения собственных позиций для регионов, конкретных территорий является создание конкурентоспособного бренда, аккумулирующего совокупность их конкурентных преимуществ. Постепенно формируется политика государственного брендинга [1], возрастает роль брендинга в развитии экономики [2]. Брендинг территории – это процесс формирования и управления брендом. Ф. Росс утверждает: «Брендинг, как мы понимаем его сегодня, представляет собой искусство внушения и передачи информации о ценностях и характере компании или организации через ассоциацию с ее логотипом» [3]. Брендинг можно рассматривать как развивающуюся концепцию, как сложный, многокомпонентный длительный процесс, причем в зависимости от классификационных признаков можно выделить различные модели брендинга: колесо бренда, методику ТТВ (Thompson Total Branding), модель Unilever Brand Key, модель этапного построения бренда (Brand Name Development Services), модель Ф. Котлера, модель А. Зозулева, модель Т. Гэда (модель четырехмерного брендинга), модель Р. Якобсона и др. Появляются работы по теории и практике территориального брендинга [4]. Можно утверждать, что брендинг территории инновационного развития – оптимальный инструмент решения задач социально-экономического развития территории. В России данный процесс запущен сравнительно недавно [5–9].

В настоящее время технологии и процедуры брендинга территории достаточно разработаны, существуют и разработки по жизненному циклу бренда, в том числе и бренда территории. Поэтому создан определенный инструментарий брендинга, который сегодня необходимо дополнить в связи с быстроменяющимися условиями, значительной информационной насыщенностью внешней и внутренней среды.

Если совместить брендинг территории и жизненный цикл бренда территории, то мы получим детализированное описание этапов брендинга, связанного с жизненным циклом бренда территории, что позволяет совместить и инструментарий брендинга и разработок бренда территории.

Цель брендинга территории инновационного развития состоит в обеспечении присутствия ее бренда в более крупной территориальной единице и усилении влияния территории, что обеспечит приток финансовых, кадровых, людских и других ресурсов. Целью будет и узнаваемость бренда территории инновационного развития и трансляция территориальных событий-ценностей во внешней среде. В связи с этим, на наш взгляд, оптимально использовать *мультипроектный подход, основанный на интегрированных технологиях, где определенные процессы, операции и приемы брендинга соотносятся с жизненным циклом бренда территории*. Брендинг необходимо дифференцировать по этапам, каждый из которых будет

встроен в определенный этап жизненного цикла бренда территории. Данный подход целесообразно осуществлять в двух направлениях – временном и в субъектном, состоящих из этапов, подэтапов брендинга с применением совокупности методов, методик, приемов, процедур, процессов и собственно технологий, что приведет к разработке специальных программ и подпрограмм с ориентацией на целевую аудиторию. К традиционному маркетинговому инструментарию дополнительно можно и нужно использовать информационно-аналитические технологии, информационную аналитику, которые обеспечивают преобразование, оценку и синтезирование известных сведений об объекте для получения выводного знания о нем. О возможностях аналитики мы писали ранее [10].

В современных условиях аналитические методы и технологии активно используются в разных сферах и отраслях (например, финансовая аналитика, бизнес-аналитика и т. д.). Анализируя существующие информационно-аналитические технологии, можно сделать вывод, что они могут использоваться и в брендинге и определенным образом влиять на его традиционные технологии. Так, целесообразно использовать информационное моделирование, информационную диагностику и информационное прогнозирование. Можно применить и такие технологии, как информационное оппонирование, информационное заимствование, логистику информационных ресурсов, информационную диагностику рисков проектов, технологии управления знанием. Каждая технология обладает определенными методами и приемами. Например, в информационном моделировании используют селективные процедуры, позволяющие сформулировать критерии отбора сведений об объектах-аналогах, отбор оценочных и прогнозных индикаторов объекта, шкалирование данных об объекте по комплексным индикаторам и т. д. Большим потенциалом обладает и информационная диагностика. Причем ее можно применять на разных этапах брендинга. Возможен ретроспективный анализ объекта, в рамках которого идет поиск «критических» временных точек в его развитии, точек изменений, создаются технологические схемы ретроанализа, ретрорубрикатор. Мы считаем, что его можно применить к территории, внешней среде и т. п. Технологии оперативной диагностики связаны с методами анализа по формализованным индикаторам, а мониторинговая диагностика – с непрерывным наблюдением. Безусловно, их следует использовать на всех этапах брендинга. Информационное прогнозирование предполагает построение «дерева» целей, решений, ресурсов, идей, и может использоваться при создании бренда территории, в процессах управления брендом. Информационная экспертиза (обладающая собственными методами и приемами) может применяться для определения проектных рисков, изучения общественного мнения потребителей и/или оценки идей.

Бренд территории инновационного развития – сложный многокомпонентный феномен, это развивающаяся система, многофункциональная, требующая специальных средств при создании, продвижении и управлении [11]. Бренд можно рассматривать как «точку роста» территории инновационного развития [12], как коммуникативный капитал [13] и т. д.

При создании и продвижении бренда территории инновационного развития разумно использовать этапы, пошаговые алгоритмы, объединение отдельных процессов в функциональные модули и подэтапы. При этом брендинг территории инновационного развития принципиально отличается от брендинга товара, услуги или марки: он не будет иметь заключительной фазы (окончания), так как инновационная сущность будет «питать» бренд такой территории. Бренд территории инновационного развития обладает суперустойчивостью: способностью нести неизменное сообщение, одновременно постоянно адаптируясь к внешним условиям. Ниже приводятся содержательные компоненты этапов брендинга территории инновационного развития с указанием инструментариума и возможностей использования информационно-аналитических технологий и аналитики.

В брендинге территории инновационного развития мы выделяем следующие этапы и подэтапы:

- 1) разработка бренда территории инновационного развития (подэтапы: подготовительный (аналитический), проектировочный);
- 2) выведение/внедрение бренда территории инновационного развития на рынок (подэтапы: запуск бренда территории, рост);
- 3) достижение зрелости бренда территории инновационного развития (насыщение рынков) (подэтапы: мониторинг и экспертиза зрелости бренда территории и эффективности брендинга, управление брендом территории).

Для каждого этапа и подэтапов мы выделили содержательные компоненты и определили соответствующий инструментариум: совокупность методов, методик, приемов, процедур, процессов, которые целесообразно использовать в каждом временном отрезке, *в основе которых аналитика или присутствует аналитическая составляющая.*

В рамках первого этапа выделяем два подэтапа: подготовительный (аналитический) и проектировочный. В рамках первого подэтапа брендинга осуществляются следующие действия:

- анализ внешней среды, выявление возможностей брендинга территории и определение социально-экономической ситуации (сбор разнобразной информации, связанной с разными аспектами территориального брендинга, и определение спроса на бренд территории);
- выявление опыта территориального брендинга и примеров успешных брендов территории, определение целей и тех задач, которые они выполняют;

- анализ потенциала и ресурсов территории, оценка их состояния и выделение приоритетов;
- выделение базовых инновационных продуктов, услуг, технологий и т. п.;
- определение территориальной индивидуальности;
- приведение в порядок внутренних процессов территории с ориентацией их на конечный рынок: диагностика рынка, определение сегментов, реорганизация внутренней среды;
- определение потребителей бренда территории инновационного развития;
- определение рисков.

Для реализации данных действий предлагается следующий инструментарий: метод информационного анализа, информационная диагностика, конъюнктурные маркетинговые исследования, анализ рыночной ситуации, SWOT-анализ, конкурентный анализ, поиск аналогий (фиксация, сортировка и сравнение признаков), сравнение аналогов и оценка уровня развития объектов-аналогов – брендов территорий. Анализ состояния и развития территории осуществляется путем сравнения индикаторов (сопоставление с выделенным параметром). Далее осуществляется трансформация данных: экстрагирование данных, свертывание, обобщение, визуализация. На данном подэтапе можно использовать казуальный и байесовский анализ, бенчмаркетинг, сегментирование потребителей, рынка. Характеристика сегментов идет по совокупности индексов. В основе инструментария – аналитика и аналитические составляющие, позволяющие не только делать конкретный срез, но и получать оценочные характеристики, которые станут базой для последующих действий в рамках брендинга территории инновационного развития.

Проектировочный подэтап будет включать:

- разработку целей и задач брендинга территории инновационного развития;
- определение стратегии и тактики использования преимуществ территории;
- формулирование предложения по созданию территориально-функциональной структуры, занимающейся работой над брендом территории инновационного развития;
- разработку программы создания бренда территории;
- детальную проработку целевой группы потребителей, для которых создается бренд территории инновационного развития;
- разработку внешней стороны бренда территории, создание креативных элементов бренда территории;
- разработку основных элементов стратегии позиционирования;
- разработку охрано- и рекламоспособного товарного знака;
- предварительное тестирование бренда территории, его оценка потребителем бренда территории, определение приоритетных коммуникаций с целевой аудиторией и их восприятие свойств бренда территории;
- юридическую охрану бренда территории;
- определение и расчет рисков;
- разработку стратегии продвижения и работу с рекламными агентствами, вывод бренда территории на рынок и построение системы мониторинга результатов;
- разработку коммуникационной стратегии формирования и развития имиджа и репутации территории.

В рамках данного подэтапа брендинга создается сам продукт – бренд территории, происходит наблюдение за первыми впечатлениями для определения дальнейших действий. Поэтому в первую очередь целесообразно использовать информационно-аналитические технологии и традиционные маркетинговые действия, в основе которых – анализ и синтез.

В рамках данного подэтапа можно использовать информационное моделирование, осуществлять поиск причинной связи (построение поисковой гипотезы, ее проверка), логико-семантические операции, казуальный анализ. Возможно формулирование ранжированного списка причин (факторов), применение ризомы «причина–следствие», использование метода предпочтений и рейтингового анализа. Успешно могут встраиваться методы и методики семиотики, метод перенесения свойств (импликация, метод остатков и различий). Одновременно происходит отбор значимых индикаторов, создается рейтинг объектов (компонентов, элементов бренда территории) по значимому (или комплексному) индикатору. Отбор знака происходит на основе экспертных оценок, может использоваться групповое фокусированное интервью. По результатам этапа осуществляется отдельный учет затрат, оценка будущей стоимости. Ряд действий можно осуществить с использованием имитационного моделирования Монте-Карло, множественного регрессионного анализа, метода комбинаторной оптимизации, стратегического и портфельного анализа. Усилит инструментарий информационная диагностика и информационная экспертиза, в том числе рисков проекта.

Поясним, почему аналитику, информационно-аналитические технологии необходимо использовать в брендинге территории инновационного развития. Первый подэтап можно определить как «подготовительный», «аналитический», где цель – сбор информации и проведение исследований, которые в совокупности и создадут платформу для проектирования бренда территории инновационного развития. В рамках подэтапа целесообразно широкое использование информационно-аналитических технологий, так как осуществляется сбор разнородной и разнообразной информации, анализ которой дает нам возможность перейти к проектированию бренда территории инновационного развития. Разработчики, опираясь на специфику и особенности территории, внешней среды, могут выбрать совокупность методов, методик, технологий, которые позволят им получить репре-

зентативные данные и оптимизировать процесс создания и продвижения бренда территории инновационного развития.

В основе брендинга территории лежит *идея*. В настоящее время уже предлагаются технологии поиска идей. Е.Ю. Галыбина, анализируя различные подходы к разработке идеи бренда, выделяет следующие инструменты и платформы: ищут идею в дивергенции или жизнеспособности ответвления видовой разновидности того или иного продукта от корневого (Э. и Л. Райс), в культурных составляющих (Д. Грант), в тенденциях современности (С. Хилл), и сама предлагает социальную платформу как основу хороших идей [14]. По Д. Гранту «молекула бренда» должна постоянно обрастать новыми идеями. Данное положение удачно реализуется на территориях инновационного развития. Инновационные идеи, инновационная сущность продуктов, услуг, технологий и т. п. воплощаются и транслируются брендом территории. В этих условиях он более жизнестойчив и успешен в маркетинговом плане. Бренд территории как известное имя формируется благодаря инновационности стратегических идей, притягивающих определенных потребителей и завоевывающих определенные сегменты на рынке. О роли инноваций пишет и гуру брендинга Д. Аакер [15], появилось и используется понятие «инновационный бренд» [16]. В нашем случае бренд территории сам приобретает инновационную сущность. Проектируя бренд территории инновационного развития, разработчики должны ориентироваться на ценность бренда, в том числе на дополнительную самовозрастающую стоимость бренда. Идеи, лежащие в основе брендинга территории инновационного развития, отличаются вариативностью, долгосрочностью, уникальностью, ценностным подходом, социальной актуальностью и т. д. Такой бренд можно определить как «инновационный бренд». Понятие инновационности бренда связывают с понятием организованного хаоса. Идею необходимо реализовать так, чтобы ее концепция содержала принципиально новые и непривычные элементы. Выявить, сформулировать и оценить такие идеи можно только при помощи аналитики. Например, информационной экспертизы идеи.

Проектирование бренда территории инновационного развития – сложный пошаговый процесс, в рамках которого обязательно анализируется поле бренда территории. При этом маркетинговые исследования, опросы необходимо проводить до того, как будет осуществляться рекламная деятельность. Для того чтобы правильно определить, какие качества потребителя будут проецироваться на бренд территории, при разработке позиции бренда и его идентичности в брендинге можно применять и специальные проективные методики.

Процесс позиционирования бренда может состоять из пяти этапов: понимание, исследование, тестирование, стратегическая оценка и отбор, осуществление или активизация бренда, где иннова-

ции играют большую роль. Поэтому мы считаем, что данные этапы вполне применимы и к позиционированию бренда территории инновационного развития. Так, на этапе понимания необходимо определить дополнительные ценности бренда территории инновационного развития на основе его отличительных особенностей, корней, прототипов и его настоящего имиджа. Раскладывая потенциал бренда территории инновационного развития на части, необходимо выделить те, которые способны принести прибыль (в широком смысле) территории. Поэтому необходим анализ покупателей и конкурентов, анализ рынков и потребительских предпочтений или неудовлетворенностей, на которых можно построить и довести до оптимального состояния бренд территории инновационного развития.

Определенная последовательность действий в рамках процесса создания и продвижения бренда предлагается многими авторами. Например, процесс построения бренда по Ф. Котлеру делится на этапы: планирование бренда, его анализ, формирование стратегии бренда, его строительство и аудит. Особенностью создаваемого бренда территории является географическое расширение. Созданный бренд территории инновационного развития надо защищать: это юридическая защита, защита в режиме авторского права. Таким образом, предлагая мультипроектный подход с использованием широкого арсенала средств, приведенный инструментарий позволит детализировать процесс создания бренда территории инновационного развития, сделать его более репрезентативным (увеличение данных для получения выводного знания), а значит более оптимальным и рациональным.

Следующий этап – это выведение/внедрение бренда территории инновационного развития на рынках, включающий 2 подэтапа.

Первый подэтап – запуск бренда территории инновационного развития – включает следующие действия:

- определение платформы бренда (разработка программы запуска бренда территории);
- презентация проекта территориального брендинга для заинтересованных лиц;
- уточнение стратегий позиционирования бренда территории инновационного развития;
- выделение набора покупательских потребностей и особенностей восприятия;
- определение компонентов индивидуальности бренда территории (будут активно использоваться для отстройки от конкурентов – других территорий);
- разработка стратегии бренда территории инновационного развития;
- деятельность по формированию имиджа территории.

В рамках данного подэтапа брендинга территории можно использовать широкий арсенал средств. Это анализ покупателей и конкурентов, рынков, бенчмаркетинг, экспресс-диагностика проблемных ситуаций, инструментарий рекла-

мной деятельности, формирование и/или поддержание интереса к бренду территории и его продвижение во внешней среде, в том числе на федеральном и международном уровне, разработка официального сайта/портала территории или корректировка имеющегося, взаимодействие с различными информационными порталами; PR-деятельность. Интересен потенциал территориальных лидеров, публичных фигур, исторических личностей, с которыми территория прочно ассоциируется, в связи с чем, происходит их актуализация. В данное время целесообразна организация информационного повода: например, проведение выставок, фестивалей, конференций и т. п. Активно внедряются формы и методы взаимодействия с другими регионами и территориями, идет мониторинг эффективности рекламы, уточняется профиль реальных потребителей бренда территории и концепции бренда территории. Интересны возможности аудита точек контакта бренда территории, промоакции, создание «горячей» телефонной линии, использование интерактивных форм в Интернете, тестирование коммуникаций брендинга (например, экспертные оценки и фокус-группы). Можно использовать методы оценки затрат, байесовский анализ, проектирование, множественный регрессионный анализ, информационное прогнозирование, информационную диагностику и информационную экспертизу, в том числе и рисков проекта. Разрабатывается эффективная обратная связь для разных коммуникаций. Подэтап насыщен разнообразными и разнородными действиями разработчиков, поэтому и инструментарий должен быть разнообразным.

В рамках подэтапа «рост бренда территории» в качестве действий создателей выделяем:

- формирование спроса, создание релевантного предложения, маркетинговое продвижение продукта – бренда территории инновационного развития;
- управление базами данных и маркетинг взаимоотношений;
- изучение силы бренда территории инновационного развития, его потенциальных возможностей и угроз;
- стимулирование сбыта;
- систематическое подведение результатов (мониторинг) в рамках брендинга;
- оценка эффективности бренда территории и брендинга (определяют через осведомленность, лояльность, удовлетворенность потребителей);
- ведение исследовательской работы;
- внедрение инноваций в отраслях, в том числе новшеств в существующие компоненты бренда территории и сам процесс брендинга;
- формирование желания на насыщенных рынках (инновации ценности);
- продление этапа роста (развитие приверженности бренду территории, потребительской культуры, привлечение инвестиций в инновационность бренда территории).

Для реализации подэтапа целесообразно использовать следующие методы, методики, приемы и процедуры: контент-анализ бренда территории, анализ динамики продаж, оценка эффективности каналов товародвижения, медиапланирование, анализ Интернет-коммуникаций, оценка сайта/портала, эффективности рекламы, PR-инструменты. Значительное место принадлежит исследованию параметров бренда территории, среди которых выделяем осведомленность, степень приверженности, релевантность запросам целевой аудитории, сформированность имиджа и образа, ассоциативные связи и т. д. Причем исследование осведомленности о бренде территории можно проводить по методике Д. Аакера или применить модель измерения лояльности и силы бренда Дж. Хофмайера и В. Райс. В рамках данного подэтапа брендинга можно использовать проективные методики (применяются по отношению к потребителям), аудит точек контакта бренда территории, экспресс-диагностику проблемных ситуаций. Сравнительные методики применяются для выявления наиболее значимых характеристик бренда, идет разработка программы лояльности. Для этого определяют критерии лояльности, проводится идентификация целевой аудитории, осуществляют выбор инструментов воздействия, расширяется обратная связь с потребителем. Кроме того, необходима оценка стоимости и эффективности (совокупность методик) бренда территории [17, 18], информационная экспертиза, информационная диагностика эффективности действий и рисков проекта.

Поясним некоторые действия в рамках данного этапа и подэтапов. Запуск бренда территории инновационного развития представляет собой долгосрочный проект, занимает значительный временной период в брендинге территории. Позиционирование в ходе стратегической коммерциализации корректируется после проведения сегментации, по получению первых результатов разработки бренда территории инновационного развития, когда возможно внесение изменений в концепцию позиционирования и при выводе инновационной технологии на рынок. Далее (мы согласны с Дж. Траутом) позиционирование изменится только в направлении корректировки тактики, но не стратегии. На наш взгляд, уточнение концепции позиционирования должно строиться на основе преимуществ, а сам процесс должен формировать код бренда.

На втором подэтапе целесообразно разработать различные варианты продвижения бренда территории (учет предпочтений потребителей разных территорий). На этапе тестирования данные сценарии совершенствуются или исключаются, после чего осуществляется стратегическая оценка бренда территории инновационного развития, для чего целесообразно применять информационно-аналитические технологии. При этом сценарии сравниваются по критериям и индикаторам, затем следует экономическая оценка потенциальных доходов

для каждой рассматриваемой территории (города, региона, страны и т. д.). Параллельно осуществляется дальнейшее формирование имиджа территории. Деятельность по конструированию имиджа через продвижение бренда территории инновационного развития будет включать акцентирование информации, вербализацию, визуализацию, внедрение моделей восприятия, контекстное введение знаков и т. д. На основе данных действий определяют маркетинговую стратегию, функциональные цели и программу рекламной и PR кампаний для бренда территории инновационного развития. Данные механизмы достаточно разработаны и описаны. Но сегодня кроме прямой рекламы идет поиск альтернативных путей продвижения бренда. Все чаще рассматривается продвижение бренда с помощью интернет-маркетинга, используя сайты и порталы. Безусловно, продвижение и «жизнь» бренда территории инновационного развития должно проходить и в виртуальном пространстве. Интернет-ресурсы сегодня активно создаются и продвигаются бизнес сообществом, поэтому данный аспект необходимо внести в брендинг территории. В рамках данного этапа осуществляется и информационная диагностика, и информационная экспертиза, в том числе и рисков. Наконец, осуществляется оценка стоимости и эффективности (совокупность методик). Все действия должны иметь инновационный характер, инновационную сущность, так как только инновации позволяют ослабить давление на затраты, формируют желание и создают монополию (но только временную) территории инновационного развития.

На следующем этапе идет насыщение рынков. Рассмотрим содержание этапа «Достижение зрелости бренда территории инновационного развития (насыщение рынков) – последний этап брендинга, и тот арсенал средств, которые целесообразно применять.

Первый подэтап мониторинга и экспертизы зрелости бренда территории и эффективности брендинга, включает следующие действия:

- стимулирование спроса;
- стабилизация положения бренда территории инновационного развития на рынке;
- маркетинговые коммуникации приобретают информативный оттенок;
- маркетинговый диалог осуществляется с высокой степенью доверия потребителей;
- презентация территориального брендинга для заинтересованных лиц;
- определение эффективности брендинга территории, оценка бренда территории инновационного развития;
- рост через интернационализацию;
- оценка необходимости репозиционирования.

В качестве методов, методик, приемов и процедур предлагается стратегия развития и роста бренда. В этот момент определяют вектор бренда территории инновационного развития, то есть форму трансформации ценности бренда в объект желания

путем направленного коммуникативного воздействия. На данном подэтапе осуществляется аудит точек контакта с брендом территории и аудит самого бренда, сравнительная реклама и идет мониторинг и экспертиза эффективности рекламной деятельности. Кроме того, традиционно осуществляется анализ динамики продаж, поиск новых сегментов, разработка и внедрение программы приверженности, анализ политики стимулирования сбыта. Целесообразно определить силу бренда территории, а внешняя среда подвергается экспресс-диагностики проблемных ситуаций. Возможно использование и метода оценки конкуренции брендов, байесовский анализ и информационное моделирование.

Подэтап «Управление брендом территории» соответственно включает:

- поддержание спроса, расширение лояльной базы потребителей;
- интеграцию бренда территории в жизненное пространство;
- формы трансформации бренда территории в случае необходимости (рестайлинг, ребрендинг, репозиционирование);
- стратегию конкурентного действия (улучшение);
- стратегию устранения угроз;
- стратегию основных преимуществ;
- стратегию возможностей (усиление особенностей);
- мониторинг мероприятий по брендингу территории;
- оценку эффективности брендинга и бренда территории;
- изучение привязанности к бренду;
- оценку капитала бренда (технологические активы, репутационные активы, человеческие активы, финансовые активы).

На данном подэтапе можно использовать стратегический анализ бренда территории. Данная методика построена на выявлении зон низкой, средней, высокой важности и результативности, которые рассматриваются в корреляционной зависимости. Целесообразно использовать методики повышения эффективности управления брендом. На данном подэтапе брендинга идет определение профилей новых целевых сегментов, аудит точек контакта бренда территории, используется напоминающая реклама. Особое место занимает управление точками контакта с брендом: проводится оценка приоритетности, определяется релевантность, составляются маркетинговые программы. Для быстрого реагирования можно осуществлять экспресс-диагностику проблемных ситуаций, эконометрическое моделирование, сценарный анализ, информационный мониторинг и информационную диагностику.

В рамках данного этапа центральное место занимает управление брендом территории инновационного развития. На этапе зрелости проявляется инновационный потенциал бренда территории.

В случае его отсутствия наступает спад, и бренд прекращает свое существование. Инновационный потенциал бренда территории инновационного развития интегрирует в себе возможности, заложенные в интеллектуальной собственности, кадровых, структурных, рыночных активах предприятий, организаций, учреждений территории.

Кроме того, в данном этапе целесообразно использовать показатели потребительского отношения к бренду: отношение к бренду территории, степень удовлетворенности брендом территории, приверженность (лояльность) бренду территории, степень известности бренда территории. Необходимо удерживать бренд на определенном уровне, не допуская спада. В настоящее время существуют методики, позволяющие поддерживать бренд.

Деятельность созданной оргструктуры (например, агентства по развитию территории) должна становиться системной, формы и методы работы – более разнообразными, при этом соблюдается мультипроектный подход. Так, можно использовать следующие формы и методы: передача информации в представительства регионов, субъектов, посольства, представительства других государств, создание информационных пунктов в бизнес-центрах и гостиницах, организация семинаров и конференций, сотрудничество с СМИ и др. Брендом территории инновационного развития можно управлять двумя способами: обновление и пере-

делка и инновационный подход. Первый вариант связан с поддержанием, обеспечением и консолидацией основы бренда территории, что в принципе дает кратковременный эффект. Инновационный подход – это движение в будущее, при этом появляются новые элементы-компоненты, которые станут новым прототипом бренда. Исходя из вышесказанного, брендинг территории инновационного развития можно отнести к форме латерального маркетинга. Ко-брендинг сегодня становится популярным и востребованным [19, 20].

Бренд территории инновационного развития – это феномен, чье развитие связано с получением доступа к рынку. Потому инновация – это основа, на которой базируется длительный успех бренда территории инновационного развития. Существует значительный арсенал средств для создания бренда территории инновационного развития и его продвижения, из которого создатель может выбрать необходимую ему совокупность. При этом средства, в основе которых аналитика, можно применять на разных этапах жизненного цикла бренда территории. Аналитические методы, методики, процедуры позволяют осуществлять брендинг территории более эффективно, оптимально и рационально, инструментарий брендинга значительно расширяется, и появляются дополнительные возможности для совершенствования процесса создания и развития бренда территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феофанова М.В., Филатов Е.В. Политика государственного брендинга: проблемы, перспективы развития. – М.: Изд. Дом «Эконом. газета», 2012. – 114 с.
2. Поспеловский Д.В. Роль брендинга территорий в развитии экономики региона // Молодой ученый. – 2012. – № 7. – С. 118–121.
3. Ross Ph. Branding. URL: <http://www.business-specialties.com/branding2.htm> (дата обращения: 02.02.2012).
4. City branding: theory and cases / Ed. by K. Dennie. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – 239 p.
5. Арженовский И. Маркетинг регионов. – М.: Юнити, 2011. – 135 с.
6. Башмаков Д.В. Брендинг и механизм его реализации в маркетинговой деятельности организации. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 143 с.
7. Блашенкова В.С. Бренд территории: создание и продвижение. Как это делается в России: практ. рук-во. – М.: Консалтинг. компания «Конкретика», 2011. – 320 с.
8. Визгалов Д.В. Брендинг города. – М.: Институт экономики города, 2011. – 152 с.
9. Панкрухин А.П. Бренды и брендинг // Практик. маркетинг. – 2011. – № 4. – С. 4–15.
10. Шапкина Ю.В. Использование аналитики при создании бренда территории // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 141–145.
11. Грошев И.В., Шапкина Ю.В. Синергетическая модель бренда территории инновационного развития // Менеджмент в России и за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 16–30.
12. Грошев И.В., Шапкина Ю.В. Бренд как «точка роста» территории инновационного развития // Маркетинг в России и за рубежом. – 2012. – № 5. – С. 28–41.
13. Мещерякова Т.В., Окольнішнікова І.Ю., Никифорова Г.Ю. Бренд как коммуникативный капитал // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 1 (37). URL: <http://www.m-economy.ru> (дата обращения: 30.11.2012).
14. Галыбина Е.Ю. Социальные предпосылки идей для становления и развития бренда // Маркетинг в России и за рубежом. – 2012. – № 2. – С. 60–66.
15. Aaker D.A. Brand relevance: making competitors irrelevant. – San Francisco; CA: Jossey-Bass, 2011. – 381 p.
16. Haig M. Brand success: how the world's top 100 brands thrive and survive. – London; Philadelphia: Kogan Page, 2011. – 296 p.
17. Грошев И.В., Шапкина Ю.В. Оценка бренда территории: информационно-логическая модель // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 4. – С. 62–70.
18. Никифорова Г.Ю. Оценка эффективности брендинга территории: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – СПб., 2011. – 20 с.
19. Хмелькова Н.В. Ко-брендинг как форма латерального маркетинга // Практик. маркетинг. – 2011. – № 1. – С. 11–18.
20. Хмелькова Н.В. Теоретико-методологические основы ко-брендинга: монография. – Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2013. – 324 с.

Поступила 21.03.2014 г.

INFORMATION AND ANALYTICAL TECHNOLOGIES IN BRANDING INNOVATION DEVELOPMENT TERRITORY

Igor V. Groshev,

Dr. Sc., Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
33, Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia. E-mail: aus_tgy@mail.ru

Yulia V. Shapkina,

Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
33, Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia. E-mail: aus_tgy@mail.ru

Nowadays the preservation of their own positions for the territories is conditioned by development of competitive brand accumulating a set of competitive advantages. The relevance of the article is determined by the increased interest in the sphere of territory branding, where the innovative essence becomes a priority of development. It is necessary to create effective tools of territory branding.

The aim of the research deals with determination of tools of branding innovative territory development based on analytics.

The research methods are information-analytical, analysis and synthesis.

The basic results: The multi-project approach is proposed. It is based on integrated technologies in which certain processes, operations, methods and techniques of branding relate to brand territory lifecycle. The paper discloses the approaches to information and analytical technologies used in branding territory of innovative development within the life cycle of brand. The author highlights steps and sub-steps in branding, defines their significant characteristic and gives appropriate methods, techniques, procedures, processes, in which analytics and information and analytical technologies information monitoring, forecasting, diagnostics, etc (are used as a base:б).

Key words:

Territory of innovative development, brand, branding, information-analytical technologies, methods, techniques, territory branding procedures.

REFERENCES

1. Feofanova M.V., Filatov E.V. *Politika gosudarstvennogo brendinga: problemy, perspektivy razvitiya* [Policy of the state branding: problems, development prospects]. Moscow, Ekonom. Gazeta Publ., 2012. 114 p.
2. Pospelovsky D.V. Rol brendinga territoriy v razvitii ekonomiki regiona [Role of territory branding in regional economy development]. *Molodoy ucheny*, 2012, no. 7, pp. 118–121.
3. Ross Ph. *Branding*. Available at: <http://www.business-specialties.com/branding2.htm>. (accessed 02 February 2012).
4. *City branding: theory and cases*. Ed. Keith Dennie. N.Y., Palgrave Macmillan, 2011. 239 p.
5. Arzhenovsky I. *Marketing regionov* [Marketing of regions]. Moscow, Yuniti publ., 2011. 135 p.
6. Bashmakov D.V. *Brending i mekhanizm ego realizatsii v marketingovoy deyatel'nosti organizatsii* [Branding and its implementation in the marketing activity of an enterprise]. Moscow, MGOU Publ., 2011. 143 p.
7. Blashenkova V.S. *Brend territorii: sozdanie i prodvizhenie. Kak eto delaetsya v Rossii* [Territory branding: development and promotion in Russia]. Moscow, Konkretika, 2011. 320 p.
8. Vizgalov D.V. *Brending goroda* [City branding]. Moscow, Institut ekonomiki goroda, 2011. 152 p.
9. Pankrukhin A.P. Brendy i brending [Brands and branding]. *Praktichesky marketing*, 2011, no. 4, pp. 4–15.
10. Shapkina Yu.V. Ispolzovanie analitiki pri sozdanii brenda territorii [Application of analytics when creating territory branding]. *Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 320, no. 6, pp. 141–145.
11. Groshev I.V., Shapkina Yu.V. Sinergeticheskaya model brenda territorii innovatsionnogo razvitiya [Synergetic model of branding of the innovative development territory]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2013, no. 2, pp. 16–30.
12. Groshev I.V., Shapkina Yu.V. Brend kak «tochka rosta» territorii innovatsionnogo razvitiya [Brand as a «growing point» of a innovative development territory]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2012, no. 5, pp. 28–41.
13. Meshcheryakova T.V., Okolnishnikova I.Yu., Nikiforova G.Yu. Brend kak kommunikativny kapital [Brand as a communicative capital]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2011, no. 1 (37). Available at: <http://www.m-economy.ru> (accessed 30 November 2012).
14. Galybina E.Yu. Sotsialnye predposylki idey dlya stanovleniya i razvitiya Brenda [Social prerequisites of ideas for brand formation and development]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2012, no. 2, pp. 60–66.
15. Aaker D.A. *Brand relevance: making competitors irrelevant*. San Francisco, CA, Jossey-Bass, 2011. 381 p.
16. Haig M. *Brand success: how the world's top 100 brands thrive and survive*. London, Philadelphia, Kogan Page, 2011. 296 p.
17. Groshev I.V., Shapkina Yu.V. Otsenka brenda territorii: informatsionno-logicheskaya model [Assessment of territory brand: information-logic model]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2013, no. 4, pp. 62–70.
18. Nikiforova, G.Yu. *Otsenka effektivnosti brendinga territorii. Avtoreferat Kand. nauk* [Assessment of territory branding. Cand. Diss. Abstract]. Saint Petersburg, 2011. 20 p.
19. Khmelkova N.V. Ko-brending kak forma lateral'nogo marketinga [Co-branding as a form of lateral marketing]. *Praktichesky marketing*, 2011, no. 1, pp. 11–18.
20. Hmelkova N.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy ko-brendinga [Theoretical and methodological bases of co-branding]. Ekaterinburg, University of Humanities Publ., 2013. 324 p.

КАЧЕСТВО КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Пронина Людмила Алексеевна,

д-р филос. наук, профессор кафедры библиотекovedения и документо-
ведения Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина,
Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
E-mail: Lucy253@yandex.ru

Актуальность работы связана с проблемами качества жизни, в том числе и качества культурной среды, которая в последние годы сильно изменилась. Активно развивается ее виртуальная часть, трансформировалась и модернизировалась реальная, традиционная среда. Оценка количественными показателями не позволяет определить ее качественные параметры, поэтому необходимо создание совокупности (в перспективе системы) показателей и индексов, характеризующих содержательную сущность культурной среды и определяющих ее качество.

Цель работы: формирование совокупности показателей качества культурной среды.

Методы исследования: аналитические, на стыке теории культуры и информологии.

Результаты: предложено решение проблемы на стыке теории культуры и информологии. Данный подход к измерению объекта позволяет создать систему показателей, индексов, индикаторов, которая сочетает количественные показатели, традиционно используемые в оценке деятельности, с качественными, в том числе отражающими содержательные изменения в культурной среде (реальной–виртуальной), влияющие на качество жизни и деятельности людей. Предложены базовые компоненты культурной среды – информационное ядро, инфофонд, синхронная и диахронная инфосвязи. Выделена совокупность показателей и индексов измерения качества виртуальной и реальной культурной среды; предложены авторские показатели – культурная релевантность как соответствие информационного ядра, инфофонда требованиям, выраженным в различных культурных запросах (на культурные события, на культурную среду в целом и ее качество), и культурная пертинентность как соответствие культурного наследия действительным потребностям тех, кто в этом наследии заинтересован (индивид, социальная группа, данная социальная система, человечество в целом).

Ключевые слова:

Культурная среда, информационное ядро, синхронная и диахронная инфосвязи, показатели и индексы измерения, культурная релевантность, культурная пертинентность.

В настоящее время все чаще говорят о проблемах качества жизни и деятельности в условиях информационного общества, общества знаний, которое не может развиваться без информации, без разнообразных информационных ресурсов. Безусловно, решение многих современных проблем качества лежит в плоскости качества культуры, качества культурного пространства и качества культурной среды.

Сегодня о качестве культурной среды говорят ученые и практики, президент РФ В.В. Путин заявил, что необходима новая комплексная система оценки качества культурной среды. 2014 год объявлен годом Культуры, 2013 год проходил под знаком года культуры в Тамбовской области. В настоящее время идет попытка выделения индексов измерения культурной среды. Причем данная тенденция характерна для многих стран, используется информационный подход с учетом тенденций глобализации, о чем свидетельствуют ряд исследований [1, 2], результаты многих из них обсуждались на международных форумах и в профессиональной прессе [3–7]. Существующая система показателей представлена количественными измерениями, которые не всегда можно использовать для определения качества объекта. Встает вопрос: можно ли вообще измерить качество культурной среды? Мы говорим о качестве культурной среды, вкладывая в данное понятие самые разные составляющие: комфортная, доступная, развивающаяся, быстро реагирующая и адаптирующаяся, неа-

грессивная и т. д. Во многом мы связываем параметры с понятием «качество жизни».

В последние годы культурная среда сильно изменилась: активно развивается ее виртуальная часть (появились термины «киберпространство», интернет-пространство, интернет-среда), трансформировалась и модернизировалась реальная, традиционная среда. Поэтому, говоря о качестве культурной среды, в том числе и виртуальной среды, следует иметь в виду два данных компонента (реальная–виртуальная). Причем в виртуальной части мы можем наблюдать электронные объекты, не имеющие аналога, и копии реальных объектов, и изменения в коммуникационных процессах, что проявляется в культурном общении и т. п. Культурная политика сегодня формируется на пространстве, которое определяют как «взаимопроникающую зону культуры, политики и финансов» [8]. В последние годы появились и широко используются понятия экранная культура, электронная культура, киберкультура. Теоретики киберкультуры интерпретируют концепт «Общество Web 2.0» [9]. В связи с глобальными изменениями происходит анализ динамики культуры с современных позиций [10], уточняется трактовка культуры и культурного действия как ресурса для высвобождения внутренней энергии и уменьшения уязвимости [11], изменяется коммуникативное пространство [12] и т. д. Мы не ставим задачей анализ происходящих изменений в культурном пространстве и культурной среде, в культуре повседневно-

сти и т. д. Мы попытаемся рассмотреть *только аспект измерения качества культурной среды*, используя срез культурной среды, выделяя происходящие определенные изменения, которые уже устоялись.

На наш взгляд, решение проблемы создания, развития качественных культурных сред и собственно измерение ее качества возможно на *стыке теории культуры и теории информации, в частности информологии*. Используя аналитику, можно выделить в теории культуры те показатели, которые характеризуют содержательные изменения в культуре, культурном пространстве и соответственно в культурной среде. Причем и положительные, и отрицательные изменения; выделение последних позволяет выработать механизмы и средства их преодоления. Опираясь на информологию, можно привести в содержательную характеристику те компоненты, которые следует применить к культурному пространству и соответственно культурной среде, обладающие информационной сущностью. Решение проблемы лежит на стыке данных наук – теории культуры и информологии, так как разные подходы к измерению объекта, в том числе и качества культурной среды, позволяют создать систему показателей, индексов, индикаторов, которая сочетает количественные показатели, традиционно используемые в оценке деятельности, с качественными, в том числе отражающими содержательные изменения в культурной среде, влияющие на качество жизни и деятельности людей. Количественные изменения всегда трансформируются в качественное изменение объекта. Информология обладает значительным потенциалом в решении данной проблемы, ибо информация – наиболее выраженная форма культуры. Так, А.Д. Урсул утверждает, что культура выступает как основной информационный процесс, как главная характеристика социальной эволюции. «Именно культуру характеризует экзогенно-внегенетический принцип накопления, передачи и преобразования информации. Та информация заимствуется из окружающей человека среды – как земной, так и космической ...и требует все больших пространств и объектов этой среды, как для накопления культурной информации, так и для отвода за пределы социума отходов (энтропии в широком смысле)» [1. С. 9]. Мы согласны с его мнением, что культура представляет собой информационное ядро цивилизации, тот инвариант, ради которого она существует и развивается.

Измерить качество культурной среды возможно только через систему количественных и качественных показателей, индексов с выделением факторов, влияющих на это качество. Определим соответствующие показатели, индексы, используя достижения теории культуры и информологии, и адаптируем их к измерению качества культурной среды, выделив информационную сущность в явлениях культуры и самой культурной среды. В традиционных понятиях (трансмиссия культу-

ры, время культуры и т. п.) выделим их информационную составляющую, информационную суть. Одновременно используем информационные показатели (которые сформированы и сформулированы в недрах информологии) применительно к качеству культурной среды.

В современных условиях человек по отношению к информации, информационным ресурсам выполняет несколько функций: он и создатель, и распространитель, и хранитель, и потребитель информации. Данный процесс можно описать по формуле «человек–информация–человек», а среду – как информационный континуум. Тогда информационное ядро мы рассматриваем как опыт человека, человечества, освоенные способы и формы творческой деятельности. Это духовный капитал, накопленный за весь период существования общества. Анализируя состав ядра можно утверждать, что оно состоит из естественной и искусственной информации. Естественная информация – это информация Вселенной, которую человек хранит, использует и потребляет. Искусственная информация им создается, а затем хранится и потребляется (добавляется процесс создания). Данная совокупность и будет составлять информационное ядро культуры. Нам импонирует точка зрения А.Д. Урсула в том, что информация – это отражение разнообразия. Категория «разнообразия» использована и в законе Лотмана–Шрейдера: в кризисные периоды определенные пласты культуры (чаще всего традиционная культура) подвергаются давлению, значительному прессингу, в результате чего происходит снижение разнообразия, так как исчезают «крайние элементы», отличающиеся от среднего уровня в любую сторону (положительную или отрицательную). Тогда уменьшение разнообразия является симптомом кризиса культуры, негативного изменения культурной ситуации, а значит и снижения качества культурной среды и культурного пространства. В тоже время увеличение разнообразия свидетельствует о развитии культуры, трансформации и модернизации культурного пространства и культурной среды.

Мы остановимся на состоянии и изменениях, происходящих в современной культурной среде – среде жизни и деятельности человека, и попытаемся определить ее качественные характеристики. Человек всегда находится в какой-либо среде: информационной, экономической, образовательной, религиозной, культурной и т. д. Сегодня разнообразие достигается за счет двух процессов – информатизации и глобализации. И тот и другой процесс неоднократно анализировались с выделением положительных и отрицательных последствий [2]. На наш взгляд, именно культурная среда вбирает многие среды и формирует их, оказывая влияние на качество нашей жизни. Привнесение информационных аспектов в теорию культуры позволяет по-иному оценить культурные процессы, культурное пространство и культурные среды. Мы использовали данный подход, при анализе состояния культурно-

образовательного пространства, предлагались показатели и индикаторы, которые целесообразно использовать для определения его состояния [2]. Некоторые из них можно адаптировать и для определения качества культурной среды.

Используя информологию, информационный подход, при анализе культурной среды и измерении ее качества мы предлагаем применять следующие термины и понятия: инфонд, инфопоток, инфовзаимодействие и инфосвязи, которые будут выступать компонентами культурной среды. Первые два – это компоненты информационного ядра культуры, которые будут транслироваться и присутствовать в культурной среде, вторые показывают связь компонентов и уровень взаимодействия субъектов с информационным ядром культуры, а также с инфондом культурной среды и ее компонентами, а также друг с другом.

Под инфондом понимаем информацию на любом носителе, которой располагает общество на данном этапе развития, где базовый показатель – целостность. На наш взгляд, инфонд культурной среды имеет аналогичную структуру инфонда культурного пространства (проекция ядра культуры) и включает:

- документированную информацию в виде текстов, предметов материальной культуры и других форм существования фиксированной информации;
- нефиксированные структурированные частицы знания, передаваемые вербально;
- нефиксированные знания в виде глубинного уровня коллективного сознания, включающего и бессознательное, передаваемое невербально, которые могут проявляться как совокупность готовностей, установок, предрасположенностей социальных групп действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом [2].

На каждом этапе своего развития инфонд имеет национальные, религиозные, региональные и т. п. черты, но в целом он представляет универсальное культурное наследие. В любой культурной среде мы имеем дело с частью информационного ядра культуры – инфондом, обладающим одновременно и универсальными, и специфическими свойствами. Целостность инфонда следует понимать в том смысле, что он создается человечеством, противостоит внешней среде как единое целое, как многокомпонентная система, обладающая синергетическими параметрами, а сам инфонд принципиально не подвержен старению и обладает свойствами надежности, пластичности, системности. Одновременно может происходить старение отдельных его элементов, массивов или инфоблоков. Особенно это касается старения формы, что, в частности, связано с широким развитием и распространением новых информационных технологий. Старение содержания происходит гораздо медленнее, что связано со старением знания. Поэтому процесс старения необходимо оценивать примени-

тельно к форме и содержанию по-разному. В виртуальной части быстрее, чем в традиционной, происходит старение формы, а старение содержания одинаково. Качество культурной среды в первую очередь связано с содержанием инфонда, а форма играет вторичную роль. Оценивая содержание инфонда по различным показателям (универсальный–специальный, актуальный–устаревший, релевантный культурным запросам – нерелевантный и т. д.), мы можем сформировать и обобщенную оценку его качества, что будет коррелироваться с качеством культурной среды. Уточним данную позицию.

Инфонд, обладая устойчивостью, в своей структуре имеет активно используемую часть и пассивную, которая может быть и не используется в данный момент в жизни и деятельности человека. Но тот факт, что информация, конкретная часть инфонда, следовательно, и информационного ядра, не используется в какой-то момент, не означает, что ее можно уничтожить. Здесь действует закон старения и актуализации информации, так как любая информация может быть востребована. Данный фактор следует учитывать при сохранении культурного наследия, которое и составит ядро информационного ядра культуры, т. е. в информационном ядре мы выделяем центральную, активную часть (ядро) и факультативную, пассивную часть (периферия), показатели – индексы измерения – для которых будут отличаться. Данная тенденция характерна и для инфонда культурной среды. Например, для активной части инфонда культурной среды в качестве показателей измерения можно использовать:

- уровень взаимодействия с ним;
- активность культурной жизни;
- количество запросов на культурные события;
- оценка культурного объекта (например, экспертная оценка) и т. п.

Для пассивной, факультативной части мы предлагаем следующие показатели: объем (в сопоставимых единицах), типы и виды существующих ресурсов, их пользовательское назначение (например, их рейтинг или результаты мониторинга создания и использования) и т. п., на основании чего делается вывод о возможном использовании в будущем.

Под инфопотоком понимаем информацию, которая в конкретный, данный отрезок времени циркулирует в обществе. Она постоянно движется: передается субъектом инфовзаимодействия объекту, который и использует ее в качестве метасредства социальной деятельности в разных целях. Анализируя инфопоток, мы можем сделать выводы о степени пополнения информационного ядра культуры – инфонда культурной среды. В качестве индексов можно использовать его содержательные показатели, временные, тематические границы, объемы и скорость движения информации и т. д.

Инфонд и инфопоток существуют в границах соответствующей инфраструктуры культурной

среды. Ее компонентами являются соответствующие учреждения и организации, общественные институты, связанные с информацией, и соответственно сами люди. Говоря о показателях развития культуры, традиционно выделяют количественные показатели, характеризующие деятельность данных компонентов. Многочисленные показатели во многих странах установлены национальными статистическими службами, а в мировом масштабе – это деятельность соответствующих статистических структур ООН. Совместно с ЮНЕСКО они выделили показатели, индексы культуры, разрабатывают индикаторы влияния культуры на национальное развитие стран. Хотя предлагаются количественные показатели, но они охватывают экономические аспекты, уровень социального участия в культурной жизни, управление сферой культуры, образования, уровень создания и сохранения культурного наследия и т. п. – все, что способствует культурному разнообразию. И чем больше это разнообразие, тем активнее культурная среда приобретает черты устойчивого развития. Анализ многочисленных количественных данных позволяет сделать выводы о качестве объекта. По мере накопления количественных изменений происходят качественные изменения. Такой подход используют сейчас многие участники, осуществляющие оценку культуры в конкретной стране, регионе и т. п. Сбор многочисленных показателей за определенные отрезки времени подлежат аналитике, на основе которой формулируются выводы о состоянии культуры, тенденциях развития, прогнозирование качественных изменений.

Человек активно взаимодействует с культурной средой, сам выступает ее компонентом, где может быть одновременно и субъектом и объектом. Субъекты и объекты инфовзаимодействия отличаются по модальности, что необходимо учитывать при анализе культурной среды. В качестве характеристики уровня инфовзаимодействия мы выбрали модальность, которая позволяет выделить особенности объекта или явления или особенности протекания процессов. Можно утверждать, что модальность влияет на все стороны инфовзаимодействия. От нее зависят количество и качество информации, которая производится, хранится и потребляется. Модальность влияет и надежность, активность, плотность, объемы информации и информационных ресурсов, находящихся в культурной среде. Кроме того, она воздействует на оптимальность и эффективность информационных процессов, их ориентацию в координатах пространства и времени и т. д. Модальность позволит нам выделить суть взаимодействия с естественной и искусственной информацией, с инфофондом и инфопотоками культурной среды, с информационным ядром в целом. Поясним, как действует данный механизм в культурной среде, учитывая изменения, происходящие в инфосфере или ноосфере, для которой применимо и понятие «ноосферное время» [13].

В координатах времени мы выделяем синхронную и диахронную инфосвязи, которые мы используем как показатели при анализе инфовзаимодействия. Синхронная инфосвязь предоставляет возможность установления обратного контакта между субъектом и объектом в пределах конкретного интервала времени. В рамках диахронной инфосвязи происходит передача информации от поколения к поколению. В первом случае базой выступает инфопоток, во втором случае в качестве результата процесса выступает инфофонд. При анализе культурной среды мы выделяем диахронную инфосвязь, которую рассматриваем как механизм аккумуляции и передачи социального опыта, т. е. как механизм трансляции культуры: информация накапливается в информационном ядре и транслируется в инфофонд культурной среды. Диахронная инфосвязь является базой культурной трансмиссии, где каждое поколение, каждый человек имеет возможность добавлять новые знания, новую информацию к уже накопленному капиталу. Тогда в качестве показателей развития культурной среды и ее качества можно использовать уровень трансляции культуры и уровень культурной трансмиссии. Для уровней следует установить пороговые значения и выделить соответственно низкий, средний, высокий, супервысокий, а рамках уровней можно установить индексы.

В то же время информация, а значит и культура, движется и горизонтально, то есть в рамках синхронных связей. Освоение инфофонда, информационного ядра культуры осуществляется в рамках использования культурного опыта и общения. Кроме того, одновременно может осуществляться и непрямая трансмиссия: индивид обучается у других индивидов. Культурная трансмиссия – это усвоение определенного культурного сценария. В качестве объектов выступают первичные и вторичные артефакты и модели действия, для которых также можно выделить в качестве индексов соответствующие показатели. В качестве объектов трансферта выступали и выступают разнообразные артефакты. Некоторые артефакты могут представлять собой и тип устойчивого трансферта, если мы имеем дело с культурными традициями, зафиксированными в определенной информационной оболочке, и/или устойчивыми культурными темами, характерными для той или иной культуры в конкретный временной отрезок. Данная тенденция в частности характерна для традиционной культуры, существующей в реальном культурном пространстве и реальной культурной среде, но которая может трансформироваться и в электронную форму. В настоящее время в виртуальном пространстве также появляются устойчивые культурные объекты, чему способствовало изобретение и распространение информационных технологий, особенно мультимедийных технологий. Современные информационные технологии позволили создать электронные (цифровые) копии артефактов и изменили подходы к созданию и хранению инфор-

мации, информационного ядра. Тогда в культурной трансмиссии, как в процессе усвоения системы культурных констант, можно выделять соответствующие уровни освоения – низкий, средний, высокий и т. п. с присвоением соответствующих индексов от нуля до соответствующего установленного параметра. Информационные технологии изменили механизмы передачи, коммуникационные процессы, а трансляция культуры осуществляется в реальной и виртуальной культурной среде. Причем человек сам определяет, с какой частью культурной среды ему взаимодействовать и как, где выбирать партнеров для общения и т. п.

В настоящее время изменяется качество инфовзаимодействия, оно становится более мобильным, оперативным, комфортным, доступным и т. д. Оценивая инфовзаимодействие по данным показателям, мы можем коррелировать ее с качеством культурной среды, измеряя ее индексами доступности, комфортности, мобильности и т. п. Современные информационные потоки являются базой, основой, диахронного и синхронного развития культуры, его информационного ядра.

С позиций информологии, существенное значение имеет и синхронное измерение культуры. Его анализ позволяет понять отношения между информационными потоками как внутри системы, так и вне ее, в рамках метасистемы. Каждый факт культуры можно рассматривать как конкретное информационное сообщение. Человек и общество постоянно взаимодействуют с определенной информацией в форме артефактов и нематериальных образов. Но культура обладает и специфическими свойствами: может происходить отторжение информации об артефакте (его описание) от самого артефакта. В этом случае мы имеем дело с информацией о культуре или с культурной информацией о культурной информации, то есть с вторичной информацией (наиболее яркий пример – это различные каталоги выставок, экспонатов и т. п., которые сами превращаются в культурную информацию и одновременно дают информацию о культуре). Причем новая создаваемая культурная информация может играть важную роль в сохранении культурного наследия, если происходит утрата.

Например, в сентябре 2011 г. в обрушившихся башнях в США находилось более 3000 произведений искусства, осталось лишь их описание, или разрушенные талибами в 2001 г. бамианские статуи Будды – часть храмового комплекса Бамианской долины в Афганистане. Вторичная информация в этом случае становится доминирующей, выполняя функцию сохранения памяти. Инфопотоки и обеспечивают оптимальность и эффективность культурной трансмиссии, имея в своем составе и первичную, и вторичную информацию. Причем обращение ко вторичной информации может стимулировать обращение к первичной или, если объем информации достаточен и удовлетворяет вторично-документальные потребности человека, взаимодействие может осуществляться только

со вторичной культурной информацией. Кроме того, синхронная и диахронная инфосвязи характеризуют время культуры – базовый показатель теории культуры. Время культуры можно охарактеризовать через совокупность показателей: длительность существования, ритм, темп, последовательность, координация смены состояний культуры в целом и отдельных ее компонентов и элементов. Данные показатели характеризуют и культурную среду, поэтому «время культуры» характерно и для культурной среды. Уточним данный тезис. В нашем случае мы имеем дело с культурной средой – частью культурного пространства, тогда время культуры, на наш взгляд, можно определить как частоту сублимации культурной среды в структуру времени, а протяженность времени культуры есть скорость сублимации культурной среды в структуру времени. Синхронные и диахронные инфосвязи выступают базой трансляции и трансмиссии культуры, ее времени. Исходя из этого, синхронное и диахронное измерение можно применить и к культурной среде. Анализируя синхронные диахронные инфосвязи, происходящие в культурной среде, которая подлежит измерению, можно сформировать систему показателей.

Взаимодействие людей с инфофондом культурной среды осуществляется в двух режимах: извлечения и пополнения, что обеспечивает сохранение опыта, накопление информации в необходимом объеме и дополнение его. В связи с этим объект информационного взаимодействия независимо от модальности всегда имеет возможность пользоваться инфофондом культурной среды. Данные процессы происходят одновременно, а их качество зависит от уровня информационной культуры человека, группы людей или общества в целом. Значение информационной культуры в условиях информационного общества особенно велико: она выступает как механизм саморегуляции общества, как основа преодоления информационных проблем современности и т. д. [14, 15].

В рамках синхронной инфосвязи усиливается селективность, что связано с разнообразием потребностей индивида и общества в целом. Поэтому разнообразие культуры, культурной среды особенно актуально. Кроме того, в культурной среде можно выделить барьеры, мешающие культурным процессам, инфовзаимодействию субъекта с инфофондом и информационным ядром. Традиционно выделяют следующую совокупность барьеров:

- пространственные;
- географические;
- исторические;
- государственно-политические;
- экономические;
- технические;
- психологические и т. д.

Кроме того, информация не всегда соответствует реальным информационным, культурным потребностям индивида. В этом случае возникает резонансный барьер в системе инфовзаимодействия.

К распространенным барьерам можно отнести и языковые (информация распространяется более чем на 3000 языках). Преодолению данных барьеров способствует оптимальная организация инфонда (его создания, хранения), оптимальная инфраструктура (его распространение) и высокий уровень информационной культуры человека (его использование).

В диахронном взаимодействии ведущий барьер – хронологический, определение времени, прошедшего с момента производства информации до момента ее потребления. Если временной отрезок увеличивается, то человек сталкивается со старением информации или даже ее утратой под воздействием различных причин. Данный барьер можно определить как темпоральный. В связи с этим при увеличении временного интервала усиливается угроза разнообразию культуры, так как усиливается угроза уничтожения и/или потери информации.

Инфовзаимодействие можно рассматривать как механизм общения, коммуникации. Мы выделяем три последовательных этапа инфовзаимодействия:

- 1) прием культурных кодов;
- 2) интерпретация данных кодов;
- 3) реализация/использование полученной в результате первых двух этапов информации.

Объект, взаимодействуя с культурной средой, принимает определенные культурные коды, так как идет обмен с ней веществом и энергией. На втором этапе идет установление их значения для объекта путем их сопоставления с комплексом целей объекта и выделением тех из них, к которым объект может приблизиться, реализуя полученную в итоге культурную информацию [2]. В условиях информационного общества, «множественности реальностей», возникает и проблема идентификации личности [16], в условиях возрастания процесса «диалога культур» – проблема национально-культурной идентичности [17] и проблемы ее решения в рамках культурной политики [18].

На наш взгляд, оценка использования компонентов информационного ядра культуры, инфонда культурной среды может быть выражена с использованием следующих показателей. Данная система может включать:

- оптимальность использования информации;
- эффективность использования информации;
- интенсивность использования информации;
- склонность к длительному применению.

Таким образом, инфопоток связан с синхронным инфовзаимодействием, с движением информации в культурной среде, с ее содержательными характеристиками. Для анализа диахронных инфопроцессов необходимо обращаться к инфонду культурной среды – он связан с селекцией информации, ее верификацией, накоплением, старением и отмиранием. Поэтому качество культурной среды можно определять и через ее пространственно-временную специфику. Данные особенности, со-

держательные изменения культурной среды сопровождаются производством, преобразованием, передачей, потреблением и использованием информации. Пространственно-временная специфика будет проявляться в свойствах культурной среды, которые можно измерить и оценить. Анализ состояния и выбор из параметров, описывающих свойства культурной среды (например, прерывность–непрерывность, конечность–бесконечность, абсолютность–относительность, гомогенность–гетерогенность и т. п.) позволит сформулировать ее качественную характеристику.

Жизнь человека и любой вид деятельности протекает в определенной культурной среде. Наиболее устойчивую форму можно рассматривать как форму бытия культуры. В этот момент на основе единства пространства и времени обеспечивается разнообразие культуры, проявляется специфика содержания, целостность, органичность и т. п. Накопление информационного ядра культуры, инфонда культурной среды и есть культурная аккумуляция. На наш взгляд, данное ядро, инфонд, применительно к культурному пространству и культурной среде выполняет две идентичные функции: функцию документальной памяти и функцию формирования, культурного наследия. Поэтому в качестве показателя эффективности выполнения данных функций можно предложить объем духовно-ориентированных ресурсов. Уровень инфовзаимодействия в культурной среде в рамках диахронных и синхронных связей можно охарактеризовать культурной перцепцией. Под культурной перцепцией понимаем восприятие традиций и ценностей «чужой» культуры, отношения к представителям «чужой» культуры и оценка последней. В условиях мобильности населения мы сегодня часто сталкиваемся с данными процессами.

Культурная среда создается и развивается с целью наиболее полного удовлетворения культурных потребностей общества и личности, создания качественного места для жизни и деятельности, для отношений между людьми, для превращения человека из одного состояния в другое. Поэтому культурное наследие создается, хранится и передается с ориентацией на решение данных проблем. В связи с этим мы предлагаем использовать в качестве показателя успешности данной функции «культурную пертинентность». Ее мы определяем как соответствие культурного наследия действительным потребностям тех, кто в этом наследии заинтересован (индивид, социальная группа, данная социальная система, человечество в целом) [2. С. 52]. При этом учитывается модальность субъектов, о чем мы говорили выше. Мы предлагаем также для оценки использовать показатель «культурная релевантность». Культурную релевантность мы определяем как соответствие информационного ядра, инфонда требованиям, выраженным в различных культурных запросах (на культурные события, на культурную среду в целом и ее качество) [2. С. 52]. Тогда культурная релевантность, опре-

деляющая эффективность документальной памяти, имеет объективный характер (документы релевантные запросу можно подсчитать), а релевантность культурного наследия (в оценке которого важное место принадлежит информации и индивиду) носит субъективный характер. Кроме того, существуют и используются и другие показатели и индексы: измерение публики-аудитории (показатели ЮНЕСКО), индикатор занятости населения в сфере культуры и искусства, индикатор инфраструктуры, индекс обобщенного доверия, индекс информационного благополучия, индексы активности культурной жизни и т. д.

В настоящее время все активнее распространяется виртуализация жизни и деятельности. В виртуальной реальности у человека появляется возможность создавать, творить свой собственный «внешний мир», свое культурное пространство, свою культурную среду, определять способы общения и выбирать коммуникационные каналы. С культурологической точки зрения необходимо понять, что, зачем и как выносит человек из виртуального пространства в реальный мир. На наш взгляд, результаты данного процесса отражаются в культурных нормах и содержании культурных процессов. Сегодня культурные паттерны меняются. Изменения (количественные и качественные) в культурных нормах и культурных паттернах можно использовать в качестве показателя реализации основных функций информационного ядра культуры, соответственно инфонда культурной среды применительно не только к реальной, но и виртуальной ее частям. Виртуализация изменила процессы коммуникации, массовая культура получила мощный механизм распространения, что может привести к выдавливанию традиционной культуры или полному ее замещению другой, чуждой культурой. Показателем данного процесса можно считать уровень информационного прессинга. Мы писали о возможностях его преодоления с учетом уровня информационной культуры человека и об-

щества [19]. Уровень информационного прессинга можно дифференцировать на:

- низкий;
- средний;
- высокий;
- супервысокий (идет полное уничтожение или замещение).

Хотя развитие инфосферы, в частности информационных технологий, создает предпосылки для развития культурной среды, повышения культурного уровня (доступ по сетям к сокровищам библиотек, музеев, архивов, создание мировой цифровой библиотеки, европейской цифровой библиотеки, разнообразных электронных коллекций произведений искусства и т. д.), однако мы сталкиваемся и с его снижением. В условиях информатизации расширяется возможность доступа к информации и ее использованию, но одновременно увеличивается количество людей, которые являются ее механическими потребителями. Кроме того, происходят информационное расслоение общества, поляризация знаний и их накопление в узком, «верхнем», общественном слое – элите: политической, экономической, культурной и т. д. В настоящее время предлагаются принципиальные модели модернизации культурной среды [20].

Проблема измерения качества культурной среды возникла в последнее время, когда мониторинг ее состояния не позволяет оценить качественную составляющую. Измерить состояние культурной среды, выделить ее качественные параметры, можно через систему количественных и качественных показателей, индексов с выделением факторов, влияющих на это состояние. Поэтому целесообразно использовать базовые показатели, характеризующие состояние и развитие культуры (определенные теорией культуры) и базовые показатели, касающиеся информации и информационных процессов (разработанные информологией), которые в совокупности позволят определить качество культурной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урсул А.Д. Информация и информационный подход: от информатики к глобалистике // НТИ. Сер. 1. – 2012. – № 2. – С. 1–11.
2. Пронина Л.А. Основы теории информатизации культурно-образовательного пространства: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – 310 с.
3. Астафьева О.Н., Флиер А.Я. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды // Культурологический журнал. – 2013. – № 1 (11). URL: <http://www.cr-journal.ru> (дата обращения: 05.01.2014).
4. Культурные индустрии: теории и практики в контексте современных социальных трансформаций: материалы круглого стола / О.Н. Астафьева, О.А. Жукова, А.В. Костина, Т.Ф. Кузнецова, А.Я. Флиер и др. // Вопросы культурологии. – 2013. – № 2. – С. 4–14.
5. Rinne T., Steel G.D., Fairweather J. Hofstede and Shane revisited: the role of power distance and individualism in national-level innovation success // Cross-cultural research: the J. of comparative social science. – 2012. – V. 46. – № 2. – P. 91–108.
6. Методологические принципы и методические подходы к исследованию сферы культуры / В.Э. Гордин, Г.В. Каньгин, Л.В. Хорева, М.А. Дедова // Культурное наследие и творческие индустрии: время, место, действие: сб.тр. – СПб.: Левша-Санкт-Петербург, 2012. – С. 53–89.
7. Флиер А.Я. Культурная среда и ее социальные черты // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 2 (март–апрель). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 10.01.2014).
8. Vesthein G. Cultural policy-making: negotiations in overlapping zone between culture, politics and money // The international journal of cultural policy. – 2012. – V. 18. – № 5. – P. 530–544.
9. Савицкая Т.Е. Киберкультура в эпоху «умных толп»: новый социальный заказ // Обсерватория культуры. – 2011. – № 4. – С. 35–41.
10. Флиер А.Я. Очерки теории исторической динамики культуры. – М.: Согласне, 2012. – 528 с.
11. Burnell J. Small change: understanding cultural action as a resource for unlocking assets and building research in communit-

- ies // Journal of public relations research. – 2013. – V. 25. – № 1. – P. 134–150.
12. Лукьянова Н.А. Человек в семиотическом лабиринте коммуникативного пространства // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Т. 13. – № 4. – С. 191–197.
 13. Дмитриевская И.В. Ноосферные смыслы времени // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2012. – Вып. 2 (12). – С. 3–17.
 14. Пронина Л.А. Информационная культура как механизм саморегуляции общества // Вестник Тамб. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2012. – Вып. 3 (107). – С. 250–257.
 15. Пронина Л.А. Информационная культура как механизм преодоления информационной перегрузки // Вестник Тамб. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2013. – Вып. 4 (120). – С. 325–329.
 16. Шафоростов А.И. Идентификация как выбор реальности // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 6а. – С. 3–6.
 17. Костина А.В. Национально-культурная идентичность в ситуации диалога культур // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6 (ноябрь–декабрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Kostina_National-and-Cultural-Identity/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 18.01.2014).
 18. Villarroya A. Cultural policies and national identity in Catalonia // The international journal of cultural policy. – 2012. – V. 18. – № 1. – P. 31–45.
 19. Пронина Л.А. Информационная культура как фактор преодоления информационного прессинга // Вестник Тамб. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2013. – Вып. 5 (121). – С. 178–185.
 20. Флиер А.Я. Принципиальные модели модернизации культурной среды // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 6 (ноябрь–декабрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Flier_Environment-Modernization/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 25.01.2014).

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 008.001

QUALITY OF CULTURAL ENVIRONMENT: PROBLEMS OF MEASUREMENT

Ludmila A. Pronina,

Dr. Sc., Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 33, Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia. E-mail: Lucy253@Yandex.ru

The relevance of the paper relates to the issues of life quality, including the quality of cultural environment which has been changing for the recent years. Its virtual part is actively developing, the real, traditional environment has been transformed and modernized. Quantitative indicators do not allow determining its quality parameters, so it is necessary to create a system of indicators and indices that characterize conceptual essence of cultural environment and determine its quality.

The article is aimed at formation of aggregate of cultural environment quality indices.

Research methods: analytical methods at junction of theory of culture and informology.

The results: the approaches to measurement of cultural environment quality are disclosed; its basic components – information core, infofund, synchronic and diachronic inforelations are offered. The paper figures out the indicators and indices measuring the quality of virtual and real cultural environment and introduces author's indicators of cultural relevance as an information core relevance, infofund to the requirements, emphasized in various cultural requests (on cultural events, cultural environment and its quality) and cultural pertinence as a compliance with the cultural heritage of real needs of those who are interested in the heritage (individuals, social groups, social system, humanity as a whole).

Key words:

Cultural environment, information core, synchronic and diachronic inforelations, indicators and indices of measurement, cultural relevance, cultural pertinence.

REFERENCES

1. Ursul A.D. Informatsiya i informatsionny podkhod: ot informatiki k globalistike [Information and informational approach: from computer science to global studies] *NTI. Ser. 1*, 2012, no. 2, pp. 1–11.
2. Pronina L.A. *Osnovy teorii informatizatsii kulturno-obrazovatel'nogo prostranstva: monografiya* [Fundamentals of IT development theory of cultural and educational space: monography]. Tambov, G.R. Derzhavin TSU Press, 2007. 310 p.
3. Astafyeva O.N., Flier A.Ya. Sotsiokulturnaya modernizatsiya: formirovanie novoy kulturnoy sredy [Socio-cultural modernization: formation of new cultural medium]. *Kulturologicheskyy zhurnal*, 2013/1 (11). Available at: <http://www.cr.journal.ru>. (accessed 05 January 2014).
4. Astafyeva O.N., Zhukova O.A., Kostina A.V., Kuznetsova T.F., Flier A.Ya. Kulturnye industrii: teorii i praktiki v kontekste sovremennykh sotsialnykh transformatsiy: materialy kruglogo stola [Cultural industries: theory and practice within the frame of social transformations. Round-table conference materials]. *Voprosy kulturologii*, 2013, no. 2, pp. 4–14.
5. Rinne T., Steel G.D., Fairweather J. Hofstede and Shane revisited: the role of power distance and individualism in national-level innovation success. *Cross-cultural research: the J. of comparative social science*, 2012, vol. 46, no. 2, pp. 91–108.
6. Gordin V.E., Kanygin G.V., Khoreva L.V., Dedova M.A. Metodologicheskie printsipy i metodicheskie podkhody k issledovaniyu sfery kultury [Methodological principles and approaches to the research of cultural shere]. *Kulturnoe nasledie i tvorcheskyye industrii: vremya, mesto, deystvie: sbornik trudov* [Cultural heritage and creative industries: time, place, action. Collected papers]. St. Petersburg, Levsha- Publ., 2012. pp. 53–89.
7. Flier A.Ya. Kulturnaya sreda i ee sotsialnyye cherty [Cultural medium and its social features]. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. 2013, no. 2 (March–April). Avai-

- lable at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/ [архивировано в WebCite] (accessed 10 January 2014).
8. Vesthein G. Cultural policy-making: negotiations in overlapping zone between culture, politics and money. *The international journal of cultural policy*, 2012, vol. 18, no. 5, pp. 530–544.
 9. Savitskaya T.E. Kiberkultura v epokhu «umnykh tolp»: novy sotsialny zakaz [Cyber culture in the era of «intelligent crowds»: new social order]. *Observatoriya kultury*, 2011, no. 4, pp. 35–41.
 10. Flier A.Ya. *Ocherki teorii istoricheskoy dinamiki kultury* [Sketchbook of culture historical dynamic]. Moscow, Soglasie Publ., 2012. 528 p.
 11. Burnell J. Small change: understanding cultural action as a resource for unlocking assets and building research in communities. *Journal of public relations research*, 2013, vol. 25, no. 1, pp. 134–150.
 12. Lukyanova N.A. Chelovek v semioticheskom labirinte kommunikativnogo prostranstva [A man in semiotic labyrinth of communicative space]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2011, vol. 13, no. 4, pp. 191–197.
 13. Dmitrievskaya I.V. Noosfernye smysly vremeni [Noospheric meaning of time]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2012, Iss. 2 (12), pp. 3–17.
 14. Pronina L.A. Informatsionnaya kultura kak mekhanizm samoregulyatsii obshchestva [Information culture as a mechanism for society self-control]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2012, Iss. 3 (107), pp. 250–257.
 15. Pronina L.A. Informatsionnaya kultura kak faktor preodoleniya informatsionnoy peregruzki [Information culture as a factor for passing information reload]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2013, Iss. 4 (120), pp. 325–329.
 16. Shaforostov A.I. Identifikatsiya kak vybor realnosti [Identification as a choice of reality]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, Iss. 6a, pp. 3–6.
 17. Kostina A. V. Natsionalno-kulturnaya identichnost v situatsii dialoga kultur [National and cultural identity in the dialogue of cultures]. *Informatsionny gumanitarny portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. 2011, no. 6 (November–December). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Kostina_National-and-Cultural-Identity/ [архивировано в WebCite] (accessed 18 January 2014).
 18. Villarroya A. Cultural policies and national identity in Catalonia. *The international journal of cultural policy*, 2012, vol. 18, no. 1, pp. 31–45.
 19. Pronina L.A. Informatsionnaya kultura kak faktor preodoleniya informatsionnogo pressinga [Information culture as a factor of passing information pressing]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2013, Iss. 5 (121), pp. 178–185.
 20. Flier A.Ya. Printsipialnye modeli modernizatsii kulturnoy sredy [Principle models for modernization of cultural medium]. *Informacionny gumanitarny portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. 2013, no. 6 (November–December). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Flier_Environment-Modernization/ [архивировано в WebCite] (accessed 25 January 2014).

УДК 910.4(091)

О ШВЕДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ЕНИСЕЙ В 1876 г.

Гончаров Александр Евгеньевич,

канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнёва, Россия, 660014, г. Красноярск, Проспект им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31. E-mail: comrade1937@yandex.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучить историю исследования и освоения российского Севера, а также обозначить роль и место различных государств в этом процессе. Особую значимость эта тема приобретает сегодня, в условиях повышенного интереса к Арктике со стороны международной общественности, в связи с обострением вопроса территориальной принадлежности полярных регионов.

Целью работы является исследование различных этапов шведской экспедиции 1876 г. под руководством А.Е. Норденшельда, включая вопросы ее подготовки, целей, осуществления и результатов. Опираясь на ряд ранее не введенных в научный оборот отечественных и иностранных источников, исследуется комплекс экономических, политических, географических и логистических вопросов.

Методы исследования: Историко-сравнительный метод использовался при анализе экспедиции Норденшельда 1876 г., выявлении ее целей и задач, в сравнении с экспедициями 1875 и 1878–1879 гг. Логический метод позволил определить место экспедиции 1876 г. в научном и хозяйственном освоении Арктики. Широкое применение нашли методы смежных дисциплин: географические – при работе с картографическими материалами, лингвистические – при анализе исторических источников иностранного происхождения, в частности метод этимологического, диахронического компонентного анализа.

Результаты: Выявлена противоречивость целей экспедиции, которую принято считать сугубо коммерческим предприятием, а в действительности являвшейся научно-исследовательской. Установлено, что российские власти принимали активное участие в организации этой экспедиции на всех ее этапах. Исследована коммерческая сторона экспедиции: количество и наименование товаров, доставленных на Енисей на пароходе «Утег», а также их транспортировка и перевозка. Пересмотрен вопрос о значении экспедиции в процессе освоения Северного морского пути.

Ключевые слова:

Северный морской путь, Нильс Адольф Эрик Норденшельд, Ялмар Тэль, устье Енисея, Енисейская губерния, изучение Сибири, Карское море.

Имя выдающегося шведского полярного исследователя Нильса Адольфа Эрика Норденшельда хорошо знакомо историкам и в первую очередь ассоциируется с экспедицией 1878–1879 гг. вокруг Евразии. Успешное плавание Северо-Восточным проходом оставило в тени предшествующие экспедиции Норденшельда, включая два плавания к устью Енисея в 1875 и 1876 гг., опровергшие господствующее в российских научных кругах мнение о несудоходности Карского моря; апологетом этой точки зрения являлся Федор Петрович Литке [1. С. 266–267]. Эти экспедиции стали важными вехами в истории освоения Северного морского пути (СМП) и прочно закрепили за именем шведского полярника репутацию наиболее выдающегося исследователя российской Арктики. Поскольку освоение СМП на этом историческом этапе было не столько географическим, сколько экономическим предприятием, наибольший интерес представляет экспедиция 1876 г., показанная в научной литературе, как имеющая сугубо коммерческий характер.

Знакомство отечественного читателя с экспедицией произошло в 1880 г. с выходом в свет русского перевода книги Норденшельда 1877 г. «Экспедиция к устьям Енисея 1875 и 1876 годов». Работа сопровождалась отчетной статьей об экспедиции по Енисею Яльмара (на русский язык первый инициал шведского имени Njalmar неправильно был транслитерирован буквой «Г») Тэля – адъютант-

профессора зоологии Упсальского университета. До этого времени отдельные сведения о плавании публиковались на страницах «Трудов Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству» и «Известиях Императорского русского географического общества». Позже отдельные доклады и стенографические отчеты были собраны в составленной Ф.Д. Студитским (делопроизводитель «Общества для содействия русскому торговому мореходству») «Истории открытия и освоения морского пути из Европы в Сибирь и до Берингова пролива», опубликованной в 1883 г.

Зарубежные издания того же периода также проливали свет на вторую экспедицию Норденшельда на Енисей. В работе А. Лесли «The Arctic Voyages of Adolf Erik Nordenskiöld» (1879 г.) собраны воедино материалы всех полярных экспедиций шведского исследователя, включая экспедицию 1876 г. [2. Р. 320–342]. Лесли справедливо обращает внимание на то, что освоение морского пути через Карское море не является исключительной заслугой Норденшельда. В связи с этим он уделяет достаточно много внимания деятельности российских, английских (британских) мореплавателей и предпринимателей [2. Р. 339–342]. Наибольший интерес, естественно, представляет работа самого Норденшельда, переведенная на английский язык Лесли и изданная в 1885 г. под названи-

ем «The Voyage of the Vega round Asia and Europe with a historical review of previous journeys along the north coast of the Old World». Английское издание представляет собой полный перевод шведского оригинала с приложением исторического обзора изучения восточной Арктики в отличие от российских изданий 1880 г. [3], 1885 г. [4] и эмигрантского издания 1923 г. [5].

Следует отметить, что в зарубежных публикациях довоенного и послевоенного периода енисейские экспедиции Норденшельда не нашли такого же отклика, как в отечественной литературе. Среди немногочисленных публикаций по этой теме следует отметить работы Дж. Киша «North-east passage; Adolf Erik Nordenskiöld, his life and times» и «Adolf Erik Nordenskiöld (1832–1901): Polar Explorer and Historian of Cartography».

В советской историографии наибольших успехов в изучении деятельности Норденшельда достигли Д.М. Пинхенсон и В.М. Пасецкий. Книга последнего «Нильс Адольф Эрик Норденшельд» (1979 г.) представляет собой внушительную биографическую работу, выполненную на основе комплекса отечественных и иностранных опубликованных источников, а также архивных материалов из центральных отечественных архивохранилищ. Однако Пасецкий чрезмерно идеализирует личность Норденшельда и преувеличивает заслуги экспедиции 1876 г. в деле освоения СМП [6. С. 140]. В работе же Пинхенсона «Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма» (1962 г.) сведения об экспедиции 1876 г. основываются почти исключительно на публикации 1880 г., что снижает ее научную ценность [7. С. 78–81].

В современной российской историографии плавания на Енисей исследовались Л.Б. Ус в контексте научных связей Сибири [8. С. 57–76]: подход к шведско-норвежским экспедициям как к преимущественно научным предприятиям правомерен и, по большому счету, соответствует действительности. Существует также большой пласт работ, рассматривающий плавания Норденшельда в контексте деятельности сибирского купечества, – главным образом А.М. Сибирякова [9. С. 124] и М.К. Сидорова [10. С. 288].

Тем не менее, несмотря на достаточно обширную историографию, слабоизученными продолжают оставаться такие вопросы, как пребывание экспедиции в Сибири, отношения с российскими центральными и местными властями, фактические данные о количестве доставленных товаров, а также их реализации. В известных исследованиях практически не использовались материалы из сибирских архивов. Иностранные источники также использовались в ограниченных объемах.

Цели и подготовка к экспедиции

Знакомство Норденшельда с сибирским Севером произошло в 1875 г., когда его крошечное парусное судно «Pr?ven» достигло Енисейского залива. Оттуда Норденшельд с группой ученых отпра-

вился на лодке вверх по Енисею. Это путешествие стало первой экспедицией с 1737 г., достигшей Енисея по морю. Основной целью экспедиции было изучение сибирского Севера и решение ряда фундаментальных научных вопросов в области геологии, гидрографии и биологии. Несмотря на это, российские поборники развития судоходства в Карском море закрепили за Норденшельдом репутацию выдающегося мореплавателя, преследовавшего цель освоения морского пути в Сибирь и ставившего на первый план вопросы исследования Северного Ледовитого океана для нужд судоходства. Особое внимание Норденшельду уделил известный золотопромышленник М.К. Сидоров, который еще в 1869 г. предложил шведскому ученому организовать экспедицию в Карское море для установления морского сообщения между сибирскими реками и Европой.

1 октября 1875 г. Норденшельд телеграфировал Сидорову из Томска о том, что торговый путь из Европы в устье Енисея открыт [11. С. 160]. Члены экспедиции были приглашены выступить с докладами на специальных заседаниях Русского географического общества, Общества содействия русской промышленности и торговли и Общества для содействия русскому торговому мореходству. Кроме того, в их честь были даны торжественные обеды в Петербурге и Москве, на которых зачитывались многочисленные доклады, выражавшие признательность шведским ученым за их помощь в освоении морского пути через Карское море. С особым рвением выступал на этих собраниях Сидоров. В своем докладе он настаивал, что отныне Карское море можно считать судоходным и налаживание торговых связей Сибири и Европы остается делом времени: вся заслуга здесь была приписана исключительно Норденшельду [12. С. 164–166].

Подобные высказывания отечественных поборников развития СМП не только принижали достижения мореходов XVII и XVIII вв., но и игнорировали первенство в этом процессе английского капитана Д. Виггинса, который в 1874 г. на судне «Diana» вошел в Обскую губу, а затем достиг меридиана Енисейского залива [13. Р. 43]. Предпочтение шведа Норденшельда англичанину Виггинсу российскими коммерческими кругами было очевидным в условиях напряженных российско-британских отношений. Кроме того, скандинавы представлялись менее грозными конкурентами слабому отечественному торговому флоту, чем англичане. Однако желание приблизить к себе шведского исследователя, отдав ему всю славу открытия морского пути, вызвало негодование со стороны российской общественности. Ярким примером стала опубликованная И.И. Стренцелем работа «Русские экспедиции для описания северных берегов Сибири», в которой он писал, что российское общество «выражается так, как будто бы вовсе не существовало ни русского военного флота, ни его подвигов» [14. С. 117].

Однако, несмотря на все это, Норденшельд по сей день воспринимается большинством исследователей как выдающийся деятель, «открывший» Северный морской путь, опровергший миф о несудоходности Карского моря, а в дальнейшем и всего Северо-Восточного прохода [6. С. 128–129; 8. С. 57].

В действительности освоение СМП – хотя плавания 1875 и 1876 гг. внесли определенный вклад в этот процесс – не было их прямой задачей. В своих экспедициях Норденшельд главным образом преследовал цели естественнонаучного характера. Формулируя задачи своих экспедиций, а также описывая их результаты, он уделял основное внимание их научному содержанию. При этом транспортные задачи – основные для заявленных экспедиций – описывались предельно обобщенно и поверхностно [15. С. 1, 122].

В то же время известно, что в своих письмах Сидорову, Оскару Диксону и Сибирякову Норденшельд часто описывал ценность нового маршрута для регулярного морского сообщения, подчеркивая необходимость организации новых экспедиций [6. С. 129–130]. Это объясняется желанием ученого получить необходимое финансирование для своих научных проектов. По этой же причине Норденшельд «щедро» присваивал географическим объектам имена своих покровителей – Диксона и Сибирякова. На современном этапе возникла необходимость по-новому взглянуть на деятельность Норденшельда как ученого – исследователя Арктики, а не морехода и «основоположника» торгового судоходства по СМП.

Согласно Ус, первоначальная цель экспедиции предполагала прохождение Северо-Восточного прохода в навигацию 1876–1877 гг., о чем Норденшельд сообщал Сидорову в переписке и частных беседах. После отъезда шведского ученого из Петербурга Сидоров сообщил ему, что Сибиряков пожертвовал на экспедицию 25 тыс. р. [8. С. 64–65]. Остальная часть необходимых средств была выделена Диксоном.

Однако уже в начале 1876 г. Норденшельд изменил план экспедиции и решил направиться в устье Енисея с целью проведения там дополнительных научных изысканий. Хотя он писал Сидорову о том, что новое плавание предпринималось с целью доказать «возможность торгового соединения морем между Атлантикой и Сибирью» [6. С. 130], представляется очевидным, что полярник отнесся к коммерческой стороне вопроса пренебрежительно.

Этот эпизод представляется еще более интересным в связи с тем, что еще в феврале 1876 г. запланированная шведская экспедиция стала причиной повышенного внимания со стороны российского правительства, предпринявшего активные усилия по оказанию содействия этому начинанию: при этом экспедиция представлялась именно коммерческим предприятием, нацеленным на развитие торговых связей Сибири.

В письме Диксону и Сибирякову Норденшельд изложил программу экспедиции 1876 г. В каче-

стве основной цели экспедиции было провозглашено подтверждение возможности судоходства в Карском море и повторное достижение устья Енисея с доставкой туда небольшой партии товаров. Однако детальность, с которой Норденшельд описывает научные задачи экспедиции, подтверждает предположение о том, что основные из них имели сугубо научно-исследовательский характер. При этом он подчеркивает, что все шведские полярные экспедиции носили научный характер, таким образом противопоставляя их британским и российским экспедициям, ориентированным на поиски новых морских путей. Норденшельд подчеркивает, что Карское море учеными практически не изучалось, что, в свою очередь, указывает на стремление Швеции укрепить свои позиции в географических исследованиях. Дело в том, что шведская наука, начиная с конца XVIII в., когда окончилась ее «героическая эпоха» [16. Р. 496], находилась в состоянии упадка.

Это стремление просматривается и в программе экспедиции 1876 г. Ее комплексный характер создает впечатление, что скандинавские ученые отправлялись исследовать ранее неизведанные земли [15. С. 120]. Такого же мнения придерживается и Ус, комментируя высказывание Студитского о том, что «иностранные ученые думали, что они отправляются в страну дикарей» [8. С. 68].

В то же время нельзя не отметить, что, как полярный исследователь, Норденшельд прекрасно понимал, что одно успешное плавание через Карское море еще не подтверждает его судоходность и не может гарантировать успех масштабной экспедиции, намеченной ученым на будущее – прохождение Северо-Восточным проходом. После многолетних безуспешных поисков Северо-Западного прохода, проводимых в основном англичанами, открытие сквозного морского пути на северо-востоке гарантировало бы успех и славу. Однако для осуществления столь рискованного предприятия Норденшельду требовались как научные данные о сибирских полярных морях, так и поддержка финансовых кругов.

Известность в России обеспечила Норденшельду первая экспедиция: чувствуя расположение со стороны отечественной буржуазии, он стремился заручиться ее поддержкой. Однако он справедливо полагал, что одного успешного плавания недостаточно, чтобы убедить коммерческие круги в возможностях этого маршрута. Поэтому было предпринято еще одно плавание через Карское море. Кроме всего прочего, эта экспедиция должна была подтвердить поддерживаемую Норденшельдом гипотезу о том, что теплые воды Оби и Енисея прогревают прибрежные зоны Карского моря, очищая их ото льда и способствуя каботажному судоходству. Следует подчеркнуть, что гипотеза о теплых течениях высказывалась многими исследователями той эпохи, в частности, капитаном Виггинсом [13. Р. 73]. Успешное плавание до Енисея могло обещать свободные ото льда моря к востоку от Таймыра.

По замыслу Норденшельда, экспедиция на Енисей должна была состоять из морского и сухопутного отрядов. В первый входил сам Норденшельд, экстраординарный профессор Ф.Р. Челльман, доктор А. Стуксберг, капитан парохода «Умер» Н. Эриксон, два помощника капитана, а также одиннадцать человек экипажа. Экспедиционное судно – транспортный пароход первого класса «Умер» – был зафрахтован в Гётеборге. Он обладал дубовым корпусом, полным парусным вооружением и 45-сильной паровой машиной. Скорость парохода без парусов составляла 6 узлов. В расчете на сорокадневное плавание на пароход было погружено 237 м³ угля. Кроме того, Норденшельд погрузил на борт провизии на 14 месяцев.

В отличие от своей первой экспедиции в Карское море, на этот раз Норденшельд избрал крупное морское паровое судно. Это можно объяснить как наличием груза, предназначенного для продажи в Сибири, так и стремлением доказать, что по Карскому морю могут ходить не только малые промысловые суда. Кроме того, пароход допускал маневры во льдах и прохождение узкими ледовыми коридорами – несмотря на оптимистичные высказывания в отношении будущего парусного судоходства в полярных морях, Норденшельд был реалистом и не собирался рисковать попусту.

Сухопутный отряд состоял из профессора Я. Тэля (рис. 1), ректора Гельсингфорсского университета М. Бреннера, адъюнкт-профессора Г.В. Арнеля, доктора Ф. Трибома, а также ученого И. Сальберга [17. Л. 21].

Что касается научных кадров экспедиции, нужно указать, что Челльман, Стуксберг и Тэль принимали участие в экспедиции 1875 г. на Енисей. Участники новой экспедиции были либо зоологами, либо ботаниками, и только Норденшельд – специалистом по геологии. Таким образом, основной научной задачей экспедиции стало изучение флоры и фауны Карского моря и Сибири, а также проведение ряда геологических и метеорологических работ [15. С. 121–122].

Пароход должен был выйти в плавание на ранне начала июля, новоземельские проливы – пройдены в конце июля – начале августа. В первой неделе августа экспедиционное судно должно было прийти в устье речки Мезенина (Норденшельд использует название «Мезинка» и «Мезинкин») и встретиться с партией Тэля. Было решено, что в конце августа Умер покинет Енисейский залив, чтобы исследовать западное побережье Таймыра до мыса Челюскин, а во второй половине сентября вернуться в Норвегию [15. С. 122].

Было условлено, что если обе партии не смогут встретиться в устье Енисея, то Тэль, не задерживаясь, возвращается в Енисейск на последнем речном пароходе, который, по местным сведениям, должен был уйти из Заостровского приблизительно 7 сентября (по новому стилю) [15. С. 136].

Таким образом, экспедиция планировалась как научное предприятие с далеко идущими послед-

ствиями – она являлась генеральной репетицией экспедиции 1878–1879 гг.

Государственное содействие экспедиции 1876 г.

Как уже было отмечено, исследователи уделяли мало внимания вопросу об отношении российских властей к экспедиции Норденшельда 1876 г. Опираясь на различные публикации Общества для содействия русскому торговому мореходству (особенно работы Студитского и Сидорова), где преобладал прохладный настрой по отношению к любой правительственной инициативе и даже высказываниям в отношении СМП, исследователи неизбежно повторяли эти оценки в своих работах. Это привело к тому, что отношение к роли государства в частной инициативе развития полярного судоходства сложилось скорее отрицательное. Экспедиция Норденшельда не стала исключением в этом вопросе. Оценивая политику властей как пассивную и даже противодействующую этому предприятию, исследователи озвучивали в качестве подтверждения частные высказывания отдельных чиновников, а также свои собственные предположения [7. С. 80].

Изучение местных архивных материалов позволяет, с другой стороны, утверждать, что эта экспедиция была одним из наиболее опекаемых государством иностранных мероприятий по освоению Северного морского пути во второй половине XIX в.

22 февраля 1876 г. в Департамент таможенных сборов Министерства финансов поступило письмо шведско-норвежского посланника Ф.Г. Дуэ. В этом документе сообщалось, что профессор Норденшельд объявил о своем намерении грядущим летом организовать экспедицию на Енисей с целью доставки туда товаров гётеборгских купцов – в связи с этим, посланник от имени шведско-норвежского правительства просил содействия экспедиции со стороны российских властей. Были заданы следующие вопросы:

1. Какие таможенные учреждения существуют в настоящее время на Енисее?
2. Возможно ли освободить от уплаты пошлины товары, ввозимые по морю на Енисей и другие великие реки Сибири? Такая мера привлечет внимание коммерческих кругов к богатствам Сибири и будет способствовать скорейшему развитию этого торгового пути.
3. Если освобождение от взъискания пошлины невозможно, как и где можно будет ее уплатить?
4. Какими официальными бумагами должно быть снабжено судно, дабы избежать преград со стороны местных властей; должны ли эти бумаги соответствовать тем, что требуются при входе судов в прочие русские порты?
5. Возможно ли производить меновую торговлю с жителями на берегах Енисея, а также других северных сибирских рек?
6. Возможно ли ему (Норденшельду – А.Г.) производить торговлю до того, как он достигнет ме-

ста, где будет произведен официальный досмотр товаров?

7. Если судно будет освобождено от пошлины, то на какие товары это будет распространяться, и будет ли это право распространяться на торговлю по упомянутой реке? [17. Л. 7–7 об.].

Таким образом, шведское и российское правительство отнеслись к экспедиции 1876 г. как серьезному коммерческому предприятию, направленному на развитие торговли между двумя странами.

22 марта за № 2943 последовал ответ министра финансов на письмо Дуэ. Министр дал подробный ответ на каждый из семи пунктов. Сообщалось, что на Енисее, как и на других сибирских реках, таможенных институтов не существует. Для решения вопроса о досмотре товаров и допуске к их продаже необходимо точно знать перечень предполагаемых товаров. Пока пошлина могла быть снижена только на соль (22 коп. за пуд). Все формальные вопросы по уплате таможенных сборов могли быть улажены в Петербурге через шведско-норвежское посольство. При этом если сумма пошлин будет незначительной, то министр обещал ходатайствовать о беспошлинном ввозе всего груза. Для оказания содействия со стороны местных властей министр просил определить точное место и время прихода судна на Енисей. Все остальные вопросы требовали сведений с мест, которые должны были поступить в течение нескольких месяцев от генерал-губернатора Восточной Сибири [17. Л. 3–6]. Дуэ должен был сообщить генерал-губернатору по телеграфу о дате прихода судна на Енисей, как только она станет известной.

Стоит отметить оперативность, с которой были предприняты меры по решению поставленных вопросов. Уже 10 марта о планируемой экспедиции был уведомлен генерал-губернатор Восточной Сибири П.А. Фредерикс. 27 апреля он поставил об этом в известность гражданского губернатора Енисейской губернии [17. Л. 1]. Предстояло решить, на кого из чиновников следует возложить обязанности по проведению досмотра, и принять решение в отношении меновой торговли с «прибрежными» по Енисею жителями [17. Л. 2].

12 апреля 1876 г. генерал-губернатору поступило уведомление из Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел за № 3793, где сообщалось: «Ввиду тех полезных последствий, которые могла иметь ученая попытка для развития русской торговли и промышленности в Сибири, Государю Императору благоугодно было выразить профессору Норденшельду благодарность от имени Русского правительства за совершенный им подвиг (т. е. экспедиция 1875 г. – А.Г.)» [17. Л. 21]. Экспедиция пользовалась особым покровительством шведско-норвежского правительства и была специально рекомендована вниманию Министерства иностранных дел». Генерал-губернатор, таким образом, должен был оказать всевозможное содействие экспедиции, а также информировать местные власти о том «чтобы

пребывание оной (экспедиции – А.Г.) в Сибири действительно могло принести пользу краю и повлиять на оживление тамошней торговли и промышленности» [17. Л. 22]. Министерство иностранных дел вручило членам экспедиции особые рекомендательные листы; в известность были поставлены министр внутренних дел, министр финансов, а также генерал-губернатор Западной Сибири.

21 мая генерал-губернатор Восточной Сибири уведомил енисейского гражданского губернатора о том, что экспедиция передается под его особое попечение и «заботливость» [17. Л. 19 об.]. Губернатор, в свою очередь, отдал распоряжения красноярскому и енисейскому исправникам, а также туруханскому отдельному приставу об оказании содействия шведским путешественникам, а также шкиперу Д.И. Шваненбергу. Каждому из членов экспедиции были выписаны открытые предписания. Детальному разбирательству подверглись вопросы доставки товаров, таможенных процедур, предполагаемого порта прибытия судна.

5 мая 1876 г. в донесении енисейскому губернатору от советника губернского правления Мерцалова – хорошо знавшего Туруханский край – были изложены основные соображения по вопросам экспедиции. Мерцалов полагал, что меновая торговля с коренным населением Севера могла производиться от зимовья Крестовского, крайней точки, достигаемой «инородцами» летом. На юг последние кочуют до р. Гольчиха, куда в течение лета прибывают три енисейских парохода, а также русское население Туруханского края для рыбной ловли и торговли с коренным населением. Суда стоят здесь две недели – до 15 июля, а затем поднимаются до Мало-Бреховских островов, где остаются до начала августа, продолжая свои промыслы [17. Л. 9–9 об.]. С уходом судов на юг судоходство в этом районе прекращается до следующего года, а сухопутное передвижение осуществляется исключительно коренным населением.

Таким образом, досмотр судна мог быть осуществлен либо на пристани у р. Гольчиха, либо в районе Мало-Бреховских островов; если экспедиция придет на Енисей после августа, то досмотр может быть произведен у зимовья Толстый Нос или около урочища Дудинка [17. Л. 10].

Донесение Мерцалова было принято енисейским губернатором и в отредактированном виде направлено генерал-губернатору. В «Донесении» от 17 мая 1876 г. подчеркнута, что для таможенного досмотра может быть определен один из четырех пунктов: пристань у р. Гольчихи, Мало-Бреховские острова, зимовье Толстый Нос или урочище Дудинка. Осмотр товаров поручался туруханскому отдельному приставу. Однако была сделана поправка на то, что пристав сможет осуществить досмотр только в указанное время. Торговля с местными жителями допускалась любыми товарами, кроме алкогольных напитков, что соответствовало государственной политике в отношении северных коренных народов [17. Л. 11 об.].

Еще 3 мая 1876 г. Министерство финансов предоставило разрешение Норденшельду провести судно «Умер» с заграничными товарами – предметами потребления прибрежных жителей северной Сибири, – на сумму от 10 до 20 тыс. р. в устье Енисея. Разрешалось сбывать товары без взыскания таможенных пошлин и иных сборов [17. Л. 34–34 об.]. Об этом генерал-губернатор уведомил енисейского губернатора в двух телеграммах (5 июня и 15 августа 1876 г.). В известность повторно ставились все местные полицейские и гражданские чины.

Отметим, что генерал-губернатор Восточной Сибири лично опекал экспедицию, регулярно отправляя в Енисейскую губернию телеграммы с требованием информации о ней [17. Л. 15]. По его личному распоряжению в Енисейск был направлен коллежский советник П.Г. Ржевин для оказания помощи экспедиции и выполнения обязанностей переводчика [17. Л. 17]. Присутствие этого образованного человека оказало большую помощь экспедиции, значительно облегчив ее работу. Отзываясь о Ржевине, Тэль впоследствии писал: «Мы не можем достаточно выразить нашу благодарность его превосходительству барону Фридриксу [Фредериксу], генерал-губернатору восточной Сибири, за то, что он избрал нам в спутники такого образованного и любезного человека, который, даже в ущерб своим собственным удобствам, всегда был глубоко предан интересам экспедиции» [15. С. 188]. Кроме Ржевина, к экспедиции был прикомандирован казак Кузьма Бродников.

Плавание парохода «Умер»

Плавание парохода «Умер» в устье Енисея в 1876 г. подробно представлено в книге Норденшельда 1880 г. На основании данных этого же источника плавание описывается в работах Пинхенсона, Пасецкого и Ус. В связи с этим возникла необходимость ввести в научный оборот новые источники, одним из которых стала работа доктора Стуксберга «Воспоминания о путешествии на «Веге» и предшествующих шведских экспедициях» [18]. Ее ценность заключается в подробном описании научных результатов экспедиции, в частности биологических материалов. Работа дополняет описание плавания «Умер» через Карское море и выступает в качестве иллюстративного источника, так как снабжена авторскими зарисовками.

25 июля (н.с.) 1876 г. после продолжительных сборов и погрузки на борт научного и экспедиционного оборудования, экспедиция покинула Тромсё [18. С. 160]. В Маазэ (несколько миль на юг от Нордкапа) высадился доктор Челльман, который остался там для изучения морской флоры. Результаты, в том числе и этих исследований, были опубликованы им в работе «Водоросли арктического моря» [19].

Характерно, что при описании истории шведской экспедиции историки зачастую игнорируют научную деятельность ее участников. Между тем, опубликованные работы значительно дополняют

картину самой экспедиции и позволяют с большей точностью судить о ее результатах.

Три дня спустя судно достигло западного побережья Новой Земли в виду Первоусмотренной горы, где на три дня было задержано туманом. Норденшельд решил пройти в Карское море через Маточкин Шар, чтобы исследовать как судоходные условия в самом проливе, так и ледовые условия в более северных районах Карского моря. Однако пароход не смог пройти пролив сходу из-за скопления льдов на выходе из него, поэтому судно стало на временную стоянку в бухте Белужьей. Спустя сутки судно вышло в Карское море, встретив там сплошные льды, что вынудило его вернуться в Маточкин Шар; в Губинной бухте экспедиция задержалась до 5 августа [15. С. 127].

Эти стоянки были использованы для проведения разнообразных биологических, минералогических, геологических и метеорологических исследований. Норденшельд не без определенной гордости подчеркивал, что это была одна из немногочисленных экспедиций, когда-либо проводивших естественнонаучное изучение Новой Земли [2. Р. 334–335].

Когда «Умер» продолжил плавание, вдоль восточного берега Новой Земли образовался свободный ото льда коридор. 6 августа была достигнута широта пролива Карские Ворота, откуда судно направилось на северо-восток к оконечности полуострова Ямал. Однако и здесь сложилась неблагоприятная ледовая обстановка, которая к тому же усложнялась постоянными туманами. Лишь 10 августа после долгого лавирования судно достигло мыса Белужьего на Ямале; этот эпизод достаточно подробно описан в книге Стуксберга [18. С. 164–169]. По достоинству были оценены мореходные качества судна – главным образом его способность ходить как под парусом, так и при помощи машины. В ходе изучения донных моллюсков, обитавших вдоль ямалского побережья, было установлено, что морское дно в этом районе состоит из ила и мягкой глины, и, следовательно, не представляет существенной угрозы для судовых корпусов.

Путь вдоль побережья Ямала на север был более или менее свободен, однако однажды пришлось совершить суточную остановку в ожидании освобождения из ледового плена [15. С. 129]. 12 августа судно, наконец, освободилось ото льда, и продолжило прямой путь к о. Белый, который спустя три дня был обойден. В тот же день была пересечена Обская губа и достигнут Енисейский залив в районе о. Сибирякова. На следующий день «Умер» достиг точки между зимовьем Зверевым и Сопочной Коргой, а спустя несколько часов дошел до устья р. Гольчиха [15. С. 130].

Оттуда экспедиция направилась в устье Мезениной, где должны были находиться останки мамонта. Однако, когда туда прибыли скандинавские ученые, большая часть туши уже разложилась, что очень огорчило Норденшельда. Остальное время пребывания в устье Енисея было потрачено на различные научные и полевые работы.

Долгое отсутствие партии Тэля вынудило Норденшельда предпринять несколько попыток пройти до Дудинки. Однако все они провалились – судно не смогло пройти дальше Никадоровских островов. Нехватка угля и времени вынудили Норденшельда отказаться от путешествия вверх по Енисею для поисков своих товарищей, и он решил дожидаться их в Енисейском заливе. Привезенные товары было решено оставить в Кореповском зимовье, где было достаточно пустых построек. Поскольку не удалось договориться с приказчиком купца П.М. Сотникова, Норденшельд оставил груз под охраной туруханского мещанина Федора Селиванова, который был его проводником во время экспедиции 1875 г. [2. Р. 293]. Всего на разгрузку ушло четыре дня. 1 сентября было принято решение возвращаться домой без группы Тэля. Норденшельд опасался, что встреченная им неблагоприятная ледовая обстановка может усложниться, и тогда судно будет затерто льдами до того, как успеет покинуть Карское море. Чтобы известить Тэля о своем решении, он оправил Селиванова с письмом в Дудинку [17. Л. 44 об.].

2 сентября пароход достиг восточного пролива о. Сибирякова, откуда был взят курс на мыс Миддендорфа. Весь путь стояла хорошая погода и льды не встречались. Только у восточного берега Новой Земли на широте $75^{\circ} 5'$ встретила ледяная гряда, которую пришлось обходить до $74^{\circ} 40'$. Льды отклонялись на запад, и судно смогло пройти в Маточкин Шар. Позже Норденшельд писал, что, если бы был избран более южный маршрут, льдов бы не было совсем [15. С. 137]. В Маточкином Шаре «Умер» сел на мель. Чтобы снять судно, пришлось выбрасывать балласт, на что было потрачено 5 дней [15. С. 141]. Дальнейшее плавание прошло беспрепятственно. От Новой Земли был взят курс на мыс Нордкин. 22 сентября, после прохождения пролива Магерэ, «Умер» благополучно прибыл в Тромсё.

Плавание на пароходе «Умер» подтвердило, что экспедиция 1875 г. не была счастливой случайностью: Карское море могло считаться судоходным. Однако было еще рано утверждать, что морской путь в Сибирь окончательно «открыт» [7. С. 81]. Шведская экспедиция, к сожалению, не внесла существенного вклада в освоение судоходных маршрутов по Карскому морю, поскольку основной ее задачей были научные исследования. Отчет Норденшельда, как и работы его коллег, были посвящены преимущественно геологическим, биологическим и метеорологическим вопросам. Хотя последние, бесспорно, являются важными для судоходства, они не способны компенсировать отсутствие данных гидрографического характера.

Плавание проходило в достаточно сложных ледовых и погодных условиях, однако Норденшельд и в дальнейшем настаивал на том, что плавание в Карском море не сложнее, чем в других морях. Неблагоприятные для судоходства условия 1876 г. он объяснял затяжной и холодной зимой 1875–1876 гг., а

также постоянными северо-западными ветрами, нагонявшими лед в южную часть Карского моря [20. Р. 63].

Партия Я. Тэля в Туруханском крае

Путешествие сухопутной партии шведской экспедиции под руководством Тэля отражено в виде отчета в публикации Норденшельда об экспедициях 1875 и 1876 гг. [15. С. 145–188], а также в работе Стуксберга [18. С. 136–159]. Кроме того, эта тема достаточно хорошо изучена в работах, посвященных научному освоению Сибири [6. С. 138–141; 8. С. 67–80]. В связи с этим отпадает необходимость подробно останавливаться на этом сюжете. В то же время интерес представляет пребывание экспедиции в низовьях Енисея, о чем в деталях повествует рапорт туруханского отдельного пристава титулярного советника Разнотовского [17. Л. 43–46].

После получения предписаний о содействии шведско-норвежской экспедиции Разнотовский отправился вверх по Енисею на встречу путешественникам, однако через некоторое время был извещен о том, что экспедиция еще даже не покинула Енисейск (это произойдет 25 июня 1876 г. [15. С. 150]). Тогда пристав отправился на дудинский участок для подготовки подвод и распоряжения об оказании содействия иностранцам местными жителями. Поскольку русское население здесь было немногочисленно, «иностранцам» было приказано находиться вблизи станков и зимовий, чтобы в случае необходимости помочь экспедиции.

14 (15) июля 1876 г. (в отчетах Тэля и Разнотовского присутствует расхождение в датах) экспедиция прибыла в Туруханск, где ей был оказан теплый прием местными жителями. 28 числа ученые добрались до Дудинки, где их встретил Разнотовский. Он предложил экспедиции нанять транспорт, чтобы отправиться в устье Гольчихи. За 250 р. был нанят поселенец Евгений Шаманов, который с рабочими на двух лодках должен был доставить ученых в Енисейский залив. Однако иностранцы отказались от этой поездки, решив, что запрошена слишком большая сумма [17. Л. 43 об.]. Это расходится с отчетом Тэля, в котором он писал, что гребцов нельзя было нанять ни за какие деньги [15. С. 165].

По совету купца Сотникова было решено ожидать пароход «Александр» Баландина, который 9 августа пришел в Дудинку. Разнотовский предложил капитану парохода И.М. Ячменеву доставить ученых с их имуществом до Гольчихи за 300 р., однако иностранцы вновь отказались по финансовым соображениям. Кроме того, существовала угроза, что они не встретят «Умер» и останутся зимовать в Енисейском заливе [15. С. 167; 17. Л. 44]. По этой же причине было решено отказаться идти до Гольчихи на лодке, хотя Разнотовский договорился с крестьянином Егором Кошкоровым, что он с гребцами ответит иностранцев обратно, если «Умер» не придет [17. Л. 44]. Похоже, что Тэль опасался за сохранность собранного научного материала и коллекций, которые могли

пострадать во время лодочного перехода по Енисейскому заливу [15. С. 168].

30 августа пароход отправился вверх по Енисею. Экспедиция задержалась у Толстого Носа, ожидая приход «Умер», а также для дополнительных научных исследований. Спустя несколько дней сюда прибыл смотритель Селиванов с письмом от Норденшельда. Получив письмо, Тэль вместе с Разнотовским и Бреннером отправились на лодке в Дудинку, рассчитывая догнать «Александр» [17. Л. 45]. По пути был встречен пароход, принадлежащий «Компании енисейского пароходства»; однако его капитан отказался идти в Кореповское за товаром. Было решено, что Бреннер, Арнель, Трибом, Сальберг вместе со Ржевным отправятся в Енисейск на этом пароходе, а Тэль попробует еще раз спуститься вниз по Енисею.

Тэль вместе с Разнотовским 14 сентября отправился в Кореповское на пароходе Сотникова, согласившегося безвозмездно доставить товары в Енисейск [17. Л. 45 об.]. Но уже 16 октября пароход повернул обратно, дойдя только до о. Охотского. Из-за ранней зимы река начала замерзать, и было решено возвращаться в Енисейск. Пристав расстался с Тэлем в Туруханске, поручив заботу о нем судостроителю П.А. Бойлингу и выдав ученому открытое предписание, «чтобы ему во время пути оказывали должное содействие» [17. Л. 45 об.].

Рис. 1. Доктор Яльмар Тэль. Портрет работы Карла Вильгельмсона, 1913 г.

К сожалению, имя туруханского отдельного пристава по сей день известно только в связи с экспедицией капитана Виггинса в том же 1876 г. и его «притеснениями» английского капитана, а также шкипера «Северного сияния» Шваненберга [21. С. 27]. Разнотовский стал символом чиновничьего произ-

вола и бюрократизма, препятствующего передовым идеям, в т. ч. освоению СМП, что совершенно не соответствует действительности. Этот человек оказал неоценимую поддержку шведской экспедиции во время ее пребывания в Туруханском крае. В своем отчете Тэль отдал должное приставу, указав на безотказную помощь путешественникам с его стороны [15. С. 170].

Коммерческая сторона экспедиции 1876 г.

«Белым пятном» в истории экспедиции 1876 г. долгое время оставался вопрос о количестве доставленных в устье Енисея товаров. Этот вопрос тем более интересен, что российское правительство разрешило Норденшельду ввезти товары без уплаты пошлин и относилось к предприятию, в первую очередь, как к коммерческой экспедиции, нацеленной на развитие внешнеторговых связей. Такого же мнения придерживалось и сибирское купечество. Правда, следует отметить, что при всем энтузиазме сибиряков относительно установления морской торговли между Сибирью и Европой, высказывались и опасения насчет будущей принадлежности нового морского пути. Например, в газете «Иркутские губернские ведомости» были высказаны пожелания отечественным предпринимателям быть как можно более активными в этом вопросе, не допуская того, чтобы сибирские промыслы и торговля оказались в руках у норвежцев и шведов [22. С. 3].

Норденшельд в своей работе не приводит данные ни по объему товаров, ни по их наименованию, ограничиваясь сообщением о том, что на борт было взято некоторое количество груза, т. к. «русское правительство услужливо устранило препятствия, грозящие представиться ведению торговли в этих краях» [15. С. 122].

В научной литературе к этому вопросу обращался Киш, составивший краткий перечень товаров, находившихся на борту «Умер». Это были в основном шведские и английские хлопковые ткани, посуда и металлические изделия [16. Р. 141]. Пасецкий не конкретизирует, какой именно груз находился на борту судна, однако указывает, что он состоял из шведских мануфактурных товаров на приблизительную сумму в 6611 р. [6. С. 139].

Окончательную точку в этом вопросе должна была поставить опись товаров, оставленных в Кореповском, принадлежащая Тэлю (рис. 2). Она, очевидно, была составлена на основании доставленного Селивановым письма Норденшельда, поскольку Тэль лично так и не получил возможность осмотреть товар. Этот документ находится в Государственном архиве Красноярского края и представляет существенную ценность для изучения истории грузоперевозок по Северному морскому пути (таблица).

В таблице курсивом выделены слова и фразы, вызывающие сомнения, или те, которые не удалось разобрать. В связи с этим был предложен наиболее подходящий вариант перевода. Особое за-

труднение возникло с повторяющимся словом *dilo*. Поскольку сведения о подобной мере отсутствуют и не были найдены в наиболее полных изданиях мер и весов [23, 24], мы предполагаем, что Тэль написал слово *ditto*, означающее в переводе с немецкого XIX в. «то же» или «так же».

Таблица. Описание товаров, доставленных на «Утег» в Кореповское

Фирма-изготовитель	Наименование и количество товаров
Jonsened	1 упаковка парусины 152 футов
Fishergeräth Kompagnie	1 тук рыболовных принадлежностей
Udderholm SF	1 ящик проволочных гвоздей (50 тыс. шт.), 3 ящика лошадиных подков, 26 упаковок гвоздей для подков (30 центнеров)
Muiskiö	16 рулонов бумаги
Brink, Halfström & Co	1 ящик сигарет (7 тыс. шт.)
G. Wiechels	1 ящик трикотажных вещей
Norra Jurke	1 ящик пробных <i>неразборчиво</i>
Limmared	3 ящика стекла
Almedahls	2 ящика ниток и шерстяной пряжи
Rosell & Co	1 ящик обоев (700) и 10 бордюров (кайма)
Körstrand	7 ящиков различных предметов фарфора
Gustavsberg	5 ящиков фарфора
Glassa	14 ящиков оконного стекла
Carnegie & Co	1 тонна (2 ящика) сахара – 452
Drage	1 ящик шерстяной ткани
Lesjösfors	7 ящиков гвоздей, 1 ящик <i>неразборчиво</i> гвоздей, 1 ящик железной проволоки, 2 ящика <i>того же</i> , 1 ящик топоров (кирка), буров по горной породе
Aeska	2 ящика листового железа
Jörköpings Zundhölzefabrik	10 ящиков спичек – 72 тыс. упаковок
Nräpaegoarn	<i>Неустановленное количество</i> железных изделий, печных труб, и т. п.
Boras	1 упаковка пробных тканей
Drujoefors	1 упаковка разнообразных пробных товаров <i>общим весом</i> 520 фунтов
Carl Peheresson & Co	1 ящик пробных фабричных товаров
Jädertelfe	1 ящик спичек
Börgesson	1 ящик с различной <i>тарой</i> (или <i>группой</i> тканью)
Rosendahl	15 ящиков различной бумаги
Oscardale	1 упаковка шарфов
Skulluna	1 ящик сурика
Barnöngen	3 ящика гуталина, духов и мыла
Lundström	40 партий различных железных изделий
Alexander Parker	7 партий английских товаров (содержание неизвестно)

Составлено по: ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 6144. Л. 47–47 об.

Как видно из таблицы, товары отличаются разнообразием. Основную их массу составляют вещи шведского или норвежского происхождения; английские товары остались без описания. В целом избран достаточно грамотный подход к выбору ас-

сортимента – присутствуют как предметы первой необходимости (спички, инструменты, рыболовные снасти, ткани), так и товары для более состоятельных слоев населения (обои, фарфор, парфюмерная продукция). Еще одну статью импорта составляют товары для нужд местной промышленности (парусина, железные изделия, сурик). К сожалению, в описи не указан вес привезенного груза: правда, в рапорте Разнотовского сообщается, что общий вес товаров составляет 3 тыс. пудов. Эта информация взята из письма Норденшельда Тэлю, поэтому может считаться вполне достоверной.

Часть груза, а именно 3 тыс. пудов соли, служившие «балластом», была оставлена на борту «Утег» [17. Л. 44 об.]. Скорее всего сложившаяся ситуация была вызвана нехваткой подходящего материала для балласта в Кореповском, а также отсутствием сибирских экспортных товаров. Известно, что еще в начале 1876 г. Сидоров предлагал Норденшельду вывезти с принадлежавшего ему курьейского прииска 4,5 тыс. пудов графита. Норденшельд сначала согласился взять 2–3 тыс. пудов графита и 4 тыс. бычьих кож, однако через некоторое время отказался от экспорта вовсе, ограничившись ввозом европейских товаров [25. С. 256–257]. Похоже, шведский ученый не был настроен терять время на выгрузку и погрузку товаров, превращая свою научную экспедицию в торгово-коммерческую. В итоге Сидорову пришлось договариваться о доставке графита с Виггинсом.

Сохранность товаров в Кореповском была поручена Селиванову. Генерал-губернатор Фредерикс по этому поводу даже направил специальное распоряжение туруханскому приставу. В письме Тэлю Норденшельд просил его продать товары кому-нибудь из енисейских купцов. Он также просил туруханского отдельного пристава проследить за тем, чтобы товары были переданы купившему их лицу [17. Л. 45]. Было решено, что в будущем году товары в Енисейск доставит Бойлинг, который специально для этих целей построил парусную баржу. Однако планы изменились, и Тэль договорился о доставке товаров с Кытмановым, заплатив по 88 коп. за пуд [15. С. 188].

Единственные сведения о продаже шведских товаров встречаются в работе орнитолога Генри Сибомы «Siberia in Asia». Он вспоминает, что присутствовал при распаковке их у Бойлинга, и описывает это следующим образом: «Тем временем, Бойлинг был занят руководством распаковкой товаров Норденшельда. Поразительно, насколько незначительно они пострадали после того, как пролежали целый год в Кореповском. В целом ввезенный груз вызывал удовлетворение. Однако Норденшельд сделал пятидесятипроцентную наценку на все товары, чтобы покрыть расходы от фрахтования, страховки и наложенной комиссии. Купец, купивший эти товары, сделает на них как минимум двадцатипроцентную накрутку. Таким образом, шведские товары будут стоить здесь почти в два раза дороже, чем на родине. Это делает многие

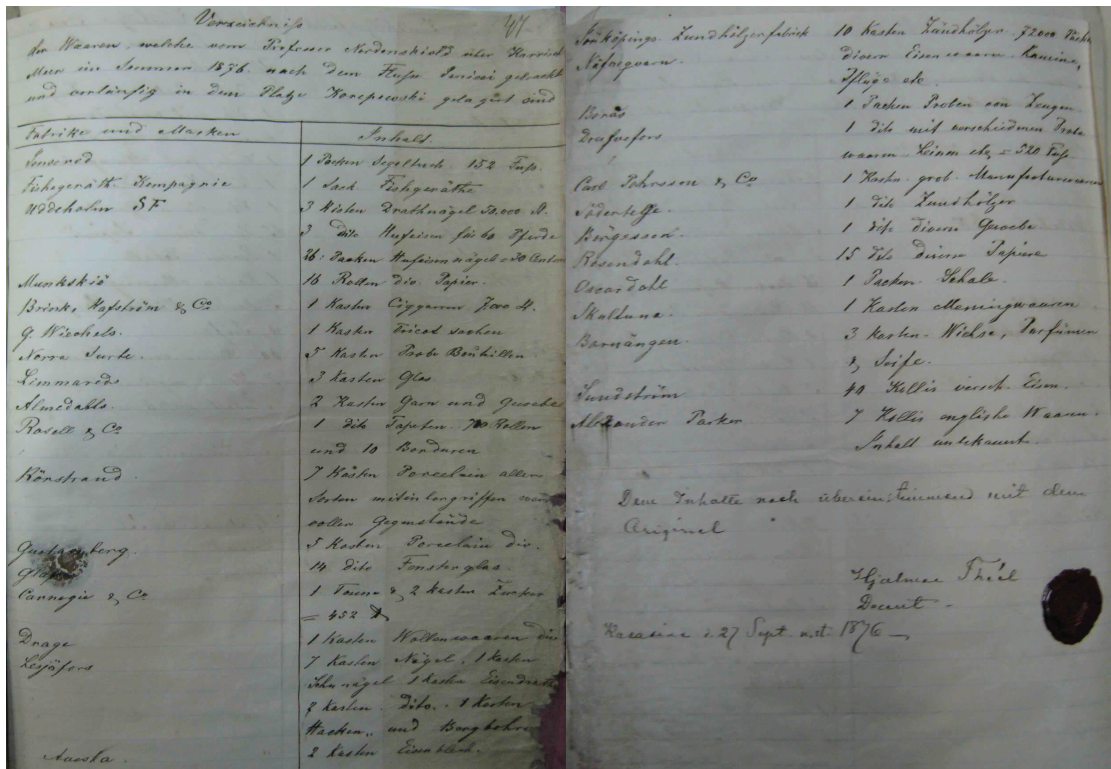

Рис. 2. Опись товаров, привезенных летом 1876 г. на реку Енисей профессором Норденшельдом через Карское море и оставленных на хранения в местечке Кореповское. Составитель: Я. Тэль. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 6144. Л. 47–47 об.

из привезенных предметов слишком дорогими для русского рынка. Например, сахар будет стоить девять рублей за пуд, тогда как в Ирбите его можно купить по семь» [26. Р. 245–246]. Было отмечено также, что привезенные шведские товары не были высокого качества и многие из них – например, стекло – вряд ли станут востребованы на местном рынке. Более высокую оценку Сибом дает английским товарам: сравнивая их со шведской посудой и тканями, он дает нам возможность предположить, из чего именно состояли «семь партий английских товаров».

Результаты экспедиции 1876 г.

Судоходность Енисея. В деле освоения Северного морского пути роль Норденшельда не была столь же значимой, как, например, Виггинса. «Умер» не смог подняться по Енисею дальше Бреховских островов, что поставило под сомнение судоходные качества этой реки [27. С. 232]. Только в 1887 г. капитан Виггинс на морском пароходе «Phoenix» доказал, что морские суда могут подниматься до Енисейска. Правда, необходимо подчеркнуть, что Норденшельд никогда не высказывал сомнений относительно проходимости реки даже для судов с большой осадкой, справедливо при этом полагая, что для успешного судоходства необходимы серьезные гидрографические работы. В поисках Тэля Норденшельд пытался дойти от устья Мезенины до Толстого Носа, однако он не смог объяснить Федору и другим местным жителям,

что «Умер» с осадкой в 12 футов требует более глубокого фарватера, чем речные пароходы [15. С. 131]. 17 августа пароход без сопровождения лоцмана отправился вверх по реке, но севернее Никандровских островов в окрестности Яковлевой косы встретил глубины менее 5 саженей. После безуспешного поиска прохода судно было отнесено ветром и течением обратно к Мезениной. Вторая попытка найти Тэля после 25 августа также не увенчалась успехом. В этот раз судно начало цепляться за дно уже у Гостиного Носа [15. С. 134].

Вопросы картографирования. Наиболее противоречивым событием экспедиции 1876 г. стало открытие 15 августа «неизвестного острова» (о. Сибирякова) в Енисейском заливе, который, по утверждению Норденшельда, был не отмечен на русских картах и неизвестен местным жителям [15. С. 129]. По этому поводу Сидоров 17 ноября 1876 г. сделал доклад, где сообщил, что этот остров не только отмечен на русских картах 1802 и 1852 гг., но и известен со времен Екатерины II как остров Кузьки, названный в честь морехода, потерпевшего крушение у его берегов [28. С. 199–200]. Однако Сидоров оправдывает Норденшельда, настаивая на том, что в его погрешности виновато само Общество для содействия русскому торговому мореходству», снабдившее ученого неверными картами, на которых остров обозначен не был [28. С. 201]. Сложно согласиться с подобной версией. Известно, что еще зимой 1875 г. Норденшельд в письме к Сидорову сообщал, что усиленно рабо-

тает над созданием новой карты енисейского Севера [6. С. 128]. Такая работа, естественно, предполагает использование широкого круга картографических материалов.

Кроме того, стоит учитывать также то, что на момент проведения плавания Норденшельд не был профессиональным картографом – а это не могло не сказаться на картографических данных экспедиции. Можно согласиться с утверждением К. Мэйсона о том, что Норденшельд производил лишь поверхностные картографические и гидрографические работы в Карском море [29. Р. 29]. Это в очередной раз подтверждает его слабый интерес к транспортным вопросам полярного судоходства.

Лишь в последнее двадцатилетие своей жизни шведский полярник занялся историей картографирования полярных стран, собрав в своей библиотеке большое количество редких географических изданий [16. Р. 497–498]. Среди прочего в коллекции оказалась работа У. Кокса «Account of Russian Discoveries» (1787 г.) [30. Р. 396], в которой приведена карта Сибири с обозначением на ней крупного острова в Енисейском заливе [31]. Можно предположить, что Норденшельд в 1876 г. не имел в своем распоряжении этого издания, однако и в своих дальнейших работах он предпочитал указывать карты, на которых отсутствовал остров Кузьки – например, в «Путешествиях «Веги» вокруг Азии и Европы» приведена карта издания Российской академии наук 1745 г., на которой остров не обозначен [32. Р. 147].

Однако эти вопросы мало тревожили современников Норденшельда: он смог реализовать все поставленные перед экспедицией цели – научные и коммерческие. Для отечественных поборников морского пути в Сибирь, таких как Сидоров и Сибиряков, Норденшельд своими успешными экспедициями опровергал все скептические высказывания относительно судоходности Карского моря. Кроме того, будучи шведом, он не представлял такой же угрозы для российской морской торговли, как, например, англичанин Виггинс. Слабая заинтересованность Норденшельда в вопросах коммерции также была причиной большего доверия к нему со стороны отечественного предпринимателя.

В то же время научные результаты экспедиции были действительно выдающимися. Был собран обширнейший материал по ботанике, зоологии, геологии, минералогии, метеорологии. Проведены наблюдения по этнографии, осуществлены астрономические и гидрологические наблюдения.

Сведения о метеонаблюдениях и наблюдениях за температурой воды в Карском море и устье Енисея приведены в приложении к отчету Норденшельда [15. С. 191–198] и представляют интерес для изучения истории климата. Биологические работы Стуксберга и Тэля расширили представление о фауне Карского моря, в частности о различных глубоководных беспозвоночных животных – т. к. *Elpidia glacialis glacialis*. Подробное описание ис-

следований флоры и фауны можно найти в работе Стуксберга «Воспоминания о шведских экспедициях на Новую Землю и Енисей в 1875 и 1876 гг.» [33. С. 73–84], а также в вышеупомянутой работе Челльмана [19].

Норденшельд, выступавший организатором и руководителем экспедиции, проявил свои способности ученого и в этой экспедиции. Его деятельность имела два ключевых направления – геология Арктики и изучение льдов Карского моря. Зафиксированы следующие работы по геологии:

- 1) изучение геологического строения района Маточкиного Шара на Новой Земле и поиска окаменелостей (всего 7 террас кембрийского происхождения). Норденшельд опроверг старое предположение, что на острове находятся драгоценные камни, оказавшиеся залежами кварца [15. С. 127];
- 2) изучение почвы прибрежной тундры Енисея, состоящей из массы нанесенного реками песка и ила. Ученый обнаружил в песке большое количество раковин существующих моллюсков, что наталкивает его на мысль, что тундра образовалась в эпохе, схожей с нынешней по климату [15. С. 134];
- 3) исследование останков ископаемой фауны (мамонта). Ученый приходит к весьма оригинальным выводам, что подобные исследования важны не только для биологии, но и для геологии, поскольку они дают представление об эпохе, в которой обитали представители ископаемой фауны [15. С. 135].

К бесспорным заслугам Норденшельда и его коллег нужно отнести изучение морского льда Карского моря и Новоземельских проливов, которое он, кстати, продолжил даже после возвращения экспедиции в Норвегию – опрашивая промышленников в Тромсё и Хаммерфесте [15. С. 141]. Было установлено, что август и сентябрь являются наиболее благоприятными месяцами для навигации. Кроме того, подтвердилось предположение о теплых водах Оби и Енисея, способствующих таянию морского льда, хотя и не в тех масштабах, как ожидалось.

Норденшельд, безусловно, стал одним из наиболее выдающихся деятелей шведской полярной науки даже до его знаменитой экспедиции вокруг Евразии. Кстати, он постоянно подчеркивал свои достижения, утверждая, что «шведские полярные экспедиции последних лет обрели особую национальную значимость» [20. Р. 57].

Всемерная поддержка экспедиции выражалась и на страницах зарубежной печати, заинтересованной как научной стороной плавания, так и коммерческой. Кроме российских и шведских газет, особый интерес проявили британские издания: они следили еще за первым плаванием Норденшельда на Енисей в 1875 г. Так, в рубрике «Географических достижений» за 1875 г. газета «South Australian Register» писала, что шведской арктической экспедицией под началом профессора

Норденшельда было достигнуто устье Енисея; в задачи экспедиции входило обойти Новую Землю с севера и достигнуть устьев Оби и Енисея, где должны были находиться крупные залежи мамонтовой кости. В целом заметка достаточно поверхностна и весьма наивна. Например, высказывается искреннее удивление насчет существования растительности за полярным кругом) [34. Р. 7].

Уже на следующий год основной интерес газет был связан с коммерческими аспектами освоения СМП. Например, газета «Northern Argus» сосредоточилась на описании навигационных достижений шведской экспедиции, сравнивая их с плаванием капитана Виггинса. Обладая более легким судном, англичанин смог подняться вверх по Енисею, что, по мнению газеты, является более важным для торговли, нежели все научные достижения Норденшельда [35. Р. 4]. Особый интерес представляет перепечатанная из «New York Herald» статья от 26 октября 1876 г. в газете «Camperdown Chronicle». Шведское правительство официально сообщало, что «профессор Норденшельд вернулся из экспедиции, о которой объявлял еще в начале лета в Филадельфии». Кроме фактических данных о ходе экспедиции, утверждалось, что ее основной задачей было доказательство наличия «открытой воды» в полярном море. Газета подчеркивает, что, таким образом, проложен новый пароходный маршрут через Сибирь до границ Китая. Обращает внимание на обширность плодородных земель в Сибири, которые не обрабатываются, хотя могли бы сразу приносить богатые урожаи. «Беспрепятственный» путь до Енисея, таким образом, является не только залогом коммерческой выгоды этого предприятия, но и доказывает существование судоходного Северо-Восточного прохода [36. Р. 3].

Таким образом, экспедиция 1876 г. подготовила возможность успешного осуществления экспедиции 1878–1879 гг. Необходимо было убедиться в верности предположений относительно состояния льдов в Карском море, собрать и проанализировать метеорологические данные. Кроме того, экспедиция оказалась успешным, выражаясь современным языком, пиар-ходом – Норденшельд завоевал общемировую признательность как ведущий специалист по сибирской Арктике и получил необходимую финансовую поддержку для планируемой экспедиции. Нужно добавить, что российское правительство также в очередной раз поддержало Нор-

деншельда. Однако, учитывая дальнейшее безразличие властей к развитию судоходства по СМП, можно утверждать, что такое содействие было оказано Норденшельду только как ведущему иностранному специалисту по Арктике – мировой знаменитости. Тем более, что поддержка шведского подданного не вызвала столь болезненной реакции общественности, как содействие англичанам.

Выводы

Экспедиция 1876 г. под началом профессора Норденшельда была одним из первых комплексных научных мероприятий по изучению Баренцева и Карского морей, Новой Земли, Ямала и устья Енисея. По своим научным результатам она принадлежит к наиболее выдающимся предприятиям в процессе исследования российской Арктики в XIX в. В тоже время экспедиция не оказала существенного воздействия на развитие коммерческого судоходства в Карском море, хотя именно в этом качестве представлена в имеющихся публикациях. Хотя «Унег» стал первым судном, доставившим товары по морю из Европы в Сибирь, не были предприняты ни малейшие усилия по созданию транспортной инфраструктуры, организации экспорта местных товаров, строительству складских помещений. В ходе экспедиции практически не было сделано ничего существенного как в развитии навигации по СМП, так и в изучении гидрографии Карского моря. В своем стремлении доказать превосходство шведской полярной науки Норденшельд использовал весьма спорные методы – в частности отрицание или игнорирование достижений российских и английских исследователей, что наглядно продемонстрировано в повторном «открытии» о. Сибирякова. На основании новых источников нами пересмотрена оценка политики российского правительства в отношении шведской экспедиции. Установлено, что активную поддержку ей оказывали как центральные власти – обеспечив Норденшельду беспопытный ввоз товаров, так и региональные и местные – оказывая ученым всевозможное содействие.

Плавание 1876 г. было задумано во многом как генеральная репетиция экспедиции 1878–1879 г. Решение многих научных и организационных вопросов в ходе второй енисейской экспедиции обеспечили успех будущему плаванью вокруг евразийского материка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.А. Федор Петрович Литке. – М.: Изд-во «Наука», 1970. – 277 с.
2. Leslie A. The Arctic Voyages of Adolf Eric Nordenskiöld 1858–1879. – London: MacMillan and Co, 1879. – 447 p.
3. Норденшельд А.Э. Шведская полярная экспедиция 1878–79 г.: Открытие Северо-Восточного прохода. С приложением отчета капитана Иогансенна о плавании его от устья Лены до Якутска и карт мыса Челюскина, порта Диксона и Таймырского пролива / пер. с швед. – СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1880. – 207 с.
4. Корнандер Э.В. В стране льдов и холода: путешествие барона А.Е. Норденшельда по Северному Ледовитому океану в 1877–78 гг. – СПб.: Типография С. Добродеева, 1885. – 92 с.
5. Норденшельд Г. [А.]. Вокруг Азии и Европы: путешествие на корабле «Вега», 1878–1880. – Берлин: Изд-во С. Ефрон, 1923. – 173 с.
6. Пасецкий В.М. Нильс Адольф Эрик Норденшельд. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – 294 с.
7. Пинхенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т. Т. 2. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. – Л.: Морской транспорт, 1962. – 892 с.
8. Ус Л.Б. Международные научные связи Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во «Сова», 2005. – 240 с.
9. Разумов О.П. Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь (к 150-летию со дня рождения) // Вестник Томского государственного университета. – 1999. – Т. 268. – С. 123–126.
10. Хорина В.В. О роли купечества в научном изучении Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2011. – № 4 (18). – С. 283–291.
11. Сидоров М.К. Предложение Обществам: русскому географическому, содействия промышленности и содействия русскому торговому мореходству об оказании внимания академику А.Е. Норденшельду и Виггину // История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива / сост. Ф.Д. Студитский. – СПб.: Типография Д.И. Шеметкина, 1883. – Ч. 2 (приложение). – С. 160–164.
12. Сидоров М.К. По поводу открытия морского пути из Европы в устье Енисея по Северному океану // История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива / сост. Ф.Д. Студитский. СПб.: Типография Д.И. Шеметкина, 1883. – Ч. 2 (приложение). – С. 164–166.
13. Johnson H. The life and voyages of Joseph Wiggins: modern discoverer of the Kara sea route to Siberia, based on his journals and letters. – London: John Murray, 1907. – 396 p.
14. Стренцель И.И. Русские экспедиции для описания северных берегов Сибири и прилежащих островов 1734–1862. – Кронштадт: Типография «Кронштадтского вестника», 1877. – 117 с.
15. Норденшельд А.Е. Экспедиция к устьям Енисея в 1875 и 1876 гг. со статьей адъюнкт-профессора зоологии Упсальского университета Г. Тэля о плавании его по Енисею в 1876 г. – СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1880. – 198 с.
16. Kish G. Adolf Erik Nordenskiöld (1832–1901): Polar Explorer and Historian of Cartography // The Geographical Journal. – 1968. – V. 134. – № 4. – P. 487–500.
17. О прибытии в 1876 г. в р. Енисей судна с товарами профессора Норденшельда // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 19. Д. 6144.
18. Stuxberg A. Minnen från Vegas färd och dess Svenska Föregångare jämte en kortfattad framställning af Nordostpassagens Historia och den Amerikanska Nordpolesexpeditionen under De Long. – Stockholm: Samson & Wallins Bokhandel, 1890. – 358 s.
19. Kjellman F.R. The Algae of the Arctic Sea. A survey of the species, together with an exposition of the general characters and development of the flora. V. 20. – Stockholm: K.Sv. Vet.-Akad. Handl., 1883. – 350 p.
20. Lettres de A.E. Nordenskiöld: racontant la découverte du Passage Nord-Est du Pole Nord, 1878–1879. – Paris: Maurice Dreyfous, Editeur, 1880. – 276 p.
21. Востротин С.В. Непреодолимые заграждения Северного морского пути // Сибирские вопросы. – 1911. – № 42–44. – С. 15–30.
22. Северная экспедиция // Иркутские губернские ведомости. – 1875. – № 99. – С. 3.
23. Clarke F.W. Weights, measures, and money of all nations. – New York: D. Applestone & Co., 1888. – 117 p.
24. Nilson J.-E. Units and measures in old Swedish documents. URL: <http://www.gothaborg.com/project/unitsandmeasurements.shtml> (дата обращения: 28.01.2014).
25. Шваненберг Д.И. О плавании к Енисейскому заливу в 1876 г. на клипере «Северное сияние» // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1876 г. (15 марта 1876 г. – 8 февраля 1877 г.). – СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1877. – С. 252–262.
26. Seebohm H. Siberia in Asia: A Visit to the Valley of the Yenesei in Eastern Siberia. – London: John Murray, 1882. – 304 p.
27. Извлечение из протокола заседания правления 4 января 1877 г. // Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1876 г. (15 марта 1876 г. – 8 февраля 1877 г.). СПб.: Типолитография Д.И. Шеметкина, 1877. – С. 232–237.
28. Сидоров М.К. По поводу открытия Норденшельдом в устьях Енисейского залива большого острова (сообщение 17 ноября 1876 г.) // История открытия морского пути из Европы в сибирские реки / сост. Ф.Д. Студитский. – СПб.: Типография Д.И. Шеметкина, 1883. – Ч. 2 (приложение). – С. 199–202.
29. Mason K. Notes on the Northern Sea Route // The Geographical Journal. – 1940. – V. 96. – № 1. – P. 27–41.
30. Mickwitz A.-M. Adolf Erik Nordenskiöld and his library // GeoJournal. – 1979. – V. 3. – Iss. 4. – P. 395–398.
31. Coxe W. Account of the Russian Discoveries between Asia and America. To which are added the Conquest of Siberia and the History of the Transactions between Russia and China. – London: Printed by J. Nichols for T. Cadell, 1787. – 454 p.
32. Nordenskiöld A.E. The Voyage of the Vega round Asia and Europe with a historical review of previous journeys along the north coast of the Old World. – New York: MacMillan, 1882. – 756 p.
33. Stuxberg A. Erinringar från svenska expeditionerna till Novaja Semlja och Jenissej 1875 och 1876. – Stockholm: A.L. Normans boktryckeri-aktiebolag, 1877. – 112 s.
34. Geographic Progress in 1875 // The South Australian Register. – 1876. – 12 June. – P. 7.
35. General News // Northern Argus. – 1877. – 20 February. – P. 4.
36. New Route to China // Camperdown Chronicle. – 1877. – 27 January. – P. 3.

Поступила 31.03.2014 г.

UDC 910.4(091)

THE 1876 SWEDISH EXPEDITION TO THE YENISEI

Alexander E. Goncharov,

Cand. Sc., Siberian State Aerospace University,

31, Prospect im. gazety «Krasnoyarskiy rabochiy», Krasnoyarsk, 660014, Russia.

E-mail: comrade1937@yandex.ru

The history of polar exploration has become an important matter in the context of modern competition for the possession of the Arctic and its resources. This leads to the necessity of studying the role of different nations in the exploration of the polar frontier – especially the Russian Arctic – to understand the contemporary geopolitical and economical issues.

The main aim of the research is the study of the Swedish expedition to the Yenisei in 1876 under the command of Adolf Erik Nordenskiöld, focusing on its preparation, purposes, progress, and results. A complex of economical, political, geographical, and logistical matters has been reviewed based on new historical evidence of Russian and foreign origin.

Methods used in the study: The author has used the comparative-historical and logical methods to identify the place of the Swedish expeditions in polar exploration and Arctic science, together with the economic impact of the 1876 expedition. Geographical and linguistic methods have been introduced during the data-collecting process, which included the study of maps and sources in XIX century foreign languages.

Results: The investigation shows that the 1876 expedition was a dominantly scientific venture and should not be confused with commercial voyages through the Kara Sea of the same period. The article gives a new vision of Russian authorities in their effort of assisting the Swedish expedition; previously it had been thought that the Government took no part in the expedition. New archival materials have revealed the commercial results of the expedition, i.e. the number and assortment of goods, delivered to the Yenisei.

Key words:

Northern Sea Route, Adolf Erik Nordenskiöld, Hjalmar Theel, Estuary of the Yenisei, Eniseyskaya guberniya, Siberian studies, Kara Sea.

REFERENCES

- Alekseev A.A. *Fedor Petrovich Litke*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 277 p.
- Leslie A. *The Arctic Voyages of Adolf Eric Nordenskiöld 1858–1879*. London, MacMillan and Co, 1879. 447 p.
- Nordenskiöld A.E. *Shvedskaya polyarnaya ekspeditsiya 1878–79 g.: Otkrytie Severo-Vostochnogo prokhoda. S prilozheniem otcheta kapitana Yogensenna o plavanii ego ot ustya Leny do Yakutsk i karta mysy Chelyuskina, porta Diksona i Taymyrskogo proliva* [The Swedish polar expedition of 1878–79: The discovery of the North-East Passage. With an account of captain Johansen of his voyage from the Lena Delta to Yakutsk and a map of Cape Chelyuskin, Port Dickson, and the Strait of Taymyr]. Translated from Swedish. Saint-Petersburg, A. Trenshel', 1880. 207 p.
- Koriander E.V. *V strane ldov i kholoda: puteshestvie barona A.E. Nordenshelda po Severnomy Ledovitomu okeanu v 1877–78 gg.* [In the land of ice and cold: the voyages of Baron A.E. Nordenskiöld through the Arctic Ocean in 1877–78]. Saint-Petersburg, S. Dobrodeev Publ., 1885. 92 p.
- Nordenskiöld A. *Vokrug Azii i Evropy: puteshestvie na korable «Vega», 1878–1880* [Around Asia and Europe: the voyage on the Vega, 1878–1880]. Berlin, Efron Publ., 1923. 173 p.
- Pasetskiy V.M. *Nils Adolf Erik Nordenskiöld*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 294 p.
- Pinkhenson D.M. *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti* [The history of the discovery and development of the Northern Sea Route]. Vol. 2. Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma [The problem of the Northern Sea route in the age of capitalism]. Leningrad, Morskoy transport, 1962. 892 p.
- Us L.B. *Mezhdunarodnye nauchnye svyazi Sibiri* [International scientific connections of Siberia (late 1800s – early 1900s)]. Novosibirsk, Sova Publ., 2005. 240 p.
- Razumov O.P. Aleksandr Mikhaylovich Sibiryakov – predprinimatel, metsenat, issledovatel [Aleksandr Mikhaylovich Sibiryakov – businessman, patron, scientist] (150th anniversary). *Tomsk State University Bulletin*, 1999, vol. 268, pp. 123–126.
- Khorina V.V. O roli kupechestva v nauchnom izuchenii Eniseyskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The role of merchants in the study of the Yenisei Government (late 1800s – early 1900s)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.P. Astafeva*, 2011, no. 4 (18), pp. 283–291.
- Sidorov M.K. Predlozhenie Obshestvam: russkomu geograficheskomu, sodestviya promyshlennosti i sodestviya russkomu torgovomu morekhodstvu ob okazanii vnimaniya akademiku A.E. Nordensheldu i Vigginsu [A proposal to the Russian Geographic Society, Society for Encouragement of Industry and Society of Marine to show respects to Academician A.E. Nordenskiöld and Wiggins]. *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The history of discovering sea route from Europe to Siberian rivers and to the Bering Strait]. F.D. Studitskiy. Saint-Petersburg, D.I. Shemetkin Publ., 1883. Vol. 2 (Appendix), pp. 160–164.
- Sidorov M.K. Po povodu otkrytiya morskogo puti iz Evropy v ustie Eniseya po Severnomy okeanu [On the discovery of the sea route from Europe to the Estuary of the Yenisei via the Northern Ocean]. *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The history of discovering sea route from Europe to Siberian rivers and to the Bering Strait]. F.D. Studitskiy. Saint-Petersburg, D.I. Shemetkin Publ., 1883. Vol. 2 (Appendix), pp. 164–166.
- Johnson H. *The life and voyages of Joseph Wiggins: modern discoverer of the Kara sea route to Siberia, based on his journals and letters*. London, John Murray, 1907. 396 p.
- Strentsel I.I. *Russkie ekspeditsii dlya opisaniya severnykh beregov Sibiri i prilozhashikh ostrovov 1734–1862* [Russian expeditions dispatched to chart the northern coast of Siberia and neighboring islands 1734–1862]. Kronshtadt, Kronshtadsky vestnik Publ., 1877. 117 p.
- Nordenskiöld A.E. *Ekspeditsia k ustyam Yeniseya v 1875 i 1876 gg. so statey adyunkt professora zoologii Upsalskogo universiteta G. Telya o ego plavanii po Yeniseyu v 1876 g.* [The 1875 and 1876 expeditions to the Estuary of the Yenisei with an article by associate professor H. Theel of the University of Upsala of his vo-

- yage down the Yenisei in 1876]. Saint-Petersburg, A. Transhel Publ., 1880. 198 p.
16. Kish G. Adolf Erik Nordenskiöld (1832–1901): Polar Explorer and Historian of Cartography. *The Geographical Journal*, 1968, vol. 134, no. 4, pp. 487–500.
 17. O pribytii v 1876 g. v r. Enisey sudna s tovarami professora Nordenshelda [The arrival in 1876 of Professor Nordenskiöld's vessel to the River Yenisei]. *State Archive of the Krasnoyarskiy Krai* [GAKK]. F. 595. Op. 19. D. 6144.
 18. Stuxberg A. *Minnen från Vegas färd och dess Svenska Föregångare jämte en kortfattad framställning af Nordostpassagens Historia och den Amerikanska Nordpolesexpeditionen under De Long* [Reminiscences from the Vega expedition and previous Swedish expeditions with a brief history of the Northeast Passage and the American North Pole expedition under the command of De Long]. Stockholm, Samson & Wallins Bokhandel, 1890. 358 s.
 19. Kjellman F.R. *The Algae of the Arctic Sea. A survey of the species, together with an exposition of the general characters and development of the flora*. Vol. 20. Stockholm, K.Sv. Vet.-Akad. Handl., 1883. 350 p.
 20. *Lettres de A.E. Nordenskiöld: racontant la découverte du Passage Nord-Est du Pole Nord, 1878–1879* [The letters of A.E. Nordenskiöld, a narrative of discovering the Northeast Passage from the North Pole]. Paris, Maurice Dreyfous, Editeur, 1880. 276 p.
 21. Vostrotnin S.V. Nepreodolimyie zagrazhdeniya Severnogo morskogo puti [Impenetrable barriers of the Northern Sea Route]. *Sibirskie voprosy*, 1911, no. 42–44, pp. 15–30.
 22. Severnaya ekspeditsiya [A northern expedition]. *Irkutskie gubernskie vedomosti*, 1875, no. 99, p. 3.
 23. Clarke F.W. *Weights, measures, and money of all nations*. New York, D. Applestone & Co., 1888. 117 p.
 24. Nilson J-E. *Units and measures in old Swedish documents*. Available at: <http://www.gotheborg.com/project/unitsandmeasurements.shtml> (accessed 28 January 2014).
 25. Shvanenberg D.I. O plavanii k Eniseyskomu zalivu v 1876 g. na klipere «Severnoe siyanie» [The voyage of the clipper Aurora Boreal]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Imperatorskogo obshestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu – The works of the Saint-Petersburg branch of the Imperial Society of Marine for 1876 (15 March 1876 – 8 april 1877)*. Saint-Petersburg, D.I. Shemitkin Publ., 1877. pp. 252–262.
 26. Seebohm H. *Siberia in Asia: A Visit to the Valley of the Yenesei in Eastern Siberia*. London, John Murray, 1882. 304 p.
 27. Izvlechenie is protokola zasedaniya pravleniya [The protocol of the Board's general meeting] 4 January 1877. *Trudy Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Imperatorskogo obshestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu – The works of the Saint-Petersburg branch of the Imperial Society of Marine for 1876 (15 March 1876 – 8 april 1877)*. Saint-Petersburg, D.I. Shemitkin Publ., 1877. pp. 232–237.
 28. Sidorov M.K. Po povodu otkrytiya Nordensheldom v ustyakh Eniseyskogo zaliva bolshogo ostrova [On the discovery of a large island in the Gulf of the Yenisei by Nordenskiöld]. *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [The history of discovering sea route from Europe to Siberian rivers and to the Bering Strait]. F.D. Studitskiy. Saint-Petersburg, D.I. Shemetkin Publ., 1883. Vol. 2 (Appendix), pp. 199–202.
 29. Mason K. Notes on the Northern Sea Route. *The Geographical Journal*, 1940, vol. 96, no. 1, pp. 27–41.
 30. Mickwitz A.-M. Adolf Erik Nordenskiöld and his library. *GeoJournal*, 1979, vol. 3, Iss. 4, pp. 395–398.
 31. Coxe W. *Account of the Russian Discoveries between Asia and America. To which are added the Conquest of Siberia and the History of the Transactions between Russia and China*. London, J. Nichols for T. Cadell, 1787. 454 p.
 32. Nordenskiöld A.E. *The Voyage of the Vega round Asia and Europe with a historical review of previous journeys along the north coast of the Old World*. New York, MacMillan, 1882. 756 p.
 33. Stuxberg A. Erinringar från svenska expeditionerna till Novaja Semlja och Jenissej 1875 och 1876 [Recollections from the Swedish expeditions to Novaya Zemlya and the Yenisei in 1875 and 1876]. Stockholm, A.L. Normans boktryckeri-aktiebolag, 1877. 112 s.
 34. Geographic Progress in 1875. *The South Australian Register*, 1876, 12 June, p. 7.
 35. General News. *Northern Argus*, 1877, 20 February, p. 4.
 36. New Route to China. *Camperdown Chronicle*, 1877, 27 January, p. 3.

УДК 130.2 130.3

ПРОЦЕСС ПРЕВРАЩЕНИЯ ОБРАЗА ПТИЦЫ (ГАГАРЫ) В СИМВОЛ В ИСКУССТВЕ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ

Лукина Ольга Германовна,

ассистент кафедры дизайна Тюменского государственного нефтегазового
университета, Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

E-mail: lukina_79@inbox.ru

Лазутина Татьяна Владимировна,

д-р филос. наук, профессор кафедры философии Тюменского
государственного нефтегазового университета, Россия, 625000, г. Тюмень,
ул. Володарского, д. 38. E-mail: LazutinaTV@yandex.ru

Рассматривается символотворчество (как процесс наделения символическим значением культурных феноменов, обусловленных культурно-историческим контекстом) народов Севера России. Исследование посвящено образной системе, лежащей в основе национального мышления народов Севера России (финоугорской, самодийской, тунгусо-маньчжурской, тюркской, чукотско-корякской, эскимосско-алеутской групп). Центральной проблемой работы является анализ механизмов процесса превращения образа птиц в символ на примере сакральной культуры народов Севера России.

В ходе исследования разнообразного эмпирического материала, раскрывающего особенности символотворчества народов Севера России, были применены: диалектический метод, способствующий рассмотрению вещи в единстве и разнообразии ее свойств; семиотический анализ и системный подход, позволяющие рассматривать язык искусства народов Севера России как открытую для изменений некоторую целостность.

В результате обобщения данных теоретических исследований археологического и этнографического материала и проведенного анализа системы образов декоративно-прикладного искусства были сделаны выводы о том, что коренные народы Севера сохранили национальные традиции, где жива память о мифологических и тотемических образах птиц-демиургов, которые в процессе эволюции приобрели значение символа. Практика свидетельствует, что символ, как универсальная категория художественного творчества, функционирует на всех уровнях организации языковой системы культуры народов Севера России.

Космогонические воззрения народов Севера России способствуют возникновению орнитоморфной символики, используемой в их художественной практике, где особо важное значение придавалось образу гагары, олицетворяющему женское начало, благополучие и счастье, воспринимаемому в качестве посредника между верхним и нижним миром.

Ключевые слова:

Символотворчество, язык, образная система, традиционное искусство, культура.

В контексте интеграционных процессов, наблюдающихся в современном научном мире, и происходящей глобализации в жизни общества обращение к национально-самобытному развитию культуры народов Севера России вызывает особый интерес. Актуальным является рассмотрение Севера и Дальнего Востока России как поликультурного региона, где сплетаются воедино уникальные представления о мире и человеке народностей ханты, манси, ненцы, саамы, селькупы, чукчи, якуты, эвенки, коряки, эскимосы, алеуты, энцы, долганы, нганасаны, кеты, юкагиры, эвены, ительмены, ульчи, нанайцы, нивхи, удэгейцы, ороки, негидальцы, орочи. Интерес современной науки к теме сакрального вызван потребностью понимания специфики архаического и традиционного компонентов культуры, функционирующих в обществе коренных народов Севера.

Национальная культура, выступающая как самосознание народов Севера России, имеет ряд особенностей, изучение которых не может быть ограничено одной лишь областью изучения, например, в рамках социологии или этносемиотики. В ходе развития знания о сакральной культуре северных народов в этнологии, культурологии, философии (в рамках онтологии и гносеологии), психологии и

эстетике была осознана особая роль знаков (символов) в жизни как конкретного человека, так и общества в целом, что привело к поиску специфики языка искусства народов Севера России и выявления функций, выполняемых им.

В наши дни искусство понимается как специфический способ фиксации ценностных отношений и рассматривается как система материальных и духовных ценностей, созданных человеком (обществом), направленных на формирование социального идеала. Эстетическая информация в искусстве коренных народов Севера передается развитым комплексом выразительных и изобразительных средств, создающих систему образов при помощи сложной системы знаков. Среди обширного перечня знакообразований (систем сигналов, знаков и символов), используемых в художественной практике народов Севера России, наиболее информативными являются символы. Практика свидетельствует, что символ, как универсальная категория художественного творчества, функционирует на всех уровнях организации языковой системы культуры народов Севера России.

В ходе исследования разнообразного эмпирического материала, раскрывающего особенности символотворчества народов Севера России, были

применены диалектический метод, способствующий рассмотрению вещи в единстве и разнообразии ее свойств; семиотический анализ и системный подход, позволяющие рассматривать язык искусства народов Севера России как открытую для изменений некоторую целостность.

В результате обобщения данных теоретических исследований археологического и этнографического материала и проведенного анализа системы образов декоративно-прикладного искусства, были сделаны выводы о том, что коренные народы Севера сохранили национальные традиции, где жива память о мифологических образах птиц-демиургов, которые в процесс эволюции приобрели значение символа. К знаковым системам языка культуры народов Севера применим диалектический подход, позволяющий сформировать о них развитое представление. Факты свидетельствуют, что язык искусства народов севера России совмещает в себе национальный и универсальный компоненты, в нем «уживается» индивидуальное и общечеловеческое, природное и культурное начала.

Язык искусства может не только изображать явления и предметы окружающей действительности, но и создает посредством специфических средств образы фантастичные, иррациональные предметы.

В результате проведенного исследования было обнаружено, что в художественном творчестве коренных народов Севера России мифологические образы получили широкое распространение. Факты свидетельствуют о том, что орнитоморфная символика играет важную роль в понимании и объяснении взаимоотношений между человеком и миром, в раскрытии вопросов о происхождении и развитии мира.

Современные исследователи (С.В. Березницкий, Г.М. Василевич, А.В. Головнев, А.И. Савинов и др.) указывают на общность представлений аборигенного населения о начале творения, которое отнесено к неопределённому времени и рисуется в сознании коренных северных народов как сочетание двух исходных субстанций, которые олицетворяют противоположности, например вода и горы у лесных ненцев, вода и небо у нанайцев, тунгусов, долган и северных якутов [1–5]. Существуют мифы, трактующие происхождение мира исходя из одной субстанции (к примеру, енисейские ненцы упоминают о воде как начале мироздания или нанайские представления об иле – источнике жизни).

В мифологии коренных народов Севера России распространен сюжет о том, как «верховный творец отправляет на поиски земли верхних птиц лебедя и гуся, которые не нашли суши нигде. Тогда создатель посылает гагару. Она ныряет вертикально вниз, пробыв под водой шесть дней и увидев землю, не может достать ее. После того творец посылает птицу лыжури, которая, нырнув, принесла землю на седьмой день. Из принесённого кусочка земли демиург сотворил сушу». По другой версии в роли творца и его помощника выступают горно-

стай, как воплощение светлого, верхнего духа, и гагара, которая, нырнув, «через семь недель вынесла во рту один камешек и одну крупицу земли, после чего уснула. Когда через какое-то время Гагара проснулась, она увидела, что возникли земля, горы и духи – хозяева неба и земли» [3. С. 395–397].

У эвенков в роли помощников творца также выступали птицы – гоголь и гагара, которая «нырнув, достала землю и выплюнула ее на воду», а у нанайцев – лебедь и гагара [2. С. 214]. В картине сотворения мира у тунгусов, долган и северных якутов, по наблюдениям многих исследователей (Г.В. Ксенофонтов, В.Н. Васильев, Г.И. Эргис, И.С. Гурвич), мифологический мотив, связанный с птицей-демиургом, имеет особое место. Известно, что в Северной Азии данный космогонический миф о «ныряющей птице» обладает довольно обширной культурной областью распространения. Этот образ присущ и креационным мифам долган, где гагара выступает создателем земли или медиатором в ее сотворении.

В образном пространстве фино-угров также фигурирует космогонический миф о возникновении мира из яйца, снесенного в море гигантской уткой (гусем). Данный текст не только выявляет субстанциально-генетическое начало сущего, но и выражает действие принципа «оборотничества», свойственного мифологическому пониманию угров и самодийцев, где одно превращается в другое (в свою противоположность) [6. С. 3–21]. В другом варианте мифа о «ныряющей птице, достающей со дна первичного океана крупицу земли» [7. С. 189], представляющем «прауральский» вариант объяснения происхождения земли, создается образ водоплавающей птицы как создателя или помощника творца вселенной. Тем самым, образ птицы у большинства народов Севера России наделяется символическим значением и входит в развитую мифологическую систему самодийских (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), фино-угорских (саамы, вепсы, ханты, манси, коми), тунгусо-манчжурских (эвенки, эвены, негидальцы, ороки, нанайцы, ульчи, удэгэйцы, орочи), а также юкагиров, нивхов, кетов, ительменов и др. народностей как символ Демиурга. Образ птицы нередко выступает в качестве символа Души у обско-угорских и самодийских народов Севера. Не случайно обряды захоронения были связаны с прилетом птиц. У ненцев считалось, что весной душа улетает вместе с птицами на Север. С прилетом и отлетом птиц связаны весенний и осенний ритуалы «окончательного» захоронения и поминовения усопших. Согласно традиции предков, если человек умер зимой, то временем его ухода в иной мир считается весенний прилет птиц и до этой поры он называется не *хальмер* (покойник), а *вадэда* (растущий) и лежит в нарте, оставленной посреди тундры. Весной его хоронят, а осенью, в период отлета птиц, совершают обряд поминовения [3. С. 315].

У среднеобских хантов по обычаю человека, умершего в зимний период, провожают «по ту сто-

рону Неба» только весной. Скульптуру-вместилище души усопшего сунг-коот сберегают до прилета уток. В обряде «расставания с умершим» (или его обитающей в сунг-коот душой) непременно участвует образ утки, уносящие душу на север. В это же время, с прилетом уток, вселяются в новорожденных являющиеся с юга имена-души [3. С. 354].

Образ птицы как помощника-проводника души встречается и у тунгусо-маньчжурских народов. Все ритуальные действия, связанные с похоронами были направлены на то, чтобы душа ребёнка была унесена птицей. Орочи верили, что душа младенца попадает в загробный мир не обычным путем (пешком с помощью шамана), а уносится уткой. Поэтому ребенка, умершего в возрасте до одного года, клали в деревянный гроб, выдолбленный в виде утки (реже другой птицы), а гроб крепили в развилке дерева или помещали на пне (так как хоронить младенца в земле было запрещено) [8. С. 60].

Таким образом, можно заключить, что образ птицы у народов Севера России понимается в качестве символического помощника-проводника, связывающего мир живых и мир умерших.

Образы птиц имеют важное значение в жизнедеятельности народов Севера России, фигурируя в многообразии тотемических мифов, где их образы рассматриваются в качестве духов-покровителей селения, которые считались предками людей, рожденных в данной местности. Птицей-тотемом у северных народов преимущественно выступали трясогузка, филин, ястреб, орел гусь, гагара и т. п. Такое разнообразие ипостасей, в которых воплощался дух-покровитель селения или фратриальный прародитель, связано с сосуществованием разнотадальных проявлений культа предка [9. С. 12–19].

В культах многих народов мира считалось, что тотем защищает своих приверженцев, поэтому части тела тотема служили амулетами-оберегами. С развитием культуры происходит трансформация обрядов почитания предков. Так, в годы плохого промысла изображение священной птицы «тиражировалось» в жилищах и жертвенных местах (повсюду, где обитали люди, устанавливали фигурки гагар) [10. С. 92], многократно проявлялось в одежде, предметах быта, орудиях труда и оружии. Наблюдающиеся пережитки тотемизма начинают бытовать в более опосредованной и видоизменённой форме, что внешне проявлялось в почитании не самого животного, а частей его тела (клювов, лапок, шкурок, перьев, пуха и т. п.) и его изображения.

Как верно указывает З.П. Соколова, декоративное значение образ птицы приобрёл позднее, первоначально её защитный смысл. Тем более что, исходя из представлений примитивного человека, изображение птицы равно самой птице, так как в него вселяется душа этой птицы. [11. С. 40]. Поэтому образ гагары в искусстве синкретичен, он является собой феномен, который обладает разными, а то и противоположными характеристиками и вместе

с тем его очень трудно разделить на части. И такое расчленение будет весьма условным – так как в этом искусстве единство охватывает все фрагменты, все факторы, все средства и все образы.

Изображённый образ для автохтонного человека не являлся произведением искусства – он был живым. Изначально это проявляется в особенностях техники выполнения того или иного изделия. Форма исходного материала (кость или камень) для создания того или иного произведения подбиралась такой, чтобы она как можно больше соответствовала конечному образу. Исходный материал по своей форме должен напоминать изображаемое существо, оно как будто «спит» внутри материала, а творец должен лишь немного помочь ему своей художественной обработкой, чтобы воссоздаваемый образ стал «острее». Если на стенах пещеры изображалась птица или животное, то рельеф поверхности повторял природные изгибы этого существа. Это позволяет заключить, что в сознании человека не возникало противоречия между настоящей и нарисованной птицей. С дальнейшим усовершенствованием орудий труда эти задачи еще более упростились, о чем свидетельствуют изображения птиц-тотемов, которые наносились в виде резьбы на домовые столбы, поддерживавшие балки, на специальные стоящие перед домом темные столбы, доспехи, оружие, орудия труда и утварь; в виде рисунков они встречаются на одежде, в татуировке. Приведем пример обычая использования птичьих шкурок в утилитарно-декоративных целях (или, напротив, в культовых и обрядных) просторанён у многих народов Сибири и Крайнего Севера: ненцев, эвенков, саамов, обских угров и др. У алеутов и эскимосов встречаются головные уборы, изготовленные из целой шкурки утки, с крыльями и хвостом, а также шапки из тюленьей шкуры и китового уса, формой повторяющей туловище птицы [12. С. 178–194]. До настоящего времени ханты и манси украшают свою традиционную одежду орнаментами, среди которых немало важное место занимает изображение птиц. Это канонизированные типы узоров, у каждого из них есть не только свое название: «гусиные крылья», «выводок утят» «глухарка» и т. д., но и символическое значение [13, 14].

Итак, можно заключить, что космогонические воззрения, а также тотемизм и анимизм, промысловая обрядность [15] народов Севера России способствуют возникновению орнитоморфной символики, используемой в их художественной практике, где особо важное значение придавалось образу гагары. Начиная с промысловых (охотничьих и рыболовческих) этапов развития обращают на себя внимание часто воспроизводимые изображения водоплавающих птиц. Стилизованные образы гуся, лебедя и особенно утки присутствуют в культовой скульптуре, мелкой пластике (в том числе и вотивных предметов) из кости, кремня, дерева, а позднее металла (например, в виде ковшей с утиной

головой), вплетаются в раппорты узоров, украшающих различные предметы (утварь, орудия и оружие, украшения, текстильные изделия и т. д.).

Следует отметить, что мифологический и тотемический образ гагары получил наиболее яркое воплощение в изобразительной практике якутов и долган, в частности в бытовой и культовой пластике, где он функционирует в форме металлической скобы-держателя вожжи на женской оленьей упряжи. Металлическая *гугаарка* – характерная деталь женской упряжи долган, несмотря на свое практическое назначение, была вещью сакральной, так как в ней воплощен популярный и таинственный образ священной птицы. Имея важное ритуальное значение в обрядах инициации, она обладала особой магической, заклинательной функцией. *Гугаарка* представляет образ, наделенный многими значениями: она считалась оберегом женщины; выступала ее защитой от всякого рода неприятностей: нечистой силы, болезни и т. д. Исходя из чего, можно заключить, что в культовой символике предмета запечатлена жизненно важная информация, хранящая родовую память, а вещь, где использовался знак гагары, играла особую роль в ритуально-обрядовой практике долган, выполняя информационно-коммуникативную функцию (например, выступая в качестве ритуального предмета – подарка жениха невесте).

Пристальный интерес отечественных исследователей (Е.А. Алексеенко, С.В. Березницкий, А.И. Савинов и др.) вызывает своеобразная «продолговатая, слегка вогнутая» форма *гугаарки*, ассоциирующаяся с орнитоморфным силуэтом. Так, в отдельных наиболее художественно оформленных образцах пластического искусства четко просматривается голова и очертания птицы. Любопытно расположение образа птицы, символизирующее ее полет: «вытянутая фигурка металлической птицы на оленьей упряжи расположена так, как будто она устремлена вверх». Такое расположение, по мнению специалистов в области прикладного искусства, следует считать характерным для подобных фигурок и на других предметах, так как данный прием имеет широкое распространение в художественной практике народов Севера России. Так, на шаманском нагруднике и бубне птицы также изображены головой вверх, что символизирует принадлежность к Верхнему миру.

Кроме символической функции *гугаарка* выполняла и апотропеическую функцию. Особую роль в жизни народов Севера играли звуковые символы. Так, звон металлических подвесок, изначально выполняющий свое функциональное назначение, обладал для посвященного особым сакральным свойством. Благодаря множеству колец-подвесок кованый железный предмет непременно гремел, что считалось характерной особенностью и обязательным атрибутом женских *гугаарок*. Из-за металлических подвесок езда на оленьей упряжке, особенно в зимнее время, сопровождалась красивым мелодичным звоном. Кроме того, шум метал-

лических подвесок и в самом деле мог отпугивать хищных обитателей тундры, которые составляли реальную угрозу одинокому путнику.

Итак, *гугаарка* представляет собой предмет, не только выполняющий прикладные функции, но и выступающий как важный атрибут в различных магических обрядах, связанных с призыванием дождя или ветра и т. д. Она также является шаманским символом, ассоциирующимся с Нижним миром. С этой позиции гагара считается нечистой, поскольку посещает мир мертвых и обладает некоторыми хтоническими чертами. В сознании автхтонного населения образ гагары, связанный настолько же с Верхним миром (как творец земли она – птица священная), насколько и с Нижним, так как Нижний дух (олицетворенный в ныряющей птице или незримо присутствующий рядом) оказывается участником Сотворения, имеет амбивалентный характер. Такая двойственность образа гагары соответствует дуалистическому характеру космогонических мифов, где борются тесно связанные между собой силы доброго и злого начал. Факты свидетельствуют, что в культурной среде народов Севера России бытовало немало примет и поверий, связанных с поведением данной птицы. Например, особое значение придавалось крику гагары, считалось, что ее крик вещей. Так, необычный по тембровому окрасу крик гагары воспринимался народами Севера России в качестве символа несчастья, предвестника беды, которую следует отвести от человека и его семьи. Поэтому в шаманской практике камланий использовалось звукоподражание голосу гагары [4. С. 236–241].

Ярким примером использования знаков (символов) в декоративно-прикладном искусстве коренных народов Севера России является история костюма сибирских шаманов, где изображение гагары на кафтане долганского шамана символизировало принадлежность к родовому тотему. У нганасан, энцев и эвенков на костюме шаманов, камлающих духам Верхнего мира, имелись фигурные подвески в виде железного гуся (гагары). Проведенные исследования показывают, что в среде народов Севера России считалось, что при помощи покровительства птицы-демиурга шаман беспрепятственно поднимался вверх, тогда как птица в этот момент отвлекала на себя действия злых духов (чтобы они не мешали, вредя, тем самым, шаману). Такие подвески у эвенков Енисея назывались *этанами* и символизировали души животных, рыб и птиц, своеобразных добровольных помощников шаманов, якобы постоянно вселяющиеся в тело шамана и питающих его своей кровью. Среди них: гагары, утки лебеди, чирки и соколы; некоторые птицы напоминают гуся, журавля, куропатку, глухаря, турпана, дрофу [10. С. 214–216]. Этаны оберегали шаманов от злых духов, предупреждая об их появлении, и «исполняли» обязанности посыльных, разведчиков, исполнителей различных поручений, некоторые являлись «транспортным» средством [10. С. 182]. На короне шамана нганасан помещалась железная фи-

гурка летящей двуглавой птицы-мышелова. Эта птица находила в небе отверстие, через которое шаман проникал в Верхний мир. Наличие двух голов объясняется тем, что птица двуполовая [10. С. 182].

Подвески на костюме, надевавшимся при камлании духам Нижнего мира, частично повторяли подвески костюма для камлания духам Верхнего мира. Два железных изображения плывущих гагар символизовало момент «ныряния» шамана головой вниз.

Исследования искусства народов Севера России содержат сведения о том, что на головном уборе шамана была помещена железная фигурка чернозобой гагары, назначение которой в том, что птица должна была клювом пробивать отверстие, ведущее в Нижний мир, помогая шаману выбраться из него на землю [10. С. 107–108]. У селькупов и кетов металлические изображения, в том числе и птиц (гагары, лебеди), крепились не только к костюму, но и к бубну и колотушке. Практика свидетельствует, что изображение двухголовой гагары наделялось особым символическим значением и изготавливалось шаманами из железа для излечения больного и подвешивалось к шесту вне жилища [10. С. 123].

В ходе проведенного анализа художественного творчества народов юга Дальнего Востока и Сибири было обнаружено, что образ гагары олицетворял благополучие, здоровье, счастье и процветание. Так, у ульчей и нанайцев бытовала ритуальная деревянная посуда в форме водоплавающих птиц; носовая часть амурских лодок имела своеобразную деталь в виде фигуры птицы, ульчи в ней видели реальную птицу *кангу* из семейства гагар. У негидальцев в качестве лодочной птицы также выступала гадара Коми. Известно, что гадарам народы севера России приписывали способность отгонять болезни. Чтобы последние отступили, достаточно даже шкурки гагары, поэтому ее прикладывали к больному месту не только людям, но и лошадям. В прошлом на Печоре и нижней Оби шкурку гагары укрепляли на стене дома. В некоторых местах этот обычай сохранился и в настоящее время. Так, изображение орнитоморфного мотива, представленного в виде плоской металлической подвески, детально передающей очертания птицы [4. С. 236–241], в процессе своего развития в архаическом искусстве долган, нганасан, энцев и эвенков обретает символическое прочтение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История и культура нанайцев: Ист.-этногр. очерки / С.В. Березницкий, Е.А. Гаер, С.Ф. Карабанова и др. – СПб.: Наука, 2003. – 194 с.
2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, Академия наук СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1969. – 305 с.
3. Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. – 606 с.
4. Саввинов А.И. Проблемы этнокультурной идентификации долган: на материалах традиц. искусства: монография / отв. ред. Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 309 с.

Итак, исследования в области традиционного искусства (Е.А. Алексеенко, А.В. Головнев, З.П. Соколова и др.) фиксируют наличие образа гагары в мифологии народов Севера России и обосновывают его появление из практики бытования архаических тотемистических представлений, в основе которых лежит почитание родовых культов. Образ птицы занимает важное положение в системе культовой символики народов Севера, где вещь, (например, у долган), использующая знак гагары, играла особую роль в ритуально-обрядовой практике и выступала в качестве шаманского символа, ассоциирующегося с Нижним миром. Так, *гугаарка*, символизируя образ священной птицы, выполняла магическую функцию в обрядах инициации долган. В процессе функционирования в художественном творчестве обско-угорских и самодийских народов Севера России образ гагары получил наиболее яркое воплощение в изобразительной практике якутов и долган (в бытовой и культовой пластике), где приобрел значение символа Души, благополучия, женственности и счастья.

Таким образом, можно утверждать, что на первых этапах развития культуры народов Севера России птицы представлялись в сознании людей в их естественном виде, хотя им и присваивались антропологические черты: склад характера, темперамент и мотивация поведения людей. В дальнейшем, с развитием анимистических представлений, образ птицы у большинства народов Севера России приобретает символическое значение и входит в развитую мифологическую систему самодийских (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), фино-угорских (саамы, вепсы, ханты, манси, коми), тунгусо-манчжурских (эвенки, эвены, негидальцы, ороки, нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи), а также юкагиров, нивхов, кетов, ительменов и др. народностей как символ Демиурга.

Целью искусства северных народов является не столько передача эстетического отношения человека к происходящему в действительности и показ его разнообразных переживаний, а формирование национального самосознания в виде символических образов художественного творчества. В так называемом «изофольклоре» отражаются особенности мифологических представлений коренных народов Севера России в виде развитой орнитоморфной символики.

5. Кухта М.С. Междисциплинарные исследования орнитоморфного мотива Древо жизни в бронзовой металлопластике кулайской культуры // Труды международного форума по проблемам науки, техники, образования. Т. 1. – М., 2002. – С. 56–58.
6. Окладников А.П. О палеолитической традиции в искусстве неолитических племен Сибири // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 3–21.
7. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции (приуральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5: Народы уральской языковой семьи. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991. – 189 с.

8. Березницкий С.В. Мифология и верования орочей // Фольклор народов Маньчжурии. Вып. 2. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 208 с.
9. Бауло А.В. Атрибут и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 160 с.
10. Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX вв. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
11. Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 215 с.
12. Ляпунова Р.Г. Алеуты: Очерки этн. истории. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. – 225 с.
13. Лукина Н.В. Орнамент народов Западной Сибири / под ред. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – 146 с.
14. Иванов С.В. Народы севера и Дальнего Востока. Орнамент народов Сибири как исторический источник (По материалам XIX – начала XX в.). – М.; Л.: Наука, 1963. – 501 с.
15. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние; Академия наук СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1967. – 264 с.

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 130.2 130.3

CONVERTING BIRD (LOON) IMAGE TO SYMBOL IN THE ART OF THE RUSSIAN NORTH PEOPLE

Olga G. Lukina,

Tyumen State Oil and Gas University, 38, Volodarskogo street,
Tyumen, 625000, Russia. E-mail: lukina_79@inbox.ru

Tatyana V. Lazutina,

Dr. Sc., Tyumen State Oil and Gas University, 38, Volodarskogo street,
Tyumen, 625000, Russia. E-mail: lazutinatv@yandex.ru

The paper describes the creation of symbols (as granting cultural phenomena, determined by cultural and historical context, with symbolic value) by the people of the Russia North. The research is devoted to the system of images underlying national thinking of people of the Russia North (Finno-Ugric, Samoyed, Tungus-Manchurian, Turkic, Chukchi-Koryak, Eskimo-Aleut groups). The key issue of the paper is to analyze the mechanisms of converting the bird image to a symbol by the example of sacral culture of the people of the Russian North.

Studying various empirical data revealing the features of creating symbols of the Russian North the authors have applied the dialectical method that promotes considering a thing in unity and diversity of its properties; the semiotic analysis and systematic approach that allows considering the art language of the people of the Russian North as certain integrity open to be changed.

Having summarized the data of theoretical studies of archaeological and ethnographic material and having analyzed the system of images in arts and crafts the authors made a conclusion that the indigenous people of the Russian North have preserved national traditions, where the memory of the mythological and totemic images of demiurge birds is alive. These images are acquired the value of a symbol in evolution. Practice indicates that the symbol as a universal category of artistic creation, is functioning on all levels of organizing language system in the culture of the people of the Russian North.

Cosmogonic and totemic views of the Russian North people contribute to occurrence of ornithomorphic symbols used in their artistic practice where the loon image was of great importance. The image impersonates the feminine, well-being and happiness; it was perceived as a mediator between the upper and the lower world.

Key words:

Creating symbols, language, imaging system, traditional art and culture.

REFERENCES

1. Bereznitsky S.V., Gaer E.A., Karabanova S.F. *Istoriya i kultura nanaytsev: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of Nanai: Historical and ethnographic essays]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 194 p.
2. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Historical and ethnographic essays (XVIII – beginning of XX century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 305 p.
3. Golovnev A.V. *Govoryashchie kultury: Traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking Cultures: Traditions of Samoyed and Ugric peoples]. Ekaterinburg, IIA UrO RAN, 1995. 606 p.
4. Savvinov A.I. *Problemy etnokulturnoy identifikatsii dolgan: na materialakh traditsionnogo iskusstva* [Problems of ethnocultural identification of Dolgan: on materials of traditional art]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005. 309 p.
5. Kukhta M.S. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya ornitomorfnoho motiva Drevo zhizni v bronzovoy metalloplastike kulayskoy kultury* [Interdisciplinary researches of ornithomorphic motive of the Tree of life in the bronze metal plastic of kulaysky culture]. *Trudy mezhdunarodnogo foruma po problemam nauki, tehniki, obrazovaniya* [Proc. International forum on the issues of science, technology and education]. Moscow, 2002. Vol. 1, pp. 56–58.
6. Okladnikov A.P. *O paleoliticheskoy traditsii v iskusstve neoliticheskikh plemen Sibiri* On Palaeolithic tradition in the art of the Neolithic tribes of Siberia]. *Pervobytnoe iskusstvo* [The primitive art]. Novosibirsk, nauka Publ., 1971. pp. 3–21.
7. Napolskikh V.V. *Drevneyshie etapy proiskhozhdeniya narodov uralskoy yazykovoy semyi: Dannye mifologicheskoy rekonstruktsii (priuralskiy kosmogonicheskiy mif)* [The earliest stages of the origin of the peoples of the Uralic language family: data of mythological reconstruction (Priuralsky cosmogonic myth)]. *Materialy k serii «Narody Sovetskogo Soyuza»* [Materials for the series «The peoples of the Soviet Union»]. Moscow, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology Press, 1991. 189 p.
8. Bereznitsky S.V. *Mifologiya i verovaniya orochey* [Mythology and beliefs of the Oroch. Folklor narodov Manchzhurii] [The folklore of the people of Manchuria]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1999. Iss. 2, 208 p.
9. Baulo A.V. *Atribut i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov* [Attribute and myth: metal in the rites of Ob Ugric peoples]. Novosibirsk, Publishing house of Institute of archaeology and Ethnography SB RAS, 2004. 160 p.
10. Ivanov S.V. *Skulptura narodov severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX vv.* [The sculpture of the peoples of the North Siberia XIX – first half of XX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 296 p.
11. Sokolova Z.P. *Kult zivotnykh v religiyakh* [The cult of animals in religions]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 215 p.
12. Lyapunova R.G. *Aleuty: Ocherki etnicheskoy istorii* [Aleuts: Essays in ethnic history]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 225 p.
13. Lukina N.V. *Ornament narodov Zapadnoy Sibiri* [The ornament of Western Siberia peoples]. Tomsk, Tomsk state University Publishing house, 1992. 146 p.
14. Ivanov S.V. *Narody severa i Dalnego Vostoka. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (Po materialam XIX – nachala XX v.)* [The peoples of the North and Far East. The ornament of the peoples in Siberia as a historical source (Materials of the XIX – beginning of XX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 501p.
15. Alekseenko E.A. *Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kety. The historical-ethnographic essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 264 p.

УДК 929.2.; 94.(47)

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА**Земцов Борис Николаевич,**

д-р ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Россия, 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1. E-mail: zemtsovbn@mail.ru

Дискуссия по поводу степени объективности и субъективности возникновения советской политической системы остается одной из ключевых проблем современной отечественной историографии советского периода. В статье раскрывается процесс формирования советского партийно-государственного механизма. Рассмотрены причины, по которым большевики-революционеры через несколько лет после прихода к власти создали недемократический политический режим. Показаны попытки большевиков изменить сложившуюся ситуацию.

Автор полагает, что доминирующие подходы современной историографии в оценке политических процессов начала XX в., большевистской политики периода гражданской войны и 20-х гг. во многом предопределяются знанием историками того, что произошло в последующие десятилетия. Большевистское партийно-государственное руководство не могло этого знать. Большевики пришли к власти ради решения социально-бытовых проблем обездоленных масс населения, существовавших в дореволюционной политической системе. И многое было сделано. Но для преобразования общества на основах социализма не было экономических условий, политических возможностей и ментальных традиций. На основе партийных источников 20–30-х гг. XX в. автор делает вывод, что сложившаяся политическая система, партийно-государственный механизм явились одновременно результатом отказа от создания правового государства и попытки воплотить в жизнь идею прямой демократии: создание безгосударственной системы рабоче-крестьянского самоуправления.

Ключевые слова:

Большевистское государство, государственный механизм, политический режим, авторитаризм, прямая демократия.

В 1917 г. в России произошла революция, предопределившая историческое развитие страны на многие десятилетия. Она была вызвана целым комплексом исторических обстоятельств и представляла собой отнюдь не только отречение Николая II, захват Зимнего дворца и мостов, вокзалов и телеграфа. Революция – это огромный пласт изменений, вызванных изменениями в мышлении народных масс. Она была направлена на радикальные преобразования самодержавной России на основе идеи справедливости.

Будущий всемирно известный социолог, в молодости революционер П.А. Сорокин, в своем дневнике писал: «Когда историки будут искать группу, которая начала Русскую Революцию, им не нужно будет особо теоретизировать по этому поводу. Русская Революция была начата голодными женщинами и детьми, требовавшими хлеба и селедки. Лишь позднее они вместе с рабочими и политиками постарались сломать это мощное здание Русского Самодержавия» [1. С. 57].

Страна встретила отречение Николая II ликованием. Уже 4 марта 1917 г. массовые манифестации состоялись в Петрограде, Москве, Минске и других городах. К концу марта они охватили всю страну: Тифлис, Екатеринодар, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Астрахань, Царицын, Саратов, Омск, Владикавказ, Красноярск, Пермь, Екатеринбург, Уральск, Хабаровск, Архангельск, Новгород, Вятка, Орел, Рязань, Тирасполь, Ялта, Батуми, Баку, Новая Бухара, Тюмень, Ташкент, Владивосток и многие другие города [2. С. 250].

23 марта в Петрограде состоялась грандиозная манифестация – похороны жертв революции. А.М. Коллонтай в тот день писала: «Сегодня –

день похорон геройских жертв русской революции, сегодня – день радостно-скорбного торжества. Сегодня взоры бесправных, обездоленных всего мира обращены на Россию, на тот город, где геройская решимость рабочих и бесправного русского крестьянства сбросила иго царского самодержавия. Сегодня, в день похорон геройских жертв революции, отдавших жизнь свою за величайшее право народа – за свободу, мы не только с песнями братской печали хороним этих героев, но и с гимном победы предаем земле и царское самодержавие со всем, что в нем было кроваво-преступного, темного, с его издевательством над рабочим людом, с его закрепощением крестьян, с солдатским бесправием, с продажностью слуг царских, с тюрьмами, Сибирью, нагайками, виселицами, с его произволом, гнетом, насилием» [3].

Численность большевистской партии в феврале 1917 г. по одним источникам составляла 10 тыс. человек, по другим – 24 тыс. К апрелю она выросла до 80 тыс. человек. На первом Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. большевики получили лишь 12 % делегатских мандатов. Однако осенью 1917 г. они захватили власть в обеих столицах.

В январе 1918 г. большевики вынесли на III Всероссийский съезд Советов «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Поскольку на съезде присутствовали делегаты от других социалистических партий, с разным отношением к понятиям «диктатура», «демократия», «власть», то началась жаркая полемика. Левые эсеры считали, что важны не только изложенные в Декларации политические принципы, а развернутая Конституция. И III съезд принял постановление о необходимости ее создания.

Есть разные объяснения того, почему в течение двух месяцев конституционная комиссия не была создана. Б.Е. Рощин полагает, что это произошло из-за того, что большевики еще не полностью контролировали власть, а у входивший в общий политический блок – меньшевиков, эсеров и большевиков – были разные взгляды на социалистическое государство [4. С. 161]. Большевики действительно не собирались создавать конституцию, поскольку, по их мнению, любые правовые рамки сковывали бы революционный потенциал масс. Но эсеры и меньшевики в январе–апреле официально считались политическими союзниками большевиков, поэтому открыто отвергнуть их идею тогда было невозможно. Между тем в марте 1918 г. начались конфликты между центральными органами власти (контролировавшиеся большевиками) и местными Советами (где доминировали другие социалистические партии). Законодательно прерогативы тех и других определены не были, что ставило большевиков в сложное положение. В этой ситуации 30 марта пленум ЦК создал комиссию при ВЦИКе для разработки конституции.

В ее состав вошли 16 человек, из которых 13 были большевиками или разделяли большевистские позиции, двое левых эсеров и один эсер-максималист. Председателем конституционной комиссии стал Я.М. Свердлов. Ни до назначения на этот пост, ни после никаких теоретических статей по конституционному праву Я.М. Свердлов не писал и о содержании конституций других стран вряд ли знал. Кроме того, он имел неполное среднее образование. Но в глазах большевиков все это не имело никакого значения. Как и все остальные большевистские вожди, Я.М. Свердлов одной из ключевых задач партии считал создание условий для максимально широкой инициативы масс, не нуждающихся ни в каких законах. И в этом плане как председатель конституционной комиссии он был на своем месте.

Участие в работе комиссии эсеров не могло повлиять на конечный результат. Материалы работы комиссии не публиковались, и о сути разногласий в ходе ее работы никто не знал. Проект конституции появился в «Известиях ВЦИК» лишь 3 июля, т. е. за день на открытия V съезда Советов. В программе работы съезда о конституции оказался на последнем месте.

10 июля на съезде от имени комиссии выступил Ю.М. Стеклов. Обсуждения как такового не было, выступить пожелал лишь один делегат от фракции максималистов. Ни тот, ни другой юристами или общественными деятелями не являлись и важности проблемы понять не могли. Менее чем через час конституция была принята.

Между тем с октября 1917 г. по лето 1918 г. численность большевистской партии сократилась с 350 до 150 тыс. человек. Популярность же левых эсеров росла. На III Всероссийском съезде Советов их было 16 %, на IV – 20 %, на V – свыше 30 %. Опасность утраты большевиками политической

власти исходила и со стороны меньшевиков, влияние которых среди рабочих существенно увеличилось.

За несколько месяцев революции рабочие привыкли к формам прямой демократии и были раздражены тем, что большевики, получив большинство в органах власти и профсоюзах, препятствовали перевыборам. В ответ рабочие в противовес большевистским профсоюзам начали создавать новые структуры – «уполномоченные» фабрик и заводов. В январе–феврале движение «уполномоченных» охватило 56 предприятий Петрограда. Их число продолжало быстро увеличиваться. 13 марта было создано «Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов» Петрограда. Движение быстро перекинулось на другие города.

В мае–июле «уполномоченные» организовали десятки многотысячных антибольшевистских стачек и демонстраций. Большевики ответили расстрелами рабочих демонстраций в Туле, Коврове, Березовском заводе (на Урале), в Колпино – (пригороде Петрограда).

Успех предпринятых меньшевиками шагов был настолько очевиден и приобрел настолько широкий размах, особенно в рабочей среде, что встал вопрос об организации Всероссийского съезда Собраний уполномоченных. Шансов победить на нем большевики не имели. Поэтому накануне открытия Первой Всероссийской конференции уполномоченных от заводов и фабрик, назначенной на 20 июля 1918 г., большевики провели повальные аресты, закрыли печатные органы меньшевиков, организовали суды против лидеров партии – Ю. Мартова, Ф. Дана, А. Мартынова, С. Шварца, Б. Николаевского, Е. Грюнвальда и др. В июне большевики исключили меньшевиков из ВЦИКа и местных Советов.

В том же месяце из ВЦИКа и местных Советов были исключены правые эсеры, в июле – левые эсеры.

В стране утвердилась однопартийная большевистская власть. Большевики не осознавали опасность отказа от демократических принципов в политике. Им казалось, что они смогут вывести страну из социально-экономического кризиса и исторического тупика. Важность таких целей в их глазах бесконечно превышала значение «буржуазной» демократии.

Маловероятно, что основной причиной ликвидации советской власти в ее трактовке 1917 г. как системы прямой демократии была тяга большевиков к власти. Исследования последних лет (В.С. Теслин [5], М.Р. Габитов [6], И.А. Крепкова и А.А. Тихонов [7], А.С. Кашликов, В.В. Лагутин [8]) дают основание утверждать, что этой причиной были центробежные силы, заложенные в саму идею прямой демократии в стране с такими разными регионами.

Кроме того, зафиксированная в конституции 1918 г. система высших органов власти оказалась неэффективной. Высший законодательный и ис-

полнительный орган – съезд Советов – должен был созываться на несколько дней не менее двух раз в год. Число делегатов было более тысячи. Работа съезда представляла собой митинг длиною в несколько дней. В этих условиях полноценно работать над текстами законов делегаты не могли. В лучшем случае они успевали лишь вникнуть в суть декретов, разработанных не ими. На период между съездами высшей властью в стране становился Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Его численность составляла около 200 человек. Но и он не был постоянно действующим, а собирался на короткие сессии (те же несколько дней).

Именно поэтому система Советов летом–осенью 1918 г. начала сворачиваться, хотя она уже была однопартийной. Функции съездов Советов и ВЦИК как законодательных органов перешли к СНК, хотя это был орган исполнительной власти: с 1917 по 1921 гг. съезды Советов приняли 34 постановления, ВЦИК – 299, Президиум ВЦИК – 46, а Совет народных комиссаров – 1364, другие ведомства – 771.

Для членов партии более важное значение имели не нормативно-правовые акты, а партийные решения, прежде всего, партийная программа.

На VIII съезде РКП (б) для выступления по вопросу программы записалось 47 делегатов. Из-за недостатка времени выступило 12. Но и их предложения в окончательный текст программы вошли лишь частично.

На том же съезде был принят Устав РКП (б). В соответствии с ним, внутрипартийные отношения должны были строиться на основе принципа «демократического централизма». Однако в 1918–1919 гг. демократические отношения стремительно сокращались и в партии. Для большевиков с дооктябрьским стажем, людей с революционными идеалами и ожиданиями, эта ситуация оказалась неожиданной. Уже в 1919 г. на VIII съезде РКП (б) на В.И. Ленина и партийно-государственное руководство обрушился шквал критики [9. С. 303–304]. Она продолжилась и на IX съезде: «...Тов. Ленин говорил в своем отчете о единоначалии, противопоставляя его коллегиальности... Тов. Ленин в последнее время вообще говорил об единоначалии, где только представляется возможным» [10. С. 46]; «...Вопрос не в том, правильно ли съезд или неправильно поступил, это уже воля съезда, но я сейчас поднимаю другой вопрос. Имел ли право ЦК в своей повседневной работе наметить линию совершенно противоположную, чем поставил съезд?» [10. С. 46].

Большинство членов партии с дооктябрьским партийным стажем, привыкшие к другим отношениям, в быстром сокращении внутрипартийной демократии большой опасности не видели. Так, А.М. Назаретян (член РКП (б) с 1905 г., член ЦК РКП (б), секретарь Закавказского крайкома РКП (б)) писал своему товарищу по партийной работе Г.К. Орджоникидзе в августе 1922 г.: «...Коба ме-

ня здорово дрессирует. Пока из меня вырабатывает совершеннейшего канцеляриста и контролера над исполнением решения Полит. Бюро, Орг. Бюро и Секретариата. Отношение как будто не дурные. Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь. Но у меня совершенно иной на него взгляд теперь, чем тот, который я имел в Тифлисе... Ильич имеет в нем безусловно надежнейшего чербера, неустрашимо стоящего на страже ворот Цема РК» [11. С. 262–263]. Многие большевики совершенно правильно уловили возникновение опасной для партии тенденции, но понимание ее причин пришло не сразу.

Сокращение демократии в партии вызывалось тем, что, став правящей, РКП (б) начала стремительно менять свои функции. До революции главными функциями партии были теоретическая и идеологическая. В нелегальных условиях демократия была естественным состоянием, так как в приказном порядке теоретические и идеологические вопросы не решаются. После революции все силы партии были брошены на организацию государства, функционирование же государственного механизма строится на основах централизма и исполнительной дисциплины [12. С. 69].

В таких условиях единственное, что могло спасти партию и страну от будущих трагедий, состояло в ее построении по аналогии с демократическими государствами. То есть вместо сессионного принципа работы ЦК РКП (б) (пленумы ЦК, как и Верховный Совет, собирались по нескольку раз в год), следовало превратить его в постоянно действующий орган. Но поскольку в основе марксистского понимания государства лежала идея прямой демократии, сделать это было невозможно. В результате место постоянно действующего, демократически сформированного высшего партийного органа занял партийный аппарат, к созданию которого ни партийные съезды, ни пленумы партии отношения не имели.

До революции партийного аппарата не существовало. Партия состояла из двух частей: одну часть представляли профессиональные революционеры (не имевшие зачастую ни дома, ни семьи), вторую – рядовые члены партии, занимавшиеся партийной деятельностью в свободное от основной работы время.

Уже в 1917 г. вторая, «непрофессиональная», часть партии очень выросла. Возникла необходимость в создании организационно-партийной структуры. После Октябрьской революции секретарскую работу в какой-то мере «по совместительству» выполнял Я.М. Свердлов. Тем не менее, летом 1918 г. ЦК РКП (б) констатировал: в партии упадок и разброд [13. С. 145].

Для обсуждения сложившегося положения на VIII съезде РКП (б) была создана специальная секция, в работе которой приняли участие более 100 делегатов из 403 присутствовавших на съезде. Съезд решил, что несколько членов ЦК должны заниматься только внутрипартийной работой (в от-

лично от тех, кого партия посылает на советскую или хозяйственную работу). Было также решено создать должности ответственного секретаря и пяти технических секретарей – его помощников. В функции секретаря и его аппарата входила канцелярская, учетно-распределительная деятельность.

С увеличением объема работы рос и технический аппарат. В 1918 г. Свердлову помогали от 15 до 30 человек [13. С. 806]. В 1920 г. в аппарате ЦК (по разным источникам) уже насчитывалось от 120 до 150 человек [10. С. 507], в 1923 г. – 705, к весне 1924 г. – 694 человека [14. С. 128]. С управленческой точки зрения, рост технического партийного аппарата был вполне логичным: из-за низкой технической оснащенности качество работы могло быть достигнуто лишь увеличением числа ее исполнителей. Но опасность состояла в том, что аппарат функционировал, все меньше и меньше советуясь с партийными организациями.

Понятие «партийные органы» стало расплываться. Раньше было ясно: члены партийных органов – это люди, выбранные на съездах и конференциях. Но численность сотрудников аппарата ЦК, например, в 1921 г. оказалась в 15 раз больше численности членов ЦК. Причем львиную долю работы выполняли именно эти сотрудники. Председатель ревизионной комиссии В.П. Ногин, проверявший работу ЦК в 1921–1922 гг., говорил: «...Отсюда естественно сделать вывод, что эта постоянная, важная, большая работа, которая иногда определяет судьбу той или другой организации или того или иного работника, прodelывается мало кому известными товарищами. Все это хорошие партийные товарищи, но это – партийная бюрократия, партийные чиновники» [15. С. 61].

Между тем превратить пленумы ЦК РКП (б) в постоянно действующие, демократически сформированные органы никто из критиков не предложил. Механизм, который мог бы заблокировать формирование авторитарного режима, не возник.

Отношение в высшем партийном руководстве стали складываться не просто на основе личных отношений, а на основе личной преданности.

Конституция 1924 г. в реальном государственном механизме ничего не изменила. На время ее создания приходится начало внутрипартийной борьбы. Но по сложившейся партийной этике разногласия на общество не выносились. Никто из критиков И.В. Сталина не ставил под сомнение правильность ключевого положения ВКП (б) в политической системе СССР. Н.И. Бухарин даже в 1933 г. писал: «Диктатура пролетариата вообще и диктатура пролетариата в частности, кроме единодержавия класса, включает особый момент, несвязанный даже своими собственными законами» [16. С. 224].

В силу сессионного характера работы Съездов они по-прежнему не могли заниматься реальным законотворческим процессом, поэтом круг вопросов, обсуждаемых на съездах, постоянно сужался.

Съезды Советов превратились в фикцию. Например, в период между V съездом Советов (май 1929 г.) и VI съездом Советов (март 1931 г.) были приняты сотни законов, но на съезде они даже не упоминались. VI съезд Советов СССР за 9 дней рассмотрел только четыре вопроса: отчет правительства Союза СССР, совхозное строительство, колхозное строительство, доклад о конституционных вопросах.

Доклады правительства на всесоюзных съездах носили информационный характер. По своей сути съезды представляли собой торжественные мероприятия – встречи партийно-государственного руководства с передовиками производства. Их целью стала легитимизация решений партийно-государственного руководства.

В соответствии с конституцией 1924 г., в период между съездами высшим органом власти в стране являлся ЦИК СССР. С начала 30-х гг. членом ЦИК СССР предлагалось утвердить «списком» постановления, принятые Президиумом ЦИК, между сессиями ЦИК СССР. Так, на январской сессии 1934 г. этот список состоял из 34 постановлений, в январе 1936 г. – из 66 постановлений. Это лишало членов ЦИК возможности эффективно работать над законопроектами.

В 90-е гг. XX в. в историографии чрезвычайно много уделялось внимания характеру И.В. Сталина. Фактически это было повторение ошибочного подхода к политической истории партийно-государственного руководства в 50-е гг. Тогда сложнейшие исторические процессы были сведены к ошибкам И.В. Сталина. Маловероятно, что И.В. Сталин и его окружение руководствовались какими-то мотивами. Скорее всего, великие цели, которые они ставили перед страной, делали малозначимыми методы и средства их достижения.

Реконструировать советские политические процессы сложно. В ноябре 1919 г. Политбюро ЦК РКП (б) постановило: «Решения по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол, а товарищу Крестинскому отмечать их себе для памяти и для личного исполнения» [17. С. 145]. В середине 20-х гг. в период внутрипартийной борьбы все члены Политбюро ЦК ВКП (б) редактировали свои реплики и выступления. В 1931 г. Политбюро ЦК ВКП (б) постановило: «...По секретным вопросам никакой переписки не вести» [18. С. 23–24]. Но исторические источники и в этой ситуации позволяют реконструировать отношения внутри советской политической элиты.

Судя по письмам, которые И.В. Сталин писал с юга, куда он уезжал на время летнего отпуска, во второй половине 20-х гг., в наибольшей степени он доверял В.М. Молотову. В первой половине 30-х гг. его место занял Л.М. Каганович. Он стал основным корреспондентом генерального секретаря. Помимо Л.М. Кагановича и В.М. Молотова, И.В. Сталин обменивался письмами с Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошиловым и другими членами высшего руководства страны.

В течение первой половины 30-х гг. тональность писем изменилась: письма И.В. Сталина становились все более сухими, а, например, ответы Л.М. Кагановича – менее самостоятельными и более льстивыми [19. С. 23].

По мере укрепления своих позиций, И.В. Сталин все реже советовался с членами Политбюро ЦК ВКП (б). Если в начале 30-х гг. Политбюро созывалось по 7–8 раз в месяц, то в 1935 г. приблизительно раз в месяц, в 1936 г. – 9 раз.

В 1937–1938 гг. И.В. Сталин перестал убеждать членов Политбюро в необходимости того или иного решения. Все, кто мог иметь собственное мнение, были уже устранены.

К 1939 г. И.В. Сталин перестал считаться с членами Политбюро. Многие решения стали приниматься не на пленарном заседании, а путем опроса, без общей встречи. Утвердился режим личной власти И.В. Сталина.

Судя по некоторым документам, были случаи, когда требовалось решение Политбюро. Заинтересованные лица предоставляли в аппарат А.Н. Поскребышева проект решения. А.Н. Поскребышев согласовывал его с И.В. Сталиным, а затем это решение оформлялось в виде постановления Политбюро [20. С. 112].

Возникший в 30-х гг. политический режим вошел в историю как «сталинизм». Связывать причины его возникновения с именем человека, который тогда возглавлял страну, конечно, большое упрощение. «Сталинизм» явился результатом сложнейших исторических процессов первой четверти XX в. В качестве предпосылок он имел следующие:

- отсутствие в дореволюционной, самодержавной России развитого гражданского общества и его влияния на власть;
- отречение Николая II от власти в обществе, не имеющем опыта жизни в условиях политических свобод;
- трагический разлад между социалистическими партиями в годы гражданской войны;
- разлад в партийно-государственном руководстве в середине 20-х гг.;
- в определенной степени «сталинизм» был результатом регенерации самодержавных национальных политических традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин П. А. Долгий путь. – Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. – 248 с.
2. Шаповалов С.Н. Российские государственные праздники в период между Февральской и Октябрьской революциями // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. URL: <http://teoria-practica.ru/-2-2011/istoriya/shapovalov.pdf> (дата обращения: 15.03.2014).
3. Правда. 1917 г., 6 (23) марта.
4. Рощин Б.Е. Основные конституционные принципы «советской демократии» в условиях «пролетарской диктатуры» (к 95-летию принятия первой российской конституции) // Вестник Ко-

Не меньшее значение имело и наличие большого числа социально-бытовых проблем в странах Запада в начале XX в. Не будь их, социалистические партии до революции 1917 г. и партийно-государственное руководство в 20-е гг. не пытались бы создать более совершенную социально-политическую систему. И.В. Сталин превратился в ключевую политическую фигуру лишь после того, как все эти исторические предпосылки, причины и факторы сработали.

Советское общество не было пассивным объектом для манипуляций режима. Даже после ликвидации в 20-е гг. политических свобод оно, в определенной степени, оставалось субъектом власти. Разумеется, возможность определять стратегию развития страны принадлежала исключительно партийно-государственному руководству, но возможности ее реализации зависели от общества.

В начале 30-х гг. политика И.В. Сталина не имела широкой поддержки. Этим и был вызван массовый террор начала 30-х гг. В середине 30-х гг. ситуация изменилась.

Позиция старших поколений в 30-е гг. была двойственной. С одной стороны, жизнь осязаемо менялась. С другой – многие были разочарованы, не увидев желаемых результатов построенного социализма. Для значительных групп населения были характерны скрытая враждебность и пассивное принятие силы государства.

Но были и слои, поддержавшие режим. Прежде всего, это была бюрократия, которая формировалась из беднейших слоев населения. Для этих слоев в 20-е гг. открылись возможности карьерного роста, в отличие недоступного в дореволюционное время. В своей основе сталинская бюрократия в первой половине 30-х гг. состояла из малообразованных слоев населения. Они не могли осознавать сложность процесса формирования новых общественных отношений и не были знакомы с опытом цивилизованного решения проблем в других странах. Сталинские же политические методы им были вполне понятны.

Этот режим поддерживала молодежь, сформировавшаяся на исторически привлекательной социалистической идеологии. Идеалы революции, общественного переустройства еще не померкли. Для молодого поколения не стоял вопрос – поддерживать ли власть. И.В. Сталин для него являлся харизматическим лидером.

стромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 4. – С. 161–165.

5. Теслин В.С. Местные органы власти в период февральской революции (февраль–октябрь 1917 г.) // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2007. – № 4. – С. 210–215.
6. Габитов М.Р. Представительная власть в России после отречения царя и до октябрьской революции 1917 г. // Право и государство: теория и практика. – 2009. – Т. 59. – № 11. – С. 118–123.
7. Крепкова И.А., Тихонов А.А. Формирование представительных органов власти в Астраханском крае после октябрьской революции 1917 г. // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 3. – С. 166–171.

8. Кашликов А.С., Лагутин В.В. К вопросу о конфликте представителей центральных органов и местных органов власти после февральской революции 1917 г. на территории Орловской губернии // История государства и права. – 2009. – № 14. – С. 34–36.
9. Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 г. Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1959. – XVIII + 602 с.
10. Девятый съезд РКП (б). Март–апрель 1920 г. Протоколы. – М., 1960. – 650 с.
11. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов. – М., 1996. – 423 с.
12. Земцов В.Н. Источниковедение истории России. Ч. III. Советский период. – М.: МЭСИ, 2004. – 369 с.
13. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 г. Стенографический отчет. – М., 1963. – 727 с.
14. Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924. Стенографический отчет. – М., 1963. – 883 с.
15. Одиннадцатый съезд РКП (б). Март–апрель 1922 г. Стенографический отчет. – М., 1961. – 873 с.
16. Бухарин Н.И. Избранные труды. – Л.: Наука, 1988. – 504 с.
17. Известия ЦК КПСС. 1989. № 4.
18. Кен О., Руласов А. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-е гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментирования. Ч. 1. Дек. 1928 – июль 1934. – СПб.: Европейский дом, 2000. – 701 с.
19. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 798 с.
20. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2002. – 656 с.

Поступила 21.03.2014 г.

UDC 929.2.; 94.(47)

FORMATION OF THE SOVIET STATE MECHANISM

Boris N. Zemtsov,

Dr. Sc., Bauman Moscow State Technical University, bld. 1, 5,
Baumanskaya 2-ya street, Moscow, 105005, Russia. E-mail: zemtsovbn@mail.ru

Discussion concerning degree of objectivity and subjectivity of the Soviet political system emergence remains one of the key problems of a modern domestic historiography of the Soviet period. The paper reveals the formation of the Soviet party state mechanism and considers the reasons for organizing undemocratic political regime by revolutionary Bolsheviks in some years after coming to power; shows the attempts of Bolsheviks to change current situation.

The author believes that dominating approaches of modern historiography in assessment of political processes of the beginning of the XX c., Bolshevik policy of the period of civil war and the 1920s are predetermined to a large extent by historians' knowing something that occurred in the next decades. The Bolshevik party and state management could not know it. Bolsheviks came to the power to solve social problems of unfortunate mass of the population existing in pre-revolutionary political system. And much was done. But there were no economic conditions, political opportunities and mental traditions to transform society on socialism fundamental principles.

Based on the party sources of the 20–30s of the XX c. the author draws a conclusion that the developed political system and the party state mechanism were at the same time the result of refusal of constitutional state formation and attempt to realize the idea of direct democracy: creation of stateless system of Workers' and Peasants' self-government.

Key words:

Bolshevik state, state mechanism, political regime, authoritarianism, direct democracy.

REFERENCES

1. Sorokin P.A. *Dolgy put* [Long way]. Syktyvkar, Union of Journalists of Komi of the Autonomous Soviet Socialist Republic: Shypas, 1991. 248 p.
2. Shapovalov S.N. Rossiyskie gosudarstvennye prazdniki v period mezhdru Fevral'skoy i Oktabrskoy revolyutsiyami [The Russian state holidays during the period between February and October revolutions]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2010, no. 2. Available at: <http://teoria-practica.ru/-2-2011/istoriya/shapovalov.pdf> (15 March 2014).
3. *Pravda* [Truth]. 1917, 6 March (23).
4. Roshchin B.E. Osnovnye konstitutsionnye printsipy «sovetskoy demokratiy» v usloviyakh «proletarskoy diktatury» (k 95-letiyu prinyatiya pervoy rossiyskoy konstitutsii) [The basic constitutional principles of «the Soviet democracy» under «the proletarian dictatorship» (to the 95 anniversary of adoption of the first Russian constitution)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*, 2013, vol. 19, no. 4, pp. 161–165.
5. Teslin V.S. Mestnye organy vlasti v period Fevral'skoy revolyutsii (fevral-oktyabr 1917) [Local authorities in February revolution (February–October, 1917)]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava – The Messenger of the Saratov state academy of the right*, 2007, no. 4, pp. 210–215.
6. Gabitov M.R. Predstavitel'naya vlast' v Rossii posle otrecheniya tsarya i do oktyabrskoy revolyutsii 1917 [The representative power in Russia after renunciation of the tsar and before October revolution of 1917]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – The Right and the state: theory and practice*, 2009, vol. 59, no. 11, pp. 118–123.
7. Krepkova I.A., Tikhonov A.A. Formirovaniye predstavitel'nykh organov vlasti v Astrakhanskom krae posle oktyabrskoy revolyutsii 1917 [Formation of representative bodies of the power in the Astrakhan region after October revolution of 1917]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – the Messenger of the Ministry of Internal Affairs Volgograd academy of Russia*, 2010, no. 3, pp. 166–171.
8. Kashnikov A.S., Lagutin V.V. K voprosu o konflikte predstaviteley tsentralnykh organov i mestnykh organov vlasti posle Fevral'skoy revolyutsii 1917 g. na territorii Orlovskoy gubernii [On the issue of the conflict between the central bodies and local authorities representatives after February revolution of 1917 in Orel province]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of state and law*, 2009, no. 14, pp. 34–36.

9. *Vosmoy sezd RKP (b). Mart 1919. Protokoly* [Eighth congress of RCP (b). March, 1919. Protocols]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. XVIII + 602 p.
10. *Devyatyy sezd RKP (b). Mart–aprel 1920. Protokoly* [Ninth congress of RCP (b). March–April, 1920. Protocols]. Moscow, 1960. 650 p.
11. *Bolshevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912–1927* [Bolshevist management. Correspondence. 1912–1927]. Moscow, 1996. 423 p.
12. *Zemtsov B. N. Istochnikovedeniye istorii Rossii. Ch. III. Sovetsky period* [Source studies of history of Russia. P. III. Soviet period]. Moscow, MESI Publ., 2004. 369 p.
13. *Desyatyy sezd RKP (b). Mart 1921. Stenografichesky otchet* [Tenth congress of RCP (b). March, 1921. Verbatim record]. Moscow, 1963. 727 p.
14. *Trinadtsatyy sezd RKP (b). May 1921. Stenografichesky otchet* [Thirteenth congress of RCP (b). May 1921. Verbatim record]. Moscow, 1963. 883 p.
15. *Odinnadtsatyy sezd RKP (b). Mart–aprel 1922. Stenografichesky otchet* [Eleventh congress of RCP (b). March–April, 1922. Verbatim record]. Moscow, 1961. 873 p.
16. Bukharin N.I. *Izbrannyye trudy* [Selectas]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 504 p.
17. *Izvestiya TsK KPSS* – News of the Central Committee of CPSU, 1989, no. 4.
18. Ken O., Rulasov A. *Politbyuro TsK VKP (b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentirovaniya. Ch. I. Dekabr 1928 – iyul 1934* [Politburo of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) and relation of the USSR with the western neighboring states (end of 1920–1930-s): Problems. Documents. Experience of commenting. P. 1. Dec. 1928 – July 1934]. Saint Petersburg, Evropeysky dom, 2000. 701 p.
19. Stalin i Koganovich. *Perepiska. 1931–1936* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 798 p.
20. *Politbyuro TsK VKP (b) i Sovet Ministrov SSSR. 1945–1953* [Politburo of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) and Council of ministers of the USSR. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 656 p.

УДК 316.776

КОНТУРЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Карпова Анна Юрьевна,

канд. социол. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: belts@tpu.ru

Актуальность исследования продиктована необходимостью и важностью изучения изменений в технологии политической риторики, используемой в качестве инструмента манипуляции общественным сознанием. Цель работы – очертить основные контуры современной политической риторики в России, описать то, какую реакцию вызывают риторические уловки в среде экспертов (социологов, политологов, журналистов), и какое отражение такая «языковая игра» находит в обществе.

Методы исследования: сравнительный анализ, вторичный анализ данных социологических исследований.

Результаты исследования: Перформативность (действенность) речей политических ораторов сегодня является существенным отличием политического дискурса современной России от постперестроечного периода. Контуров публичной политики в современной России проявляются через внутренние феномены – риторические уловки политических лидеров. Это – двоемыслие, рефрейминг, мифологизация. Политическая риторика сегодня выступает как формой выражения политики правящей группы, так и стимулом к конкретным политическим действиям.

Выводы: Двоемыслие власти маскирует различные цели, которые в конкретный момент времени выгодны политической элите, по сути, это основа идеологии правящей партии. Двоемыслие власти порождает двоемыслие в обществе. Рефрейминг, или смена фрейма, ведет к тому, что в сегодняшней политике выигрывает тот, у кого фрейм сконструирован наиболее искусно, он выступает носителем смыслового концепта, посредством которого аудитория интерпретирует окружающую политическую, экономическую, социальную действительность. Мифологизация становится одним из нерациональных средств управления обществом. В целом риторические уловки современных российских политиков подрывают доверие в обществе и становятся серьезным препятствием для ведения реального диалога между властью и обществом.

Ключевые слова:

Технология, политический дискурс, политическая риторика, аргументация, двоемыслие, фрейм, рефрейминг, метафора, миф, мифологизация.

Два последних десятилетия в истории России связаны с формированием нового политического дискурса, цель которого «состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического

дискурса не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [1. С. 156].

Эксплицитно в политическом дискурсе реализуется задача распространения той идеологии, которая соответствует интересам господствующего

класса. ИмPLICITно ее распространение должно происходить таким образом, чтобы в обществе воспринимали данную идеологию как соответствующую интересам народа.

С одной стороны, ничего нового в реализации данной задачи на первый взгляд не прослеживается. Еще сто лет назад итальянский философ и политик А. Грамши создал учение о гегемонии, центральный тезис которого: установление гегемонии происходит через сознательное манипулирование массами при помощи идеологии. Данный тезис подтвержден всем ходом развития человеческой истории. По мнению одного из исследователей современных политических коммуникаций С. Карамурзы, «идеология... средство господства в современном мире» [2. С. 418].

С другой стороны идеология, распространяясь по каналам СМК, обретает свои четкие контуры в политической риторике, через публичные высказывания политиков, и по выражению А. Хиршмана определяется «императивами аргументации» [3. С. 9].

В данной работе мы рассматриваем политический дискурс сегодняшней России как властный ресурс влияния. Контуры политической риторики в современной России проявляются через внутренние феномены – риторические уловки политических лидеров.

Целью работы мы видим необходимость очертить основные контуры современной политической риторики в России, описать то, какую реакцию вызывают риторические уловки в среде экспертов (социологов, политологов, журналистов) и какое отражение такая «языковая игра» находит в обществе.

Как указывает французский философ Поль Вирилио, исследующий стратегию информационных обманов в поле публичной политической коммуникации: «...главным искусством в политике демократий было красноречие, которое завоевывало голоса и одобрение» [4. С. 61–62]. Со времен античности существует априорный тезис: Слово – главное орудие политика. Умение ясно и четко сформулировать и донести до масс через стиль речи идеологию – это искусство и в то же время главная задача политического оратора.

Перформативность (действенность) речей политических ораторов сегодня является существенным отличием политического дискурса современной России от постперестроечного периода. Советское время можно кратко охарактеризовать как период декларативной риторики.

Сила политического оратора сегодня измеряется количеством (но не всегда качеством!) той аудитории, которую он собрал для своей поддержки. Убедительная речь позволяет политикам привлечь на свою сторону большинство, то есть обеспечить согласие с проведением реформ, которые на сегодняшний день являются значимыми для господствующей группы. Инструментом достижения данной цели является аргументация.

П. Вирилио предсказывал, что «в отличие от дискурса представителей традиционных партий, полных политических банкротов, дискурс новых политических топ-моделей будет hard и убедительным» [4. С. 63]. Именно здесь кроется новизна, на которую указывал еще в середине прошлого века бельгийский философ Х. Перельман. «Новая риторика», по мнению Перельмана, выстраивается по законам логики аргументации, в отличие от законов формальной логики Аристотеля (строгого доказательства). Он пишет: «...в то время как формальная логика есть логика доказательства, или демонстрации, неформальная логика есть логика аргументации. Если доказательство может быть правильным или неправильным, то аргументация может быть более или менее сильной, подходящей или убедительной» [5. С. 11].

Работы Х. Перельмана послужили основой нового направления в развитии теории аргументации. Суть нового понимания Аристотелевской риторики в исследовании Перельмана можно кратко свести к следующим тезисам:

- в диалектических (неформальных) рассуждениях представлены в качестве аргументов правдоподобные суждения, которые широко используют в своей практике современные политики, судьи, представители гуманитарных профессий;
- в отличие от логики аргументации, демонстративные (аналитические) рассуждения строятся на доказательствах формальной логики;
- логика аргументации (неформальных рассуждений) – это и есть «Новая риторика»;
- поскольку с помощью рационального (доказательного) убеждения не всегда можно прийти к необходимому результату (поддержке политика – Прим. автора), постольку необходимы иные стратегии речевого воздействия;
- «Новая риторика» ориентирована на те стратегии, в которых учитываются особенности аудитории, на которую направлено воздействие. Цель – получение согласия с проводимой политикой. Как указывает сам автор: «...новая риторика, подобно старой, стремится также склонить или убедить слушателей, чтобы получить их согласие. Оно может быть сначала теоретическим, хотя оно может выражаться в предрасположенности к действию, или же практическим, провоцирующим либо непосредственное действие, либо решение или обязательство действовать» [6. С. 10–11].
- ориентация на конкретную аудиторию подразумевает необходимость учитывать эмоциональную, психологическую сторону объекта воздействия, а также субъективные характеристики конкретной группы.

В практике публичной политики давно известен «эффект ожидания»: каждый человек ожидает услышать в речи оратора то убедительное, аргументированное доказательство, которое, накладываясь на его субъективные представления, скажет-

ся на приятии/неприятии внушаемой точки зрения. В том случае, если речевое поведение оратора нарушает «картину представлений» объекта в отрицательном смысле, соответственно уменьшается эффективность воздействия. Если оратор внезапно изменяет ожидания объекта в положительном смысле, то эффективность воздействия резко увеличивается. На это косвенно указывал в 60-е гг. прошлого века М. Фуко, формулируя основные аспекты изучения дискурса, в том смысле, что дискурс, как закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, имеет своим предназначением не только отражать, но и проектировать социальную реальность. Он отмечает, что «задача уже не в том, чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят» [7. С. 427–428].

В качестве основных тезисов мы предлагаем рассматривать следующие:

Во-первых, контуры политической риторики в современной России мы предлагаем рассмотреть через риторические уловки: двоемыслие, рефрейминг, мифологизацию.

Во-вторых, эффективность воздействия на аудиторию в результате применения риторических уловок, по-нашему мнению, снижается, поскольку «эффект ожидания» не подкрепляется аргументированными доказательствами со стороны политических ораторов, что, в свою очередь, приводит к неприятию внушаемой точки зрения. Подтверждением данного тезиса, на наш взгляд, могут послужить данные социологических исследований, которые приводятся в качестве примера по поводу каждого из феноменов риторических уловок.

В-третьих, необходимо различение функций современной политической риторики в России на уровне категории должного и сущего. В данном случае антитезой выступает противопоставление того, как эти функции реально осуществляются, с тем идеалом, в котором заложен источник духовного единства нации.

В категории долженствования функции политической риторики можно определить следующим образом:

1. Обеспечение культурного единства.
2. Нравственное укрепление общества.
3. Воспитательная и организующая.
4. Консолидирующая.
5. Арбитражная.
6. Объединяющая.
7. Оценивающая.

В категории сущего функции политической риторики следующие:

1. Идеологическая – вектор воздействия.
2. Интенциональная – целенаправленность воздействия.
3. Манипулятивная – скрытое воздействие.

Такое различие мы считаем обоснованным, поскольку манипуляции массовым сознанием осуществляются через функцию наличных (существующих) интересов властвующей элиты. Функциональная направленность риторики нынешних политических лидеров осуществляется на уровне тех идеологов, с помощью которых имплицитно выражается приверженность интересам конкретных политических групп. Существенную роль в выполнении интенциональной функции играют риторические манипуляции, способствующие борьбе за власть, при этом происходит элиминирование интересов аудитории как объекта идеологического воздействия.

Мы полагаем, что риторические уловки современных политических лидеров обладают устойчивыми типическими чертами, при помощи которых можно описать контуры современной политической риторики. Поэтому предлагаем в качестве примера рассмотреть доминирующие практики политической риторики, нацеленные на получение согласия со стороны аудитории с идеологией правящей элиты и удержание власти.

Двоемыслие

В 1949 г. выходит в свет роман «1984» английского публициста, писателя Джорджа Оруэлла. В романе-предупреждении об угрозе тоталитаризма он вводит термин «двоемыслие», обозначая речевой стереотип, который, по сути, является в описанном обществе искаженной нормой, и в рамках новой идеологии оказывает влияние на мысли людей.

Как писал сам автор: «Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознает, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна. Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины... Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, извлечь его из забвения, едва он опять понадобится, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, – все это необходимо» [8. С. 201].

Столь эффектный термин стал активно использоваться не только журналистами и писателями, но и прочно вошел в научный оборот и политический лексикон. Можно сказать, что он стал нормой нашей жизни, когда мы понимаем, что власть говорит одно, а подразумевает совсем другое. Когда одни и те же факты на уровне власти и общества влекут за собой прямо противоположные выводы. Когда действует система «двойных стандартов», или когда система оценок ценностей является полярной на уровне государственного управления и общества.

Если принять во внимание тот факт, что политически сильный лидер, как правило, является прекрасным оратором, то можно сказать, что он формирует «модный дискурс». Его логика аргументации отражается в сознании тех, кто его поддерживает.

К примеру, слово «модернизация» с того момента, как оно вошло в активный оборот политической риторики, в обществе воспринималось как «синоним оттепели, синоним интеллектуального и правового раскрепощения, но по мере нахождения автора этого лозунга у власти слово становилось своей противоположностью и фактически утратило свой исконный смысл» [9]. Поэтому сегодня слово «модернизация», звучащее с высоких трибун, в общественном сознании ассоциируется с разрушением, становится символом пародии на обновление. Как пишет С. Кара-Мурза: «...реформа 1990-х годов представлялась обществу как модернизация отечественной экономики – а теперь оказывается, что это был ее демонтаж, причем грубый, в виде разрушения «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия» [10. С. 148]. В данном случае логика аргументации строится на лжи, скрытой под маской обновления: «Ни в одном документе 1990-х годов не было сказано, что готовился демонтаж экономической системы России. Значит, власть следовала тайному плану. Она заведомо лгала обществу!» [10. С. 148].

Еще один пример двоемыслия в политической риторике власти – это употребление в речи политиков словосочетания «особый путь». Что оно означает четко обозначить и объяснить не удалось еще никому из политиков. За этим словосочетанием «маскируются» различные цели, которые в конкретный момент времени выгодны политической элите, по сути, это основа идеологии правящей партии. На такую маскировку указывал и Оруэлл, когда говорил, что политический язык должен состоять в большей мере из эвфемизмов, туманных фраз и неопределенности. В обществе словосочетание «особый путь» воспринимается как возврат к тоталитарному прошлому, но преподнесенный в красивой демократической упаковке.

Двоемыслие власти порождает двоемыслие в обществе. Термин для обозначения данного феномена был введен Юрием Левада, назвавшим его «лукавым двоемыслием». Он подчеркивал, что каждый человек «приспосабливается к социальной действительности, ища допуски и лазейки в ее нормативной системе, т. е. способы использовать в собственных интересах существующие в ней «правила игры», и в то же время – что не менее важно – постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила» [11].

Ю. Левада, опираясь на данные, полученные в ходе социологических исследований, обозначил и описал основные черты «лукавого двоемыслия»:

- исполнение нормативных императивов превращается в более или менее лукавую сделку (типа

«делаем вид, что работаем – делаем вид, что платим»);

- лукавое двоемыслие связано с особенностями функционирования собственно социальных норм (уклонение от гражданских обязанностей, от соблюдения правил уличного движения, от уплаты налогов);
- стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных);
- сосуществование и взаимодействие различных нормативных полей со своими критериями дозволенного–недозволенного, одобряемого–неодобряемого;
- отсутствие жестких разделительных линий, разграничивающих сферы одобряемого и неодобряемого поведения (уклонение от выполнения своих социальных обязанностей);
- такая форма лукавого поведения, как кривить душой «для пользы дела» [11].

Этот порочный круг двоемыслия, Ю. Левада считает «очерчен лукавым сознанием». Риторическая уловка сегодня выступает как формой выражения политики правящей группы, так и стимулом к конкретным/ответным действиям индивидуумов. Эксперты, исследователи политического дискурса России, уже подобрали эпитеты и определения, отражающие суть нового понимания двоемыслия сегодняшней политической риторики в России. К примеру, это такие, как: «языковой тоталитаризм», «фальшивый язык официоза», «истинная намеренная двусмысленность», «словесный разбой», «девальвация смысла».

Рефрейминг

Понятие рефрейминг прочно вошло в лексикон российских социологов, политологов, в связи с возросшим в последнее десятилетие в отечественной науке интересом к изучению теории фреймов. В отличие от теории рационального выбора, в теории фреймов предполагается, что люди делают свой выбор в зависимости от того, как преподнесено сообщение (фрейм).

В научный оборот термин «фрейм» был введен американским лингвистом Ч. Филлмором в 70-е гг. Термин фрейм (англ. frame – рамка) многозначен и имеет различные дефиниции в соответствии с областями научного знания. В социальных науках фрейм понимается как некая целостность, схема, сценарий, когнитивная модель [12]. Лингвист Дж. Лакофф и философ М. Джонсон указывают на то, что при помощи фреймов (ментальных рамок/гештальта) формируется наше мировоззрение (в русском переводе вместо фрейма используется термин гештальт) [13]. Дж. Лакофф указывает на то, что фреймы часто используют политики для влияния на электорат, в положительном значении для консолидации своего электората.

В наиболее общем значении рефрейминг определяется как процесс понимания, представления

действительности в сознании человека (создание рамки концепта) [13].

Исследовательница Гейл Ферхерст, преподаватель искусства коммуникации в университете Цинциннати (США), указывает, что фрейминг используется как процесс управления смыслом информации при помощи акцента на одних аспектах и исключения других (создание предпочтения через преувеличение/преуменьшение). Выбор фреймов осуществляется с целью влияния на восприятие смысла другими людьми, когда созданный фрейм должен восприниматься как истинный по сравнению с другими. Она описывает способы создания информационных фреймов:

- Метафора – придание нового смысла программе или идее путем сравнения ее с чем-то еще;
- Лозунги, мета-язык – популярные фразы, формулируемые в запоминающемся и знакомом формате;
- Традиции – регулярное подтверждение и воспроизведение организационных ценностей;
- Афоризм – формулировка (фрейминг) ярким, запоминающимся способом [14].

На основании изложенного, можно сделать следующий вывод: в политической риторике выигрывает тот политик, у которого фрейм сконструирован наиболее искусно, он выступает носителем смыслового концепта, посредством которого аудитория интерпретирует окружающую политическую, экономическую, социальную действительность.

Термин рефрейминг является производной термина фрейм. Рефрейминг, или смена фрейма, обозначает перемещение какого-либо образа или переживания в новый фрейм [15]. Одним из способов создания рефрейминга является метафора.

В политической риторике метафора становится неотъемлемой частью аргументации в речи политика. Огромное значение метафоры в политическом дискурсе подчеркивают филологи А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, отмечая, что «политическая метафора есть речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [16. С. 189]. Кроме того, политическая метафора «позволяет увидеть ярко, картинно представить себе определенное явление жизни, кидает свет на самую сущность данного явления, позволяет лучше понять, оценить, определить его» [17]. Исследование идеологической направленности метафор предпринято в работе Е.Г. Казакевич, А.Н. Баранова, которые выявляют и обосновывают функции метафор в перестроечном дискурсе. Авторы А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов составили словарь русской политической метафоры (в словаре «Мир политики в зеркале метафор» рассматривается реальная политическая действительность и ее метафорическое отражение) [18].

Необходимо отметить, что как отечественными, так и зарубежными лингвистами отмечается, что в

период кризисного мышления (смена власти, перестройка) метафоры чаще используются в политике. Например, лингвисты Амстердамского университета провели масштабное исследование (1998 г.) для определения силы метафоры в политическом дискурсе и вывели метафорический коэффициент. В качестве объекта анализа использовались выступления 700 членов Европарламента с 1981 по 1993 гг. Рассчитав метафорический коэффициент, они доказали прямую зависимость между социально-экономическим положением в стране и частотой употребления метафоры в выступлениях политика. Основным выводом сводится к следующему: возрастание количества метафор в политическом дискурсе – признак кризиса в политической и экономической области [19]. Отечественные исследователи отмечают практическую значимость данного исследования в области мониторинга политического дискурса, что позволит делать прогнозы кризисного состояния мышления в обществе.

В политическом дискурсе рефрейминг часто используется в идеологическом контексте для достижения политических целей. С помощью языковых средств политик преследует цель повлиять на сознание аудитории, чтобы убедить ее в своей правоте и не допустить иной интерпретации смысла или оценки действительности. Но реальность, описываемая политиками, и ее осознание в обществе не всегда совпадают. К примеру, в сегодняшней политической риторике применяется рефрейминг такого понятия как «национальная идея». Президент страны постоянно меняет смысл данного понятия. Поначалу «национальной идеей» провозглашалась конкурентоспособность во всем. На Валдайском форуме в сентябре 2013 г. Президент заявил, что «национальная идея» должна основываться на национальной идентичности, призывая к патриотизму. В качестве метафоры В. Путин использовал образ России «цветущей сложности» (слова философа Константина Леонтьева) как государство-цивилизация, в котором и заключаются особенности нашего государственного устройства. Цитируя А. Солженицына, он назвал главной целью – сбережение народа [20]. Такой рефрейминг содержит и форму, и стимул к конкретным действиям.

Если сравнить национальную идею с навигатором, при помощи которого прокладывается курс национальной государственной политики (внутренней и внешней), то карта памяти в таком приборе должна содержать весь предшествующий накопленный исторический опыт. Следовательно, прокладывая курс по такой карте, можно выбрать и маршрут построения «светлого будущего», прямо противоположный заявленной Президентом иллюзорной идее-мечте, по сути, далекой и недостижимой.

«Духовные скрепы», как окрестили проект «национальная идея Путина» журналисты, не удастся интерпретировать ни на уровне экспертного научного сообщества, ни в среде самой властвующей элиты.

В связи с этим рефрейминг «национальной идеи» вызывает множество реинтерпретаций (реинтерпретация – уточнение и изменение смысла и значения первоначально интерпретируемой информации) двух типов: положительной и отрицательной [21]. В том смысле, что уточняются изменения смысла «национальной идеи». В положительной реинтерпретации хвалебных эпитетов больше, чем аргументов. В качестве примера приведем некоторые высказывания:

«Со времен Горбачева никто из руководителей нашей страны подобного не произносил...Я рассматриваю выступление Путина как политическое и идеологическое обоснование крайне необходимого изменения нынешнего курса и отставки этого правительства» [22].

«Путин уловил очень важный тренд: в условиях, когда социальные гарантии под вопросом, есть проблемы в этно-национальных отношениях, растёт разрыв между богатыми и бедными, нужно более четко прописать образ страны, к которой мы движемся... Политический пафос здесь совершенно не причем, но президент во многом прав» [23].

Реакция экспертного сообщества на рефрейминг «национальной идеи» в большинстве высказываний носит отрицательный характер. Приведем примеры, некоторых высказываний:

- «эксцентрично пафосная» идеология национальной идеи;
- «директивный набор неработающих гипертрадиционалистских ценностей»;
- «сборная солянка несочетаемых ингредиентов»;
- новая идея восстановления «архаичного, воинственного самодержавия».

Наиболее точно, на наш взгляд, прокомментировал рефрейминг «национальной идеи» политолог Павел Салин: «...по большому счету Путин продемонстрировал, что...власть будет идти тем курсом, который считает нужным, а разъяснять его или не будет вообще, или будет, но по минимуму» [24].

В результате анализа практики использования в политической риторике рефрейминга мы пришли к следующим выводам:

- поиски национальной идеи, по сути, символизируют кризис идеологического мышления в верхнем эшелоне власти, которая испытывает насущную потребность в объяснении и легитимации новой политической реальности;
- власть пытается создать «полигон идей», чтобы сформулировать тот общественный идеал, который станет опорой нынешнего политического режима и основой общенациональной солидарности;
- рефрейминг национальной идеи – это «латание идеологических дыр», образовавшихся в результате реформ постсоветского периода, при этом одной из «заплат» является возврат к идее коллективистского советского прошлого, тогда как процесс индивидуализации во всех социальных слоях уже привел к атомизации и проявлениям аномии в обществе.

Мифологизация

Понятие миф (греч. *mythos* – вымысел) понимается в науке как одна из форм построения реальности, «вымысел, служащий для олицетворения какой-нибудь идеи» [25]. В переносном значении миф – это недостоверный рассказ, выдумка [26]. Основные характеристики мифа: простота и очевидность. Как утверждает один из исследователей механизмов формирования социальной реальности В. Барлачук, в периоды социального кризиса в обществе востребованы нерациональные формы действительности, одной из которых является миф. По ее мнению: «...главная функция мифа – герменевтическая, функция истолкователя и интерпретатора действительности» [27. С. 34].

В политической риторике современной России миф становится нормой, поскольку «создана благоприятная почва для свободного передвижения мифологических концептов, не подвергаемых запрету со стороны официальной идеологии» [27. С. 40]. Кроме того, общество «ушибленное реформами», разочарованное идеалом «суверенной демократии» представляет собой привлекательный объект для внушения различных мифов. Политика переплетается с мифотворчеством и трансформируется в средство управления обществом, через «внушение устойчивых смыслов... сознательное использование эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрощения посредством создания символических «эрсцев» (суррогатов) политических действий и решений» [28. С. 62].

В современной политической риторике России миф, как некая абстрактная идея, объединяет людей, но по своему содержанию она далека от реальности. Мы предлагаем краткую формулировку некоторых мифов, созданных в последнее десятилетие, опираясь на исследования отечественных авторов, таких как Н.Г. Щербинина, М.А. Чикурова, Н.И. Березина и др. [29–31]:

- Миф о демократии. Данный миф направлен на то, чтобы в обществе сложилась оценка демократии как единственно правильной формы политического порядка.
- Миф о «суверенной демократии». Создан, чтобы обосновать «особый» российский путь демократических преобразований.
- Миф о свободе слова. Преобразуется постоянно с целью поддержания иллюзии о свободном доступе к достоверной информации и возможности публичной критики власти. С помощью данного мифа власть пытается скрыть существующий захват информационных ресурсов.
- Миф о свободных выборах. Ориентирован на то, чтобы доказать легитимность выборов и иллюзию участия населения в этом процессе.
- Миф о том, что Россия «поднялась с колен» и возродилась благодаря В.В. Путину. Формируется, чтобы доказать правильность проводимых реформ и оправдать захват сферы политического влияния.

Для более наглядного подтверждения процесса мифотворчества мы хотим сравнить миф о достижениях «путинского десятилетия» с его реальным отражением. Мы считаем, что мифы последнего десятилетия берут свое начало в создании мифологемы начала XXI столетия: героический образ «национального лидера» нового президента В.В. Путина, который обеспечит выход России из создавшегося кризиса и переход к новому политическому курсу. Следует отметить, что мифы самого Путина строятся на статистических данных.

В ежегодной «прямой линии с президентом» (15.12.2011) В. Путин рассуждал о достижениях, которые имели место в стране с 2000 г. По его словам, успехи есть во всех сферах общественной жизни. «В социальной сфере: в 2000 г. за чертой бедности было 29 % населения – «почти треть страны влачила нищенское существование», теперь же этот показатель сократился вдвое – 12 %. Растут реальные доходы населения, укреплены основы государственности, позиции России на международной арене» [32].

По словам Президента, кризис преодолен, отмечается рост «здоровой экономики, который составляет 4,2 %, тогда как в Европе – один с небольшим, в США «по нулям», а в некоторых странах и «в минусе». Инфляция была в 2000 г. 30 %, а сейчас рекордно низкая – шесть с небольшим процентов, что для России очень хороший показатель... Важнейший показатель здоровья экономики – уровень безработицы, который опустился ниже докризисного уровня. То же по долгам: внешний долг России сейчас 2,5 % – «почти ничего» [32].

Определяя задачи на перспективу, Путин говорил о том, что «необходимо укрепить политическую систему – она должна быть самодостаточной и «устойчивой от всяких проходимцев с внешней стороны». Нужно также расширить доверие к власти, развивать экономику, продвигать инновации...» [32].

Для сравнения приведем данные информационно-аналитического бюллетеня Института социологии РАН за 2013 г. Социологи отмечают что «в результате ошибок и неверно выбранной модели экономического и социального реформирования в 1990-е гг., по мнению россиян, произошло ухудшение практически во всех основных сферах жизни общества и государства. Причем ухудшение это коснулось в наибольшей степени именно тех сфер, которые прямо влияют на степень консолидированности российского общества» [33. С. 5].

Измеряя социально-психологическое самочувствие россиян, социологи акцентируют внимание на наиболее значимых проблемах современного российского общества:

- Деконсолидация.
- Распад интеграторов идентичности.
- Атомизация.
- Нарастание отчуждения.
- Разрушение социальных связей в обществе.

- Недоверие ко всем институтам власти и т. д. [33. С. 50–52].

Самочувствие россиян по мнению исследователей выражается в проявлении таких чувств как:

- «чувство несправедливости всего происходящего вокруг, которое свидетельствует о нелегитимности в глазах россиян сложившегося в России миропорядка, испытывает хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90 %), причем 46 % испытывают его часто» [33. С. 18].
 - «чувство стыда за нынешнее состояние своей страны устойчиво ощущает каждый четвертый россиянин до 25 лет и лишь 3 % (от общего числа респондентов в разных возрастных группах) не испытывают практически никогда... отрицание сложившегося в России «порядка вещей», «правил игры» и т. п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но зачастую и позорными» [33. С. 19].
 - «чувство того, что дальше так жить нельзя... в группе респондентов до 30 лет каждый пятый это устойчиво ощущает. Аналогичные показатели характеризуют и вполне благополучные с точки зрения душевых доходов группы. Более того в плане пространственной локализации носители этого чувства сосредоточены отнюдь не в глубинке, они достаточно равномерно распределены по всем типам поселений и даже в мегаполисах их доля составляет четверть населения» [33. С. 20].
 - «не очень верят в то, что остается потерпеть еще немного, и жизнь наладится. В российском обществе в последние годы нарастает распространенность негативно окрашенных социальных чувств, меняется локализация этих чувств, которые начинают все более равномерно распределяться по всем группам и слоям общества, и они оказываются все теснее связаны друг с другом. Это свидетельствует о том, что все большую роль в их распространенности начинают играть факторы макроуровня (неприемлемость сложившихся «правил игры», институциональные ограничения и т. п.)» [33. С. 22].
- Главный вывод социологов сводится к тому, что такое самочувствие в обществе «не может не образовывать поистине «гремучую смесь», чреватую серьезными рисками для консолидации российского общества» [33. С. 22]. По нашему мнению, мифологемы «путинского десятилетия» используются для создания стереотипов восприятия окружающей действительности, соответствующей интересам и легитимации конкретного политического лидера, но не в интересах общества в целом.
- Подводя итог, следует подчеркнуть, что риторические уловки современных российских политиков подрывают доверие общества и становятся серьезным препятствием для ведения реального диалога между властью и обществом. Основной вывод исследования можно сформулировать в следующих тезисах:
- применение риторических уловок символизирует кризис идеологии властвующей элиты;

- стремление власти оградить себя от нарастающей возможности социального взрыва приводит политиков к необходимости обеспечить легитимность политического режима, через создание псевдореальности (миф);
- императивы аргументации формируются в тех конструктах, которые власть создает при помощи риторических уловок, скрывая истинные намерения и навязывая обществу единственно правильное понимание (то есть то, которое выгодно правящей элите);
- достижение согласия, захват внимания потенциального электората сегодняшним политическим лидерам намного важнее, чем поиск идей для реального преодоления существующих проблем;
- в войне «идейных конструктов» между политическими группировками главным оружием становятся риторические уловки;
- применение риторических уловок порождает противостояние между теми, кто создает конструкты (мифы, фреймы, двусмысленные установки), и теми, кто их пытается разоблачать (экспертное сообщество);
- в «расколоте» российском обществе усиливаются проявления аномии;
- индикатором кризисного состояния мышления в обществе является лишенная аргументации риторика российских политиков, которые вынуждены прибегать для достижения своих целей к риторическим уловкам.

Почти двести лет назад русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин сказал: «Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления» [34]. Возможно, политики взяли на вооружение этот принцип, но общество испытывает все меньше иллюзий по поводу будущего такой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Johnston D.P. The Art and Science of Persuasion. – Dubuque, Iowa: W.C. Brown, 1994. – 404 p.
2. Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
3. Хиршман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / пер. с англ. Д.А. Узланера. – М.: Изд. Дом Гос. ун.-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
4. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуновой. – М.: Гнозис, 2002. 192 с.
5. Perelman Ch. Formal logic and Informal Logic. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. – 312 p.
6. Perelman Ch. The New Rhetoric and the Humanities. Dordrecht, Holland: D. Reided Publishing Company, 1979. – 197 p.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
8. Оруэлл Дж., Далос Д. Романы / пер. с англ. – М.: Текст, РИК «Культура», 1992. – 432 с.
9. Ланин Б. Семинар. Язык власти и власть языка: возвращение двоемыслия. РОО KENNAN. Институт Кеннана в России. 2007–2011. URL: <http://www.kennan.ru/index.php/Novosti/Yazyk-vlasti-i-vlast-yazyka-vozhraschenie-dvoemysliya/Seminar-Yazyk-vlasti-i-vlast-yazyka-vozhraschenie-dvoemysliya> (дата обращения: 11.03.2014).
10. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013. – 264 с.
11. Левада Ю.А. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. Ю. Левада. – М.: ВЦИОМ, 2000. – № 1. – С. 19–27.
12. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 187–189.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
14. Gail T. Fairhurst. The Art of Framing. – San Francisco: Jossey-Bass, 1996. – 213 p.
15. Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda-setting, and priming: the evolution of three media effects models // Journal of communication. – 2007. – V. 57. – P. 9–20.
16. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: ИНИОН, 1991. – 249 с.
17. Эльсберг Я. Образ в публицистике // Вопросы литературы. – 1960. – № 10. – С. 18–27.
18. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
19. Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 3. По материалам проблемного семинара «Гражданская культура и формирование демократических институтов» в рамках II Российского общественно-научного Форума «Формирование гражданского общества в России» / под ред. Г.П. Артёмова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2002. – 79 с.
20. Стенограмма: Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 1998–2014. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 16.12.2013).
21. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. 1999. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/r/reinterpretaci8.html (дата обращения: 15.03.2014).
22. Зюганов поддержал заявление Путина о национальной идее: Но необходимы новый курс и отставка правительства // Институт Информационных Технологий. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2013/9/20/22324674> (дата обращения: 15.10.2013).
23. Путин ищет национальную идею // Свободная Пресса. 2009. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/74555/> (дата обращения 15.10.2013).
24. Петров В.К. Экспертные оценки выступления Владимира Путина на Валдайском форуме // Сайт консалтинговой группы юридических компаний «Финансы. Право. Менеджмент». 1994–2010. URL: <http://lawinrussia.ru/node/285611> (дата обращения: 16.12.2013).
25. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А.Н. Чудинова. Изд. 3-е, исправ. и доп. – СПб.: Издание В.И. Губинского, 1910.
26. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 763 с.
27. Барлачук В. Символ и власть: Роль символических структур в построении картины социального мира. – К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. – 266 с.
28. Поцелуев С.П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
29. Щербинина Н.Г. Героический миф в конструировании политической реальности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2008. – 39 с.

30. Березина Н.И. Миф как политический институт: Проблемы определения // *Философия права*. – 2007. – № 1. – С. 57–59.
31. Чикурова М.А. Политическая жизнь мифа // *Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС*. – 2007. – № 1. – С. 149–156.
32. Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным» // *Российская газета*. 1998–2014. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/15/stenogramma.html> (дата обращения: 18.12.2011).
33. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – 54 с.
34. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. – М.: Изд-во «Правда», 1988. – 574 с.

Поступила 31.03.2014 г.

UDC 316.776

CONTOURS OF PUBLIC POLICY AND TECHNOLOGIES OF POLITICAL RHETORIC IN MODERN RUSSIA

Anna Yu. Karpova,

Cand. Sc., Tomsk polytechnic university, 30, Lenin Avenue,
Tomsk, 634050, Russia. E-mail: belts@tpu.ru

The study is relevant due to necessity and importance of researching the changes in the technology of political rhetoric used as a tool to manipulate public consciousness. The work aim is to outline the basic contours of contemporary political rhetoric in Russia, to describe what kind of reaction is caused by rhetorical tricks among the experts (sociologists, political scientists, journalists etc.) and to explore the reflection of such a «language game» in society.

Methods: comparative analysis, secondary data analysis of sociological research.

Results: Performativity (as action) of modern political speeches is a significant difference from the political discourse of Russia of a previous period. Contours of public policy in modern Russia are manifested through internal phenomena, rhetorical tricks of political leaders. Political rhetoric today acts both as a form for expressing the course of the ruling group and as stimulation to specific political actions.

Conclusions: The doublethink of the authorities masks different purposes that are beneficial to the political elite at given time, in fact it is the basis of the ruling party ideology. The doublethink of the authorities generates doublethink in the society. Reframing leads to the case that in today's politics wins the one who has the most artfully designed frame, the one acts as the carrier of concept by which the audience interprets the surrounding political, economic and social reality. The mythologizing becomes one of non-rational means of social control. In general, the rhetorical tricks of modern Russian politicians undermine the trust of the society and become a serious obstacle for real dialogue between the authorities and the society.

Key words:

Technology, political discourse, political rhetoric, argumentation, doublethink, frame, reframing, metaphor, myth, mythologizing

REFERENCES

- Johnston D.P. *The Art and Science of Persuasion*. Dubuque, Iowa, W.C. Brown, 1994. 404 p.
- Kara-Murza S.G. *Kratky kurs manipulyatsii soznaniem* [Brief course of consciousness manipulation]. Moscow, Eksmo, 2003. 448 p.
- Hirshman A. *Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost, opasnost* [Rhetoric of reaction: inversion, frustration, danger]. Transl. from English D.A. Uzmanera. Moscow, Gos. Universitet Press, 2010. 208 p.
- Virilio P. *Informacionnaya bomba. Strategiya obmana* [Information bomb. Fraud strategy]. Ed. I. Okuneva. Moscow, Gnozis, 2002. 192 p.
- Perelman Ch. *Formal logic and Informal Logic*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1989. p. 11. 312 p.
- Perelman Ch. *The New Rhetoric and the Humanities*. Dordrecht, Holland, D. Reided Publishing Company, 1979. 197 p.
- Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti*. Translated from French. Moscow, Kastal, 1996. 448 p.
- Oruell Dzh., Dalosh D. *Romany* [Novels]. Moscow, Tekst, RIK Kultura, 1992. 432 p.
- Lanin B. *Zazyk vlasti i vlast zazyka: vozvrashchenie dvoemysliya*. Seminar [Power language and language power: double think return]. *KENNAN. Institut Kennana v Rossii*. 2007–2011. Available at: <http://www.kennan.ru/index.php/Novosti/YAzyk-vlasti-i-vlast-zazyka-vozvrashchenie-dvoemysliya/Seminar-YAzyk-vlasti-i-vlast-zazyka-vozvrashchenie-dvoemysliya> (accessed 11 March 2014).
- Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomia in Russia: reasons and aspects]. Moscow, Nauchny ekspert, 2013. 264 p.
- Levada Yu. *Chelovek lukavy: dvoemyslie po-rossiyski* [Ungodly man: double think in Russian]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of public opinion: economical and social changes]. Ed. Yu. Levada. 2000, no. 1, pp. 19–27.
- Kratky slovar kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. Moscow, Filologichesky fakultet MGU im. M.V. Lomonosova, 1996. pp.187–189.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors which we live with]. Translated from English, Ed. A.N. Baranova. Moscow, Editorial URSS, 2004. 256 p.
- Gail T. Fairhurst. *The Art of Framing*. San Francisco, Jossey-Bass, 1996. 213 p.
- Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda-setting, and priming: the evolution of three media effects models. *Journal of communication*, 2007, vol. 57, pp. 9–20.
- Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian political metaphor (materials to the dictionary)]. Moscow, INION, 1991. 249 p.

17. Elsberg Ya. *Obraz v publitsistike* [Image in political journalism]. *Voprosy literatury*, 1960, no. 10, pp. 18–27.
18. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Slovar russkikh politicheskikh metaphor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow, Pomovsky i partnery, 1994. 330 p.
19. *Politicheskyy analiz: Doklady Tsentra empiricheskikh politicheskikh issledovaniy SPbGU. Po materialam problemnogo seminara «Grazhdanskaya kultura i formirovaniye demokraticeskikh institutov» v ramkakh II Rossiyskogo obshchestvenno-nauchnogo Forumy «Formirovaniye grazhdanskogo obshchestva v Rossii»* [Political analysis: Reports of the center of empirical political researches of SPbGU. On the materials of problematic seminar «Civil culture and formation of democratic institutes» within the frames of II of Russian social and scientific forum «Formation of civil society in Russia»]. Ed. G.P. Artyomova. Saint Petersburg, S.-Petersburg university Press, 2002. Iss. 3, 79 p.
20. Stenogramma: Vystupleniye Vladimira Putina na zasedanii kluba «Valday» [Speech of V. Putin at the «Valday» meeting]. *Rossiyskaya gazeta*. 1998–2014. Available at: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (accessed 16 December 2013).
21. Yatsenko N.E. *Tolkovyy slovar obshchestvovedcheskikh terminov* [Explanatory dictionary of social science terms]. 1999. Available at: http://www.slovarnik.ru/html_tslot/r/reinterpretaci8.html (accessed 15 March 2014).
22. Zyuganov podderzhal zayavleniye Putina o natsionalnoy idee: No neobkhodimy novyy kurs i otstavka pravitelstva [Zyuganov supported Putin's statement on national idea: but the new course and the resignation of the government are necessary]. *Institut Informatsionnykh Tekhnologiy*. Available at: <http://www.nakanune.ru/news/2013/9/20/22324674/> (accessed 15 October 2013).
23. Putin ishchet natsionalnuyu ideyu. *Svobodnaya pressa*. 2009. Available at: <http://svpressa.ru/politic/article/74555/> (accessed 15 October 2013).
24. Salin P. *Ekspertnyye otsenki vystupleniya Vladimira Putina na Valdayskom forume* [Expert assessment of Vladimir Putin speech at the Valday forum]. Available at: <http://lawinrussia.ru/node/285611> (accessed 16 December 2013).
25. Chudinov A.N. *Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included into Russian language]. Saint-Petersburg, V.I. Gubinskogo Publ., 1910.
26. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar* [Explanatory dictionary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1949–1992. 763 p.
27. Barlachuk V. *Simvol i vlast: Rol simvolicheskikh struktur v postroenii kartiny sotsialnogo mira* [Symbol and power: role of symbolic structures while forming social world]. Kiev, Institut sotsiologii NAN Ukrainy, 2002. 266 p.
28. Potseluev S.P. *Simvolicheskaya politika kak instsenirovaniye i estetizatsiya* [Symbolic politics as staging and aestheticization]. *Polis*, 1999, no. 5, pp. 62–75.
29. Shcherbinina N.G. *Geroichesky mif v konstruirovaniy politicheskoy realnosti Rossii*. Avtoreferat Diss. Dokt. nauk [Heroic myth in forming political reality in Russia. Dr. Diss. Abstract]. Moscow, 2008. 39 p.
30. Berezina N.I. *Mif kak politicheskyy institut: Problemy opredeleniya* [Myth as a political institute: problems of definition]. *Filosofiya prava*, 2007, no. 1, pp. 57–59.
31. Chikurova M.A. *Politicheskaya zhizn mifa* [Myth political life]. *Sotsiologiya vlasti: Vestnik Sotsiologicheskogo tsentra RAGS*, 2007, no. 1, pp. 149–156.
32. *Stenogramma programmy «Razgovor s Vladimirom Putinyem»* [dialogue with Vladimir Putin. Stenogram]. Available at: <http://www.rg.ru/2011/12/15/stenogramma.html> (accessed 18 December 2011).
33. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. *Sotsiokulturnyye faktory konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Social and cultural factors of Russian society consolidation]. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2013. 54 p.
34. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Pravda Publ., 1988. Vol. 1, 574 p.

UDC 338.22

STATE AID WITHIN THE FRAMEWORK OF COMPETITION POLICY (THE EXPERIENCE OF THE EUROPEAN UNION)

Anatolie Caraganciu,

PhD, Lucian Blaga University of Sibiu, 10, Bulevardul Victoriei, Sibiu, 550024,
Romania. E-mail: an_caraganciu@yahoo.com

The urgency of the discussed issue is caused by a particular importance of a supranational control of the state aid to enterprises participating in the European markets. The European Union's experience is important to be studied and disseminated.

The main aim of the study: *to justify the need to establish the control over state aid in the context of European competition policy in order to maintain a fair level of activity of all enterprises participating in the European markets, regardless of the Member State in which they reside.*

The methods used in the study: *historical and comparative methods, case-studies, content analysis.*

The results: *the author has distinguished and described four main phases in the evolution of law and policy in the field of State aid of the European Union. The criteria were established to determine the government actions as state aid and intervention methods were analyzed. The paper describes the main steps to assess the impact of state aid and the steps in the field of application of the legislation in the Republic of Moldova.*

Key words:

Competition policy, state aid, intervention methods, harmonization of competition law.

Introduction

European Union policy in the field of competition is one of the pillars on which the economy of the European area rests; the latter is built on the principle of «market economy with free competition», under the Treaty on European Union. In this context, State Aid monitoring has an important role in the competition policy of the European Union. Thus, since the signing of the Treaty of Rome in 1957, the policy on the state aid is an integral part of competition policy and the European Commission is responsible for the prevention of undue distortions of competition through the provision of the state aid by the Member States. The unique experience of EU state aid serves the success of its application in other partner countries.

State Aid: main concept

The control over the state aid is necessary for maintaining equity in the activities of all companies operating in the European market, regardless of the Member State in which it is. State aid measures, which provide selective unjustified advantages to certain enterprises, prevent or constrain the market power of the most competitive enterprises, reducing the common European competitiveness. Such measures may lead to market power in certain companies, for example, when an enterprise that does not receive state aid (for example, non-resident companies) have to reduce their presence in the market, or when state aid is used to erect barriers to entry into the market. Consequences of such a distortion of competition are the most tangible for consumers who may be faced with higher prices, lower quality and reduced number of new products.

In the first half of the 80s there was a crisis of the old industries, such as steel, chemicals and textiles. The restructuring process has become inevitable. So-

me governments immediately began to assist those dying industry through massive investment flows as a temporary incentive. This assistance has had a strong distorting effect on competition; in the second half of the 80s subsidies have been substantially reduced and have been mainly aimed at the promotion of research and development.

Since the signing of the Treaty of Rome in 1957, the state aid policy is an integral part of competition policy, and the European Commission became responsible for the prevention of undue distortions of competition through the provision of state aid by Member States. The control of state aid is of particular importance in the context of European competition policy in order to maintain a fair level of activity of all enterprises participating in the European markets, regardless of the Member State in which they reside. State aid measures, which provide selective unjustified advantages to certain enterprises, prevent or constrain the market power of the most competitive enterprises, reducing the common European competitiveness [1].

Supervision of state aid in the European Union is based on the so-called system of «prior authorization». The procedure involves, first of all, pre-notification, namely, that the Member States are obliged to inform the European Commission of any plan of state aid provision and are not allowed to provide it as long as they do not get permission from the Commission. Under the provisions of the Treaty on the Functioning of the European Union, the European Commission primarily, assesses aid declared for its compliance or noncompliance with the state aid under Article 107 (1). If the measures are qualified as state aid, the Commission examines whether the aid falls under clause (Article 107 (2) or 107 (3)). If a State hastens to provide state aid, without notifying the Commission and without obtaining its permission,

such assistance will be immediately considered «illegal». However, the Commission will analyze the compatibility of aid with the common market. In case of incompatibility, it will issue a decision to recover from the recipient the equivalent amount of the appropriate assistance.

Here there are some of the most important reasons for the implementation of supranational control of state aid in the European Union [2–8]. Firstly, it comes to cross-border externalities. They arise when national authorities do not take into account the negative effects of their intervention to other European countries. For example, let us consider a situation when state aid to rescue and restructure is provided to a company in a difficult position, which produces goods sold outside the country in the markets of other countries of the European Union. Let's suppose that this industry is also in decline, leading some manufacturers to a forced exit from the market. The course of exit from the market depends on the firm ability to survive as long as possible in the relevant industry [7]. The decision of the authorities to provide some aid to a company in this market will distort the course of exit, which will lead to the accelerated exit from the market of the foreign competitors.

In a perfectly competitive environment, the state aid granted to companies, will have an impact on the profit of the firm, but will not change the level of competitiveness of the market. In an imperfectly competitive environment, the price level rises, and the amount of goods of foreign manufacturers in the market drops.

If a product which is a result of the state aid is not exported to the markets of other member countries, but remains in the country of origin for consumers, the prohibition of the state aid can have a positive effect in the future to improve the social welfare, if the price of the state aid is sufficiently large, and the goods are replaceable [4].

Despite the existence of negative externalities between regions, the state aid at the level of integrated economy can have a very beneficial effect on attracting foreign investment and, consequently, on the efficient allocation of capital between the regions, bringing economic benefits to the region concerned.

Accordingly, the negative externalities are an important reason for the supranational control of the means of state aid in the European Union, especially to prevent agreements on state aid, which can cause negative externalities in relation to other countries without sufficient positive results for the domestic economy [5].

Domestic market is another reason of the supranational control of the state aid in the European Union, and that is because it is one of the pillars of the European economy, and the level of the European market integration determines the degree of economic progress, which can be achieved only increasing competition [9]. State aid may be a barrier in this sense, primarily because it can have negative consequen-

ces for other member countries, but also because it leads to a distortion of competition between enterprises, affecting the effective functioning of the European market mechanisms. Supranational control of the state aid can be regarded as a mechanism to ensure compliance with the general principle, namely the principle of the European market. In fact, the implementation of supranational control of the state aid, as well as the principle of the common market, has one goal – to ensure the free flow of goods and services in conditions of a normal competition [2].

The basic condition for approving the state aid in the European Union is to achieve a common European interest. In this case there is a question about how, according to what standard the state aid will be considered as a common European interest. The most common view is that once the state aid contributes to the public welfare in the EU, it can be considered as a common European interest [8].

On the other hand, the effect of the state aid to the consumer may be different in short and long term perspectives. The short-term benefits may turn into loss in the long term perspective, affecting the behavior of beneficiaries, as well as the short term loss can be compensated in the future. If as a result of the state aid the anticompetitive activities occur, banning new competitors' entry into the market, the expulsion of existing competitors, it will have negative impact on consumers in the long term perspective. Consumption standard is important as far as the state aid increases the profit of the recipient. The state aid which is compatible with consumer welfare standard is also compatible with the standard of the general welfare, but not vice versa [10].

In the case of the state aid provision, one of the most important principles for the European Union is the effect on competition. The effect on competition is as large as the long term negative impact on the consumer is. The approach that minimizes the impact on competition is important for maintaining a balance in the European economy in the long term perspective. Key provisions of the European Community relating to the definition and control of the state aid are set out in Articles 107–109 of the Treaty on the Functioning of the European Union (87–89 of the Treaty on European Union) [11]. The rules under the above articles and their interpretation were developed in the jurisprudence of the European Court and Commission secondary legislation – directives, notices, guidelines and legal framework. If we consider the evolution of the law and policy on the state aid of the European Union, we can distinguish four main stages of [3]:

- 1) reconstruction and modernization (1945–1965) – during these years a mixed economic policy was held, the state aid was provided to the important private enterprises, mainly targeting to attract and encourage foreign investment;
- 2) industrial imperative and the opening of borders (1965–1974) – there was an intensification of the means of the horizontal state aid, that is in favor

of concentration, of stimulating external growth and landscaping of the territory, which was accompanied by development programs and policies on sectors based on the principle of mentioning the «national champions»;

- 3) industrial perestroika (1974–1981) – due to technological programs and the state aid to underdeveloped sectors, the government enhanced the policy of direct intervention in the economy. The assistance for activities in the field of research and development was enhanced;
- 4) over-industrialization, with subsequent restructuring (1981–1988) – the efforts to integrate industry and research were intensified, economists were focused on the industrial sector; a number of measures aimed at developing small and mid size enterprises were taken, their task was to consolidate the national productive system.

Since 1988 a policy for improving the overall economic environment for entrepreneurship has been promoting. The aid provided by the state has been directed to development of research and innovation, to increase of business environment attractiveness, etc. Policy on sectors entered a new phase, and the state redirected the intervention policy to the tax and legal area. The principle of an open economy and free competition was launched by the Treaty of Rome (Articles 85–94) to the level of general policy [12].

In the European Union there are five positions – the minimum aid, aid for small and medium enterprises, for education, for employment, aid for national regional investment. Other types of the state aid, excepting the above mentioned, must undergo the process of notification to the Commission.

In order to consider certain measures as a state these must meet the following conditions:

- Transfer of the State resources;
- Provision of benefits to the recipient, which can lead to distortion of competition;
- Selectively provision in favor of a company or a particular economic activity;
- Effect on the trade between Member States [13].

Only when all these conditions are met, we are talking about the state aid stipulated in Article 107 (1) TFEU.

As mentioned above, according to Article 107 (1), the state aid is incompatible with the competitive environment, although the prohibition is not absolute. The state aid may be granted only when it is an exception or the permission was obtained to deliver it, and it is stipulated in Articles 107 (2) and 107 (3). The legal basis for such indulgences should be narrowly interpreted, given the importance of the effective monitoring of the state aid and of supporting the fair competition system in the European Union.

The existence of these exceptions induces the Commission's requirement for a prior notification of the state aid measures according to the Article 108 of the Treaty. This article provides that Member States shall notify the Commission of any plans for the state aid before the implementation of such mea-

asures. Article gives the Commission the right to decide whether the proposed measures fall under the indulgences or the state should abolish or alter such aid.

If the state aid falls under one of the categories of assistance referred to in Article 107 (2), it is automatically recognized as exceptional. In this article the first category of the exceptional state aid is the aid to individual consumers (not enterprises), and social assistance. The second category is aimed at mitigating the effects of natural disasters or emergencies. And the last category is aimed to compensate the effects of the division of Germany after the war.

If the aid is subject to the provisions of Article 107 (3), it is not automatically recognized as exceptional, although it may be compatible with the common market. These situations are:

- aid to promote the economic development of the regions in which the standard of living is abnormally low;
- aid aimed at facilitating the implementation of an important project of common European interest or to corrections of serious violations in the economy of a Member State;
- aid aimed at promoting the development of certain economic activities or regions, if it does not change the terms of trade to an extent contrary to the common interest;
- aid aimed at the development of culture and the preservation of cultural heritage;
- other categories of aid established by the Board, in the most cases, on the proposal of the Commission.

In this context, the European Union has developed the so-called Plan on the State aid «Less and Better Targeted State Aid – a road map for state aid reform 2005 to 2009». According to the action plan, the state aid should only be used when it is the most appropriate tool to achieve clearly defined goals, when creates necessary and right incentives, it is proportionate, and when the effect of competition distortion is minimal. Therefore, the assessment of compatibility of the state aid consists in balancing the negative effects of the state aid in relation to the competitive environment with positive effects for achieving common interests.

Among the tools proposed for a more thorough economic analysis of the state aid it is proposed to apply a more detailed assessment of failures, analysis of the state aid in terms of solutions to overcome failures and exploration of the opportunities to minimize the negative impact on the competitive environment [14].

The political goal of the aid is, on the one hand, the achievement of a balance between the needs and the affordability of the state intervention in the market economy, and, on the other hand, the protection of fair competition within the common area. Therefore, a significant part of the European competition law regulates the state aid. The state aid plays an important role in creating a viable and functional mar-

ket economy. In this context, the implementation of efficient and correct policy on state aid is a very important component of the EU enlargement process.

EU enlargement towards Central and Eastern Europe has attracted particular attention to the harmonization of policies in the area of the state aid of the candidate countries. This is largely determined by the fact that prior to joining the governments of the candidate countries in transition had more freedom in providing state aid, as there was no hard and fast rules or principles relating to the protection of the competitive environment distortion, which can be caused by the state aid. Before the transition period in Central and Eastern Europe the subsidies have been widely used. The real production costs were not reflected in the price, which led to record loss or to a significant profit of some companies, «failures», which were immediately covered by state subsidies and taxes. As production costs were different from one company to another, the appropriate subsidies included specific elements to each enterprise.

During the transition to a market economy, the countries of Central and Eastern Europe tried to reduce budget subsidies and gradually move towards price liberalization. Thus, the majority of budget subsidies provided to companies, were eliminated in those sectors where the process of price liberalization began. In addition, income taxes were balanced; sales taxes and temporary exemptions were abolished.

At the beginning of these changes a sudden imbalance in the economy occurred. State-owned enterprises faced serious difficulties caused by a decrease in domestic demand due to the liberalization of imports, decrease in exports due to the collapse of the Council for Mutual Economic Assistance, liquidity problems due to insolvency of the trade partners of the former Soviet Union, and so on. The above problems had a domino effect, which resulted in an increase in debts between enterprises. In addition, the share unemployment increased. In this situation, the governments began to take measures aimed at survival of firms, delivering assistance to the state companies. It should be noted that in a planned economy many companies were monopolies or oligopolies and their failure led to the chain collapse of suppliers that depended on these companies.

These facts lead to the conclusion that the history of the state aid in the countries of Central and Eastern Europe is controversial. Thus, the principles of the state aid policy have been paid much attention in the process of EU enlargement in the area of Central and Eastern Europe.

In the early 1990s, they began to use the European Agreements, which led to a new approach to trade between the EU and the countries of Central and Eastern Europe. Under these agreements countries pledged to harmonize their legislation with the EU legislation, including the rules of competition in sectors involved in trade between the two sides.

Three years later, the European Council set the Copenhagen criteria to be met by the candidate coun-

tries for accession to the EU. Each applicant must establish authorities to verify the compatibility of the state aid in the European market, and if it is established that government measures are incompatible with EU law, countries are obliged to adapt them to European standards, or eliminate them.

Since autumn 2002, with the completion of the observation state aid schemes the candidates have a clear view of the enlargement process and negotiations [15]. Thus, in order to avoid the «import» of incompatible state aid in the European Union at the time of accession a complex mechanism was created to consider the aid measures by May 2004 and beyond. It was named a «mechanism of existing aid» and its aim was to provide guarantees to the European Union in the adaptation of the state aid rules of the acceding countries. The mechanism does not apply to agriculture and transport, as these areas are governed by specific regulations.

The situation with the state aid in the former communist countries was more difficult, because the subsidies were delivered on a large scale to maintain the operability of the important industries. All agreements signed prior to the accession, including those with the former communist countries, envisaged the adaptation of the policies and practices in the area of the state aid to the European Union standards.

In the negotiation before the accession, the European Commission asked each candidate to establish a body that monitors the state aid. These bodies have been established in the candidate countries as independent institutions or were incorporated into the structure of the competition authorities or other ministries. The purpose of the national authorities in this area was to ensure functioning and effective use of the monitoring state aid system. After joining, the respective credentials have been automatically moved from the national monitoring authorities to the European Commission [6].

State aid implementation. Case of Republic of Moldova

In the Republic of Moldova there are two categories of state aid: state aid granted on the basis of laws and government regulations; state aid granted on the basis of an administrative act. According to the IMF (International Monetary Fund), the volume of state aid in recent years tends to growth (Table).

Table. The volume of state aid

Year	Million lei	Million euro	Share of budget expenditures
2007	1640	136	13,48
2008	1131	87	7,70
2009	1342	96	7,45
2010	1416	118	8,65

The share of state aid funding is approximately equal to funding in education or slightly less than funding in the health sector. Mechanism for state aid distributing from the fund for subsidizing agricultural producers of the Republic of Moldova is in the ca-

tegrity of «yellow» according to WTO (World Trade Organization) criteria. That is, a category that creates the risk of distortions of competition. Investigating the structure of state aid to the Republic of Moldova, in accordance with the form of its presentation, we can distinguish the following categories:

- subsidies;
- repayment of debts to the state budget;
- exemption from taxes and duties;
- cancellation of normal profits at the expense of public funds (for the most part this is the result of mismanagement of public funds);
- debts on loans, guaranteed by the state, taken by business entities directly from foreign and local financial institutions;
- loans with preferential interest rate;
- others.

Ultimately, public assistance and related costs are covered by taxpayers. Misallocation of public resources has a devastating effect on the development of a normal competitive environment and the national economy in general. Theoretically, any assistance provided for the business entity distorting competition, as it reduces the costs of the recipient and gives it an advantage over its competitors. In order to prevent the effects of distortions of the competitive environment and the international obligations assumed by the Republic of Moldova, The Law of State Aid no. 139/15.06.2012 was adopted.

Control of state aid is also an important issue for ensuring a favorable competitive environment and promoting economic development. Implementation

of a transparent system for monitoring and controlling state aid is strongly recommended. For this purpose, with World Bank support, national monitoring system is developed.

Conclusions

Parallel to the establishment of the regulatory framework for state aid in the Republic of Moldova it is necessary to establish a mechanism to assess the impact of state aid on the competitive environment. The basis of assessment of the state aid impact is a comparative analysis of its positive and negative effects on competition in terms of contribution to the economic problems of the state; it improves social welfare.

The main steps to assess the impact of state aid:

1. Identification of state aid.
2. Correctness of the assessment objectives.
3. Assessment of the impact provided by the assistance: for receivers, for competitors, for consumers.
4. Assessment of the impact of state aid for social welfare.
5. Comparison of costs and benefits.

These steps may be considered compatible with a normal competitive environment following categories of aid:

- 1) to remedy a serious disturbance in the economy;
- 2) to support training of employees and creating new jobs;
- 3) to protect environment;
- 4) to develop region.

REFERENCES

1. Bilal S., Nicolaidis Ph. *Understanding State Aid Policy in the European Community: Perspectives on Rules and Practice*. Maastricht: EIPA, European Institute of Public Administration, 1999. 260 p.
2. Biondi A., Eeckhout P. *State Aid and Obstacles to Trade. The Law of State Aid in the European Union*. Oxford, UK, 2004. 108 p.
3. Ciutacu C., Chivu L. *Ratings and economic analysis of state aid: Define. Policy. Results*. Acad. Romanian Institute of National Economy, Bucharest, Expert, 2006. 143 p.
4. Collie D.R. Prohibiting State Aid in an Integrated Market. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 2002, vol. 2, Iss. 3, pp. 215–231.
5. Fingleton J., Ruane F., Ryan V. Market Definition and State Aid Control. *European Economy*, 1999, pp. 76–119.
6. Friederiszick H., Röller L.-H., Verouden V. European state aid control: an economic framework. *Handbook of Antitrust Economics*. Ed. P. Buccirossi. Cambridge, MA, MIT-Press, 2008. pp. 625–669.
7. Fudenberg D., Tirole J. A Theory of Exit in Duopoly. *Econometrica*, 1989, no. 54, pp. 943–960.
8. Friederiszick H.W., Röller L.-H., Verouden V. EC state aid control: an economic perspective. The EC state aid regime: Distortive effects of state aid on competition and trade, Ed. Michael Sanchez Rydelski, London: Cameron May Press, 2006. pp. 145–182.
9. Midelfart-Knarvik K.H., Overman H.G. Delocation and European Integration: is Structural Spending Justified. *Economic Policy*, 2002. pp. 323–359.
10. *Advances in the Economics of Competition*. Ed. P. Buccirossi. Cambridge, MIT Press, 2007. 96 p.
11. Martin S., Strasse C. Community policy of state aid is it a competition policy? *Concurrences*, 2005. pp. 52–59.
12. Nordeman R. *State aid in the EU-economic and legal aspects*. Lund, Lund University, 2008. 50 p.
13. Vademecum Community law on State aid. *European Communities*, 30 September 2008, 58 p.
14. Merola M., Pappalardo B.E. *The new approach to state aid: a reality under many perspectives*. College of Europe, Brussels, 2004.
15. Van de Castele K. *State aid and the road to accession. Magazine «Profile: Competition»*. Romania, the Competition, 2007, no. 1, pp. 32–33.

Approved on 31.03.2014.

УДК 338.22

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ (ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)

Караганкиу Анатолий,

PhD, профессор Университета Люсьена Благи, Румыния, 550024, г. Сибиу,
бульвар Виктории,10. E-mail: an_caraganciu@yahoo.com

Актуальность работы обусловлена важностью проблемы внедрения наднационального контроля за государственной помощью предприятиям государств-членов Евросоюза, опыт которого показателен в этом вопросе.

Цель работы: обоснование необходимости установления контроля за государственной помощью, который имеет особое значение в контексте европейской конкурентной политики для поддержания справедливого уровня деятельности всех предприятий на европейских рынках независимо от государства, на территории которого они работают.

Методы исследования: исторический метод, компаративный метод, методы кейс-стади и контент-анализа.

Результаты: Были выделены и описаны четыре основных этапа в развитии законодательства и политики в области государственной поддержки в рамках Европейского Союза. Были установлены критерии для определения действий правительства в качестве государственной помощи, а также проанализированы методы государственного вмешательства. Описаны главные шаги для оценки воздействия государственной помощи. Описаны шаги по применению законодательства в республике Молдова.

Ключевые слова:

Конкурентная политика, государственная помощь, интервенционные методы, гармонизация законодательства в области конкуренции.

УДК 377.3.016-054.72:314.72(47+57)

ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНОЙ МИГРАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Полетаев Дмитрий Вячеславович,

канд. экон. наук, ведущ. науч. сотр. лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; директор Центра миграционных исследований, Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47. E-mail: dvpo@yandex.ru

Дементьева Светлана Валерьевна,

канд. филос. наук, доцент кафедры организации технологии высшего образования ИСГТ ТПУ, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: demen-svetlana@yandex.ru

Зурабишвили Тамара Захарьевна,

д-р соц. наук, приглашенный профессор Тбилисского Государственного Университета им. И. Джавахишвили, Грузия, 0179, г. Тбилиси, ул. Палиашвили, д. 33. E-mail: tamar.zurabishvili@gmail.com

Актуальность работы обусловлена необходимостью повышения конкурентоспособности российского профессионального образования на международном рынке образовательных услуг.

Цель работы: обоснование необходимости определить возможные способы повышения конкурентоспособности России на рынке экспорта образовательных услуг при стимулировании учебной миграции в российские профессиональные образовательные организации (профессиональные училища, профессиональные лицеи, колледжи, техникумы) и обозначить круг проблем, которые следует для этого решить.

Методы исследования: в рамках системного подхода применен метод правового мониторинга действующего федерального законодательства, позволяющий оценить полноту и эффективность правового регулирования учебной миграции в России, метод фокусированного изучения отечественного и зарубежного опыта, анализ качественных и количественных результатов социологических исследований.

Результаты: Определены трудности развития учебной миграции в профессиональные образовательные учреждения: неблагоприятная российская демографическая динамика, структурный дефицит абитуриентов, конкуренция между самими учреждениями профессионального образования и их конкуренция с вузами, более высокий престиж образования, полученного в крупных городах. Для решения проблемы разработаны возможные модели стратегий развития системы среднего профессионального образования в сложившихся условиях.

Ключевые слова:

Учебная миграция, человеческие ресурсы, международное образование, права обучающихся, адаптация, конкурентоспособность.

В условиях старения населения России действующая система профессионального образования со временем будет испытывать всё больший недостаток абитуриентов. В этой ситуации целесообразнее не ликвидировать, а развивать имеющиеся возможности научно-образовательного комплекса, который формировался на протяжении многих лет, ориентируясь на привлечение абитуриентов из-за рубежа. Выход на глобальный рынок образования связан как с наличием конкурентоспособного образовательного комплекса, способного предоставлять образование высочайшего качества, так и с системным формированием потоков образовательных мигрантов, чему пока в России уделяют мало внимания, несмотря на задачи, определённые Концепцией миграционной политики России до 2025 г. [1]. К сожалению, на протяжении почти десятилетия численность учебных мигрантов в учреждения профессионального образования колеблется в пределах 10 тыс. чел. [2].

Перспективы использования Россией учебной миграции в профессиональные образовательные

организации (профессиональные училища, профессиональные лицеи, колледжи, техникумы) в настоящее время представляются неплохими, так как имеющийся потенциал научно-образовательного комплекса, несмотря на все объективные сложности, всё ещё остаётся значительным. Выгоды, получаемые от привлечения иностранных абитуриентов, не исчерпываются финансовыми ресурсами, «притекающими» в страну в случае платного обучения: возвращаясь на родину, иностранцы-выпускники российских профессиональных образовательных организаций привнесут с собой толерантное отношение к России, навыки работы на российском оборудовании и в рамках российских стандартов [3]. Указанное обстоятельство приведет к улучшению межгосударственного сотрудничества и взаимопонимания.

Учебная миграция также может выступать дополнительным демографическим ресурсом, при условии формирования миграционной политики, направленной на поощрение натурализации, в результате Россия дополнительно сможет получить

квалифицированных молодых граждан, имеющих востребованные на российском рынке труда рабочие специальности и уже приспособившихся к условиям жизни в стране [3].

Идея пополнения трудоспособного населения за счет миграции в профессиональные образовательные учреждения и дальнейшего трудоустройства учебных мигрантов на российские производства, т. е. переход учебных мигрантов в трудовые, не получила пока должного внимания в практике регулирования миграционных процессов.

В сложившихся на сегодняшний день условиях важно определить возможности повышения конкурентоспособности России на рынке экспорта образовательных услуг при стимулировании учебной миграции в российские профессиональные образовательные организации (профессиональные училища, профессиональные лицеи, колледжи, техникумы) и определить круг проблем, которые нужно будет решить для этого.

Действующее миграционное законодательство и законопроекты, которые вынесены на общественное обсуждение, в рамках Концепции миграционной политики России до 2025 г. нацелены на значимые изменения в области учебной миграции, в том числе в российской системе профессионального образования [4].

Серьезные законодательные изменения в отношении учебной миграции, включая профессиональные образовательные организации, уже произошли. Так, с первого января 2014 г. обучающиеся очно иностранные студенты получили право работать на основании разрешения на работу по трудовому или гражданско-правовому договору, не ограничиваясь рамками образовательного учреждения.

Для получения разрешения иностранец должен обратиться с заявлением в территориальное отделение ФМС России. Причем ФМС России выдает такие разрешения на работу без учета квот на их выдачу. Разрешение на работу не нужно, если иностранный студент:

- выполняет работы (оказывает услуги) во время каникул;
- работает в свободное от учебы время там, где обучается, или в созданных учебным заведением хозяйственных обществах.

При этом право на труд территориально фиксировано – работать иностранный студент может только в том субъекте РФ, на территории которого он обучается.

Отметим, что указанные новеллы безусловно важны и своевременны для развития международного образования в стране, способствуют формированию привлекательных правовых гарантий для выбора России в качестве страны получения высшего образования иностранными абитуриентами.

Тем не менее, законодатель исключил из корпуса нормативных новелл, пожалуй, самую перспективную часть иностранных студентов – уча-

щихся профессиональных образовательных организаций, входящих в группу лиц до 18 лет, оставив их вне поля законодательных изменений. Так, закон запрещает выдавать разрешения на работу иностранным гражданам, не достигшим возраста восемнадцати лет (пп. 15, п. 9, ст. 18 ФЗ РФ 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Следовательно, запрет на работу приводит к запрету проходить производственную практику при обучении, что является необходимой частью учебного процесса в профессиональных образовательных организациях.

Отметим и то обстоятельство, что не было научного сопровождения, мониторинга как внесенных, так и предполагаемых изменений в нормативную базу, на государственном уровне в виде специализированных научных исследований, финансируемых целевым образом со стороны государства. В итоге можно констатировать, что если учебная миграция в вузы РФ отчасти охватывала исследования, то учебная миграция в российские профессиональные образовательные организации практически не изучена.

Современное состояние исследований учебной миграции из зарубежных стран в российские профессиональные образовательные учреждения

Проблема учебной миграции из зарубежных стран в российские профессиональные образовательные учреждения в отечественной науке не получила пока должного отражения. Государственное финансирование таких исследований почти не производится. Те исследования учебной миграции, которые проводились, сосредотачивались не на анализе притягательности условий обучения для иностранцев, сложившихся в профессиональных образовательных учреждениях, а в вузах России и не на глубинном изучении практических аспектов и выгод от привлечения для обучения в России иностранцев, а на оценке научного потенциала РФ, опасности «утечки умов», т. е. проблем опосредованно связанных с вхождением России на мировой рынок образовательных услуг. Это не дает комплексной оценки общей складывающейся картины, важной для создания системы эффективного использования имеющейся ресурсной базы, необходимой при формировании миграционной политики, поощряющей приток инвестиций от учебной миграции иностранцев в Россию, упор на которую является перспективным в современных условиях состояния российского образования и науки [3].

В трудах российских ученых, исследующих миграцию населения, сформированы базовые подходы для изучения процессов учебной миграции в её отдельных аспектах. В числе таких работ можно назвать исследования А.И. Арефьева, Г.С. Витковской, О.Д. Выхованец, Ж.А. Зайончковской, А.П. Катровского, Л.И. Леденёвой, И.А., Малахи Е.В. Тюрюкановой, И.Г. Ушкалова, Ф.Э. Шереги.

Выделим исследование А.П. Катровского, посвященное изучению влияния политической дезинтеграции на развитие системы высшего и среднего образования на постсоветском пространстве. Автор сравнивает изменения объемов и направлений потоков учебных мигрантов, но акцент сделан на внутрироссийскую учебную миграцию [5]. Поскольку ситуация в России стремительно меняется, то материалы этого исследования 1996 г. даже по части внутрироссийской учебной миграции устарели.

Отметим исследование «Иммигранты в регионах России: доступность высшего образования как фактор адаптации и социальной стабильности», проведенное Г.С. Витковской в 2002 г., но, как видно уже из названия, оно рассматривает специфический ракурс учебной миграции – её способность интегрировать в российское общество иностранцев, оседающих в России [6].

Интересным является исследование, проведенное в 2002 г. Л.И. Леденевой и Е.В. Тюрюкановой, но в обратном приложении – к иностранным студентам в России [7].

Фундаментальной стала совместная работа Ф.Э. Шереги, Н.М. Дмитриева, А.Л. Арефьева 2002 г., которая содержит как полный обзор ситуации, так и прогнозирование перспектив учебной миграции, но, к сожалению, касается только вузов [8].

В исследовании международной учебной миграции, сделанном по заказу Министерства образования и науки в Российском новом университете (РНУ), сделан вывод о том, что база российского образования позволяет принимать молодежь из соседних стран, где еще не утрачен русский язык, и обоснована важность гибкой миграционной политики в сфере учебной миграции из стран СНГ. В СНГ серьезно пострадало качество высшего и среднего специального образования, в связи с эмиграцией квалифицированного профессорско-преподавательского состава (причем не только русские, но и национальные кадры), и поэтому учебная миграция, которая может составить по оценкам РНУ 9...11 % в год, требует не столько финансирования, сколько организационно-правовых мероприятий.

Важной работой стало исследование 2012 г. «Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России», в котором на основе большого фактического материала обобщены тенденции учебной миграции в российские вузы и дана системная оценка перспектив её развития [9].

Необходимо также отметить три аналитических исследования авторов статьи (Д.В. Полетаев, С.В. Деметьева), посвященные учебной миграции и адаптации иностранных студентов в вузах Москвы, Томска и Красноярска и написанные по их итогам работы [10–13]. Также важны сборники «Экспорт российских образовательных услуг» и «Обучение иностранных граждан в вузах РФ», содержащие много фактической информации [14].

Материал, собранный и проанализированный указанными авторами, в контексте решения ставящихся в статье специальных задач не достаточен для характеристики возможностей учебной миграции в российские профессиональные образовательные учреждения, так как вузы и профессиональные образовательные учреждения готовят специалистов для различных сегментов рынка труда, выполняют различные функции и занимают различные ниши на общемировом рынке образовательных услуг.

Для всех вышеупомянутых работ в качестве общего недостатка можно выделить специальную направленность на освещение отдельных аспектов учебной миграции в вузы России, несмотря на то, что процесс учебной миграции следует пониматься шире, что представляет собой значительный интерес для оценки эффекта от прибытия в страну всего потока иностранных учащихся, и даёт основания для исследования условий российского рынка профессионального образования в контексте международных стандартов профессионального обучения квалифицированной рабочей силы.

Дефицит квалифицированных рабочих на российском рынке труда

В России существует дефицит квалифицированных рабочих, но нет недостатка в специалистах с высшим образованием. В этих условиях оценка проблем и возможностей повышения конкурентоспособности профессиональных образовательных организаций России становится крайне актуальной. Так, для предприятий машиностроения, сумевших сохранить себя и сейчас имеющих потенциал к расширению, развитие сильно осложняет кадровая проблема, которая может быть решена за счёт трудовых мигрантов, подготовленных в российских профессиональных учебных заведениях [15].

Проблема состоит не только в том, что система начального профессионального образования к 2010 г. стала выпускать вдвое меньше выпускников, чем в 1990 г. (при этом численность выпускников вузов за последние 17 лет как минимум не уменьшилась), но и в том, что работа на производстве стремительно потеряла престиж у молодежи (низкая оплата труда, отсутствие возможностей карьерного и профессионального роста и прочее). Слабая производственная база подготовки квалифицированных рабочих и общее снижение качества преподавания привели к постепенной деградации системы подготовки, что, к сожалению, ярко показало участие России в конкурсе World Skills в Лейпциге, где Россия заняла последнее место [16]. Парадокс состоит в том, что при ежегодном сокращении выпуска из системы начального профессионального образования абсолютная численность экономически активных граждан с начальным профессиональным образованием в стране увеличилась с 12 млн чел. в 2003 г. до 14 млн чел в 2012 г., т. е. на 16,7 %, таким образом пред-

ложение труда работников с начальным профессиональным образованием выросло [17]. Это объясняется тем, что часть работников в пенсионном возрасте вернулись на рынок труда из-за ускоренного роста заработных плат по отношению к пенсиям, а также из-за трудовой миграции в Россию из-за рубежа. При этом часто эти работники заняты не в тех секторах рынка труда, которым соответствует их профессиональное образование. Причиной тому можно назвать как недостаточное качество их рабочей силы (обесценивание человеческого капитала работников старших возрастов), так и отсутствие спроса на труд со стороны промышленных предприятий в местах их проживания, при том что миграционная мобильность этого слоя работников низка и они не перемещаются в регионы, где на их труд есть более высокий спрос.

Мнение о том, что качество рабочей силы постепенно и непрерывно ухудшается, широко распространено в российском обществе, хотя число специальных работ на эту тему невелико [18]. В числе причин такого снижения качества можно назвать быструю количественную экспансию третичного образования при сокращении удельного финансирования на одного преподавателя и учащегося. Кроме того, при невысоком уровне начального и среднего профессионального образования в СССР привязка ПТУ и средних специальных учебных заведений к базовым предприятиям, в обязательном порядке доучивавших таких учеников и принимавших их потом на работу, помогала улучшать качество рабочей силы. После распада СССР такая практика, связывавшая обучение и рабочие места, прекратилась, так как предприятия столкнулись с жёсткими бюджетными ограничениями, и, кроме всего прочего, после обучения в ПТУ и вузах, молодых людей забирают на срочную военную службу, после которой не все из них возвращаются к работе по профессии. Свою роль сыграло и переориентирование молодёжи на получение высшего образования, что ещё более усилило негативный отбор в систему начального и среднего профессионального образования, и, в свою очередь, сказалось на ухудшении качества квалифицированной рабочей силы.

Нехватку квалифицированных рабочих как ограничение для экономического роста работодатели отмечали даже в 2009 г., несмотря на острый кризис. Так, каждый третий опрошенный руководитель (33,4 %), по данным опроса 2009 г. считал это существенным или очень серьёзным препятствием для экономического роста [21, 421]. В 2000-е на дефицит квалифицированной рабочей силы жаловались в основном предприятия, находящиеся в неустойчивом экономическом положении, которые неэффективно использовали работников, уже имеющих в их распоряжении, и даже повышая им заработную плату, они только увеличивали трудовые издержки, но не эффективность производства. Эти предприятия до сих пор составляют значительную часть среди тех, кто ощущает дефи-

цит рабочей силы, но этот дефицит сейчас уже имеет более сложную структуру, связанную с тем, что с ростом эффективности и обострением конкуренции увеличиваются требования к деловым и личностным качествам работников, их профессиональной квалификации, что несёт проблемы, связанные с поиском таких работников. Таким образом, анализ профессиональной структуры рабочей силы в России показывает, что большой относительный прирост наблюдается по числу специалистов с высшим уровнем квалификации и работников сферы обслуживания, а сокращение наблюдается по квалифицированным рабочим промышленности, а также полуквалифицированным рабочим [20. С. 96–98]. По сравнению с другими странами, в РФ непропорционально много работников с самой высокой и самой низкой квалификацией, а работников средней квалификации недостаёт.

В мировой практике миграционная политика в ряде государств (Канада и проч.) выстраивается таким образом, что в страну привлекают необходимых на рынке труда специалистов. Также действуют международные программы мобильности, помогающие молодёжи передвигаться по миру в поисках работы. В России миграционная политика выстраивается в условиях, когда из страны выезжают профессионалы, а среди желающих въехать, в том числе имеющих востребованные профессии, отбор и рекрутинг по профессиональным навыкам не производится. Кроме того, профессиональные навыки въезжающих трудовых мигрантов часто не соответствуют запросам российских работодателей, если речь идёт о квалифицированных рабочих.

Мотивация к обучению в России

Одну из самых серьёзных ролей в привлечении иностранцев как из стран СНГ, так и из отдельных стран дальнего зарубежья играют исторические взаимосвязи, социальные сети диаспор. Особое влияние на абитуриентов и на процесс образовательной миграции в Россию имеет мнение родителей, живших или обучавшихся в РСФСР, а также лояльное по отношению к России мнение лидеров посылающих стран (глав государств, различных ведомств и организаций), обучавшихся или проживавших когда-то в РСФСР. Имидж России, сформировавшийся за десятилетия активной работы СССР на внешних образовательных рынках до сих пор «работает» на Россию. Лучшее качество образования, чем в странах исхода (особенно это справедливо для тех стран СНГ, образовательные системы которых пережили серьёзный кризис) – очень серьёзный стимул для выезда на учёбу в Россию. Уникальные специальности (или отсутствие какой-либо специальности в стране выезда) также стимулирует поток образовательной миграции в Россию. Важную роль в образовательной миграции также играет и территориальная близость России для её стран-соседей.

В связи со всеми выше перечисленными мотивирующими факторами и на основании мнений экспертов можно предложить следующие рекомендации по привлечению иностранных учащихся в Россию:

- ориентироваться в том числе на родителей зарубежных абитуриентов в рекламных компаниях;
- работать с социальными сетями мигрантов и диаспорами более активно;
- уделять особое внимание рекламированию уникальных специальностей российских профессиональных учреждений образования;
- подчёркивать преемственность лучшего из советского опыта в современном российском образовании.

Перспективы и рекомендации

Численность иностранных граждан, обучавшихся в российских учреждениях среднего профессионального образования в постсоветский период, стала минимальной (0,34 % от их общего студенческого контингента в 2,2 млн чел.). Число иностранных учащихся в этом сегменте российского образования составило в 2008/2009 академическом году всего 7653 человека, из которых 6007 человек обучались по очной форме, и за последние 10–15 лет эта цифра почти не увеличилась [21]. Однако слабая динамика еще не говорит о невозможности ее корректировки при наличии системной стратегии развития данного направления в образовании. Увеличение учебных мигрантов в профессиональные образовательные организации России позволит повысить престиж отечественного профессионального образования и привлечь инвестиции в экономику страны [22].

Из-за неблагоприятной российской демографической динамики, имеющей своим следствием структурный дефицит абитуриентов, невысокому интересу к отечественному профессиональному образованию молодежи из стран СНГ и Балтии, высокой конкуренции между самими учреждениями профессионального образования и их усиливающейся конкуренции с вузами, профессиональное образование в России находится в сложных социально-экономических условиях. Более того, образовательные учреждения профессионального образования в крупных городах будут перетягивать на себя абитуриентов из всех остальных населённых пунктов.

В этих условиях образовательные учреждения профессионального образования могут выбрать три возможных основных стратегии выживания, комбинируя их в зависимости от ситуации:

- набирать любых возможных абитуриентов, конкурируя между собой;
- сокращать количество учебных мест (или даже закрывать свои подразделения – при самом неблагоприятном сценарии);
- развивать экспорт образовательных услуг, привлекая абитуриентов из других стран.

Третья стратегия представляется наиболее интересной, но, с учётом того, что перспективы привлечения абитуриентов из зарубежных стран связана, прежде всего, с работой со странами бывшего СССР, необходимо учитывать, что самыми перспективными, с демографической точки зрения, для нас являются страны Центральной Азии (таблица) [9. С. 34].

Таблица. Динамика численности населения стран-бывших республик СССР с 1989 по 2050 гг. (сортировка по 2011 г.) млн чел.

Страны	1999	2011	2025	2050
Россия	147,4	142,8	139,0	126,2
Украина	51,7	45,7	42,3	36,5
Узбекистан	19,9	28,5	34,5	42,0
Казахстан	16,5	16,6	18,7	21,7
Беларусь	10,2	9,5	9,0	8,9
Азербайджан	7,0	9,2	10,4	11,4
Таджикистан	5,1	7,5	9,6	13,4
Кыргызстан	4,3	5,6	6,6	8,1
Туркменистан	3,5	5,1	5,9	6,6
Грузия	5,4	4,3	3,9	3,2
Молдова	4,3	4,1	4,0	3,5
Литва	3,7	3,2	3,0	2,7
Армения	3,3	3,1	3,1	2,9
Латвия	2,7	2,2	2,1	1,8
Эстония	1,6	1,3	1,3	1,2
Всего	286,6	288,7	293,4	290,1

При осуществлении стратегии экспортирования образовательных услуг учреждения профессионального образования столкнутся как минимум с несколькими системными ограничениями и препятствиями:

1. Невозможность контроля за исполнением контракта целевого обучения абитуриента в случае, если обучившийся специалист выехал в свою или третью страну, не исполнив своих контрактных обязательств (например, по отработке нескольких лет на заводе-партнёре учреждения профессионального образования по полученной профессии), в условиях отсутствия специальных международных договоров, регламентирующих материальную ответственность государства, гражданство которого имеет абитуриент, перед Россией.
2. Невозможность прохождения производственной практики учащимся-иностранцем до 18 лет (иностранцы граждане могут работать легально только по достижении 18 лет, так как патенты и разрешение на трудовую деятельность выдают по достижении этого возраста) [23].
3. Плохое знание русского языка населением в возрасте до 25–30 лет в странах Центральной Азии – потенциальных доноров абитуриентов.
4. Низкое качество школьной подготовки абитуриентов из стран СНГ.

5. Различия в школьных программах обучения в странах СНГ.

Если проблемы пунктов 3–5 могут быть решены с помощью массового создания специальных отделений в российских учреждениях профессионального образования, как уже практикуется в российских вузах и практиковалось в СССР (подфаки – подготовительные факультеты), то для устранения первых двух ограничений необходимо менять российское законодательство.

Для создания условий контроля за контрактом между иностранным учащимся и российским учреж-

дением профессионального образования необходимо будет заключить специальные международные соглашения между Россией и странами-донорами абитуриентов для российских учреждений профессионального образования. В этом случае при обучении иностранца станет возможным в качестве возмещения платы за обучение (а возможно, и питание, и форменную одежду, в зависимости от возможностей учреждения профессионального образования) заключать контракт на отработку иностранцем трёх или более лет на российском предприятии или в организации по полученной профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г. / Сайт ФМС РФ URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/868/details/53252/> (дата обращения: 21.03.2014).
2. Арефьев А.Л. Среднее профобразование не пользуется успехом у россиян и иностранцев // Демоскоп Weekly. – 2010. – № 441–442. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/tema02.php/> (дата обращения: 20.03.2014).
3. Полетаев Д.В. Роль учебной миграции из зарубежных стран в социально-экономическом и демографическом развитии России // Демоскоп Weekly. – 2008. – № 345–346. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0345/analit07.php/> (дата обращения: 20.03.2014).
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ. С изменениями и дополнениями, вступ. в силу с 10.01.2014. Сайт ФМС РФ 2013. URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/860/details/45720/> (дата обращения: 21.03.2014).
5. Катровский А.П. Учебная миграция в вузы России: факторы и мотивация // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / под ред. Ж.А. Зайончковской. – М.: Изд. товарищество Адамант, 1999. – 267 с.
6. Витковская Г.С. Иммигранты в регионах России: доступность высшего образования как фактор адаптации и социальной стабильности. – М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2002. – С. 60–63. URL: http://www.socpol.ru/research_projects/pdf/012vitkovskaya.pdf/ (дата обращения: 20.03.2014).
7. Леденева Л.И., Тюрюканова Е.В. Российские студенты за рубежом: их профессионально-миграционные стратегии // Человек и труд. – 2003. – № 4. – С. 46–53.
8. Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов. – М.: Центр социального прогнозирования, 2002. – 551 с.
9. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / К.А. Гаврилов, С.Н. Градировский, Е.Е. Письменная, С.В. Рязанцев, Е.Б. Яценко / под ред. К.А. Гаврилова, Е.Б. Яценко. – М.: Фонд «Наследие Евразии», 2012. – 210 с.
10. Полетаев Д.В. Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов // в кн. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / под ред. В.И. Дятлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 289–342.
11. Дементьева С.В., Гиниятова Е.В. Учебная миграция в Томский политехнический университет: механизмы и практики эффективной адаптации // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 187–190.
12. Полетаев Д.В., Дементьева С.В. Инновационные стратегии развития международного образования в ракурсе учебной миграции в вузы России // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 128–134.
13. Дементьева С.В. Социально-правовые аспекты учебной миграции в контексте реформы российского образовательного законодательства // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С. 166–172.
14. Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник / авт.-сост. А.Л. Арефьев, А.Ф. Шереги. – М.: Центр социального прогнозирования, 2007. – 254 с.
15. Попов А. Сибирское машиностроение живо // Эксперт. – 2014. – № 11. – С. 52–53.
16. Молодых А. Откуда у нас руки растут // Русский репортер. – 2013. – № 33 (311). URL: <http://www.rusrep.ru/article/2013/08/20/worldskills/> (дата обращения: 21.03.2014)
17. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России. 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm/ (дата обращения: 21.03.2014).
18. Гимпельсон В. Дефицит квалификации и навыков на рынке труда: недостаток предложения, ограничения спроса или ложные сигналы работодателей? // Вопросы экономики. – 2004. – № 3. – С. 76–93.
19. Гимпельсон В., Капельюшников Р., Лукьянова А. Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком. – М.: ГУ ВШЭ. – 2007. – 60 с.
20. Российский работник. Образование, профессия, квалификация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшниковой. – М.: ИД ВШЭ, 2011. – 574 с.
21. Арефьев А.Л. Состояние и перспективы экспорта российского образования. – М.: РУДН, 2010. – 109 с.
22. Mittelman J.H. The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance. – New Jersey: Princeton University Press, 2000. – 62 p.
23. The Knowledge Revolution. Newsweek. Special edition, Dec 2005 – Feb 2006.
24. Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в области содействия занятости населения, Федеральным агентством морского и речного транспорта и Федеральным агентством по развитию государственной услуги по выдаче заключений о привлечении и об использовании иностранных работников, разрешений на привлечение и использование иностранных работников, а также разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства (Зарегистрировано в Минюсте России 09.04.2008 № 11480). Приказ ФМС России № 1, Минздравсоцразвития России № 4, Минтранса России № 1, Госкомрыболовства России № 2 от 11.01.2008 (ред. от 19.09.2013) // Сайт «Российской газеты» URL: <http://www.rg.ru/2013/11/15/fms-dok.html> (дата обращения: 21.03.2014).

Поступила 23.04.2014 г.

UDC 377.3.016-054.72:314.72(47+57)

THE POTENTIAL OF EDUCATIONAL MIGRATION TO PROFESSIONAL EDUCATION ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF THE NEW MIGRATION POLICY

Dmitry V. Poletaev,

Cand. Sc., Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences, 47, Nakhimovsky avenue, Moscow, 117418, Russia. E-mail: dvpo@yandex.ru

Svetlana V. Dementeva,

Cand. Sc., Tomsk Polytechnic University, Russia, 634050, Tomsk, Lenin Avenue, 30. E-mail: demen-svetlana@yandex.ru

Tamara Z. Zurabishvili,

Dr. Sc. Javakhishvili Tbilisi State University, 33, Paliashvilly street, Tbilisi, 0179, Georgia. E-mail: tamar.zurabishvili@gmail.com

The relevance of the work is caused by necessity to improve the competitiveness of Russian professional education in the international education market.

Objective of the work: to justify the necessity of defining possible ways to improve the competitiveness of Russia in the export market of educational services in promoting educational migration to the Russian professional educational organizations (professional schools, vocational schools, colleges, technical schools) and to indicate the range of problems, that must be solved for this.

Research methods: within the framework of a systems thinking, the method of legal monitoring was used for researching the current federal law, that allows estimating the completeness and effectiveness of the legal regulation of educational migration in Russia; the method of detailed study was used as well for domestic and foreign experience to analyze qualitative and numerical results of sociological researches.

Results: the authors have determined the challenges when developing educational migration in professional educational institutions: unfavorable Russian demographic dynamics, structural deficit of university entrants, competition of vocational education institutions and their competition with the institutes of higher education, higher prestige of education received in the major cities. To solve the problem the authors worked out possible models of strategies of developing the system of vocational education under present circumstances.

Key words:

Study migration, human capital, international education, educational rights, adaptation, competitiveness.

REFERENCES

1. Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: utverzhdena Prezidentom RF 13 iyunya 2012 g [Concept of state migration policy of the Russian Federation for the period to 2025. Approved by the president of the RF on July 13, 2012]. *FMS RF*. Available at: <http://www.fms.gov.ru/documentation/868/details/53252/> (accessed 21 March 2014).
2. Arefev A.L. Srednee profobrazovanie ne polzuetsya uspekham u rossiyan i inostrantsev [Secondary training education is not of success among the Russians and foreigners]. *Demoskop Weekly*, 2010, no. 441–442. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/tema02.php/> (accessed 20 March 2014).
3. Poletaev D.V. Rol uchebnoy migratsii iz zarubezhnykh stran v sotsialno-ekonomicheskom i demograficheskom razvitii Rossii [The role of studying migration from foreign countries in social and economic development of Russia]. *Demoskop Weekly*, 2008, no. 345–346. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0345/analit07.php/> (accessed 20 March 2014).
4. O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Federalny zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ. S izmeneniyami i dopolneniyami, vstup. v silu s 10.01.2014 [On legal position of foreigners in the Russian Federation: State Law on July 25, 2002, no. 115-FZ]. *FMS RF 2013*. Available at: <http://www.fms.gov.ru/documentation/860/details/45720/> (accessed 21 March 2014).
5. Katrovskiy A.P. Uchebnaya migratsiya v vuzy Rossii: faktory i motivatsiya [Training migration to Russian universities: factors and motivation]. *Migratsiya i urbanizatsiya v SNG i Baltii v 90-e gody* [Migration and urbanization in CIS and Baltic countries in 1990-s]. Ed. Zh.A. Zayonchkovskaya. Moscow, Adamant Publ., 1999. 267 p.
6. Vitkovskaya G.S. *Immigranty v regionakh Rossii: dostupnost vysshego obrazovaniya kak faktor adaptatsii i sotsialnoy stabilnosti* [Immigrants in Russian regions: high education accessibility as a factor of adaptation and social stability]. Moscow, Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN, 2002. pp. 60–63. Available at: http://www.socpol.ru/research_projects/pdf/012vitkovskaya.pdf/ (accessed 20 March 2014).
7. Ledeneva L.I., Tyuryukanova E.V. Rossiyskie studenty za rubezhom: ikh professionalno-migratsionnye strategii [Russian students abroad: their professional and migration strategies]. *Che-lovek i trud*, 2003, no. 4, pp. 46–53.
8. Sheregi F.E., Dmitriev N.M., Arefev A.L. *Nauchno-pedagogicheskiy potentsial i eksport obrazovatelnykh uslug rossiyskikh vuzov* [Scientific and pedagogical potential and export of education services of Russian universities]. Moscow, Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya, 2002. 551 p.
9. Gavrilov K.A., Gradirovskiy S.N., Pismennaya E.E., Ryazantsev S.V., Yatsenko E.B. *Uchebnaya migratsiya iz stran SNG i Baltii: potentsial i perspektivy dlya Rossii* [Training migration from CIS and Baltic countries: potential and perspective for Russia]. Eds. K.A. Gavrilova, E.B. Yatsenko. Moscow, Fond «Nasledie Evrazii», 2012. 210 p.
10. Poletaev D.V. Vuzy Rossii kak mekhanizm adaptatsii uchebnykh migrantov [Russian universities as a mechanism for adaptation of training migrants]. *Transgranichnyye migratsii i primayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoy adaptatsii: monografiya* [Cross-border migration and host society: mechanisms and practice of mutual adaptation. Monography]. Ed. V.I. Dyatlova. Yekaterinburg, Ural University Press, 2009. pp. 289–342.

11. Dementeva S.V., Giniyatova E.V. Uchebnaya migratsiya v Tomskiy politekhnicheskiiy universitet: mekhanizmy i praktiki effektivnoy adaptatsii [Training migration to Tomsk Polytechnic University: mechanisms and practice of effective adaptation]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 187–190.
12. Poletaev D.V., Dementeva S.V. Innovatsionnye strategii razvitiya mezhdunarodnogo obrazovaniya v raketakh uchebnoy migratsii v vyuzy Rossii [Innovative strategies of international education development within training migration to Russian universities]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 128–134.
13. Dementeva S.V. Sotsialno-pravovyye aspekty uchebnoy migratsii v kontekste reformy rossiyskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva [Social and legal aspects of training migration within the reform of Russian educational legislation]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2011, vol. 319, no. 6, pp. 166–172.
14. Arefev A.L., Sheregi A.F. *Ekspert rossiyskikh obrazovatel'nykh uslug: statisticheskiy sbornik* [Export of Russian educational services: statistical collection]. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya, 2007. 254 p.
15. Popov A. Sibirskoe mashinostroenie zhivo [Siberian mechanical industry is alive]. *Ekspert*, 2014, no. 11, pp. 52–53.
16. Molodykh A. Otkuda u nas ruki rastut [One couldn't find his arse with both hands]. *Russkiy reporter*, 2013, no. 33 (311). Available at: <http://www.rusrep.ru/article/2013/08/20/worldskills/> (accessed 21 March 2014).
17. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Trud i zanyatost v Rossii* [Federal service of State statistics. Labor and employment in Russia]. 2013. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm/ (accessed 21 March 2014).
18. Gimpelson V. Defitsit kvalifikatsii i navykov na rynke truda: nedostatok predlozheniya, ogranicheniya sprosa ili lozhnye signaly rabotodateley? [Skill and experience gap on Russian labor market: lack of supply, limit of demand or false signal of employers?]. *Voprosy ekonomiki*, 2004, no. 3, pp. 76–93.
19. Gimpelson V., Kapelyushnikov R., Lukyanova A. *Spros na trud i kvalifikatsiyu v promyshlennosti: mezhdud defitsitom i izbytkom* [Labor and qualification demand in industry: between deficiency and excess]. Moscow, GU VShE Publ., 2007. 60 p.
20. *Rossiyskiy rabotnik. Obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya* [Russian employee. Education, occupation, qualification]. Ed. V.E. Gimpelson, R.I. Kapelyushnikov. Moscow, ID VShE Publ., 2011. 574 p.
21. Arefev A.L. *Sostoyanie i perspektivy eksporta rossiyskogo obrazovaniya* [State and prospects of exporting Russian education]. Moscow, RUDN Publ., 2010. 109 p.
22. Mittelman J.H. *The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance*. New Jersey, Princeton University Press, 2000. 62 p.
23. The Knowledge Revolution. *Newsweek*. Special edition, Dec. 2005 – Feb. 2006.
24. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta predostavleniya Federalnoy migratsionnoy sluzhboy, organami ispolnitel'noy vlasti subektov Rossiyskoy Federatsii, osushchestvlyayushchimi peredannye polnomochiya Rossiyskoy Federatsii v oblasti sodeystviya zanyatosti naseleniya, Federalnym agentstvom morskogo i rechnogo transporta i Federalnym agentstvom po rybolovstvu gosudarstvennoy uslugi po vydache zaklyucheniya o privlechenii i ob ispolzovanii inostrannykh rabotnikov, razresheniya na privlechenie i ispolzovanie inostrannykh rabotnikov, a takzhe razresheniya na rabotu inostrannym grazhdanam i litsam bez grazhdanstva (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 09.04.2008 № 11480). Prikaz FMS Rossii № 1, Minzdravsotsrazvitiya Rossii № 4, Mintransa Rossii № 1, Goskomrybolovstva Rossii № 2 ot 11.01.2008 (red. ot 19.09.2013) [On approval of administrative regulation of providing state service in issuing a decision on involving and using foreign employees, permission to involve and to use foreign workers, permission to work to foreign workers as well as the permission to work to foreigners and stateless people by the Federal Migration service, Government executive bodies of the subjects of the Russian Federation, exercising authority of the Russian Federation in promotion of employment, by the Federal service of marine and river transport and by the Federal fishing service (Registered in Ministry of Justice of the Russian Federation 09.04.2008, no. 11480). Order of Federal Migration Service of Russia no. 1, Ministry of Health and Medicine of the Russian Federation no. 4, Ministry of Transport of the Russian Federation no. 1, State Committee of Fishing of the Russian Federation no. 2, 11.01.2008 (ed. 19.09.2013)]. *Rossiyskaya gazeta*. Available at: <http://www.rg.ru/2013/11/15/fms-dok.html> (accessed 21 March 2014).

УДК 338.49

АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОПАРКА КАК ОБЪЕКТА ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Котельников Николай Владимирович,

канд. техн. наук, доцент каф. «Управление промышленными предприятиями» Института экономики, управления и права Иркутского государственного технического университета, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. E-mail: nik_kot_77@mail.ru

Нагаева Анастасия Витальевна,

студент каф. «Управление промышленными предприятиями» Института экономики, управления и права Иркутского государственного технического университета, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. E-mail: nagaeva_av@mail.ru

Актуальность работы обусловлена ролью технопарков в инновационном развитии и в распространении малого инновационного бизнеса.

Цель работы: проанализировать и определить перспективы развития технопарка как объекта инновационной инфраструктуры.

Методы исследования: ретроспективный анализ возникновения и развития технопарков в географическом аспекте, сравнительная характеристика технологических укладов, качественный анализ изменений, произошедших в развитии технопарков, статистический анализ эффективности деятельности Технопарка ИрГТУ.

Результаты: выявлены признаки развития технопарков в различных технологических укладах, определены особенности деятельности технопарков в развитых странах мира. Рассмотрены исторические тенденции мирового развития технопарков как объектов инновационной инфраструктуры. Определена принадлежность инновационных проектов Технопарка ИрГТУ различным технологическим укладам. Проведена оценка деятельности Технопарка ИрГТУ как площадки для развития малого инновационного бизнеса, как наиболее адаптивной формы ведения бизнеса. Определена принадлежность Технопарка ИрГТУ к четвертому, пятому технологическому укладу. В ходе работы определено приоритетное направление развития Технопарка ИрГТУ в соответствии с мировой практикой и проведенным анализом: концентрация усилий на разработке технологий шестого технологического уклада. Сделан акцент на необходимости активного привлечения крупных инвесторов.

Ключевые слова:

Технологический уклад, инновационное развитие, технопарк, инновационная инфраструктура, инновация.

Каждому технологическому укладу (ТУ) соответствует набор инновационных технологий, которые обеспечивают экономический рост. Безусловно, создание и внедрение технологии сопровождается появлением объектов инфраструктуры, которые также носят инновационный характер для своего времени.

Согласно Федеральному закону от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», инновационная инфраструктура – совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг [1]. В табл. 1 представлено развитие инновационной инфраструктуры с первого по четвертый ТУ.

В соответствии с установленным законодательством (254-ФЗ) определением инновационной инфраструктуры, не будет противоречием представление мануфактуры и корпорации в качестве объекта инновационной инфраструктуры для своего времени, т. к. там реализовывались инновационные проекты, аккумулировались ресурсы и внедрялись новые технологии.

Первые ТУ характеризовались медленным развитием научно-технологического прогресса (НТП). С появлением корпораций и их научно-исследовательских центров повышается роль научной составляющей производственного процесса. Растет спрос на научные исследования, внедрение новых технологий в целях развития промышленности. В середине двадцатого века появляются технопарки, в которых сосредоточены все процессы, связанные с последующим производством конкурентного наукоемкого продукта. Именно развитие НТП изменило значение инфраструктуры, повысило её роль. Благодаря НТП, его ускорению менялись условия существования предприятий, сама их деятельность и продукты деятельности.

Первый технопарк в США – научный парк Стэнфордского университета, созданный в начале 50-х гг., начал свою работу только через 30 лет. Для его деятельности характерно предоставление в аренду малым предприятиям земли и помещений. Этот технопарк стал основой для создания Силиконовой долины [5]. Количество технопарков в США сегодня – от 150 до 300 [6].

Европейские технопарки (например, научный Парк Левен-ла-Нев, технопарк София-Антиполис, научный парк Мьярдеви) развиваются с начала

70-х гг. Для них свойственно:

- развитие технологий четвертого ТУ;
- наличие одного учредителя, как правило – крупной организации;
- основной вид деятельности – сдача земли в аренду собственникам наукоемких фирм;
- короткий срок становления [7].

Таблица 1. Развитие объектов инновационной инфраструктуры с первого по четвертый ТУ (таблица сформирована на основе [2–4])

ТУ	Период времени	Страны-лидеры	Объект инновационной инфраструктуры	Характеристика объекта инновационной инфраструктуры
1	1770–1830	Англия, Франция, Бельгия	Концентрированная мануфактура	1) ремесленники работают в одном помещении; 2) разделение труда; 3) появление машин
2	1830–1880	Англия, Франция, Бельгия, США, Германия	Фабрика, технические вузы, национальные и международные системы охраны интеллектуальной собственности	1) разделение труда и применение водяных, паровых и электрических машин; 2) внедрение новых технологий
3	1880–1930	Англия, Германия, Франция, США, Нидерланды, Бельгия, Швейцария	Корпорация с научно-исследовательскими лабораториями	1) повышение конкуренции между корпорациями; 2) создание научно-исследовательских лабораторий
4	1930–1970	Страны ЕЭС, Австралия, Канада, Япония, Швеция	Специализированные и научно-исследовательские отделы в фирмах, технопарк	1) тенденция к ведению малого бизнеса, появление фирм, более адаптивных к изменениям внешней среды; 2) создание научно-исследовательских отделов для обеспечения конкурентоспособности

Данные технопарки – новые научные города с соответствующей инфраструктурой. Их количество в 90-х гг. – более трех десятков. В настоящее время восемьдесят из трехсот европейских технопарков находятся в Великобритании, средняя площадь каждого из них 10 га [6].

Современным европейским технопаркам пятого ТУ присуще наличие:

- здания, предназначенного для размещения в нем десятков малых фирм (это способствует формированию большого числа новых малых и средних инновационных предприятий, пользующихся всеми преимуществами системы коллективных услуг);
- нескольких учредителей (этот механизм управления значительно сложнее механизма с одним учредителем, однако намного эффективнее, например, с точки зрения доступа к финансированию) [7].

нее, например, с точки зрения доступа к финансированию) [7].

В то же время для Европы и США характерна схожесть модели технопарков – их основой является частно-государственное партнерство, единство целей.

Особенности развития инновационной инфраструктуры стран Востока исходят из истории и менталитета этих стран. Их становление обусловлено необходимостью технологического рывка, что обеспечено законодательными и иными мерами. Исходя из европейского и американского опыта, технопарки восточных стран носят характер технополисов с узкой технологической направленностью, развивающей наиболее перспективные технологии.

В странах Востока развитие инновационной инфраструктуры происходит благодаря государственным программам. Так, в Японии действует программа «Технополис», в рамках которой создано 25 технополисов и уникальный город Цукуба, где сосредоточено около трети государственных исследовательских лабораторий страны, занимающихся фундаментальными исследованиями [5].

По государственным программам: «Программа 863» и «Факел», в Китае создано более 50 национальных технопарков и работают 120 зон развития высоких технологий. Для этих экономических зон введены различные льготы для привлечения инвестиций и инвесторов [5].

Приоритетом в развитии инновационной инфраструктуры в Индии определены информационные технологии (наиболее яркий пример – технопарк Керала, основанный при содействии местных властей) [5]. Сегодня в Индии действуют технопарки (STP – Software Technology Parks), экспортные производственные зоны (EPZ – Export Processing Zones) и экспортно-ориентированные предприятия (EOU – Export-Oriented Units), в деятельности которых принимает участие сеть исследовательских и образовательных институтов. В настоящее время Индия – мировой лидер офшорного программирования [8].

Корея поставила своей целью развивать микроэлектронику и чистую химию, информатику и автоматизацию производства. Эти направления соответствуют прорывным технологиям пятого ТУ. С 80-х гг. в Корее создаются технопарки, НИИ и рискофирмы в сфере высоких технологий, в организации деятельности которых, благодаря финансовым и налоговым льготам, принимали участие крупные предприятия ведущих отраслей Кореи и зарубежные компании [9].

Сейчас в Корее создано несколько зон, подобных Силиконовой долине, имеется Корейский инновационный кластерный фонд, в котором работает свыше 1000 технологических компаний [10].

На основании вышеприведенного анализа, можно определить основные изменения, произошедшие в развитии технопарков на протяжении четвертого и пятого ТУ:

- 1) изменения количественного состава учредителей технопарков;
- 2) изменение состава резидентов технопарков (от крупных наукоемких фирм до средних и малых инновационных предприятий);
- 3) изменение форм государственной поддержки (от частной поддержки и военных заказов правительства до национальных программ);
- 4) изменение объектов деятельности (от наукоемких производств до высокотехнологичных инновационных проектов);
- 5) появление услуги бизнес-сопровождения инновационных проектов;
- 6) внедрение специализации по направлениям деятельности технопарков.

Результаты рассмотрения тенденций развития технопарков представлены в табл. 2, 3 (данные таблиц основаны на приведенном выше анализе):

Таблица 2. Критерии развития технопарков 4–6 ТУ

ТУ	Критерии развития технопарков								
	Наличие больших площадей земли, помещения	Сдача в аренду площадей автономным малым предприятиям	Сотрудничество с университетами, НИИ и др.	Наличие одного учредителя	Наличие нескольких учредителей	Использование для снижения безработицы	Использование для внедрения новых технологий	Частно-государственное партнерство	Узкая технологическая направленность
4	+	+	+	+	-	+	-	+	-
5	+	+	+	-	+	+	-	+	-
6	+	+	+	-	+	-	+	+	+

Проанализировав мировую историю развития технопарков, выделим следующие признаки, присутствующие американскому, европейскому и восточному опыту внедрения технопарков (табл. 2).

Рассмотрев критерии и признаки развития технопарков, представляется возможным сделать вывод о том, что восточные страны обеспечили существенный рывок в научно-техническом прогрессе, используя имеющийся американский и европейский опыт, учитывая особенности экономики и промышленности своих стран.

Отслеживая тенденции инновационного развития, рейтинги: «The Global Innovation Index» и «50 the Most Innovative Countries by Bloomberg» определяют позиции ведущих стран мира, используя набор критериев, например концентрация высоких технологий, число научных работников на миллион жителей и т. д. Данные этих рейтингов подтверждают лидирующие позиции инновационной деятельности рассмотренных выше стран. Логично отследить позиции России в данных рейтингах. По данным обоих рейтингов, Российская Федерация снизила инновационную активность, так, «The Global Innovation Index» устанавливает 51-е место в 2012 г. [11], а в 2013 г. – 62-е [12]. По данным «50 the Most Innovative Countries» в 2013 г.

Россия занимала 14-е место [13], а в 2014 г. – 18-е (падение на 4 пункта) [14].

Таблица 3. Признаки развития технопарков в соответствии с американским, европейским и восточным опытом

Признаки	Американский опыт	Европейский опыт	Опыт восточных стран
Наличие директивы государства для создания технопарка	Отсутствует (осуществляются заказы на определенные технологии)	Отсутствует	Присутствует
Цель создания технопарков	Борьба с безработицей, внедрение новых технологий	Борьба с безработицей, внедрение новых технологий	Обеспечение технологического рывка
Размер технопарка	Средние, крупные	Средние, крупные	Большие градостроительные проекты с жилыми районами и развитой инфраструктурой
Бизнес-сопровождение в технопарках	Присутствует	Присутствует	Присутствует
Наличие направленности на развитие одной высокотехнологичной отрасли	Нет (имеется направленность на развитие перспективных высоких технологий)	Нет (имеется направленность на развитие перспективных высоких технологий)	Да
Наличие предшественника	Пионеры	На основе американского опыта	На основе американского и европейского опыта

Инновационный процесс сегодня – основная доминанта экономического развития России [15]. Инновационное развитие России обеспечивается комплексом разнообразных элементов инновационной инфраструктуры, одним из которых является технопарк.

Созданные в 50–60-е гг. XX в. научные центры России, первым из которых стал Сибирский академгородок, стали предшественниками технопарков. Основным в деятельности научных центров являлось проведение НИОКР и внедрение результатов научной деятельности в производство на некоммерческой основе. В соответствии с программой «Технопарки России» (1990 г.) создан Томский научно-технологический парк. К 2000-м гг. количество технопарков достигло 80 [16].

В рамках комплексной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» (2006 г.) создаются и функционируют современные технопарки [17]. По данным Единого информационно-аналитического портала государственной поддержки инновационного развития бизнеса, сегодня функционируют 159 технопарков [18].

На основании данной Программы в Иркутской области действует Технопарк ИрГТУ. Он был образован в период пятого ТУ (2001 г.), следовательно, его деятельность можно соотнести с теми мировыми тенденциями, которые приведены выше. Для Технопарка ИрГТУ характерно:

- 1) наличие одного учредителя;
- 2) состав резидентов технопарка ограничен малыми инновационными предприятиями;
- 3) осуществление деятельности за счет государственной поддержки;
- 4) разработка инновационных проектов;
- 5) бизнес-сопровождение инновационных проектов;
- 6) отсутствие специализации по направлениям деятельности.

Таблица 4. Классификация разработок Технопарка ИрГТУ 4-го ТУ (данные таблицы основаны на [19])

Принадлежность разработки к 4-му ТУ	Объем необходимых инвестиций (\$ тыс.)	Разработчик	Прогноз планируемой валовой прибыли на 2015 г. (\$ тыс.)	Планируемая реализация продукции в 2015 г. (\$ тыс.)
Автоклав для вулканизации резиновых изделий	80	НИ ИрГТУ, ИрГУПС	200	600
Автоматизированный способ определения удельных поверхностей пористых и дисперсных материалов	115	НИ ИрГТУ	9600	12000
Запорно-регулирующая арматура нового поколения	500	НИ ИрГТУ	700	380
Исследование и разработка технологии получения нефтяного пека в качестве нового связующего и пропитывающего композиционного материала	300000	НИ ИрГТУ	1700	9500
Новый водородный топливный элемент	200	НИ ИрГТУ	20	100
Новые строительные материалы из крупнотоннажных отходов теплоэнергетики и отходов пластмасс «Пенозол»	100	ООО «ЭкоСтройИнновации»	1466	6423
Теплоизоляционный материал нового поколения	150	ООО «Лазерные технологии»	700	380
Универсальная малогабаритная машина для нужд ЖКХ	200000	НИ ИрГТУ	696	24969

В целях изучения принадлежности инновационных проектов Технопарка ИрГТУ к различным ТУ проведен анализ проектов, представленных 20–21 сентября 2012 г. в рамках Российской венчурной ярмарки на выставке молодежных про-

ектов «Молодые. Инновационные. Креативные» [19]. При ознакомлении с проектами выяснилось, что больше 50 % разработок относятся к четвертому ТУ, что соответствует общероссийской тенденции. Стоит отметить тот факт, что 10 % разработок относятся к шестому ТУ

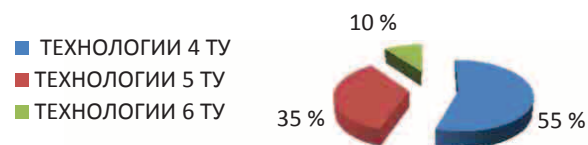

Рисунок. Классификация разработок Технопарка ИрГТУ по ТУ

В табл. 4 представлены примеры проектов, в соответствии с технологиями четвертого ТУ. Всего на выставке молодежных проектов «Молодые. Инновационные. Креативные» было предложено 11 проектов, технологии которых соответствуют 4 ТУ.

Приведем таблицу названий представленных проектов и их соответствие ТУ (табл. 4).

Разработки пятого и шестого ТУ представлены в табл. 5, 6.

Таблица 5. Классификация разработок Технопарка ИрГТУ 5-го ТУ (данные таблицы основаны на [19])

Принадлежность разработки к 5-му ТУ	Объем необходимых инвестиций (\$ тыс.)	Разработчик	Прогноз планируемой валовой прибыли на 2015 г. (\$ тыс.)	Планируемая реализация продукции в 2015 г. (\$ тыс.)
Интерактивный туристический путеводитель с картой для байкальского региона	83	НИ ИрГТУ	61544	87920
«Летающий» робот для диагностики нефтяных трубопроводов	500	ЗАО «Восток-Тор»	160	350
Программный продукт «Центр-Облако»	25000	ФГБОУ «Братский государственный университет»		
Разработка критериев оценки качества функционирования сети городского пассажирского транспорта	10000	НИ ИрГТУ	–	–
«Робот-перевёртыш»	50–100	НИ ИрГТУ	250	5
Солнечный коллектор «ISTU SUN 1»	500	НИ ИрГТУ ИЦ «Энергоэффективность»	150	750
Устройство измерения вибраций	15	НИ ИрГТУ	4,5	8,5

Таблица 6. Классификация разработок Технопарка ИрГТУ 6-го ТУ (данные таблицы основаны на [19])

Принадлежность разработки к 6-му ТУ	Объем необходимых инвестиций (\$ тыс.)	Разработчик	Прогноз планируемой валовой прибыли на 2015 г. (\$ тыс.)	Планируемая реализация продукции в 2015 г. (\$ тыс.)
Новая технология нанесения 2D и 3D изображений на органическом стекле	150	ООО «Лазерные технологии»	700	380
Технология получения микросфер и ультратонких волокон	55	НИ ИрГТУ	35	65

Анализ выявленных особенностей Технопарка ИрГТУ в сочетании с мировым опытом показывает следующее: нельзя однозначно сказать, что наличие одного учредителя ФГОУ ВПО НИ ИрГТУ является отрицательным фактом, но в то же время это свидетельствует об отсутствии заинтересованности крупных предприятий Иркутской области в соучредительстве. Кроме того, наличие в качестве учредителя университета в условиях современного федерального законодательства является некоторым препятствием для участия инвесторов в проектах Технопарка ИрГТУ [20].

Осуществление деятельности малых инновационных предприятий на базе Технопарка ИрГТУ соответствует мировой практике. Работа Технопарка ИрГТУ сводится в основном к разработке инновационных проектов по технологиям четвертого и пятого укладов. Масштабы реализации проектов шестого ТУ на данный момент недостаточны и не обеспечивают инновационного развития экономики Иркутской области. Бизнес-сопровождение является положительным моментом в работе технопарка: оказывается полный комплекс услуг.

Технопарк ИрГТУ пользуется государственной поддержкой, что обеспечено соответствующим федеральным и областным законодательством. В рамках Постановления Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в Федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» с 2010–2012 гг. было создано 16 инновационных предприятий, проекты Технопарка ИрГТУ стали победителями конкурсов Правительства Иркутской области (7 проектов), администрации г. Иркутска (9 проектов), Сколково (1 проект), программы СТАРТ (4 проекта), БИТ-Байкал (3 проекта), БИТ-Россия (1 проект), т. е. получили государственное финансирование [20]. В соответствии с программой развития Иркутского государственного технического университета на 2010–2019 гг. в качестве национального исследовательского, размер ассигнований федерального бюджета составит 1800 млн р.

Успешная деятельность зарубежных технопарков во многом обусловлена тем, что помимо эффективной государственной поддержки, большой объем инвестиций осуществляют крупные предприятия. Кроме того, для технопарков восточных стран характерен основной упор на развитие фундаментальных исследований. Другой современной тенденцией является приоритетное развитие определенных отраслей науки и промышленности, что не присуще иркутскому технопарку.

Большинство технологий инновационных проектов Технопарка ИрГТУ относится к четвертому ТУ, что говорит об определенном технологическом отставании. Однако наличие технологий шестого уклада дает надежду на то, что в скором времени акцент будет сделан именно на технологии шестого ТУ, что может обеспечить инновационный прорыв, а если на национальном уровне – то и экономическое превосходство.

По четырем из шести выделенных критериев деятельность Технопарка ИрГТУ соответствует деятельности технопарков четвертого и пятого ТУ. Однако совершенно точно ясно, что есть потенциал, определенная база для развития. В связи с этим предлагаются следующие приоритетные направления развития Технопарка ИрГТУ в соответствии с мировой практикой и проведенным анализом:

- 1) концентрация усилий на разработке технологий шестого уклада;
- 2) активное привлечение крупных инвесторов (как к соучредительству, так и к внедрению инновационных технологий);
- 3) коммерциализация инновационных проектов на всероссийском и мировом уровнях;
- 4) обеспечение систематического актуализированного информирования о разработанных проектах и результатах их внедрения.

Выводы

В результате анализа:

- рассмотрены исторические тенденции мирового развития технопарков как объектов инновационной инфраструктуры;
- установлены особенности развития технопарков на территориях ведущих государств мира;
- определена принадлежность инновационных проектов различным технологическим укладам. В качестве приоритетных направлений развития технопарков можно определить следующее:

1. Следование технологиям шестого ТУ.
2. Развитие международной кооперации технопарков.
3. Дальнейшее развитие налоговых стимулов для инновационных предпринимателей.
4. Обеспечение политики стимулирования спроса на инновационную деятельность.
5. Развитие рынка интеллектуальной собственности.
6. Создание высококачественной информационно-коммуникационной инфраструктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»: Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ // Российская газета. 2011. 26 июля.
2. Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике: научный доклад. – М.: ГОУВПО «ГУУ», 2008. – 91 с.
3. Англия: шесть требований народа // Agitclub.ru. 2008–2014. URL: <http://www.agitclub.ru/front/eng/prom01.htm> (дата обращения: 01.12.2013).
4. Техника мануфактуры // Библиотека юного исследователя. 2001–2012. URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000055/st040.shtml> (дата обращения: 01.12.2013).
5. Лазарев В.С. История и зарубежный опыт создания и деятельности технопарков и бизнес-инкубаторов. – Минск: Изд-во РУП «Технопарк БНТУ «Метеолит», 2005. – 398 с.
6. Лукьянчиков Г., Шукин А. От технопарков – к городам науки // Эксперт. 2010. URL: <http://expert.ru/expert/2010/48/ot-tehnparkov-k-gorodam-nauki/> (дата обращения: 01.12.2013).
7. Чистякова Н.О. Анализ мирового опыта функционирования и развития объектов инновационной инфраструктуры // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311. – № 6. – С. 76–81.
8. Инновации и технопарки. Интервью с генеральным директором «Переславского технопарка» Алоком Кумаром // Российская национальная нанотехнологическая сеть. 2010. URL: <http://www.rusnanonet.ru/articles/41012> (дата обращения: 01.12.2013).
9. Ярошенко С. Становление и развитие технопарков в странах Юго-Восточной Азии // Федеральный медиа-ресурс, посвященный рынку современных информационных технологий. 2006. URL: <http://www.comprice.ru/articles/detail.php?ID=41399> (дата обращения: 01.12.2013).
10. Зайко А. Иннополис по-корейски // Эксперт. 2012. URL: <http://expert.ru/expert/2012/09/innopolis-po-korejski/> (дата обращения 01.12.2013)
11. The Global Innovation Index 2012. Stronger Innovation Linkages for Global Growth // URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2013/25337/3934.pdf> (дата обращения 01.12.2013).
12. The Global Innovation Index 2013. The Local Dynamics of Innovation // URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2013/25316/3922.pdf> (дата обращения: 01.12.2013).
13. 50 Most Innovative countries by Bloomberg Rankings 2012 // URL: <http://www.bloomberg.com/slideshow/2013-02-01/50-most-innovative-countries.html#slide38> (дата обращения: 01.12.2013).
14. 50 Most Innovative countries by Bloomberg Rankings 2013 // URL: http://images.businessweek.com/bloomberg/pdfs/most_innovative_countries_2014_011714.pdf (дата обращения: 01.12.2013).
15. Антонова З.Г. Переход экономики России на инновационный путь развития // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 322. – № 6. – С. 26–32.
16. Костюнина Г.М., Баронов В.Н. Технопарки в зарубежной и российской практике // Инновации в России. URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2013/25352/3950.pdf> (дата обращения: 01.12.2013).
17. Распоряжение Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р (в ред. распоряжений Правительства РФ от 25.12.2007 № 1912-р, от 12.09.2008 № 1326-р, Постановления Правительства РФ от 10.03.2009 № 219, распоряжения Правительства РФ от 27.12.2010 № 2393-р). URL: http://minsvez.ru/ru/doc/?id_4=178 (дата обращения: 01.12.2013).
18. Единый информационно-аналитический портал государственной поддержки инновационного развития бизнеса. URL: http://innovation.gov.ru/page/383?title=&field_orgtype_tid=671&field_region_tid=All&page=7 (дата обращения: 01.12.2013).
19. Молодые. Инновационные. Креативные. Каталог молодежных инновационных проектов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – 25 с.
20. Корняков М.В., Сеницына К.С., Звездин А.В. Проблемы и направления развития инновационной инфраструктуры НИ ИрГТУ // ВЕСТНИК ИрГТУ. – 2012. – № 8 (67). – С. 172–176.

Поступила 23.04.2014 г.

ANALYSIS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF TECHNOLOGICAL CLUSTER AS AN OBJECT OF INNOVATION INFRASTRUCTURE

Nikolay V. Kotelnikov,

Cand. Sc., National Research Irkutsk State Technical University,
Russia, 664074, Irkutsk, Lermontova Street, 83. E-mail: nik_kot_77@mail.ru

Anastasiya V. Nagaeva,

National Research Irkutsk State Technical University, Russia, 664074,
Irkutsk, Lermontova Street, 83. E-mail: nagaeva_av@mail.ru

The urgency of the discussed issue is caused by the role of technological clusters in innovative development and dissemination of small innovative business.

The main aim of the study: *to analyze and to determine the prospects of development of technological cluster as an object of innovation infrastructure.*

The methods used in the study: *the retrospective analysis of the emergence and development technological clusters in the geographical aspect, the comparative characteristics of technological structures, the qualitative analysis of changes, which occurred with development of technological clusters, the statistical analysis of the effectiveness of IrGTU Technopark.*

The results: *The authors have revealed the signs of development of technological clusters in different technological structures, have defined the features of activity of technological clusters in the developed world. The paper considers the historical trends of the world development of the technological clusters as the objects of innovation infrastructure. The identity of the IrGTU Technopark innovative projects to different technological structures was defined. The authors estimated activity of IrGTU Technopark as a platform for developing small business innovation as the most adaptive form of doing business. The identity of IrGTU Technopark to the fourth and fifth technological structures was defined. The authors defined the priority direction in developing IrGTU Technopark in accordance with the international practice and analysis. It is the concentration of efforts on developing technologies of the sixth technological structure. The emphasis is done on the need to involve actively significant investors.*

Key words:

Technological structure, innovative development, technological cluster, innovation infrastructure, innovation.

REFERENCES

1. O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon «O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike» [On introduction of changes into the Federal law «About science and state science and technology policy»]. *Rossiyskaya gazeta*, 2011, 26 July.
2. Glazev S.Yu. *Vozможности i ogranicheniya tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh strukturnykh izmeneniy v mirovoy ekonomike* [The capabilities and limitations of the technical and economic development of Russia in terms of the structural changes in the global economy]. Moscow, GUU Publ., 2008. 91 p.
3. *Angliya: shest trebovaniy naroda* [U.K.: the six demands of nation]. Agitclub.ru. 2008–2014. Available at: <http://www.agitclub.ru/front/eng/prom01.htm> (accessed 1 December 2013).
4. *Tekhnika manufaktury* [The technology of the manufactory]. *Biblioteka yunogo issledovatelya* [Library of a young researcher]. 2001–2012. Available at: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000055/st040.shtml> (accessed 1 December 2013).
5. Lazarev V.S. *Istoriya i zarubezhnyy opyt cozdaniya i deyatelnosti tekhnoparkov i biznes-inkubatorov* [The history and foreign experience of the creation and activity of the techoparks and business-incubators]. Minsk, Tekhnopark BNTU «Meteolit» Publ., 2005. 398 p.
6. Lukyanchikov G., Shchukin A. *Ot tekhnoparkov – k gorodam nauki* [From technoparks to the cities of science]. *Ekspert* [Expert]. 2010. Available at: <http://expert.ru/expert/2010/48/ot-tehnoparkov-k-gorodam-nauki/> (accessed 1 December 2013).
7. Chistyakova N.O. *Analiz mirovogo opyta funktsionirovaniya i razvitiya obektov innovatsionnoy infrastruktury* [The analysis of international experience of functioning and development of the innovation infrastructure facilities]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2007, vol. 311, no. 6, pp.76–81.
8. *Innovatsii i tekhnoparki. Intervyu s generalnym direktorom «Pereslavskogo tekhnoparka» Alokum Kumarom* [The innovations and technology parks. The interview with CEO of «Pereslavsky technopark» Alok Kumar]. *Rossiyskaya natsionalnaya nanotekhnologicheskaya set* [Russian national nanotechnology network]. 2010. Available at: <http://www.rusnanonet.ru/articles/41012> (accessed 1 December 2013).
9. Yaroshchenko S. *Stanovlenie i razvitie tekhnoparkov v stranakh Yugo-Vostochnoy Azii* [Formation and development of technoparks in South-East Asia]. *Federalnyy media-resurs, posvyashchenny ryunku sovremennykh informatsionnykh technology* [Federal media-resource devoted to the market of modern IT technologies]. 2006. Available at: <http://www.comprice.ru/articles/detail.php?ID=41399> (accessed 1 December 2013).
10. Zayko A. *Innopolis po-koreyski* [Innopolis on korean]. *Ekspert* [Expert]. 2012. Available at: <http://expert.ru/expert/2012/09/innopolis-po-koreyski/> (accessed at 1 December 2013).
11. *The Global Innovation Index 2012. Stronger Innovation Linkages for Global Growth*. Available at: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2013/25337/3934.pdf> (accessed at 1 December 2013).
12. *The Global Innovation Index 2013. The Local Dynamics of Innovation*. Available at: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2013/25316/3922.pdf> (accessed at 1 December 2013).
13. *50 Most Innovative countries by Bloomberg Rankings 2012*. Available at: <http://www.bloomberg.com/slideshow/2013-02-01/50-most-innovative-countries.html#slide38> (accessed at 1 December 2013).
14. *50 Most Innovative countries by Bloomberg Rankings 2013*. Available at: http://images.businessweek.com/bloomberg/pdfs/most_innovative_countries_2014_011714.pdf (accessed at 1 December 2013).
15. Antonova Z.G. *Perekhod ekonomiki Rossii na innovatsionny put razvitiya* [Russian economy transition to the innovative way of

- the development]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2013, vol. 322, no 6, pp. 26–32.
16. Kostyunina G.M., Baronov V.N. Tekhnoparki v zarubezhnoy i rossiyskoy praktike [Tekhnoparks in foreign and Russian practice]. *Innovatsii v Rossii* [Innovation in Russia]. Available at: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2013/25352/3950.pdf> (accessed at 1 December 2013).
 17. *Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 10 marta 2006* [Disposal of the Government of 10 March 2006]. Available at: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=178 (accessed at 1 December 2013).
 18. *Ediny informatsionno-analitichesky portal gosudarstvennoy podderzhki innovatsionnogo biznesa* [Consolidated information-analytical portal of state support for innovative business development]. Available at: http://innovation.gov.ru/page/383?title=&field_orgtype_tid=671&field_region_tid=All&page=7 (accessed at 1 December 2013).
 19. *Molodye. Innovatsionnye. Kreativnye. Katalog molodezhnykh innovatsionnykh proektov* [Young. Innovative. Creative. Catalog of young innovative projects]. Irkutsk, Irkutsk State Polytechnic University, 2012. 25 p.
 20. Korniyakov M.V., Sinityna K.S., Zvezdin A.V. Problemy i napravleniya razvitiya innovatsionnoy infrastruktury [The problems and directions of the development of NR ISTU innovation infrastructure]. *Bulletin of the Irkutsk State Polytechnic University*, 2012, no. 8 (67), pp. 172–176.

УДК 330.101.8

СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ МЕЖСТАДИАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА

Барышев Алексей Андреевич,

канд. экон. наук, научный руководитель
НПО «Universitas Magistrorum et Scholarium»,
Россия, 634061, г. Томск, ул. Тверская, 14. E-mail: barishevnp@mail.ru

Барышева Галина Анзельмовна,

д-р экон. наук, зав. кафедрой экономики Института
социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный
исследовательский Томский политехнический университет»,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: ganb@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью развернутого анализа определяющей роли знания в индустриальном и постиндустриальном обществе через призму осевого принципа социальной динамики и построения общественных структур.

Цель работы: доказать необходимость определения параметров знания в индустриальной и постиндустриальной среде, выявить их внутреннюю сопоставимость на основе сетевых принципов; показать связь множественности векторов социального развития и определить глубинные причины кризиса системы профессионального образования.

Методы исследования: Применена диалектика живого и овеществленного труда к выявлению конкретно-исторической специфики и формы саморазвивающейся системы знания индустриального общества.

Результаты: Показано, каким образом доминирование овеществленного знания кодирует процесс структурообразования в общественном масштабе, какие структурообразующие институты возникают в этом процессе, как в порождаемых структурах программируется социальная динамика. Определены особенности рационального знания в индустриальном мире и специфика линейной модели прогресса на основе доминирования овеществленного знания. Переход к доминирующей роли живого знания в качестве субстанции социального определяет множественный (альтернативный) характер порождаемой (конструируемой) социальной реальности, социально-ролевой спектр участников этого процесса. Изменяется структура социально-творческого знания, в которой все большую роль начинает играть социально-ролевое знание субъектов формируемой реальности. Сделаны выводы о конгруэнтности системы социально-творческой деятельности, основанной на знании, и системы формирования знания участников этой деятельности.

Ключевые слова:

Индустриальная система знания, постиндустриальное общество, неявное знание, всеобщность рационального знания, социализация знания, профессиональное знание, модернизация профессионального образования.

Современная профессиональная подготовка в сфере высшего образования требует определения параметров знания, необходимого для эффективной деятельности в рамках стремительно формирующейся постиндустриальной среды. Историческая специфика знания в обществах предшествующих типов являлась иносказанием содержащихся в общественных отношениях кодов социального действия индивидов. Программа социальных действий определялась на основе местных естественных условий, а общественные отношения выступа-

ли отношениями замкнутой локальной непосредственной общности. Они формировались как результат реализации конкретно-контекстного знания, разделенного на изолированные сферы и связанного лишь единым нравственным смыслом.

Индустриализация общественных отношений потребовала иного качества знания, которое можно определить как всеобщее, нравственно и социально нейтральное, формализованное, обладающее однозначной истинностью, но предметно разделенное по научно-дисциплинарным пакетам, яв-

ляющим составными частями единой картины мира. В ходе развития постиндустриальных тенденций формируется новый тип знания, который в современной литературе идентифицируется по-разному, в зависимости от конкретной отрасли, в которой сформировались новые парадигмы, в том числе постнеклассика и постмодернизм [1. С. 640–660; 2. С. 33–45; 3. С. 12–17].

При этом в отношении предмета нашего исследования – профессионального знания – возникает своеобразная двойная рефлексия, не позволяющая обеспечить четкости его отражения по причине плохого на данный момент качества «зеркал». С одной стороны, профессиональное знание не может быть не затронуто постиндустриальными изменениями в тех сферах деятельности, в которых эти изменения происходят. С другой стороны, само знание об этом также должно соответствовать новой эпохе. Не принимая на себя ответственности в данной статье за решение подобных вопросов, ограничимся лишь социальными контурами профессионального знания, оставив в стороне анализ форм его существования и происходящих с ними метаморфоз в процессе деятельности постиндустриального человека.

Положение об определяющей роли знания в постиндустриальном мире без понимания нового социального содержания знания, способов его производства и передачи получает ресурсную интерпретацию в духе традиционных научных представлений. Индустриальная экономика добралась, наконец, до человеческого интеллекта и знаний, которые он создает, превратив знания в производственный актив (прагматический подход), а интеллект – в непосредственный объект эксплуатации (критический подход). Такая интерпретация, хотя и является широко распространенной в экономической и социальной литературе, никакого отношения к «новой экономике», и тем более к постиндустриальной парадигме, не имеет [4. С. 17–18].

Если «социальный код» индустриального общества предполагает, что овестьствованное знание выступает как программа социального структурообразования и проектирования, то в постиндустриальном обществе знание играет принципиально новую роль осевого принципа социальной динамики и построения общественных структур. Дело здесь не просто в изменении роли знания, а в том, что это изменение является выражением нового социального содержания знания и соответствующего ему нового способа его производства и передачи [5. С. 5–30].

В связи с этим формулируемый многими исследователями и участниками общественных обсуждений кризис образования можно определить как противоречие между формами образовательного процесса и его содержанием [6. С. 369].

Соответственно, исходным пунктом модернизации образования, на наш взгляд, не может выступать конструирование реформаторских концепций образования на основе представлений о прогресси-

рующем росте объемов информации, снижении уровня подготовки абитуриентов, мировых тенденций развития современного образования или его идеальном устройстве. Исходным пунктом должен стать анализ самого содержания образовательного процесса, каковым является формирование знаний через призму культурных особенностей [7. С. 8].

При такой постановке вопроса причина кризиса системы профессионального образования заключается в качественном, а не количественном, как это представляется на первый взгляд, изменении содержания научного знания. Предлагаемая для понимания кризиса образовательной системы и способов выхода из него цепочка зависимостей выглядит следующим образом: качественные изменения свойств знания – адекватный им способ производства и распространения знания – новые институциональные формы знания и его функционирования в обществе. Для определения социальной специфики знания, стремящегося занять место осевого принципа развития и социального структурообразования современного общества, произведем сравнение способов формирования и передачи кодов социального действия в индустриальном и постиндустриальном обществах.

В условиях индустриального общества взаимодействия индивидов достаточно жестко заданы системой искусственных средств производства. Согласно трудам К. Маркса, это эпоха господства овестьствованного труда над живым трудом. Овестьствованный труд обладает свойством доминировать над живым не по мистическим причинам, а потому, что является материальным условием человеческой деятельности и, будучи условием этой деятельности, овестьствует в себе не только определенные затраты физической и интеллектуальной энергии, но и знания, заключавшиеся в технологии их создания [8. С. 192].

Таким образом, новая фаза деятельности может разворачиваться только на базе нового знания, овестьствованного в искусственных организационно-имущественных комплексах и накопленной в кодированной форме информации. На данном этапе анализа тезис о детерминации деятельности, как в локальном, так и в общественном масштабе, и, следовательно, систем соответствующих взаимодействий индивидов означает определяющую роль овестьствованного знания по отношению к реализуемому знанию как живому труду. Безусловно, такое знание обладает определенной спецификой, по крайней мере, по отношению к предшествующей форме общества. Косвенным образом особенности индустриального знания можно определить через требования, предъявляемые индивидам, как это сделал Э. Геллнер в своей работе «Нации и национализм». Поскольку индустриальное общество характеризуется подвижной системой разделения труда и тенденцией к постоянному неограниченному экономическому росту, постольку «его члены должны быть мобильными, готовыми

переключиться с одной деятельности на другую и должны получать типовое образование, которое позволяет им пользоваться пособиями и инструкциями для овладения новой специальностью или профессией. В процессе работы они должны контактировать с большим числом других людей, с которыми они раньше не имели никаких отношений и общение с которыми, следовательно, должно быть предельно четким, не опирающимся на контекст. Они также должны быть способны общаться с помощью письменных, безличных, свободных от контекста, ни к кому определенному не обращенных типовых посланий» [9. С. 57–88].

В основе инструктивного, формализованного и обезличенного характера знаний непосредственных исполнителей лежит механическая логика индустриальной техники и вытекающая из нее индустриализация человеческих отношений в процессе совместной деятельности. Сюда относится фабричная организация труда, переносящая это инструктивное, формализованное, механическое знание об устройстве и функционировании техники на устройство и функционирование межличностных взаимодействий.

Однако механическое программирование социального структурообразования не исчерпывается только формированием специфики первичных ячеек кооперированного труда. Попытаемся определить конкретный механизм действия овеществленного знания в качестве социального кода индустриального общества.

Есть научные основания предположить, что доминирование овеществленного знания кодирует развитие и структурообразование общества строго по линии развития техники. Поскольку реализация всякого нового знания обусловлена наличием материальных условий его воплощения, постольку в индустриальном обществе действует запрет на использование знания, для которого не создана организационно-техническая база, в овеществленном виде представляющая знание, содержащее логические предпосылки для этого нового знания. Таким образом, программируется линейная схема технического прогресса, в которой различные технологии развиваются изолированно в составе своих организационно-технических комплексов, как в количественном, так и в качественном измерении. Без соответствующего социального кода такая система работать не может.

Овеществление ресурсов будущего функционирования и развития должно преобладать над объемом потребляемых в этом процессе ресурсов. Как возникла такая программа индустриального общества, остается загадкой и предметом научных споров. Однако, раз возникнув, она стала отлаживаться по линии ограничения объема потребления непосредственного производителя потребностями в нем индустриальной производственной организации, представленной в соответствующих организационно-технических комплексах овеществленного знания со стороны представителя этой организа-

ции – собственника средств производства. Именно капиталист отвечает за то, чтобы потребление рабочего обусловливалось количественным и качественным саморазвитием овеществленного труда – знания. В данном случае, если следовать линейной логике саморазвивающегося знания, ситуация очень прозрачная: для того чтобы развиваться, необходимо больше знания, чем для того, чтобы воспроизводить свое существование на стабильном уровне.

Итак, структурообразующим отношением индустриального общества является отношение между трудом и капиталом, персонифицированными в фигурах (социально-экономических персонажах) капиталиста и рабочего. В рамках данной социальной матрицы производится все, что воспроизводит и развивает индустриальное общество. Иначе говоря, только это отношение обладает творческой, производительной силой. Другие персонажи индустриального капитализма – ученые, изобретатели, преподаватели, предприниматели без капитала – являются непроеизводительными субъектами индустриального общества.

При всей популярности концепций Й. Шумпетера, В. Зомбарта и других авторов, вводящих в модель индустриального общества динамику через фигуру предпринимателя, социально-творческая роль сохраняется за капиталистом – собственником [10. С. 9; 11. С. 52–59]. Введение инноватора-предпринимателя в индустриальную модель экономики может быть отнесено на предвосхищение будущих событий, где данному персонажу отведена действительно главная роль.

С точки зрения знания как своего главного объекта накопления индустриальное общество имеет надежный механизм его производства – линейную логику развития технических систем на основе механических принципов их функционирования. Именно технический принцип заключает в себе все этапы эволюции индустриальной эпохи вплоть до полного ее исчерпания. Неявное знание об этом существует изначально от момента рождения данного принципа. Все стадии его развития находятся в достаточно узком коридоре возможностей, главным ограничением для реализации которых является запрет на перепрыгивание через стадии, устанавливающий строгий порядок причин и следствий в индустриальном прогрессе.

Однако изобретатели и прочие «рыночные авантюристы» стремятся использовать возможность быстрого обогащения, угадав следующее приращение знания, овеществленного в индустриальном прогрессе. Из массы неявного знания в условиях рыночной неопределенности они извлекают варианты самовозрастания капитала. Все заинтересованы узнать будущее раньше других, чтобы оторваться от них, овеществив в своем капитале очередную порцию неявного знания и получив не только нормальную прибыль, но и технологическую ренту за счет отставших конкурентов. Источником вознаграждения будут будущие прибыли

или убытки, если, например, в проекте оказался нарушенным принцип линейности.

В связи с этим следует отметить, что классическая предпринимательская проблематика индустриального общества не случайно связана с понятием «предпринимательского духа», которое избегает грубого экономизма, свойственного, например, категории производительного труда как труда, создающего субстанцию всех социальных связей индустриального общества. В нашем случае изобретатели как вторичные персонажи индустриального капитализма являются таковыми, поскольку обслуживают саморазвитие индустриального знания по заданному коридору возможностей, и их деятельность осуществляется за счет перераспределения общественного богатства. Последнее создается в пределах рыночных отношений, обладающих реальной творческой способностью создавать социальное пространство не только для своих контрагентов, но для рассмотренных изобретателей и предпринимателей различных проектов, политиков, чиновников, ученых, преподавателей, нетрудоспособных и т. д.

Второй составляющей социального кода индустриального общества является фрагментарность совокупного знания общества. Организационно-технические комплексы в виде фабрики овеществляют определенные фрагменты накопленного человеческого знания, изолируют их по отношению друг к другу. При этом реализующееся знание фрагментировано по социально-классовой принадлежности. Целостное знание является таким же искусственным агрегатом, как фигура рабочий-капиталист.

Социально-классовая и организационно-техническая фрагментация знания обуславливают то, что линейная модель индустриального прогресса реализуется дискретно, от кризиса к кризису. Социально-классовая фрагментация знания делит знание индивидов на знание, необходимое для личного существования, и на знание, обеспечивающее их развитие. Организационно-техническая фрагментарность отвечает за то, что каждый капитал обособленно осуществляет процесс самовозрастания овещественного в нем знания, в том числе за счет ресурсов других капиталов. В результате возникает макроэкономический эффект безбилетника. Знание каждого капиталиста состоит в том, что он обязан ограничить потребление рабочего условиями самовозрастания знания, овеществленного в его капитале, и все при этом знают, что условием самовозрастания их капиталов является покупательная способность совокупного рабочего. Итак, каждый хочет переложить задачу поддержания спроса на производимые товары и услуги на других агентов производства.

С формальной точки зрения данное противоречие делает невозможным долгое функционирование индустриальной системы. Однако эта фрагментированная система овеществления знания находит выход в том, что, формально нарушая прин-

цип линейности своего развития, сохраняет его по существу путем «запараллеливания» его доступных стадий. Возникают опосредованные рынком организационно-технические комплексы, в которых становится возможным достаточно долгое производство средств производства. Таким образом, «линия» прогресса превратилась в сеть параллельных процессов, то есть стала «полосой», приобретающей еще одно измерение – ширину. Все коридоры различных организационно-технических комплексов и их сетей выходят с разных сторон на арену совокупного спроса и предложения. Она при этом не расширилась в той же мере (количественно и качественно), в какой расширились коридоры за счет параллельного расположения ранее последовательных процессов. Объем потребления рабочих ограничивается потребностями капитала в самовозрастании. Если же взглянуть на создающуюся ситуацию с точки зрения исследуемых процессов движения знания, то обнаруживается, что знание новых технологий и возможностей его получения оказываются в дефиците. Избыток по отношению к совокупному платежеспособному спросу сформировался лишь на предметы потребления, овеществляющие традиционные знания рабочих о своих потребностях. В этих условиях эквивалент своих товаров получают только те капиталы, в которых овеществлено относительно новое знание о технологии, организации, оборудовании производства, позволившее им получать прибыль при снижающихся ценах. На их базе в процессе кризиса происходят структурные изменения в экономике за счет аннулирования капиталов, аккумулялировавших устаревшее, ставшее не востребованным знание. Этот период наиболее оживленный для изобретателей и предпринимателей. После структурных сдвигов индустриальная система начинает новый цикл своего движения по заданным коридорам. Вновь реализуется цель накопления овещественного знания.

Создание и функционирование живого знания также обладает определенной социально-исторической спецификой. Живое знание в условиях, когда социальное обладает безусловным и бесспорным существованием только в овещественном виде, не может не нести в себе данного социального кода. Обнаруживается, что его социально-значимыми свойствами являются только те, которые выражают его способность овеществляться или создавать субстанцию общественных отношений, представлять последние как отношения вещей. Обобщением этих свойств может служить известная формула: «ничего личного, это всего лишь бизнес». Можно сказать, что индустриальное общество предъявляет к живому знанию спрос на такую картину мира, в которой он описывается на основе единой системы понятий как абсолютно объективное, внутренне единое целое.

Такая постановка задачи является выражением утилитарного отношения ко всему, с чем имеет дело индустриальная система. Если мир может

познаваться с помощью единых понятий и логических операций с ними, то он, следовательно, может быть подвергнут на основании той же логики реальным преобразованиям. Из всех составляющих живого знания социально-значимым в рассматриваемых условиях является только рациональное знание. Для индустриального живого знания только рациональное знание отвечает задачам овеществления. Всякое другое знание будет отнесено к индивидуальным или психическим особенностям отдельных личностей. Только в пригодном для овеществления виде оно имеет право участвовать в общественных процессах, то есть стать всеобщим знанием. Можно сказать, что рациональное знание – это «деньги» применительно к миру знания.

Всеобщность рационального знания в качестве социального представителя живого знания наделяет его рядом свойств. *Во-первых*, рациональное знание может служить полем как для универсального взаимодействия всех индивидов, так и для смены конкретных видов деятельности для каждого индивида вследствие неравномерности и дискретности развития экономики. Поэтому культурная однородность, единая логика, единый язык, единые общекультурные ценности и общенаучные представления составляют значительную долю знания индустриальных людей, что обуславливает вторую особенность рационального знания в индустриальном мире, состоящую в этатизации знания и соответствующей системы его передачи.

Всеобщность знания предполагает роль государства в качестве его регулятора, распространителя и контролера так же, как оборот товаров при участии денег предполагает организацию общества в форме государства. Индустриализм предполагает всеобщую стандартизацию знаний и оценку знаний конкретных индивидов. Поэтому единственное знание, которое может иметь цену – это знание в соответствии с образовательными стандартами, засвидетельствованное в официальных нормативных документах об образовании.

Креденциализм, который становится неизбежным спутником стандартизации образования, может быть определен как особая форма овеществления, когда на рынке труда вместо знаний людей фигурируют их деривативы – дипломы, сертификаты, свидетельства о прохождении курсов повышения квалификации, что при определенных условиях порождает болезненную страсть к накоплению подобных «ценных бумаг» на знания людей. В этих условиях все большую популярность получает система «портфолио» [12. С. 30–41].

Третьим свойством рационального знания в качестве универсального поля межличностных взаимодействий является его объективизм. Объективизм, с одной стороны, означает, что следующими по значимости после общекультурной и общенаучной части рационального индустриального индивида являются значительно меньшие содержательные предметные, инструментальные и техно-

логические знания. С другой стороны, объективизм обеспечивает независимость содержания знания от социальных, классовых, сословных, психических и других личностных качеств носителей и получателей знаний. В результате университеты, если исключить вопрос об их рейтинге, дают одинаковое образование и будущим олигархам, и наемным работникам, и свободным интеллектуалам.

Безусловно, индустриальный мир знает и элитные учебные заведения, готовящие своих выпускников к исполнению особой роли в обществе. Однако они действуют вне индустриальной образовательной системы и, по сути, базируются на доиндустриальных принципах внутрикорпоративного воспитания и образования. Воспроизводство деловой и творческой элиты может осуществляться вне системы массовой высшей школы в единичном порядке. Однако общим правилом является хороший университет со стандартизированной типовой образовательной программой.

Пополнение предпринимательских изобретательских рядов также не предполагает особой подготовки в условиях индустриального университета и обеспечивается в необходимом объеме за счет природных талантов и пробивных способностей отдельных субъектов. Специальные мероприятия по подготовке предпринимателей более характерны для стран догоняющего развития, чем для развитых индустриальных стран [13. С. 225–228].

Существование в любой стране специального образования, связанного с бизнесом в какой-либо сфере, не противоречит выделенному свойству объективизма, которое выражает ориентацию образовательного процесса на предметные, инструментально-технологические и организационно-нормативные знания (знания о предмете профессиональной деятельности, средствах, способах и организационных схемах его преобразований).

Социально-деятельностные компетенции формируются фактически факультативно в зависимости от имеющихся у вуза особых возможностей обеспечить профессиональную социализацию. Образовательные стандарты относительно названных компетенций указывают, что университет должен создать условия для их формирования. Соответственно в отличие от предметно-технологического аспекта знаний социально-деятельностная сторона образования не обеспечивается теми качествами, которыми уже охарактеризовали знание и образование в условиях индустриальной системы. Причем в университетских стандартах под социально-деятельностными компетенциями часто подразумевается «общественная работа», нежели социализация в профессиональном мире. Между тем возможности вхождения в профессиональный социум становятся главными аргументами в конкуренции между университетами.

Абсурдность рассматриваемого свойства знания состоит в том, что социально-значимым, способным формировать общественную связь индивидов живое знание становится, только освободив-

шись от всякого своего социального контекста: социальных условий формирования, развития и применения. Данная ситуация обусловлена тем, что система индустриального овеществления знания рассматривает всякую деятельность как исполнительскую. Для мира всеобщего овеществления знания именно вещи определяют правила хозяйственного поведения людей. Это не противоречит тому, что высшее образование открывает доступ к руководящей работе. Дело в том, что исполнительскому труду противостоит не руководящая деятельность, а социально-творческая, устанавливающая правила, являющаяся законотворческой [14. С. 5–7].

Проведенный анализ роли знания в индустриальной и постиндустриальной среде позволяет сделать применительно к системе профессионального образования следующие выводы:

1. Система передачи знаний, адекватная индустриальной системе, воспроизводит черты самого передаваемого знания. Образовательная система индустриально зависимых обществ характеризуется признаками:
 - всеобщность как охват всего населения на всех этапах социализации;
 - общенаучное и культурно-ценностное единство всех образовательных программ;
 - объективизм как предметно-функциональная направленность конкретно-отраслевой подготовки;
 - этатизм как обязательность обеспечения стандартов образовательной системы на основе государственного руководства и контроля над ее функционированием.
2. Главная задача индустриального образования – подготовка функционеров различного уровня для производственных и бюрократических организаций индустриального типа. Проекты гуманитаризации образования отвечают задачам повышения общей культуры, но оказываются не в состоянии оправдать возлагаемые на них надежды по ускорению трансформационного перехода и обеспечению инновационного развития, так как не включают в себя понимание того, что мотивационно-ценностная функция гуманитарного знания может быть реализована

только в определенном социальном контексте. Социальная абстрактность гуманитарного знания, как и всякого знания в условиях индустриального мира, является необходимым выражением его как социально-значимого знания.

3. Если перед образовательной системой ставятся задачи, несовместимые с ее индустриальной природой, включаются административные меры, принудительно внедряющие внешние по отношению к ее внутренней логике средства их решения. При несистемной постановке задач происходит конструирование столь же несистемных образовательных форм. Результатом является обременение учебного процесса различными организационными нововведениями, входящими в противоречие с фундаментальными принципами образования в условиях индустриализма и снижающими эффективность образовательного процесса. Такая ситуация напоминает способ решения организационных проблем путем создания специальных отделов по их решению. Архитектура организации при этом искажается и теряет прочность. Компенсировать это за счет дополнительных усилий и повышения ответственности профессорско-преподавательского состава и других сотрудников организации, как правило, не представляется возможным.
4. В настоящее время формируется социально-ролевой дискурс профессиональной деятельности и профессиональной подготовки в условиях перехода к постиндустриальному обществу. Ведимые понятия отражают множественность вариантов перспектив развития, определяемых уже не столько технико-экономическими факторами, сколько характеристиками социально-ролевого спектра участников изменений.
5. Концепция макроструктуры образовательного процесса в современных условиях должна включать общенаучную, предметно-инструментальную и социально-ролевую подготовку.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Обеспечение доступности высшего образования и повышение его качества в условиях инновационных преобразований в России), проект № 14–32–01043а1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
2. Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. – 672 с.
3. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М.М. Сокольской. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
4. Барышева Г.А. Инновационный фактор и интеллектуальный ресурс в динамизации экономики России / под ред. Ю.С. Нехорошева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 224 с.
5. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. Изд. 2-е, испр. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2012. – 416 с.
6. Барышева Г.А., Барышев А.А. Неявное знание как основа модернизации инженерного образования: опыт применения теории управления знанием в образовательной сфере // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 10. – С. 368–371.
7. Адизес И. Управление изменениями (+CD). – СПб: Питер, 2012. – 224 с.
8. Иглтон Т. Почему Маркс был прав / пер. с англ. П. Норвилло. – М.: Карьера Пресс, 2012. – 304 с.
9. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ.; ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

10. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса / пер. с англ. Н.В. Автономовой, И.М. Осадчей, Н.А. Розинской; под науч. ред. В.С. Автономова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 416 с.
11. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура / пер. с нем. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – 576 с.
12. Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – 408 с.
13. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 240 с.
14. Моборн Р., Чан Ким У. Стратегия голубого океана / пер. с англ. И. Ющенко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 304 с.

Поступила 20.05.2014 г.

UDC 330.101.8

STRUCTURE OF PROFESSIONAL KNOWLEDGE IN INTERSTADIAL TRANSITION

Alexey A. Baryshev,

Cand. Sc., Tomsk Institute of Business, Russia, 1B, Zalivnaya street, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: barishevnp@mail.ru

Galina A. Barysheva,

Dr. Sc., National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: ganb@tpu.ru

The relevance of work is determined by the need for a detailed analysis of the crucial role of knowledge in industrial and post-industrial society through the prism of the «axis principle» of social dynamics and construction of public structures.

The main aim of the study: to prove the necessity of determining knowledge parameters in industrial and post-industrial environment, to identify their internal consistency based on network principles; to show the relation between the multiplicity of social development vectors and to identify the underlying causes of the crisis in professional education system.

Methods: The authors have applied the approach to society as a system of self-knowledge. Concrete historical specificity and forms of self-sustaining systems of knowledge to industrial society on the basis of the dialectic of living and embodied knowledge are shown.

Results: The paper shows the way of encoding the process of structure formation by embodied knowledge dominance in the social scale; what «structural» institutions appear in this process and, the way of programming social dynamics in the generated structures. The authors identified the features of rational knowledge in industrialized world and specific nature of a progress linear model based on dominance of the embodied knowledge. The transition to the dominant role of living knowledge as a social substance determines multiple (alternative) character of the generated (constructible) social reality, social role spectrum of its participants. The structure of social and creative knowledge is changing. Social-role knowledge of the subjects of reality generated plays growing role in this knowledge. The authors make conclusions on congruence of social and creative activity based on knowledge, and the system of forming knowledge of participants of this activity.

Key words:

Industrial system of knowledge, post-industrial society, tacit knowledge, totality of rational knowledge, knowledge socialization, professional knowledge, modernization of vocational education.

REFERENCES

1. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i Shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Trans. from French, afterword D. Krachchkin; ed. V. Kuznetsov. Yekaterinburg, U-Factorya Publ., 2008. 672 p.
2. *Postnonklassika: filosofiya, nauka, kultura. Kollektivnaya monografiya* [Postneklassic: philosophy, science, culture: The collective monograph]. Eds. L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin. St. Petersburg, Mir Publ. House, 2009. 672 p.
3. Gorts A. *Nematerialnoe. Znanie, stoimost i kapital* [Intangible Knowledge, the cost and capital]. Trans. from German and French M.M. Sokolskaya. Moscow, Publishing House state University – Higher School of Economics, 2010. 208 p.
4. Barysheva G.A. *Innovatsionny faktor i intellektualny resurs v dinamizatsii ekonomiki Rossii* [Innovation factor and intellectual resource in dormant economy of Russia]. Ed. Yu.S. Nekhoroshev. Tomsk, Tomsk University Press, 2001. 224 p.
5. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Trans. from French M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova; ent. aticle A.S. Kolesnikov. 2nd ed., rev. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2012. 416 p.
6. Barysheva G.A., Baryshev A.A. Neyavnoe znanie kak osnova modernizatsii inzhenerного obrazovaniya: opyt primeneniya teorii upravleniya znaniami v obrazovatelnoy sfere [Implicit knowledge as a basis for engineering education modernization: experience of applying knowledge management theory in education]. *Ekonomika i predprinimatelstvo – Economy and Entrepreneurship*, 2013, no. 10, pp. 368–371.
7. Adizes I. *Upravlenie izmeneniyami* [Change management]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 224 p.
8. Egleton T. *Pochemu Marks byl prav* [Why Marx was right]. Trans. from English P. Norvillo. Moscow, Karyera Press, 2012. 304 p.
9. Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Trans. from English. I.I. Krupnik. Moscow, Progress Publ., 1991. 320 p.

10. Schumpeter J. *Desyat velikikh ekonomistov ot Marksa do Keynса* [Ten Great Economists from Marx to Keynes]. Trans. from English N.V. Avtonomova, I.M. Osadchaya, N.A. Rozinskaya; sc. ed. V.S Avtonomov. Moscow, Gaydar Institute Press, 2011. 416 p.
11. Sombart V. *Burzhua: Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka; Khudozhestvennaya promyshlennost i kultura* [Bourgeois: Studies in the history of spiritual development of modern economic man; Art and Culture Industry]. Trans. from German. Moscow, TERRA – knizhny klub Publ., 2009. 576 p.
12. *Professii.doc. Sotsialnye transformatsii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri* [Professions.doc. Social transformation of professionalism: outside and inside glances]. Eds. E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov. Moscow, Variant Publ., 2007. 408 p.
13. Clark B.R. *Sozhdanie predprinematelskikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Development of Entrepreneurial Universities: organizational directions of transformation]. Trans. from English A. Smirnov. Moscow, State University – Higher School of Economics Publ. House, 2011. 240 p.
14. Moborn R., Chan Kim U. *Strategiya golubogo okeana* [Blue Ocean Strategy]. Trans. from English I. Yushchenko. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2014. 304 p.

УДК 321.015

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Мартин де Йонг,

PhD, профессор государственной политики, доцент Факультета технологий, политики и менеджмента Технологического университета Делфт (Нидерланды); профессор Школы менеджмента Харбинского технологического института (Китай); адъюнкт-профессор школы Международных и общественных отношений Фуданьского университета, г. Шанхай, Китай. E-mail: w.m.dejong@tudelft.nl

Латышева Елена Владимировна,

канд. филос. наук, доцент каф. культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: Levsky@tpu.ru

Гончарова Наталья Александровна,

ст. преподаватель каф. культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30. E-mail: natg@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования составляющих успешного политического и экономического развития Китая, пример которого представляет интерес с точки зрения методов и приемов заимствования и адаптации социально-политических институтов. Для российского сообщества это особенно важно в связи с ускоренными темпами социально-экономического развития и с необходимостью поиска эффективных моделей этого развития. Однако многие исследователи отмечают определенные негативные последствия, связанные с тем, что заимствованные модели не адаптируются с учетом национальной и местной культурной специфики. Китайский вариант реформ представляет собой иной подход, который, по мнению авторов статьи, является если не более успешным, то, по крайней мере, достаточно эффективным в условиях специфических национальных экономик.

Цель работы: выявление и обоснование подходов, отражающих национальную специфику заимствования политических институтов, на примере реализации проектов развития эко-городов Китая.

Методы исследования: сравнительный анализ, включенное наблюдение, контент-анализ, ретроспективный анализ и экспертная оценка.

Результаты: Выявлены административные механизмы, которые позволяют говорить об институциональной трансплантации в Китае. Обосновано, что эклектика, креативность, градуализм и критическое отношение, с которыми происходит институциональная трансплантация в Китае, оказываются ключевыми факторами его административной стабильности и экономического успеха. Установлены особенности адаптации концепта эко-города посредством исследования урбанистской политики Китая.

Ключевые слова:

Институциональная трансплантация (заимствование), градуализм, эклектика, урбанистическая политика, эко-город.

Со времен правления Мао Цзэдуна в Китае многое изменилось – политические процессы принятия решений стали более открытыми и менее централизованными. За прошедшие несколько десятилетий уменьшилась концентрация власти, и с точки зрения инициирования, и с точки зрения доминирования политической составляющей в принятии управленческих решений. Хотя Мао Цзэдун и Дэн Сяопин обладали огромной силой влияния как исторические личности и как политические лидеры, с тех пор рост самосознания различных заинтересованных сторон, институтов гражданского общества и средств массовой информации, усиливающееся воздействие Интернета обусловили более плюралистический характер политической действительности принятия решений в Китае. Все это произошло в обход всеобъемлющего контроля Китайской Коммунистической Партии (ККП), без универсального избирательного права, с большинством СМИ, официально существующих как правительственный микрофон. Немаловажно, что изменения происходят, несмотря на имеющиеся недостатки, при поддержке широких слоев китайского населения, которое относительно удовлетворено политической стабильностью и экономическим процветанием и поддерживает существующий режим.

Поиск лучшей модели, политической и экономической, не является главным предметом исследования в этой статье. Анализ работ зарубежных ученых (Minxin Pei, P. Rutland, D. Shambaugh, S. Wang) относительно возможных путей развития посткоммунистических режимов, в том числе Китая, отражен в более ранних исследованиях М. де Йонга [1]. Не предпринимая попытки оценить обоснованность предположения Minxin Pei о том, что Китайская Народная Республика оказалась в ловушке из-за градуалистского (постепенного) способа развития, или же идеи P. Rutland или S. Wang по этому вопросу, обратимся к процессу, посредством которого политические лидеры Китая заимствуют институты и адаптируют политические концепты западных (главным образом европейских) и азиатских стран. С позиции настоящего можно лишь предположить, что «иностранным» вдохновленная реформа с нуля не была бы более успешной в стабилизации политики и росте экономики, чем политическая практика постепенного развития, основанная на предыдущем культурном опыте. В любом случае подобное предположение может иметь место, так как показатели экономического роста Китая, в целом, были и продолжают быть высокими, подтверждая обоснованность выбранного пути, основанного на техническом прогрессе.

Вполне возможно, что гибкость Азии в общем и Китая в частности может быть понята в духе эклектизма, руководящего процессами селекции и заимствования политических и экономических моделей других стран. Представляется, что этот градуалистский и селективный подход к заимствованию политических институтов допускает боль-

ше свободы в пересмотре оригинальных идей в соответствии с местным институциональным контекстом и возможность взаимодействия существующими культурными особенностями и механизмами административного регулирования. Радикальные реформы и революции, будь то во Франции, России или Китае, редко достигали политической стабильности и экономического процветания и вели к транспарентности процессов. Вместо этого они, по сути, оборачивали новые радикальные институциональные трансплантаты в существующие политико-культурные особенности и традиции.

Чтобы ответить на вопрос, с помощью каких механизмов происходит заимствование политических идей и институтов в Китае и их адаптация в соответствии с внутренними культурными практиками, мы обращаемся к следующим аспектам:

- 1) административные механизмы, которые позволяют говорить об институциональной трансплантации в Китае;
- 2) китайская ситуация институционального бриколажа, описываемая посредством теории трансфера политических технологий и институциональной трансплантации (институциональная трансплантация – трансфер (перенос) политических концептов и институтов в страну-реципиент из политических моделей, продвигаемых международными организациями или реализуемых странами-донорами, которые впоследствии реализуются в стране-реципиенте [4]);
- 3) эмпирическая иллюстрация теоретических пунктов, упомянутых в разделах 1 и 2; описание практики создания так называемых экологических городов в Китае как примера адаптации западной концепции;
- 4) главные идеи, почерпнутые из китайского опыта относительно желательности градуализма и эклектизма в евро-азиатской политической трансплантации.

1. Механизмы, объясняющие стабильность и непрерывность политического режима Китая

Сразу же после падения Берлинской стены, когда «всемирная история закончилась» [2], многими предполагалось, что «недемократические» и «авторитарные» режимы нестабильны и нуждаются в кардинальных реформах по пути к жизнеспособному курсу развития, но в последующие два десятилетия все намного усложнилось. Xiaw ei Zang, автор рабочего документа № 2010/84 для Международного научно-исследовательского института экономики развития Университета ООН, демонстрирует, что наличие «автократии» или «демократии» – это только прогнозный показатель политических правил, которые способствуют экономическому росту [3]. Он утверждает, что жизненно важно различать хороших и плохих диктаторов. Хорошие диктаторы осуществляют политику, ведущую к экономическому росту, такую как инве-

стиции в публичное образование и инфраструктуру, тогда как плохие диктаторы облагают налогом своих граждан для своего собственного обогащения. Ключ к пониманию, почему «не избираемые» правители и элита, на которую они опираются, ограничены в своих хищных действиях и производят большой экономический «пирог» для всех, это ответ на вопрос, каким политическим процессам подвергается эта элита. Для случая Китайской Народной Республики, Хяу эй Занг приводит четыре главных причины: 1) с тех пор как Китай стал республикой, политическая легитимность всегда зависела от экономического развития; 2) относительно низкие налоговые ставки создали бум частного производства; 3) относительная стабильность коммунистического режима позволила лидерам проводить стратегическую политику; 4) возможность обойти традицию верховенства закона при наличии сильного и автономного государства как принимающего политические решения авангарда, не опасаясь оппозиции гражданского общества, и механизмов, с помощью которых определенные элиты управляют государством и налагают ограничения на «хищническое» поведение государства. Но тогда, кто представляет эти управляющие элиты в Китае?

Следует отметить, что отличие Китая от большинства посткоммунистических стран в том, что им руководит все еще коммунистическая партия (ККП). ККП в Китае всегда была идеологически крепкой политической организацией, принадлежность к которой – это предмет гордости и отличительная черта, выделяющая человека среди остальной части общества. Путь, каким официальная идеология воплощается в жизнь, возможно, изменился за эти годы, но не исчез фокус на производство нравственно подкованной элиты, которая в состоянии вести за собой государство и страну. Эта специфическая социализация талантливых и мотивированных людей в идеологическое элитное сообщество порождает чувство сопричастности, подкрепленное сильными взаимосвязями и возможностью развивать определенный тип гуанси: межличностные сети, основанные на отношении «*quid pro quo*» (услуга за услугу). Гуанси – специфически китайская система отношений. Она строится на трех основных опорах: связи с родственниками; принадлежности к той или иной группе, сообществу, нации; отношении с людьми, наделенными властью [10]. Расходы, необходимые для членства в клубе, могут быть рассмотрены как инвестиции в социальный капитал, под которым подразумеваются фиксированные расходы для членов, позволяющие сократить до минимума переменные издержки контактов, переговоров и проведения сделок между членами клуба [5]. В каком-то смысле можно предположить, что членство в таком крупном общенациональном элитном клубе включает как идеологические, так и нормативные ограничения свободы участия членов клуба в рентоориентированных практиках, и поддерживает

цель повышения благосостояния страны, но также дает возможность использовать эти персональные сети во имя собственной выгоды, а для коррупции – превалировать над более широкими социальными интересами.

Китайские гуанси-сети, существующие в рамках ККП, являются, таким образом, клубными благами, которые могут использоваться для эффективной предпринимательской деятельности, приводящей к производству благосостояния в отсутствие эффективного верховенства закона через понижающиеся операционные издержки (механизмы координации для инициирования, проведения и управления сделками в среде, характеризующейся высокой институциональной неопределенностью). Но они могут также породить незаконные сделки (транзакции), приводящие к неразборчивой коррупции и рентоориентированному поведению, не производящему экономическую выгоду для общества в целом. В этом смысле гуанси-сети элиты ККП представляют палку о двух концах, и их чистый экономический эффект зависит от стимулирования, которым они подвергаются. Как отмечает С. Herrmann Pillath в своей работе «Культура, экономический стиль и природа китайской экономической системы»: «...один из признаков китайской трансформации – смешение ролей предпринимателей с правительственными единицами, исполняющими предпринимательские функции; это акторы, действующие в сфере рынка и политики и необузданной коррупции. Как отмечается, политические предприниматели в Китае стали одной из движущих сил происходящих изменений только из-за их материального интереса. Как результат – специфическая структура рыночного предпринимательства, которое действует по принципу зависимости от государства. Эта зависимость, однако, установлена через сложные сетевые структуры, которые пересекают формальные границы между государством и экономикой, и в которых политические и рыночные предприниматели совместно договариваются о роли «государства» как хранилища материальных и нематериальных ресурсов» [6].

ККП, таким образом, составляет доминирующее организационное средство, с помощью которого происходит эта предпринимательская деятельность, и члены партии постигают философию, которая потенциально связывает их обязанностями по отношению к остальному сообществу. Возможно ли поддерживать стабильный политический режим, обеспечивающий экономический рост, принимая неуправляемую коррупцию и распространенное рентоориентированное поведение среди его элит? На эту тему есть статья российского автора А. Шевченко [7]. По его мнению, партийные кадры в Китае, прежде всего, мотивированы двумя вещами:

- 1) как должностные лица они должны максимизировать местный экономический результат и производительность в сферах, находящихся

под их ответственностью, стараясь, чтобы их показатели выглядели хорошо в глазах начальников, которые могут обеспечить им карьерное продвижение;

- 2) как частные предприниматели они должны совершать (частные) ориентированные на прибыль действия, увеличивающие их семейный капитал.

Единственным способом сделать эту комбинацию возможной для руководства ККП было создание мотивации для поддержания необходимой степени согласованности с центральной политикой, с ограничением легких путей для ориентированного на прибыль поведения и предотвращением появления заинтересованных влиятельных групп, способных приостановить процесс реформ. Эти цели были реализованы: путем поощрения членов элиты ККП к производству большого количества общественных благ, таких как инфраструктурные проекты (социально-экономически выгодные и прибыльные для их разработчиков); путем адресации всех значимых и важных решений к лидерам КПП и путем предупреждения крупномасштабной приватизации государственных корпораций и банков.

Следовательно, произошел не тихий процесс маркетизации, ослабляющий власть государства, а растущий благоприятный и прибыльный симбиоз государственных организаций, государственных предприятий и частных корпораций с гуанси кадрами ККП, действующими в качестве клейкого вещества, связывающего эти организации. По словам А. Шевченко: «...проводя постепенную приватизацию, сосредотачиваясь на мелких предприятиях и контролируя спонтанные тенденции приватизации, лидеры ККП ограничили прибыльные «легкие пути» для ориентированного на собственное обогащение поведения. Накопление благосостояния было поощрено посредством создания новых предприятий, а не посредством приватизации существующих» [7].

Можно утверждать, что, даже если (пост) коммунистические системы подвергаются серьезным переменам, их недавно возникшие формы все еще несут следы их исторических особенностей и, что их дальнейшее развитие зависит от предшествующего пути. Худшее, что могут сделать страны в переходном периоде – слушать и выполнять советы по политическим реформам «плохих Самаритян», какими Н.Д. Chang называет западных и вдохновленных Западом экспертов из международных организаций [8]. Такие советники рекомендуют «переходным» и «развивающимся» странам соблюсти принципы рынка и правила международного капитализма, даже если это означает полный пересмотр их конституционной и организационной структуры. Проблема практики политических трансферов состоит не только в отсутствии исторической осведомленности у многих экспертов в области рыночной экономики [9–11], она демонстрирует полное непонимание того, как нацио-

нальные культурные ценности влияют на политическое и административное поведение [12]. Фактически это интеллектуально нечестно: если бы западные страны последовали своему же совету, когда они были все еще на пути экономического развития, они в действительности никогда не достигли бы успеха. Активное вмешательство государства, протекционизм, колониализм и укрепление монополистических позиций были неотъемлемой частью их политики в те дни [8].

Это подводит нас к вопросу, рассматриваемому в разделе 2: как можно обеспечить соответствие местному институциональному контексту, следуя политическим советам из-за границы, и в чем специфика подхода, применяемого политическими лидерами Китая?

2. Достоинства селективной институциональной адаптации

Главный тезис, который постулируется в данном разделе, состоит в том, что селективность, креативность, гибкость и критическое отношение, с которым происходит институциональная трансплантация в Китае, оказываются ключевым пунктом в его административной стабильности и экономическом успехе.

Когда китайские политические лидеры или производители просят совета западных коллег в сфере инноваций для своих научных парков, они склонны искать по миру зарекомендованные на практике технологии и впечатляющие результаты, и собирать различные существующие и удачно функционирующие компоненты во что-то новое и значащее. Они не идут на риск с образцами, которые еще не доказали свою эффективность. Зачем самостоятельно проводить эксперименты, если можно заимствовать примеры и удачный зарубежный опыт. Голландцы говорят, что предпочтительнее «украсть что-то хорошее, чем изобрести что-то плохое».

При поверхностном взгляде на проблему можно предположить, что имитация и эмуляция подразумевают бессмысленное копирование политических идей, программ и институтов. В таких случаях среда, в которую должна осуществляться трансплантация, в основном игнорируется, местная адаптация не происходит, и взаимодействие с другими политическими инструментами и правилами, которые уже существуют, не берется в расчет, что приводит к провалу заимствованной модели. Это в действительности случается повсеместно, так же как и в Китае, например – адаптация транспортной политики [13, 14] и применение теории сетей [15]. Но во многих случаях адаптация оригинальных примеров не происходит автоматически и бессмысленно, а осуществляется более избирательно и сознательно. Такие трансплантаты функционируют надлежащим образом в соответствии с местным контекстом, и можно утверждать, что превосходят оригинал. Так, китайские политические лидеры, вдохновленные законодатель-

ством западных стран, адаптировали достаточно много норм гражданского и общего права и успешно применили их дома, но без сопутствующего аспекта верховенства закона и независимой судебной власти, которые являются фундаментальными для западных правовых систем [16, 17].

Нужно подчеркнуть, что зачастую эти трансплантации работают эффективно согласно местным политическим лидерам, в то время как западные аналитики описали бы их как искаженные и «нереальные вещи». Это – почти зеркальное отображение известного изречения консервативного реформатора XIX в. Zhang Shih-Dong (1837–1909): «...китаец учится для основных принципов, западный человек – для практического применения» [18, 19]. Более того, китайская традиция придает большее значение социальным и экономическим правам на уровне семьи и группы, чем правовым и политическим правам индивидуума, и это вряд ли изменится. Подразумевает ли это, что азиатские политические лидеры не жаждут или не способны осуществлять трансплантацию идей и институтов такими, какими они должны быть, или западные аналитики что-то упускают в этом процессе?

Призыв к поиску перспективных и зарекомендовавших себя идей можно услышать повсюду в Китае. Обращаясь к впечатляющим результатам, которых достигли китайские политические лидеры, анализируя изменения режима и копирование уроков из-за границы, D. Shambaugh пишет: «...это предпринимается по определенным практическим причинам: для того, чтобы прогнозировать, какие проблемы могут возникнуть в ККП, и копировать успешные примеры того, как разрешать эти проблемы с целью поддержания власти ККП. ... Как в фактически любой области реформ Китая, на политической арене ККП готова искать полезные идеи за границей, чтобы селективно адаптировать, ввести их в местные китайские институты и практики. Я имею ввиду китайский феномен – «эклетиное государство Китая»» [20. С. 102]. При внимательном изучении, мы не найдем ничего похожего на слепое копирование универсальных «лучших практик», применяемых где-то, а скорее обнаружим эклектичную подделку оригинальных идей, делающую адаптационный процесс, а также окончательный результат, похожими на части «бриколажа», собранного вместе из множества источников, иностранных, а также внутренних. Это может проявляться также в разных публичных сферах, о чем пишет L. Ledderose, в его «Десяти тысячах вещей; модульное и массовое производство в китайском искусстве»: «...специфический подход Китая к искусству и другим областям общественной жизни – это не поиск точной репродукции отдельных объектов природы, а «бриколаж»: подражание способности природы к производству безграничного числа объектов в различных модульных образцах» [21].

Политическое руководство в Китае, начиная с династии Цин и до недавнего времени, не часто

имело возможности определять свой собственный способ и темп институциональной адаптации образцов из развитых стран. Следовательно, руководство Китая было вынуждено принимать под серьезным давлением западные политические образцы, такие как система французского стиля дипломатии и англо-американская политика открытого рынка [22, 23], или учиться, опираясь на Советское руководство, строить «народную демократию» с его однопартийной системой и преобразовывать основанный на сельском хозяйстве способ производства в промышленный. Оба пути были неполноценны с точки зрения действительно автономного и целенаправленного трансфера со стороны страны-реципиента. Только короткий, но богатый на события, промежуток времени между династией Цин и Китайской Народной Республикой заставил все еще имеющих влияние руководителей, таких как Сунь Ятсен, предпринять серьезную попытку выстроить независимый национальный политический курс, нацеленный на приобретение знаний посредством адаптации иностранных примеров демократии и принципов рынка, но с опорой на сильные национальные основы [18, 24]. Он признавал, что единственный способ превзойти Запад – это учиться у него, так же, как японцы начали делать многими десятилетиями ранее. Известно, что его жизнь закончилась задолго до того, как он смог выполнить задачу, которую он себе поставил. Этот целенаправленный, селективный и саморефлективный подход к политике трансфера был возобновлен только в 1960-х гг., когда председатель Мао был вовлечен в этот процесс советскими коллегам. Дэн Сяопин продолжил этот процесс с помощью политики реформ, которая началась в 1978 г. и, по существу, длится до сих пор, заимствуя уроки стран Запада, и особенно США, с учетом полезности для Китая, а не желательности изменений с точки зрения западных наблюдателей.

Китайские политические лидеры были всегда довольно прагматически настроены. Это лучше всего отражено в пословицах Дэн Сяопина: «Не имеет значения, черная ли кошка или белая, пока она ловит мышей» (всегда учет сначала полезности, целесообразности) и «Переходить через реку осторожно, нащупывая камни под ногами» (продвижение осторожным методом проб и ошибок). Как только становится очевидным, что принятые политические решения оказываются не работающими на практике, они часто откладываются и заменяются другими без лишней суматохи. Этот путь можно охарактеризовать как эффективную и перспективную практику заимствования с целью избегания неопределенности, позволяющую политикам копировать селективно и синтезировать местные и зарубежные политические идеи. Потенциальные трансплантаты оцениваются скорее на основе национальных (особенно экономических) интересов, текущих (прежде всего, политических) планов и практических (главным образом технических) достоинств, нежели продвигаются как теоре-

тически надежные и соответствующие принципам доминирующей экономики или политическим зарубежным идеалам.

В более ранних работах М. де Йонг подчеркивал важность рассмотрения политики трансфера как процесса институционального бриколажа, в котором следует избегать слепого и фанатичного копирования [25, 4]. Внимание к творческому объединению различных успешных методов в одном синтезированном решении, предоставление маневренного пространства для переговорных процессов различных местных игроков, полезное, но не доминирующее отношение политических доноров и подходящий вариант для уже существующих конституционных и институциональных механизмов – ключевые моменты для успешной «институциональной трансплантации». Аналогично С.М. Radaelli показал важность «контекстуализации» в процессах политического трансфера [26]. Понятие «политический трансфер» применяется сравнительно недавно, означая, что трансплантация автоматически подразумевает переформулировку политических концептов согласно новому национальному контексту, повторно связывая их с доминирующими концептами в этой новой институциональной среде [27]. Основным моментом во всех вышеупомянутых аргументах – это то, что не весь политический блок или институт переданы от А к Б, а скорее, оригинальная политика демонтируется и повторно собирается и, что процесс, с помощью которого это происходит, значит больше, чем результат. Итог рассмотрения процессов политического трансфера в этом ракурсе можно выразить в следующем: продолжающееся институциональное расхождение между развитыми странами и странами переходного периода естественно; это разнообразие зачастую точно отражает разнообразие в предпочтениях и институциональных особенностях; страны-реципиенты с активной и избирательной позицией, идущей вразрез с доминирующим мнением аналитиков-консультантов с их универсальными рецептами, имеют шанс выиграть от такого отношения к адаптационному процессу.

Из-за независимой позиции, которую заняли политические лидеры в Китае, недавно адаптированные институты были включены в существующую структуру, т. е. был реализован подход, не идущий в разрез с исторически обусловленным развитием. Другими словами, этот процесс не был полностью навязан внешними субъектами, а отражал особенности существующей китайской системы, эклектично соединяя международные и локальные идеи. Отсутствие верховенства закона, демократии, плюрализма энергично подвергалось критике, но пока однозначно не установлено, что для успеха политической трансплантации нормы должны быть продиктованы внешними наблюдателями, а не внутренними пользователями. В конечном счете культурные особенности и политические традиции оказываются более устойчивыми, чем многие ожидают, – явление хорошо известное

ведущему политологу R.D. Putnam, который объяснял культурными различиями длительное региональное разнообразие в Италии [28].

3. Китайская адаптация феномена экологического города

В ответ на пугающие экологические проблемы и движимые желанием быть конструктивным мировым игроком в области сокращения выделений углекислого газа, китайские политические лидеры с готовностью восприняли концепты «эко-город» и позднее «низкоуглеродный город». Центральное правительство издало множество законов и постановлений с целью поощрения местных органов власти становиться первопроходцами в этой области. Обзор китайской политики в области устойчивого развития показывает, что правительство намеревается инвестировать 2 триллиона китайских юаней (приблизительно 133 миллиарда долларов США), на продвижение зеленой низкоуглеродной экономики в период 2011–2016 гг. Китайское правительство уделяет существенное внимание и выделяет ресурсы для укрепления административных инструментов для реализации концепции устойчивого развития, издавая новые законы в области защиты окружающей среды на различных уровнях [29], такие как общенациональное продвижение экологических областей, экологических городов и экологических округов (2003), и закон, продвигающий циркулярную экономику (2008). Кроме того, в 2004 г. был начат проект учета зеленого ВВП совместно с Государственным управлением по охране окружающей среды и Национальным Бюро Статистики Китая [30]. С тех пор как закон о сохранении энергии был пересмотрен в 2007 г., на передний план в качестве критерия оценки работы местных органов власти были выдвинуты цели энергосбережения. Эти законодательные усилия, наряду с волной инициатив в области эко-городов по всей стране, показывают сильную заинтересованность с обеих сторон. В ответ на эту правительственную инициативу много городов предприняли попытки обустроить недавно построенные или отремонтированные районы как «низкоуглеродные города» или «эко-города». Фактически в Китае сейчас больше развивающихся экологических городов, чем где-нибудь еще в мире, – явление, привлекающее большое внимание иностранных аналитиков. Но вопрос здесь состоит в том, как китайские города интерпретируют для себя концепт экологического города в его планировании и практической реализации.

Оригинальный концепт экологического города, в представлении P. Soleri и R. Register, выделяет в качестве отправной точки экологическую пропускную способность биорегиона, окружающего город [31, 32]. Развитие экологического города в его самой чистой форме вращается вокруг стремления к таким домашним хозяйствам, заводам, офисам, инфраструктуре и городскому пространству, которые сокращают потребление ресурсов, используют

их повторно до максимальной возможной степени, перерабатывают отходы, а оставшиеся (негодные для повторного использования) отходы идут на возвращение энергии и/или питательные вещества. Это подразумевает много новых городских особенностей, включая иное (более плотное) использование городского пространства, другие технологии производства и потребления, основанные на местных ресурсах, внедрение альтернативных источников энергии, сокращение форм индивидуальных моторизированных средств передвижения, внедрение цикличного водоснабжения и еще многое другое. Если говорить кратко, это требует такой формы городского развития, которая существенно контрастирует с преобладающими потребительскими запросами и с ожиданиями будущих жителей процветающих азиатских городов.

В действительности появилось большое разнообразие типов и видов инициатив в области создания экологических городов. Предпринимая попытку отображения разнообразия этих инициатив, S. Joss предложил типологию проектов экологического города, основанную на его существенных чертах [33]. *Во-первых*, он дифференцирует проекты экогородов по трем типам развития: 1) новая разработка; 2) расширение городского пространства; 3) модификационное развитие. *Во-вторых*, он различает три этапа развития: 1) пилотная фаза (планирование); 2) разработка; 3) реализация. Помимо этого, S. Joss определяет три ключевых способа реализации проекта: 1) проект воплощает экологический город как технологические инновации; 2) проект включает интегрированный устойчивый план; 3) проект сосредотачивается на аспектах политического руководства. Относительно последней классификации, он пришел к выводу о том, что во многих реально существующих экологических городах присутствуют различные комбинации этих трех характеристик. В итоге, он выделяет шесть главных движущих сил для реализации проектов экологических городов, воздействующих совокупно: экологические проблемы, социально-экономическое давление, развитие бизнеса, культурный брендинг, политическое руководство и международное сотрудничество.

Что касается Китая, то можно констатировать, что, с одной стороны, он не был пионером в экологическом городском развитии; с другой стороны, как только популярность этих идей возросла среди местных органов власти благодаря национальному законодательству и возможностям финансирования, множество эко-городов расцвело в короткий отрезок времени в Китае. Местные органы власти стали рассматривать их как способ повышения привлекательности их территории, предлагая больше зеленых зон, постепенно выводя из этих зон промышленность, которая вызывает серьезное загрязнение воздуха, и привлекая отрасли производства, ориентированные на высокие технологии и сферу услуг, ориентированные на высокую доходность. Их цель, прежде всего, создание городов

знаний, обеспечивающих высокую добавочную стоимость по мере роста числа инновационных компаний.

В терминах S. Joss китайские проекты больше, чем в других странах, сосредоточены на новом строительстве (из-за высокого давления урбанизации и интересов в сфере недвижимости высшего сословия и среднего класса, требующих зеленого, удобного, просторного пространства для жизни). Главным образом движущей силой проектов является развитие бизнеса, политическое руководство, международное сотрудничество, которое фокусируется на передаче знаний в области зеленых технологий промышленности и энергетики. Хотя экологическая эффективность не маловажна, и приверженность устойчивости может быть искренней в глазах иностранных консультантов, инженеров и архитекторов, рост ВВП и минимизация издержек преобладают над сокращением уровня углекислого газа, продвижением сберегающих технологий, в том числе цикличности водоснабжения и отходов. Определяющим в процессе уменьшения значения экологических показателей является наличие чрезмерного количества институциональных стимулов, которые: благоприятствуют политикам, делающими карьеру, осуществляя двойной рост экономических показателей неважно какими способами; подстегивают инвесторов, разработчиков и строителей получать высокую краткосрочную прибыль, сокращая затраты, не учитывая стандарты качества; предоставляют субсидии и освобождения от налогов проектам, которые только интерпретируются как экологически выгодные, на деле лишь подобны эко-городам, использующим зеленые технологии, а продвигаются через экстенсивный трансфер знаний. Как следствие, китайские города изобилуют научными парками в стиле хай-тек и исследовательскими институтами, в новых городах и пригородных районах строятся скоростные автомагистрали и линии метро, появляются все больше парков и садов, и лишь несколько архитектурных достопримечательностей могут быть охарактеризованы как «зеленые пространства».

В то время как предписания теоретиков экологического города подразумевают, что интегрированная устойчивость и вовлечение общественности более важны, чем технологические достижения и экономический рост, китайская практика ставит основной целью объединение этих двух направлений, демонстрируя больше технократические тенденции, нежели экократические [34]. Реакции жителей пассивны и сосредотачиваются, прежде всего, на желании улучшения уровня жизни и гигиенически чистой среды обитания для себя. Хотя иностранные эксперты часто жалуются, что внедрение проектов эко-городов оставляет желать лучшего, частично из-за отсутствия строгого соблюдения экологических стандартов, оптимизм среди китайских политических лидеров остается неизменно высоким. Сучжоу и Тяньцзинь облада-

ют репутациями очень успешных проектов экологических городов в Китае, частично из-за Сингапурского участия в финансовых инвестициях и перемещения туда национальных и международных высокотехнологичных компаний, из-за их чистоты и, особенно, из-за их быстрого расширения и высокого роста ВВП.

Иностранные правительства (например, шведские, немецкие и финские), кроме сингапурского, не инвестировали так много финансовых ресурсов в китайские проекты экологических городов, но оказывали консультативную поддержку, способствовали городскому и инфраструктурному развитию и учреждению в научных парках зеленых технологичных фирм. За большинство их услуг заплатила китайская сторона. Менее успешные экологические города оказались способными привлечь некоторые зеленые технологичные фирмы в свои парки науки и техники, но главным образом сосредоточились на городском и экономическом развитии.

Таким образом, в Китае экологические города приравниваются к городам знаний и городам высоких технологии. Чтобы достигнуть этого, города активно просят политической и юридической поддержки со стороны Пекина и научного и технического содействия (и если возможно инвестиций) от иностранных правительств и экспертов. На местном уровне городская администрация ответственна за общее направление и составление основных документов, а правительство провинции располагает финансами для составления проектной документации и может нанимать для строительства конкретных разработчиков проекта. Между тем, местные жители в лучшем случае слышат о намерениях властей через СМИ или не осведомлены об устойчивом развитии и замыслах по изменению пространства, в котором они живут.

На примере опыта М. де Йонга в качестве экспертного советника в сингапурско-голландско-китайском проекте «Шеньчжень – Низкоуглеродный Город», можно сказать следующее: идеи, высказанные в отчете, посвященном большому числу экологических, экономических, инфраструктурных, социальных и культурных проблем (NGI & HITSGS, 2011) были приняты клиентами (Шеньчжень и Лонганг), но в последующей адаптации определенные элементы (реконструкция некоторых зданий стиля хакка, строительство выставочного зала и продвижение зеленого технического научного парка) были осуществлены как автономные инициативы, в то время как большая часть оригинальных мыслей была заменена из соображений быстрого строительства, ограниченных бюджетов, привлечения престижных компаний и продвижения этого проекта низкоуглеродного города как инновационного продукта, который может быть продан другим городам Китая и мира. Не осуществлялась координация между различными

отделами для обеспечения интегрированного плана реализации. Здесь можно согласиться с исследователем Китая Л. Руе, что в то время как лояльность государственного служащего вышестоящим начальникам сильна и вертикальная организационная интеграция хорошо обеспечена, горизонтального сотрудничества и координации между организационными и ведомственными структурами в китайском обществе чрезвычайно трудно достигнуть, если только это не находится на особом контроле у вышестоящего руководства [35]. Это затрудняет спонтанно возникающую необходимость широкой координации и интеграции различных областей эко-политики, что является ключевым моментом во многих европейских инициативах экологического города.

Было бы заманчиво предположить, что адаптация концепта экологического города Китаем была неудачной. Многие иностранные аналитики, эксперты и архитекторы, близкие к внедрению проектов, в которых используется концепт эко-города, действительно пришли к такому заключению. Также верно, что по сравнению с более успешными случаями экологического городского развития в таких городах, как Стокгольм, Севилья, Фрайбург и Куритиба, уровень интегрированности в реализации китайских эко-городов оставляет желать лучшего, и экологические преимущества довольно мрачны. Наконец, не соблюдалось большинство предписаний относительно конвенционального подхода и участия соответствующих стейкхолдеров в управлении проектами.

Однако к такому заключению можно придти, если не учитывать ранее описываемую сущность бриколажа и трансплантации зарубежного опыта ККП. Современный китайский способ заимствования уроков из-за границы построен на принципе разрешения клиенту устанавливать самостоятельно политическую повестку дня, расценивая его, а не страну-донора, как критерий успеха, допуская градуалистский подход и эклектизм в трансплантации политики на основе доминирующих внутри страны институциональных методов и предпочтений. Осуществление движения в сторону устойчивого экономического развития – это трудный и долгий процесс. Следовательно, единственным путем вперед, который не разрушает существующие административные методы и предпочтения действующих лиц, является обеспечение соответствия заимствованных моделей с политическими планами государственного аппарата, все еще руководимого желанием технического прогресса и экономического роста, с особенностями китайской экономической системы и предпринимательской деятельностью, и с учетом сравнительной пассивности и реактивности гражданского общества. Институциональный бриколаж обеспечивает изменения через непрерывность и продолжение начатого пути, вероятно, это и есть «китайский путь».

4. Градуализм и эклектизм

Ситуация с экологическими городами фактически та же самая, что и в большинстве других областей политических и стратегических изменений Китая: значительный прогресс достигнут, но основные проблемы остаются. Вопрос состоит в том, принесла бы шоковая терапия, рекомендованная Minxin Pei и другими критиками китайского политического режима, больше экономических, экологических, социальных воодушевляющих результатов. Представляется, что это не так и что ее последствия были бы тревожны как для государства, так и для общества. В этой статье представлено, прежде всего, описание китайской ситуации, ее доминирующих политических и административных характеристик, а также селективных и градуалистских путей, которыми чиновники различных уровней осуществляют политический трансфер (политическую трансплантацию) из-за границы. Следует согласиться с D. Shambaugh, что этот способ – лучшая возможность для коммунистического режима поддержать его адаптируемость в борьбе с новыми вызовами. Цитируем его снова: «...так же, как в опыте с экономической реформой, ККП, наиболее вероятно, будет проводить политическую реформу поэтапно: экспериментируя с новыми методами тут и там, распространяя их постепенно горизонтально и вертикально, принимая те, что работают, отклоняя те, что не работают. В этом осторожном и постепенном процессе, рождается новый вид партийного государства: эклектичное государство Китая. Так же, как в экономике, в обществе и других областях развития, в быстром изменяющемся Китае современная китайская политика отражает множество иностранных и местных практик, скомбинирован-

ных вместе в новый вид политического гибрида» [20. С. 181].

Знание, что «надлежащее управление» больше не евро-американская монополия и что трансформация должна происходить с поправками на культурные и институциональные различия становится действительностью, с которой иностранные наблюдатели и советники должны считаться, работая с Китаем или другими азиатскими странами. Отказ от ложного осознания, что собственные экономические фундаменты и социо-политические надстройки неотъемлемо выше и лучше, тревожно и, возможно, является эмоциональной стороной геополитических изменений [36]. К счастью, условие необходимости потери этого ложного осознания более не западная монополия. Во времена династии Цин (XIX в.) большинство людей в Китае и, конечно, элита (ученые, чиновники) были убеждены в превосходстве Китая и его центральном положении среди других рас в мире. Они считали невозможным полагать, что воздействие западных технологий, способы производства и структуры управления могут затмить китайские. Это вынудило проникательных наблюдателей и реформаторов, таких как Даогуан, Линь Цзэсюй и Ли Хунчжан, в ситуации укрепления британской, французской, японской и американской держав начать вести борьбу и показать свои соратникам, что их страна и цивилизация не являлась автоматически центром мира, у которого другие варварские страны могли и должны учиться. Это, возможно, просто незначительное напоминание, с которым можно не согласиться, однако следует помнить уроки истории о том, что доминирующий и сильный не означает априори правильный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

- De Jong M. China's art of institutional bricolage: Selectiveness and gradualism in the policy transfer style of a nation. *Policy and Society*, 2013, no. 32, pp. 89–101. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.polisoc.2013.05.007> (accessed 20 February 2014)
- Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York, Avon books, 1992. 418 p.
- Zang Xi aw ei. *Working paper no. 2010/84 for the United Nations University World Institute for Development Economics Research*. Washington, DC, 2010.
- De Jong M., Lalenis K., Mamadouh V. *The theory and practice of institutional transplantation: Experiences with the transfer of policy institutions*. Dordrecht; London; Boston, Kluwer Academic, 2002. 313 p.
- Schramm M., Taube M. *The Institutional Economics of legal institutions, Guanxi, and Corruption in the PR China*. 2001. Available at: icgg.org/downloads/contribution10_schramm.pdf (accessed 10 March 2014)
- Herrmann P.C. *Culture, economic style and the nature of the Chinese economic system*. Hong Kong, 2005. 33 p.
- Shevchenko A. Bringing the Party back in the CCP and the trajectory of market transition in China. *Communist and Post-Communist Studies*, 2004, no. 37 (2), pp. 161–185.
- Chang H.J. *Bad Samaritans: The myth of free trade and the secret history of capitalism*. New York; Berlin; London, Bloomsbury Press, 2008. 221 p.
- Arthur B.W. *Increasing returns and path dependence in the economy (economics, cognition, and society)*. Ann Arbor, Michigan University Press, 1994. 224 p.
- Herrmann P.C. Cultural species and institutional change in China: The state of the (Economic) art: Reviving culture without cultural analysis. *Journal of Economic Issues*, 2006, XL (3), pp. 539–574.
- Hodgson G. *How economics forgot history: The problem of historical specificity in social science*. London, Routledge, 2001. 448 p.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the Mind*. New York: Mc Graw Hill, 2010. 550 p.
- Wang R. Shaping urban transport policies in China: Will copying foreign policies work? *Transport Policy*, 2010, no. 17 (3), pp. 147–152.
- De Jong M., Mu R., Stead D., Ma Y., Xi B. Introducing public-private partnerships for metropolitan subways in China: What is the evidence? *Journal of Transport Geography*, 2010, no. 18 (2), pp. 301–313.
- Groenleer M., Jiang T., De Jong M., De Bruijn H. Applying Western decision-making theory to the study of transport infrastructure development in China: The case of the Harbin metro. *Policy and Society*, 2012, no. 31 (1), pp. 73–85.
- Chow D.K. *The legal system of the People's Republic of China*. St Paul (MN), Thomson West, 2003. 523 p.
- De Jong M., Stoter S. Institutional transplantation and the rule of law: How this interdisciplinary method can enhance the legit-

- imacy of international organisations. *Erasmus Law Review*, 2009, no. 2 (3), pp. 311–324.
18. Fairbank J.K. *The great Chinese revolution 1800–1985*. New York, Harper Perennial, 1986. 396 p.
 19. Shambaugh D. *China goes global: The partial power*. Oxford (UK), Oxford University Press, 2013. 320 p.
 20. Shambaugh D. *China's communist party: Atrophy and adaptation*. Washington, DC, Woodrow Wilson Center Press, 2007. 234 p.
 21. Ledderose L. *Ten thousand things: Module and Mass Production in Chinese art*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2001. 272 p.
 22. Berridge G.R. *Diplomacy: Theory and practice (4th ed.)*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2010. 242 p.
 23. Gelber H.G. *The dragon and the Foreign devils: China and the world; 1100 BC to the present*. London; New York; Berlin, Bloomsbury Press, 2009. 512 p.
 24. Lieberthal K. *Governing China: From revolution to reform*. New York, WW Norton & Company, 2004. 528 p.
 25. De Jong M., Edelenbos J. An insider's look into policy transfer in transnational expert networks. *European Planning Studies*, 2007, no. 15 (5), pp. 687–706.
 26. Radaelli C.M. How context matters: Regulatory quality in the European Union. *Journal of European Public Policy*, 2005, pp. 924–943.
 27. Mukhtarov F., Gerlak A.K. River Basin organizations in the global water discourse: An exploration of agency and strategy. *Global Governance*, 2013, no. 19 (2), pp. 307–326.
 28. Putnam R.D. *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1993. 276 p.
 29. Zhang K., Wen Z. Review and challenges of policies of environmental protection and sustainable development in China. *Journal of Environmental Management*, 2008, no. 88 (4), pp. 1249–1261.
 30. Zhang Z. China is moving away the pattern of «develop first and then treat the pollution». *Energy Policy*, 2007, no. 35 (7), pp. 3547–3549.
 31. Soleri P. *Arcology: The city in the image of man*. Cambridge, MA, MIT Press, 1974. 256 p.
 32. Register R. *Eco-cities: Rebuilding cities in balance with nature*. New Gabriola, BC, New Society Publishers, 2006. 308 p.
 33. Joss S. Eco-cities: The mainstreaming of urban sustainability: Key characteristics and driving factors. *International Journal of Sustainable Development and Planning*, 2011, no. 6 (3), pp. 268–285.
 34. Chang I.-C., Sheppard E. China's Eco-cities as variegated urban sustainability: Dongtan Eco-City and Chongming Eco-Island. *Journal of Urban Technology*, 2013, no. 20 (1), pp. 57–75.
 35. Pye L. *The spirit of Chinese politics (New ed.)*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 1992. 288 p.
 36. Moisi D. *The geopolitics of emotion: How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope are Reshaping the World*. New York, Doubleday, 2009. 194 p.

Поступила 13.05.2014 г.

UDC 321.015

NATIONAL FEATURES OF INSTITUTIONAL TRANSFER PROCESS: URBAN DEVELOPMENT POLICY OF CHINA

Martin de Jong,

PhD, TU-Delft (Netherlands); School of Management, Harbin Institute of Technology (China), the Netherlands, Delft, 2628 CN, Stevinweg 1; adjunct professor at the School of International Relations and Public Affairs of Fudan University, Shanghai, China.
E-mail: w.m.dejong@tudelft.nl

Elena V. Latysheva,

Cand. Sc., National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: Levsky@tpu.ru

Natalia A. Goncharova,

National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: natg@tpu.ru

The urgency of the discussed issue is caused by the need to investigate the components of successful political and economic development of China. For the Russian community it is especially important because of accelerated social and economic development that leads to searching its effective models. However, many researchers note that many negative consequences are connected with insufficient account of national and local cultural specifics in institutional adaptation policy. China represents another approach which, in author's opinion, if not more successful, but at least, rather effective within specific national economies.

The main aim of the study is to reveal and to prove that practice of urban development reflects the national features of institutional transplantation in China.

The methods used in the study: comparative analysis, observation, content analysis, retrospective analysis and expert survey.

The results: The authors have provided an overview of the administrative mechanisms leading them to conclude that one can certainly speak about a path-dependent view of institutional transplantation in China. They claimed that the eclectics, creativity, gradualism and critical attitude with which institutional transplantation is applied in China turn out to be a decisive point in its administrative stability and economic success. They also singled out the adaptation features of the concept «eco-city» with urbanism policy and city development practice in China.

Key words:

Institutional transfer, gradualism, eclectics, urban policy, eco-city.

УДК 336.77

КРЕДИТОСПОСОБНОСТЬ КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Новоселова Елена Георгиевна,

д-р экон. наук, начальник Департамента администрирования регионального бизнеса ОАО «Газпромбанк», Россия, 117420, г. Москва, ул. Наметкина, д. 16, корп. 1. E-mail: egnovoselova@gmail.com

Аристова Елена Владимировна,

ассистент кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30. E-mail: aristovaev@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена тем, что общепринятое определение кредитоспособности не удовлетворяет современной ситуации, когда примеры некачественных кредитных отношений демонстрируют государства, корпорации, банки.

Цель работы: раскрыть сущность понятия кредитоспособность и его место в определении качества кредитных отношений для того, чтобы обеспечить максимальную реализацию потенциала кредитного сектора экономики.

Методы исследования: наблюдение и сбор фактов, метод научных абстракций, анализ и синтез.

Результаты: предложена расширенная трактовка кредитоспособности как сложно-структурированного процесса согласования интересов участников кредитных отношений – кредитора и заемщика – на основе выбора условий кредитного продукта с целью повышения качества кредитных отношений. Показано, что кредитоспособность, определяемая с учетом предложенной трактовки, составляет основу оценки качества кредитных отношений и обеспечивает возврат кредитных ресурсов за счет денежного потока от их использования. Использование данного подхода позволяет максимально реализовать потенциал кредитного сектора экономики для повышения доступности финансовых ресурсов реальному сектору экономики за счет сокращения финансового цикла и роста масштабов бизнеса.

Ключевые слова:

Кредитоспособность, качество кредитных отношений, кредитный процесс, кредитный риск, участники кредитных отношений.

Потенциал роста национального хозяйства определяется наличием ресурсной базы, основу которой формируют финансовые ресурсы, способные быстро трансформироваться в любой другой вид ресурсов – трудовые и материальные. Это происходит потому, что финансовые ресурсы обладают свойством мгновенной ликвидности, а в денежной форме – способностью к эквивалентному обмену на любой товар при нормально функционирующем финансовом механизме. Однако только наличие финансовых ресурсов как результата производства и реализации национального продукта без развитых кредитных отношений не обеспечивает расширенного воспроизводства. Кредитные отношения в хозяйственном механизме выполняют одновременно две задачи: стимулируют отложенное потребление и формируют механизм аккумуляции сбережений, превращая их с учетом будущих сбережений в финансовые ресурсы, используемые в настоящий момент времени.

Кредитные отношения являются универсальными, поскольку возникают между всеми участниками финансовой системы по поводу формирования и использования кредитных ресурсов. Участники кредитных отношений – хозяйствующие субъекты, государство, финансовые посредники, домохозяйства, в рамках кредитных отношений выполняют роли заемщика или кредитора в зависимости от потребности в сбережении или в инвестициях.

Сущностной спецификой кредитных ресурсов является их возвратный характер в виде основного долга и в виде уплаты процентов за счет прироста вложенного капитала. Кроме того, процесс возвращения финансовых ресурсов есть также и этап их формирования для следующего цикла кредитных отношений. Исходя из значимости фазы возврата в цикле кредитных отношений, в научной литературе и на практике основным термином, описывающим суть кредитных отношений, является термин «кредитоспособность заемщика». Так, общепринято определять кредитоспособность «как способность заемщика полностью и в срок рассчитываться по своим долговым обязательствам (основному долгу и процентам)» [1. С. 375; 2. С. 421]. В зарубежной литературе можно встретить аналогичные определения, согласно которым кредитоспособность подставляет собой характеристику заемщика, отражающую его финансовое положение и способность погашать ссуду за счет будущих доходов или реализации принадлежащих ему активов [3. С. 147; 4]. Подобные же определения представлены в словарях по экономике и финансам. Согласно «Словарю экономических терминов», кредитоспособность – наличие у заемщика реальных возможностей получить кредит и возратить его в срок. Кредитоспособность обеспечивается экономическим положением компании, наличием ликвидных активов, возможностью мобилизации денежных ресурсов [5. С. 350; 6. С. 161]. В оксфорд-

ском экономическом словаре под кредитоспособностью подразумевается мнение потенциального кредитора о сохранности кредита, выданного заемщику [7. С. 94]. А в международном словаре банковского дела и финансов указано, что кредитоспособный заемщик – это заемщик, на основании документов которого можно полагать, что он готов и способен вернуть кредит [8. С. 96].

Исходя из смысла любых отношений как процесса, в котором участвует две стороны, каждая со своими интересами, целью и результатом, данные определения кредитоспособности не описывают в полной мере всего содержания кредитных отношений. Поэтому требуется более глубокий анализ всего цикла кредитных отношений. Детальное представление сущности кредитных отношений тем более важно, что современный этап развития экономики демонстрирует примеры низкого качества кредитных отношений, вне зависимости от того, кто выступает заемщиком – государство, банки, нефинансовые организации, население.

Кредитные отношения с участием государства как заемщика имеют яркие примеры низкого качества. Например, кризис рынка государственных облигаций, возникший в Греции осенью 2009 г., превратился в системный кризис. Это стало фактом, когда в ноябре 2011 г. ставка процента по государственным облигациям Италии превысила уровень в 7 %. Таким образом, Италия, являющаяся третьей по размерам экономикой еврозоны, попала в ситуацию, когда ее способность обслуживать дефицит своего государственного бюджета без внешней помощи была уже фактически утрачена. Кроме того, к этому моменту половина ресурсов Европейского фонда финансовой стабильности были переданы Греции, Ирландии, Португалии и их банкам [9]. В марте 2012 г. цена заимствований для Испании также поднялась выше 5,5 % – впервые с января 2012 г. [10]. На данном фоне произошло снижение Агентством Moody's кредитных рейтингов ряду стран еврозоны, что ведет к удорожанию заимствований и усугубляет низкое качество кредитных отношений [11]. Это дало основание А. Меркель говорить о том, что долговой кризис в Европе может продлиться 10 лет [12]. Банковский кризис 2008 г. заставил усомниться в надежности всей финансовой системы, сделал осуществимым банкротство банков какой угодно величины и банкротство любого государства. Так, в течение 2008 и 2009 гг. наблюдалось увеличение убытков от кризиса, понесенных крупнейшими банками: Дойче Банк (Германия), UBS (Швейцария), Барклайс Банк (Великобритания), Голдман Сакс (США) и др. [13].

Примеры некачественных кредитных отношений демонстрируют и крупные корпорации. Так, одно из самых громких событий мирового экономического кризиса – падение четвертой по объему инвестиций фирмы Lehman Brothers. В целом банкротство компании повлекло за собой крах 80 дочерних компаний. Автомобильный гигант General

Motors, который много лет был крупнейшей компанией США и входил в список Fortune 500, в 2009 г. превратился в крупнейшую компанию за всю историю американского бизнеса, которая ищет защиты от банкротства. Корпорация заявила, что задолжала 172 млрд долларов своим кредиторам и ждет помощи правительства на сумму 50 млрд долларов. Мощная страховая и финансовая компания Conseco накопила огромные долги (свыше 8 млрд долларов) и была вынуждена объявить о банкротстве [14]. Подобных примеров, свидетельствующих о том, что качество кредитных отношений требует постоянного контроля и управления, множество.

Уровень просроченной задолженности в рамках национальной банковской системы не достиг критического уровня, так как просроченная задолженность на 1 января 2014 г. составила всего 3,5 %. Просроченная задолженность по кредитам нефинансовым организациям составляла 4,3 %, а по кредитам физическим лицам – 4,4 %. Однако объем кредитов, выданных физическим лицам, за 2013 г. увеличился на 2,2 млрд р., или 29 %. Кредиты нефинансовым организациям в том же году выросли на 2,25 трлн р., или на 12 %. Объем средств, предоставленных финансовому сектору, на 1 января 2014 г. составил 3,27 трлн р., прибавив за 2013 г. 10 %. То есть наблюдается активизация кредитных отношений, а вместе с ней и потребность в повышении их качества [15].

Таким образом, вне зависимости от круга участников, кредитные отношения, отражая новые реалии мировой и национальной экономик, должны быть исследованы с учетом данного содержания.

Характеризуя кредитные отношения, будем ориентироваться на цель вступления участников финансового рынка в данные отношения – формирование и распределение кредитных ресурсов. В классическом смысле данная цель обеспечивается с помощью соблюдения принципов возвратности, срочности, платности. В широком смысле цель любых финансовых отношений – формирование и распределение финансовых ресурсов, которые в конечном счете должны для инвестора вернуться, иметь определенный срок возврата, доход от их вложений, то есть формироваться на аналогичных кредитным ресурсам принципах. Поэтому определение качества кредитных отношений позволяет определить и управлять также и качеством финансовых отношений, как однокоренных с кредитными отношениями.

Для того чтобы определить качество кредитных отношений, рассмотрим их содержание. Кредитные отношения могут быть определены как «отношения между кредиторами и заемщиками по поводу размещения, использования и погашения ссуженной стоимости при их обеспечении институтами инфраструктуры кредитных отношений» [16]. Таким образом, смысл кредитных отношений заключается в формировании кредитного плеча,

обеспечивающего аккумуляцию и трансформацию сбережений в инвестиции с помощью кредитных инструментов. В результате между участниками кредитных отношений возникает контракт, формирующий кредитные активы кредитора и кредитные обязательства заемщика.

Вне зависимости от того, с помощью какого кредитного инструмента формируются кредитные ресурсы, их существенными характеристиками как вида финансовых ресурсов является срок сбережений/инвестиций и цена за использование капитала, сформированного за счет данных ресурсов. Эти характеристики оцениваются, исходя из наличия у участников кредитных отношений: *во-первых*, источника формирования кредитных активов, то есть ресурса у кредитора, и, *во-вторых*, источника исполнения кредитных обязательств, у заемщика. То есть цена кредитных ресурсов и срок их использования зависят от возможности кредитора дать в долг и способности заемщика вернуть долг. Поэтому для всех участников кредитных отношений основной характеристикой является кредитоспособность как способность формировать кредитные активы и брать на себя и исполнять кредитные обязательства.

Кредитные отношения реализуются в рамках кредитного процесса, результатом которого является сделка по продаже кредитного продукта. В ходе кредитного процесса происходит кругооборот кредитных ресурсов, который включает следующие стадии: формирование сбережений, мобилизацию сбережений коммерческими банками, формирование ссудного фонда, размещение кредитного ресурса, использование кредитного ресурса в хозяйственной практике, формирование долга, определение источников его возврата, процесс возврата [17]. Длительность сделки по продаже кредитного продукта определяется сроком кредитования, и она завершается в момент исполнения участниками кредитных отношений кредитных обязательств и обнуления кредитных активов.

Выбор кредитного продукта основывается на оценке кредитором кредитоспособности заемщика

и самооценке своей способности предоставить кредитные продукты нужного срока и цены. В результате данных оценок кредитоспособности формируется кредитный продукт, потребительский выбор которого определяется следующими его возможностями:

- удовлетворением потребностей участников кредитных отношений в разных формах сбережений и инвестиций;
- обеспечением оптимизации цены спроса и предложения кредитных ресурсов, для максимизации дохода кредитора и минимизации издержек заемщика на получение инвестиций при приемлемом уровне риска;
- снижением риска не возврата сбережений и недофинансирования инвестиций в связи с масштабами рыночного пространства, определяемого позицией участников кредитных отношений в конкурентной среде.

При точной оценке кредитоспособности сторон при вступлении в кредитные отношения указанные возможности реализуются в полной мере, так как максимально согласуются интересы участников данных кредитных отношений (рис. 1). При завышении оценки кредитоспособности заемщика повышается вероятность неисполнения в срок и в полном объеме его обязательств по возврату долга, то есть кредитный цикл не завершается, приводя к сбоям в непрерывной цепочке заимствований финансовых ресурсов. При занижении кредитоспособности заемщика повышается вероятность его недофинансирования, сбой в его финансовом цикле с теми же последствиями для кредитных отношений в целом.

При завышении или занижении кредитоспособности кредитора возникает ситуация дополнительных заимствований ресурсов и, как следствие, процентный риск, регулятивные последствия, связанные с недостатком капитала кредитора, что в конечном итоге также ведет к дисбалансу кредитных отношений. Наиболее быстро данный дисбаланс наступает при одновременной неточной оценке кредитоспособности и кредитора, и заемщика.

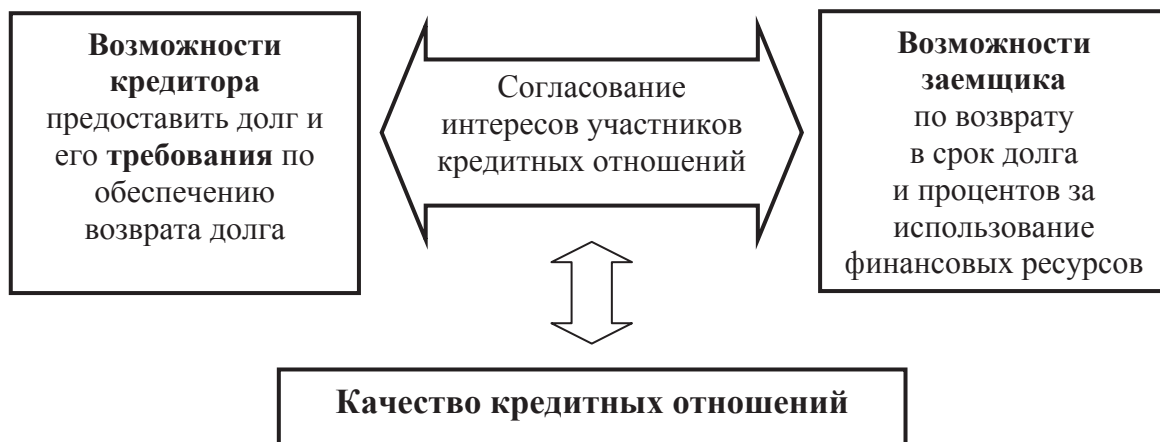

Рис. 1. Качество кредитных отношений как результат согласования интересов участников кредитных отношений

С учетом роли, которую играют кредитные отношения в хозяйственном механизме, их низкое качество ведет к дисбалансу хозяйственной системы в целом. Фактически кредитное отношение может быть рассмотрено как информационный канал, служащий для передачи данных об актуализированных потребностях хозяйствующих субъектов и о том, что имеются варианты и ресурсы их удовлетворения (рис. 2) [18]. При этом оценивается экономическая целесообразность деятельности, осуществляемой за счет кредитных ресурсов на основании задания границы ее доходности через ставку кредита. Тогда инструментальная рациональность участников кредитных отношений состоит в выборе наиболее адекватных кредитных инструментов, а функциональная рациональность состоит в выборе адекватных партнеров для кредитных отношений.

В результате взаимодействия участников кредитных отношений формируется институциональная эффективность кредитного поведения хозяйствующего субъекта, рассматриваемая как уровень соответствия кредитного поведения экономическому интересу субъектов в рамках хозяйственной системы и их статусу как совокупности выполняемых субъектами хозяйственных ролей. Интерпретативная рациональность заключается в адекватных действиях заемщика относительно требований кредитора и кредитора – относительно возможностей заемщика.

Так, например, требование банка о наличии положительных чистых активов для предприятия, минимизирующего прибыль и вуалирующего собственный капитал с помощью займов учредителей, делает недоступным банковский кредит, и в таком случае заемный капитал формируется за счет неинституциональных форм кредитования, увеличивая цену ресурсов и риски недофинансирования, то есть сдерживая масштабы развития бизнеса. Или отсутствие обоснованных инвестиционных проектов у хозяйствующих субъектов ведет к невозможности активного развития таких кредитных инструментов, как инвестиционное кредитование и проектное финансирование, сдерживая развитие деятельности банка. То есть неадекватная оценка кредитоспособности сдерживает развитие, как заемщика, так и кредитора, поэтому является институционально неэффективной. Примеры проявления низкого качества кредитных отношений представлены на рис. 3.

Согласование интересов участников кредитного процесса при оценке кредитоспособности отражает структура кредитного продукта. Это означает, что стороны кредитных отношений готовы принять ответственность за формирование с помощью данного продукта кредитных активов и кредитных обязательств (рис. 4).

Таким образом, исходя из сути кредитных отношений, следует, что кредитоспособность имеет сложное содержание, которое отражает:

Рис. 2. Роль кредитных отношений в хозяйственной системе

Рис. 3. Примеры несоответствия оценки кредитоспособности заемщика и кредитора

Рис. 4. Структура кредитоспособности

Рис. 5. Механизм согласования интересов участников кредитных отношений

- синхронизацию интересов потенциальных участников кредитных отношений путем согласования условий кредитного продукта;
- набор обязательств участников кредитных отношений, которые для них определяются условиями данного кредитного продукта;
- способность заемщика и кредитора вступить в кредитные отношения и завершить их в установленный срок, исполнив все обязательства, определенные условиями кредитного продукта.

Сложность процесса синхронизации интересов участников кредитных отношений предполагает наличие вариантов их согласования. Основанием для этого служит закономерность соотношения риска и доходности в финансовых отношениях, отражающая вероятности несовпадения оценки

исхода финансовой сделки со стороны ее участников. Поэтому несоответствие кредитоспособности участников кредитных отношений, которое не является критическим, когда кредитные отношения невозможны в принципе, отражается в дополнительных доходах кредитора и расходах заемщика. Эти издержки кредитных отношений свидетельствуют о том, что кредитор готов принять недооценку кредитоспособности заемщика, а заемщик готов доказать свою кредитоспособность более высокой платой за кредитные ресурсы, демонстрируя ее запас (рис. 5).

Для оценки качества кредитного портфеля используются различные показатели и методики [19, 20], но наиболее традиционным является показатель уровня кредитного риска, который также

Рис. 6. Кредитный риск как индикатор качества кредитных отношений

может быть и индикатором оценки качества кредитных отношений и оценки соответствия кредитоспособности участников кредитных отношений. Исходя из того, что формирование кредитного портфеля есть результат согласованной оценки кредитоспособности потенциальных участников кредитных отношений, на основе которой они формируются, важно обеспечить качество согласования интересов кредитора и заемщика (рис. 6). Для этого следует при оценке кредитоспособности обеспечить:

- определение критериев кредитоспособности участников кредитных отношений для целей согласования их интересов;
- соответствие условий кредитного продукта потребностям заемщика и возможностям кредитора;
- определение и оценку нормального кредитного риска данных кредитных отношений;
- мониторинг отклонений кредитного риска в процессе кредитных отношений;
- своевременную корректировку условий кредитного продукта, отражающих выявленные в процессе мониторинга факторы кредитного риска, не учтенные при оценке кредитоспособности участников кредитных отношений.

Таким образом, в результате проведенного исследования предложено расширить трактовку кредитоспособности как сложноструктурированного

процесса согласования интересов участников кредитных отношений на основе выбора условий кредитного продукта с целью повышения качества кредитных отношений. Предложенный подход позволяет максимально реализовать потенциал кредитного сектора экономики для развития доступности финансовых ресурсов для реального сектора экономики, сокращения финансового цикла и роста в связи с этим масштабов бизнеса.

Требования, предъявляемые к кредитору со стороны заемщика, и к заемщику – со стороны кредитора при оценке кредитоспособности и определении условий кредитного продукта, изменяются сначала де-факто, как результат согласования интересов в рамках отдельных сделок, затем и де-юре, при их повторении данными участниками кредитных отношений и при тиражировании. При этом происходит унификация оценки кредитоспособности участников кредитных отношений, стандартизация условий снижения риска для кредитора и для заемщика в ходе стандартизации кредитного процесса. Следовательно, улучшение инфраструктуры кредитного сектора, развитие функций кредитования и оптимизация оборота финансовых ресурсов повышает доступность кредитных ресурсов и свидетельствует о развитии доступности кредита. Как результат, сокращается не только риск, но и трудоемкость обеспечения кредитного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банковское дело / под ред. О.И. Лаврушина. – М.: КноРус, 2013. – 800 с.
2. Ермаков С.Л., Юденков Ю.Н. Основы организации деятельности коммерческого банка. – М.: КНОРУС, 2011. – 654 с.
3. Gup В.Е. Banking and financial institutions: a guide for directors, investors, and counterparties. – Hoboken, N.J.: Wiley, 2011. – 364 p.
4. Feschijan D. Analysis of the creditworthiness of bank loan applicants // Facta Universitatis. – 2008. – V. 5. – № 3. – P. 273–280. URL: <http://facta.junis.ni.ac.rs/ea0/ea0200803/ea0200803-10.pdf> (дата обращения: 11.01.2014).
5. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2008. – 860 с.
6. Благодатин А.А., Лозовский Л.Ш., Райзберг Б.А. Финансовый словарь. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 378 с.
7. Black J., Hashimzade N., Myles G. Oxford dictionary of Economics. – N.Y.: Oxford university press, 2012. – 471 p.
8. Clark J. International dictionary of banking and finance. – N.Y.: Routledge, 2013. – 352 p.
9. Roubini N. Why Italy's days in Eurozone may be numbered // EkonoMonitor: Internet community. 2011. URL: <http://www.economonitor.com/nouriel/2011/11/10/why-italys-days-in-the-eurozone-may-be-numbered/> (дата обращения: 11.01.2014).
10. Мереминская Е. Еврозона села на кредиты // Subscribe.Ru: Интернет проект. 2012. URL: <http://digest.subscribe.ru/economics/kris/n794097972.html> (дата обращения: 11.01.2014).
11. Селиванова М. Moody's наносит новый удар по еврозоне, но рынки уже трудно напугать // РИА Новости: Сетевое издание. 2012. URL: <http://ria.ru/analytics/20120214/565791803.html> (дата обращения: 11.01.2014).
12. Бруснев М. Долговой кризис в Европе может продлиться 10 лет // Комсомольская правда: Сетевое издание. 2011. URL: <http://kp.ru/daily/25782/2766030/> (дата обращения: 11.01.2014).
13. Банковский кризис // Мировой кризис: Интернет портал. URL: <http://www.crisis.org/bankcrisis/> (дата обращения: 11.01.2014).
14. The 10 largest U.S. bankruptcies // CNNMoney: Интернет-сайт. URL: http://money.cnn.com/galleries/2009/fortune/0905/gallery.largest_bankruptcies.fortune/index.html (дата обращения: 11.01.2014).
15. Обзор банковского сектора Российской Федерации // Аналитический бюллетень. – 2014. – № 139. – 91 с. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1405.pdf (дата обращения: 18.05.2014).
16. Коваленко С.Б., Стасенок А.Н. О сущности и структуре кредитных отношений // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 449–451.
17. Родина А.Ю., Бабаев Б.Д. Политико-экономические размышления по поводу кредитного ресурса // Вестник Ивановского государственного университета. – 2013. – Вып. 2 (20). – С. 17–35.
18. Малаховская М.В., Новоселова Е.Г. Методология и механизм использования кредитных отношений как компонента инфраструктуры для регулирования структуры экономики // Сибирская финансовая школа. – 2011. – № 4. – С. 19–26.
19. Спиридонова Л.В. Оценка кредитного портфеля коммерческого банка // Вестник Донского государственного технического университета. – 2011. – № 5. – Т. 11. – С. 743–748.
20. Бражников А.С. Методы оценки качества кредитного портфеля коммерческого банка // Вестник Северо-Кавказского государственного университета. – 2011. – № 1 (26). – С. 210–215.

Поступила 20.05.2014 г.

CREDITWORTHINESS AS A FOUNDATION OF CREDIT RELATIONS QUALITY ASSESSMENT

Elena G. Novoselova,

Dr. Sc., regional business administration department, «Gazprombank», bld. 1, 16, Nametkina Street, Moscow, 117420, Russia. E-mail: egnovoselova@gmail.com

Elena V. Aristova,

National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: aristovaev@tpu.ru

Generally accepted definition of credit capacity does not answer the current situation, when states, corporations, banks demonstrate the examples of low-quality credit relations.

The main aim of the study: to uncover matter of creditworthiness and to define the role of creditworthiness in credit relations quality determination in order to provide maximum achievement of credit sector potential.

The methods used in the study: observation and collection of facts, scientific method of abstraction, analysis and synthesis.

The results: The authors found out the advanced interpretation of creditworthiness as a complex-structured co-ordination process of credit relations participants (lenders and borrowers) interests on the base of credit product circumstance selection for the purpose of credit relations quality improvement. It is shown that the creditworthiness determined with consideration of the proposed interpretation, is the basis of credit quality assessment and provides for the recovery of credit resources through cash flow from their use. This approach application allows providing maximum achievement of credit sector potential for increase of bankroll availability to real economy due to financial cycle reduction and business expansion.

Key words:

Creditworthiness, credit relations quality, loan process, credit risk, participants of credit relations.

REFERENCES

1. *Bankovskoe delo* [Banking]. Ed. O.I. Lavrushin. Moscow, KnoRus Publ., 2013. 800 p.
2. Ermakov S.L., Yudenkov Yu.N. *Osnovy organizatsii deyatel'nosti kommercheskogo banka* [Foundations of bank activity organization]. Moscow, KNORUS Publ., 2011. 654 p.
3. Gup B.E. *Banking and financial institutions: a guide for directors, investors, and counterparties*. Hoboken, N.J., Wiley, 2011. 364 p.
4. Feschijan D. Analysis of the creditworthiness of bank loan applicants. *Facta Universitatis*, 2008, vol. 5, no. 3, pp. 273–280. Available at: <http://facta.junis.ni.ac.rs/eao/eao200803/eao200803-10.pdf> (accessed 11 January 2014).
5. Borisov A.B. *Bolshoy ekonomicheskii slovar* [Large economic dictionary]. Moscow, Knizhny mir Publ., 2008. 860 p.
6. Blagodatin A.A., Lozovskii L.Sh., Raizderg B.A. *Finansovy slovar* [Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2009. 378 p.
7. Black J., Hashimzade N., Myles G. *Oxford dictionary of Economics*. New York, Oxford university press, 2012. 471 p.
8. Clark J. *International dictionary of banking and finance*. New York, Routledge, 2013. 352 p.
9. Roubini N. Why Italy's days in Eurozone may be numbered. *EconoMonitor: Internet community*. 2011. Available at: <http://www.economonitor.com/nouriel/2011/11/10/why-italys-days-in-the-eurozone-may-be-numbered/> (accessed 11 January 2014).
10. Mereminskaya E. Evrozona sela na kredity [Eurozone sat down at loans]. *Subscribe.Ru: Internet project*. 2012. Available at: <http://digest.subscribe.ru/economics/kris/n794097972.html> (accessed 11 January 2014).
11. Selivanova M. Moody's nanosit novy udar po Evrozone, no rynki uzhe trudno napugat [Moody's strikes again for the Eurozone, but it is difficult to scare markets]. *ria.ru: Internet periodical*. 2011. Available at: <http://ria.ru/analytics/20120214/565791803.html> (accessed 11 January 2014).
12. Brusnev M. Dolgovoy krizis v Evrope mozhet prodlitsya 10 let [Europe's debt crisis will last a decade]. *www.kp.ru: Internet periodical*. 2011. Available at: <http://kp.ru/daily/25782/2766030/> (accessed 11 January 2014).
13. Bankovskiy krizis [Bank crisis]. *crisis.org: Internet portal*. Available at: <http://www.crisis.org/bankcrisis/> (accessed 11 January 2014).
14. The 10 largest U.S. bankruptcies. *CNNMoney: Web site*. Available at: http://money.cnn.com/galleries/2009/fortune/0905/gallery.largest_bankruptcies.fortune/index.html (accessed 11 January 2014).
15. Obzor bankovskogo sektora Rossiyskoy Federatsii [Review of Banking Sector of the Russian Federation]. *Analytical Bulletin*, 2014, no. 139, 91 p. Available at: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1405.pdf (accessed 18 May 2014).
16. Kovalenko S.B., Stasenok A.N. O sushchnosti i strukture kreditnykh otnosheniy [Concerning matter and structure of credit relations]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 12, pp. 449–451.
17. Rodnina A.Yu., Babayev B.D. Politiko-ekonomicheskie razmyshleniya po povodu kreditnogo resursa [Political and economic thoughts about the credit resource]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, Iss. 2 (20), pp. 17–35.
18. Malakhovskaya M.V., Novoselova E.G. Metodologiya i mekhanizm ispolzovaniya kreditnykh otnosheniy kak komponenta infrastruktury dlya regulirovaniya struktury ekonomiki [Methodology and mechanism of employment of credit relations as the component of infrastructure for management of the structure of economics]. *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2011, no. 4, pp. 19–26.
19. Spiridonova L.V. Otsenka kreditnogo portfelya kommercheskogo banka [Assessment of credit portfolio of commercial bank]. *Vestnik Donskogo tekhnicheskogo universiteta*, 2011, no. 5, vol. 11, pp. 743–748.
20. Brazhnikov A.S. Metody otsenki kachestva kreditnogo portfelya kommercheskogo banka [Methods of bank credit portfolio quality assessment]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 1 (26), pp. 210–215.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Принимаются статьи, подготовленные в MS Word-2003 (файл и распечатка). Статья должна быть подписана авторами и иметь сопроводительное письмо на бланке организации.

Объем статьи не менее 8 стр., но не более 20 стр., включая рисунки и таблицы, размещенные в тексте по упоминанию. Размер бумаги А4, поля по 25 мм. Текст в 1 интервал **без переносов, лишних пробелов и абзацных интервалов**, шрифт Times New Roman, 12 пунктов. Файлы рисунков (в градациях серого) в jpg, tif, cdr или иных форматах редакторов Photoshop, Corel Draw с разрешением 300 dpi прилагаются к статье. Рисунки и таблицы: **Рис. 1. Название; Таблица. Название.** Кавычки вида «...». Интервалы – 1,2...1,8 мм или 5–7 шт. Формулы – в MathType, настройка по умолчанию. Нумеруются только те формулы, на которые есть ссылка в тексте.

Курсивом – буквы латинского и греческого алфавита, кроме входящих в имена собственные, обозначения стандартных математических функций и химических элементов ($U_{пр.}$, Φ_i , но Al_2O_3 , $\cos\alpha_i$, max, lg, «BASF»). Векторы – полужирным курсивом. Список литературы – по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (см. пример). Литература – по упоминанию: [1, 2], [2. С. 245], [3–7]. Список литературы должен включать не менее 20 источников.

УДК 621.37 (Пример оформления статьи)

АНАЛИЗ РАБОТЫ СИСТЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ РЕГУЛИРОВКИ (название на английском языке)

Петров Иван Иванович, канд. техн. наук, доцент каф. обработки металлов давлением факультета стандартизации, химии и биотехнологии ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38. E-mail: vip111@yandex.ru

Иванов Андрей Андреевич, д-р хим. наук, профессор каф. химической технологии топлива и химической кибернетики Института природных ресурсов ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30. E-mail: iip@tpu.ru

Показана возможность расчета ... Установлено, что ... Сделан вывод о том, что ... (Аннотация, 10 кегль, не менее 150 слов).

Ключевые слова: (ниже ключевые слова на английском языке)

Усилительный каскад, регулировка тока

В [1, 2] показано, что усилительный каскад с автоматической регулировкой потребляемого тока (АРПТ) позволяет получить ...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фамилия И.О. Название книги. – М.: Издательство, 2014. – 123 с.
2. Название книги / под ред. И.О. Фамилия. – М.: Издательство, 2014. – 123 с.
3. Фамилия И.О. Название статьи // Журнал. – 2014. – Т. 316. – № 1. – С. 71–77.
4. Фамилия И.О. Название диссертации: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. – Томск, 2008. – 19 с.
5. Название изобретения: пат. 2000000 Рос. Федерация. № 2009129009/10; заявл. 27.07.13; опубл. 10.10.14, Бюл. № 4. – 3 с.
6. Фамилия И.О. Название статьи // Наименование конференции: Труды VII Междунар. научно-практ. конф. молодых ученых. – Томск, 2014. – Т. 1. – С. 226–228.
7. Фамилия И.О. Название статьи // Наименование ресурса. 2013. URL: <http://www.tpu.ru/html/izvestia.htm> (дата обращения: 25.09.2014).

REFERENCES

Поступила 25.01.2013 г.

Руководство для авторов и образец оформления статьи: izvestiya.tpu.ru

Редактирование *А.С. Глазырин*
Компьютерная верстка *О.Ю. Аршинова*
Перевод на англ. язык и корректура *С.В. Жаркова*

Подписано к печати 25.06.2014. Формат 60x84/8. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 18,49. Уч.-изд. л. 16,73.
Заказ 632-14. Тираж 500 экз.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Система менеджмента качества
Издательства Томского политехнического университета
сертифицирована в соответствии с требованиями ISO 9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.
Тел./факс: 8(3822) 606-291, izvestiya.tpu.ru, izv@tpu.ru